This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

**Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

**About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

**Правила использовапия**

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

**О программе Поиск кпиг Google**

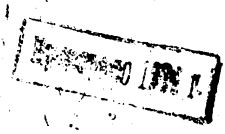
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1959 P&Har 620.5 (M87 v.71)

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.



Р80
05
Р89

# РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Пл. Искусств, 3.
№ 3578 ж. ф

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и литографія В. В. Комарова. Фонтанка, 74.
1887.

Δ
P Slav 620.5 (1887 / 11)
HNDL 1955

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 21 1961

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 октября 1887 г.

# ЭТЮДЫ ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ОБЩЕЙ ЗООЛОГІИ.

## IV. Гистіолизъ и внутриклѣточное пищевареніе.

Въ 1863 и 1864 годахъ, нѣмецкій зоологъ Августъ Вейсманъ, изслѣдуя исторію развитія мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ), пришелъ къ весьма замѣчательному открытію, что въ стадіи куколки многіе органы насѣкомаго отчасти или совершенно распадаются и, такъ сказать, растворяются; новые же органы строются на мѣсто старыхъ изъ особыхъ, рано появляющихся внутри тѣла личинки образованій, которыя онъ назвалъ имагинальными дисками (Imaginalscheiben), или же изъ особыхъ клѣточекъ, такъ называемыхъ зернистыхъ шаровъ, которые накопляются въ тѣлѣ при распаденіи органовъ.

Какъ извѣстно, насѣкомыя обыкновенно дѣлятся на имѣющихъ полное превращеніе и на такихъ, которыя полнаго превращенія не имѣютъ. Къ первымъ относятся, напр., бабочки, жуки, мухи и др.; ко вторымъ—клопы, тараканы и т. п. Насѣкомое, имѣющее полное превращеніе, вылупляется изъ яйца въ формѣ, совершенно непохожей на его взрослое состояніе; такъ, напр., изъ яицъ бабочки вылупляются червеобразныя, многоногія существа, называемыя гусеницами. Вообще при полномъ превращеніи изъ яйца выходитъ болѣе или менѣе похожее на червя животное, которое называется личинкою (larva); у однихъ насѣкомыхъ личинки эти бываютъ шестиногія, какъ и

взрослое насѣкомое (большинство жуковъ), у другихъ многоногія (бабочки), у третьихъ—безногія (мухи, пчелы и пр.). Какую бы форму ни имѣла личинка, она возможно обильно питается, сильно ростетъ и нѣсколько разъ мѣняетъ кожу, или линяетъ; когда кожа сбрасывается ею въ послѣдній разъ, то является на свѣтъ такъ называемая куколка (pupa), существо уже болѣе или менѣе похожее на взрослое насѣкомое, такъ какъ на ней обыкновенно можно бываетъ различить усики, крылья, ноги и другія части будущаго жука, бабочки и пр. Куколка, въ противоположность личинкѣ, ничего не ѣстъ, а лежитъ обыкновенно неподвижно болѣе или менѣе долгое время: внѣшняя форма будущаго насѣкомаго у ней почти готова, но внутренніе органы молодой куколки далеко не похожи на органы взрослаго существа, и вотъ, въ теченіи этой стадіи наружнаго покоя они претерпѣваютъ надлежащія измѣненія. Черезъ нѣкоторое время куколка сбрасываетъ свою кожу и тогда получается совершенное насѣкомое (imago). Внѣшнее различіе между этими тремя формами—личинкою, куколкою и совершеннымъ насѣкомымъ—на столько рѣзко, что между ними, казалось бы, нѣтъ никакой связи; онѣ какъ бы внезапно, по мановенію волшебнаго жезла, видоизмѣняются одна въ другую, чѣмъ и объясняется общеупотребительный терминъ «превращеніе». И, однако, давно уже стало извѣстно, что эти превращенія не внезапны, а чрезвычайно постепенны; оказалось, напримѣръ, что уже въ куколкѣ, и даже въ гусеницѣ, можно открыть, въ зачаточномъ видѣ, разныя части, свойственныя бабочкѣ, напр., крылья. Превращеніе насѣкомыхъ служило даже опорой старинной «теоріи вложенія», по которой въ зародышѣ каждаго организма вложено множество зародышей будущихъ поколѣній; каждый зародышъ бываетъ съ самаго начала снабженъ всѣми частями взрослаго организма, только части эти малы и свернуты, и все развитіе состоитъ въ ихъ развертываніи и ростѣ.

Одинъ изъ рьяныхъ приверженцевъ этой, нынѣ забытой, теоріи, знаменитый Янъ Сваммердамъ (XVII вѣка), необыкновенно искусный въ расчлененіи мелкихъ животныхъ, не разъ демонстрировалъ превращеніе насѣкомыхъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ великому герцогу Тосканскому. «Его королевское высочество, — говоритъ біографъ Сваммердама, Бёргавъ, — ничему не дивился болѣе, чѣмъ когда нашъ ученый показалъ въ присутствіи его и господъ Магаллотти и Тевено, какъ мотылекъ лежитъ въ гусеницѣ, со свернутыми и запутанными органами; съ невѣроятною ловкостью, удивительно тонкими инструментами была снята оболочка, спрятанный мотылекъ вынутъ изъ своего убѣжища и всѣ его части расправлены самымъ яснымъ и убѣдительнымъ образомъ, такъ что сокровенное сдѣлалось открытымъ». Сваммердамъ показалъ, слѣдовательно, постепенность въ измѣненіи внѣшней формы насѣкомаго; позднѣйшія изслѣдованія и, прежде всего, классическія работы Герольда (1815) выяснили, что и внутренніе органы измѣняются вполнѣ постепенно.

Работа Вейсмана о развитіи двукрылыхъ показала, однако, что эта постепенноеть въ развитіи свойственна не всѣмъ насѣкомымъ. У мухъ происходитъ полное или частичное разрушеніе многихъ органовъ личинки, и соотвѣтственныя части совершеннаго насѣкомаго строются заново. Процессъ этотъ Вейсманъ назвалъ гистіолизомъ (раствореніемъ тканей). Почему этотъ гистіолизъ является у мухъ и какія силы заставляютъ извѣстные органы личинки распадаться — объяснить въ то время было невозможно. Дознано было только, нѣсколько спустя, что гистіолизъ существуетъ не у однѣхъ мухъ, а и у разныхъ другихъ насѣкомыхъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Въ семидесятыхъ годахъ появились изслѣдованія, которыя, казалось бы, не могли имѣть никакого отношенія къ вопросу о гистіолизѣ, такъ какъ относились совершенно къ другимъ животнымъ и къ совершенно другому

физіологическому процессу. Это были работы Мечникова и Ульянина о нѣкоторыхъ турбеллярія хъ,—низшихъ плоскихъ червяхъ, живущихъ въ прѣсной и въ морской водѣ (и въ сырой землѣ). Именно, какъ открыли эти ученые, нѣкоторыя турбеллярiи переваривают пищу не помощью клѣтокъ пищеварительнаго канала, а просто, какъ это бываетъ и у губокъ, клѣточною «паренхимою» тѣла, т.-е. у нихъ въ пищевареніи участвуютъ такія клѣтки, которыя у другихъ животныхъ вовсе не играютъ этой роли. Ульянинъ установилъ даже особенную группу турбеллярій подъ именемъ Acoela (безполостныя), т.-е. лишенныя кишечной полости: ихъ глотка ведетъ прямо въ паренхиму тѣла, клѣтки которой, какъ амёбы, переваривают пищу. У этихъ животныхъ бываетъ, слѣдовательно, паренхиматическое или внутриклѣточное пищевареніе. Взгляды Мечникова и Ульянина отвергались нѣкоторыми естествоиспытателями, но, въ концѣ концовъ, оказалось, что группа Acoela была принята и прочно установлена знатокомъ турбеллярій, Граффомъ, въ его большой монографіи объ этихъ животныхъ (1882).

Процессъ внутриклѣточнаго пищеваренія сдѣлался предметомъ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій Мечникова, которыя привели къ весьма замѣчательнымъ результатамъ. Оказалось, что процессъ этотъ чрезвычайно распространенъ въ животномъ царствѣ, и что весьма различныя клѣтки всевозможныхъ животныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, способны воспринимать твердыя вещества и переваривать ихъ. Всѣ такія клѣтки Мечниковъ назвалъ фагоцитами, т.-е. пожирающими клѣтками. Къ фагоцитамъ принадлежатъ, между прочимъ, и бѣлыя кровяныя тѣльца (лимфатическія тѣльца), которыя, какъ давно было извѣстно медикамъ, принимаютъ сильное участіе въ заживленіи ранъ и вообще при воспалительныхъ процессахъ. Клѣтки эти, обладая амёбовиднымъ движеніемъ, забираютъ въ себя и пожираютъ бактерій, проника-

ющихъ въ рану; изъ нихъ же, при заживленіи поврежденнаго мѣста, строится рубцовая ткань *). Эти же фагоциты содѣйствуютъ уничтоженію органовъ, нужныхъ животному только въ извѣстныхъ фазахъ его жизни, а послѣ этого составляющихъ для него ненужный балластъ. Такъ, напр., извѣстно, что лягушка является на свѣтъ въ видѣ безногаго существа, головастика, снабженнаго длиннымъ плоскимъ хвостомъ и живущаго въ водѣ. Когда у головастика разовьются ноги и ему пора будетъ выходить на сушу, этотъ хвостъ составляетъ для него только бремя и мало по малу уменьшается и исчезаетъ. Въ этомъ уничтоженіи хвоста принимаютъ дѣятельное участіе фагоциты, пожирающіе хвостовые мускулы и пр.

У нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, именно у морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей и т. п., существуетъ замѣчательный способъ развитія. Изъ яйца ихъ вылупляется личинка чрезвычайно причудливой и своеобразной формы, построенная по двусторонней симметріи и ни мало не похожая на взрослую, лучистую форму. Несходство этихъ личинокъ съ соотвѣтственными взрослыми организмами такъ велико, что прежде ихъ считали за совершенно другихъ животныхъ и дали имъ особыя названія—брахіоляріи, бипиннаріи, плутеусы. Изъ этихъ личинокъ взрослыя животныя развиваются совершенно своеобразно: внутри личинки образуется, вокругъ нѣкоторыхъ изъ ея органовъ, зачатокъ молодой звѣзды или ежа, постепенно принимающій видъ совершеннаго животнаго, которое потомъ и освобождается, унося съ собою изъ тѣла личинки пищеварительный каналъ и немногіе другіе органы. Остальная часть личинки при этомъ оригинальномъ превращеніи подвергается атрофіи и отбрасывается, при чемъ дѣятельно работаютъ фагоциты, поѣдая различныя клѣтки.

Читатель, вѣроятно, уже догадывается теперь, какая

*) О роли фагоцитовъ въ заразныхъ болѣзняхъ см. статью Мечникова въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1886 годъ, № 7.

связь существуетъ между внутриклѣточнымъ пищевареніемъ и гистіолизомъ. Уже Вейсманъ, въ заключительной главѣ своего капитальнаго труда о постэмбріональномъ развитіи мухъ, ставилъ превращеніе этихъ насѣкомыхъ въ параллель съ развитіемъ морскихъ звѣздъ и ежей, опровергая этимъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ послѣднемъ процессѣ хотѣли видѣть не превращеніе, а перемѣну поколѣній. Какъ сказано выше, сущность гистіолиза осталась, однако, въ то время совершенно неизвѣстна Вейсману. Но уже вскорѣ, въ 1876 году, еще задолго до полной разработки вопроса о внутриклѣточномъ пищевареніи, русскій зоологъ профессоръ Ганинъ, въ своемъ изслѣдованіи о постэмбріональномъ развитіи насѣкомыхъ, замѣтилъ дѣятельность фагоцитовъ при гистіолизѣ. Такъ, онъ пишетъ: «Много разъ наблюдалъ я въ продолженіи перваго періода развитія, какъ свободныя, амебовидныя клѣтки мезодермы, находящіяся въ полости ноги, налегаютъ на наружную поверхность мускульныхъ конгломератовъ, зарываются часто довольно глубоко внутрь ихъ и вѣроятно активно питаются веществомъ прежде бывшей мускульной ткани личинки». Въ своей классической статьѣ «о внутриклѣточномъ пищевареніи у безпозвоночныхъ животныхъ» (1883), Мечниковъ цитируетъ это замѣчательное мѣсто изъ работы Ганина и выражаетъ сожалѣніе, что новѣйшій изслѣдователь гистіолиза, французскій ученый Віаллань (Viallanes), слишкомъ мало принялъ во вниманіе эти драгоцѣнныя данныя. Вскорѣ, однако же, появилась работа нашего знаменитаго зоолога, А. Ковалевскаго, въ которой гистіолизъ былъ изученъ съ полнымъ примѣненіемъ «теоріи фагоцитовъ» и тѣмъ дано вполнѣ достаточное объясненіе этому оригинальному процессу.

Первыя предварительныя сообщенія объ этой работѣ помѣщены были въ журналѣ «Zoologischer Anzeiger» за 1885 годъ, а первая часть полной работы, съ многочис-

ленными рисунками, напечатана въ іюньской книжкѣ «Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie».

«Если взять личинку (мухи), готовую къ окукленію,— пишетъ Ковалевскій,—то въ ней замѣтны нѣкоторыя измѣненія, которыя съ внѣшней стороны выражаются въ особенности тѣмъ, что личинка дѣлается совершенно бѣлою, перестаетъ ѣсть, и опустѣвшій кишечный каналъ, особенно средняя кишка и зобъ, сильно укорачиваются и уменьшается... Между органами, лежащими теперь свободно въ полости тѣла, вслѣдствіе опорожненія кишечника, находится обильная кровяная плазма, въ которой плаваетъ множество кровяныхъ тѣлецъ (лейкоцитовъ, фагоцитовъ). Это большое количество кровяныхъ тѣлецъ было подмѣчено уже Вейсманомъ, но онъ не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Что происходитъ изъ нихъ, Вейсманъ не говоритъ, и замѣчаетъ только, что ихъ не видно въ крови уже ранѣе образованія «зернистыхъ шаровъ»... Я находилъ кровяныя тѣльца въ такомъ же количествѣ и въ томъ же видѣ также и у молодыхъ куколокъ; съ появленіемъ зернистыхъ шаровъ число ихъ соотвѣтственно уменьшается... Однако, это зависитъ не оттого, чтобы кровяныя тѣльца уничтожались, а оттого, что онѣ преобразуются и, принимая въ пищу разныя части органовъ личинки, теряютъ свой первоначальный видъ. Перемѣна въ нихъ такъ велика, что нужно весьма тщательное изслѣдованіе, чтобы показать связь кровяныхъ тѣлецъ съ «зернистыми шарами», впослѣдствіи плавающими въ крови куколки».

Доказывая, что «зернистые шары» Вейсмана, которые появляются въ огромномъ количествѣ въ тѣлѣ куколки во время распаденія органовъ, и изъ которыхъ, по мнѣнію Вейсмана, строятся мускулы, нервы и другія разрушенныя части,—что эти зернистые шары ничто иное, какъ налившіяся и измѣненныя кровяныя тѣльца, Ковалевскій чрезвычайно подробно и ясно описываетъ процессъ

распаденія разныхъ органовъ. Какъ примѣръ, приведемъ описаніе гистіолиза мускуловъ.

Сперва вокругъ совершенно еще цѣлаго мускула мало по малу скопляются амебовидныя безцвѣтныя кровяныя тѣльца, которыя и суть фагоциты. Эти фагоциты сначала только плотно налегаютъ на поверхность мускула, не повреждая его вещества. Вскорѣ можно уже замѣтить, что нѣкоторыя ядра сарколеммы (оболочки мускульнаго волокна) очутились внутри фагоцитовъ и перевариваются ими. Нѣкоторые изъ окружающихъ мускулъ фагоцитовъ начинаютъ пускать отростки въ самое вещество мускула и раздѣляютъ его на куски все болѣе и болѣе мелкіе. Въ результатѣ мускулъ распадается на мелкія части, набивающія внутренность отдѣльныхъ фагоцитовъ, гдѣ обломки мускула постепенно теряютъ свое строеніе, черезъ что и самые наѣвшіеся фагоциты принимаютъ видъ «зернистыхъ шаровъ» Вейсмана.

Подобные же процессы происходятъ и въ другихъ органахъ, подверженныхъ гистіолизу, — въ стѣнкахъ кишечнаго канала, въ слюнныхъ желѣзахъ и проч. Вездѣ клѣтки этихъ органовъ поѣдаются фагоцитами, сходно съ тѣмъ, какъ это описано для мускуловъ.

Откуда же берутся въ зрѣломъ организмѣ тѣ части, которыя разрушены гистіолизомъ въ стадіи куколки? Вейсманъ замѣтилъ особыя утолщенія, состоящія изъ клѣтокъ и расположенныя на стволахъ трахей, или нервовъ, которыя образуются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла еще въ стадіи личинки или даже еще до вылупленія личинки изъ яйца. Эти утолщенія онъ назвалъ имагинальными дисками и показалъ, что изъ нихъ развиваются стѣнки головы и груди взрослаго насѣкомаго съ ихъ придатками (ротовыя части, усики, конечности). Мускулы же, кишечный каналъ и другіе внутренніе органы, разрушенные гистіолизомъ, строются, по мнѣнію Вейсмана, изъ «зернистыхъ шаровъ». Позднѣйшіе изслѣдователи гистіолиза

высказывали на этотъ счетъ разныя мнѣнія; работа Ковалевскаго и здѣсь рѣшаетъ или почти рѣшаетъ вопросъ. Что касается, напр., кишечнаго канала, то онъ, какъ оказывается, въ нѣсколькихъ пунктахъ своего протяженія содержитъ группы клѣтокъ, которыя не подвергаются гистіолизу и которыя были подмѣчены уже Ганинымъ (1876). Изъ этихъ-то группъ клѣтокъ, имагинальныхъ колецъ, и выростаютъ вновь тѣ части пищеварительнаго канала, которыя были разрушены гистіолизомъ. Мускулы, разрушенныя въ стадіи куколки, возстановляются изъ особыхъ «странствующихъ клѣтокъ» (сходныхъ по виду съ кровяными тѣльцами), или же изъ особыхъ «мускульныхъ имагинальныхъ дисковъ», которые были найдены въ личинкахъ нѣкоторыхъ двукрылыхъ насѣкомыхъ уже Вейсманомъ. Словомъ, не доказано, чтобы какія-либо части тѣла строились изъ «зернистыхъ шаровъ», т.-е. наѣвшихся фагоцитовъ. Послѣдніе, по мнѣнію Ковалевскаго, служатъ только для передачи принятой ими пищи, въ переваренномъ состояніи, въ жидкомъ видѣ, вновь образующимся органамъ.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и raison d'être гистіолиза. У личинокъ морскихъ звѣздъ и ежей тѣ части тѣла личинки, которыя не перейдутъ во взрослый организмъ, отбрасываются, и, слѣдовательно, вся эта масса вещества теряется для организма. У мухъ и нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ, напротивъ, всѣ части личинки утилизируются, т.-е. тѣ изъ нихъ, которыя не удержатся во взросломъ организмѣ, перевариваются и передаются въ жидкомъ видѣ вновь развивающимся органамъ. «Этого требуетъ уже простая экономія организма»,—замѣчаетъ Ковалевскій.

Еще одинъ интересный вопросъ: почему фагоциты нападаютъ именно на тѣ части организма куколки, которыя должны разрушиться, а не затрогиваютъ другихъ, напримѣръ, у центральной нервной системы, которая не-

реходитъ изъ личинки въ куколку и въ совершенное насѣкомое?

Ковалевскій и въ этомъ отношеніи даетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе. Органы, уничтожаемые гистіолизомъ, не проявляютъ въ стадіи куколки никакой дѣятельности: они пассивны, а потому и слабы. На эти-то ослабленные органы и нападаютъ фагоциты, какъ и вообще только ослабленныя клѣтки доступны ихъ разрушительному дѣйствію. Напримѣръ, въ случаяхъ прививки ослабленныхъ культурой бактерій, фагоциты справляются съ ними, тогда какъ неослабленныя бактеріи часто одерживаютъ верхъ надъ фагоцитами.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что, съ точки зрѣнія теоріи естественнаго подбора, гистіолизъ, это еще недавно столь загадочное, а теперь объясненное явленіе, представляетъ собою одно изъ многочисленныхъ приспособленій, выработанныхъ насѣкомыми въ борьбѣ за существованіе. Разные размѣры гистіолиза у различныхъ насѣкомыхъ представляютъ разныя степени этого приспособленія, и у двукрылыхъ оно достигаетъ своего апогея.

Явленія индивидуальной жизни нерѣдко сравниваются съ явленіями жизни общественной. «Общество есть организмъ»,—провозглашаетъ Гербертъ Спенсеръ. Та же мысль скрывается и во многихъ ходячихъ выраженіяхъ, какъ «государственное тѣло», «органъ общественной мысли» и т. п. Многія явленія и процессы органической жизни встрѣчаютъ себѣ полную параллель въ соціальномъ бытѣ человѣчества. Такъ, атавизмъ, т.-е. возвращеніе организаціи къ старинному типу, былъ нѣкоторыми уподобленъ реакціи въ общественной жизни [1]). Если въ нашемъ случаѣ искать аналогіи гистіолиза съ какимъ-либо соціальнымъ явленіемъ, то едва-ли съ чѣмъ-либо можно его сравнить болѣе подходящимъ образомъ, чѣмъ съ революціей. Какъ

[1]) См. русскій переводъ «Малоголовыхъ» Карла Фогта, С.-Петерб., 1873 г. подъ редакціей Вагнера, предисловіе редакціи стр. XXX и XXXI.

тутъ, такъ и тамъ, въ извѣстной стадіи развитія организма, когда старые органы становятся непригодными, появляются на сцену разрушительные элементы и уничтожаютъ разслабленные остатки прежняго строя. Конечно, это только аналогія, быть можетъ, очень смѣлая, но, во всякомъ случаѣ, вѣрно выражающая общее впечатлѣніе, производимое гистіолизомъ.

**Н. Холодковскій.**

## МУЗѢ.

Ты лиру мнѣ дала, и съ нею безъ смущенья
Я выступилъ, не какъ продажный фарисей,
Нѣтъ, каждый жгучій стихъ святого вдохновенья
Купилъ я кровью ранъ и муками скорбей.
Безумецъ! Я мечталъ вливать покой, отраду
Въ сердца, уставшія на битвѣ съ мощнымъ зломъ,
И пошлости людской недвижную громаду
Повергнуть въ прахъ своимъ бичующимъ стихомъ.
Но гдѣ-жъ плоды? Вокругъ позорные кумиры
Все также царствуютъ надъ дряхлою землей;
И я, въ отчаяньи безумною рукой
Рву струны мощныя на безполезной лирѣ...

**А. Федоровъ.**

# ОЖИВШІЯ СТРУНЫ.

**Повѣсть.**

## Глава I.

Закоптѣлыя лампы, убавленныя на ночь ради экономіи, чадили ужасно и отравляли еще больше атмосферу узкаго, сырого корридора меблированныхъ комнатъ, на одной изъ людныхъ улицъ Москвы. Прислуга улеглась спать, такъ какъ уже пробило одиннадцать, но въ номерахъ было полное оживленіе. Одна дверь была отворена настежъ, и клубы табачнаго дыма наполняли весь уголъ корридора, изъ комнаты вылетали взрывы хохота, звонъ посуды и усиленный говоръ: какой-то студентъ «изъ зажиточныхъ» справлялъ свои имянины. Въ другомъ номерѣ нѣсколько голосовъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ силились пѣть хоромъ «Тигренка», но на первыхъ же тактахъ фальшивили, принимались спорить, затѣмъ начинали снова и все также безуспѣшно. На одномъ изъ оконъ варилось какое-то кушанье на керосинкѣ, и изъ двери напротивъ выходилъ поминутно и заглядывалъ въ кастрюльку старикъ въ парусинномъ макинтошѣ и калошахъ на босую ногу. Нерѣдко съ шумомъ хлопала входная дверь, и по корридору пробѣгала, выдѣлывая невозможныя рулады, пѣвица изъ сосѣдняго салона, схватывала изъ своего номера какую-нибудь забытую вещь

и снова уносилась. Салонъ со всевозможными увеселеніями помѣщался какъ разъ рядомъ и почти вся его разношерстная труппа обитала въ этихъ номерахъ.

Только двѣ крайнія комнаты совершенно безмолвствовали, и если бы не огонь, свѣтившій сквозь полоски стеколъ надъ дверями, можно было бы думать, что онѣ обѣ необитаемы. Въ угловой крошечной комнатѣ въ одно окно сидѣла на диванѣ, передъ давно остывшимъ самоваромъ, молодая дѣвушка; она сидѣла, опустивши какъ-то безпомощно руки, неподвижно глядя передъ собою, только иногда, когда слишкомъ фальшивая нота поющихъ нѣмцевъ, или рулада пробѣгавшей пѣвицы рѣзали ей ухо, она нервно вздрагивала и натягивала на плечи теплый платокъ, пожимаясь какъ отъ холода. Въ неуютной комнатѣ, съ казенною номерною обстановкой, при свѣтѣ одной лампы, фигура этой одинокой молодой дѣвушки казалась крайне безпомощною и жалкою. Ея блѣдное, истомленное личико, почти дѣтское, ея большіе сѣрые глаза, смотрѣвшіе такъ тоскливо, говорили каждому о ея физическомъ и нравственномъ страданіи.

— «Господи, что же мнѣ дѣлать, что дѣлать!» Вырывалось порой у нея какъ-то машинально, какъ будто губы давно привыкли повторять эту фразу, и она говорилась сама, безъ участія говорившей; а между тѣмъ, мысли продолжали носиться далеко, и день за днемъ проходила въ головѣ вся ея жизнь за послѣдніе два года. Вотъ она въ провинціи, веселая пансіонерка, только-что сдавшая послѣдній экзаменъ,—съ дипломомъ въ рукахъ и съ тысячами блестящихъ надеждъ и плановъ въ головѣ. Конечно, грустно, что даже порадовать некого: мать умерла давно, когда ей не было и года, а отецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; грустно, конечно, но за то она совершенно самостоятельна! Никто не помѣшаетъ ей нанять себѣ комнату, жить своимъ трудомъ, читать, заниматься музыкой. Уроки, навѣрное, достать будетъ легко: ее почти всѣ знаютъ въ

ихъ городѣ; знаютъ, что она хорошей семьи, кончила курсъ первою и была любимицей начальницы. Да, наконецъ, развѣ ея «идеалъ», по стопамъ котораго она хочетъ идти, трудиться, стараться быть «человѣкомъ», а не барышней, какъ «онъ» говоритъ, развѣ онъ не поддержитъ ее? Вѣдь, она съ своей стороны много сдѣлала уступокъ для него: она могла поселиться у своего дяди — опекуна, богатаго, холостого старика, который души въ ней не чаялъ, могла веселиться, танцовать... Танцовать! А какъ она любитъ танцы, музыку, освѣщенную залу... Но «онъ» не любитъ этого, смѣется, и она отказалась отъ всего. Въ тайникѣ души она увѣрена, что Дунаевъ — ея будущій мужъ: не можетъ быть, чтобы онъ не любилъ ее! Четыре года прожила она въ пансіонѣ, была его ученицей; зачѣмъ бы иначе онъ такъ ласково глядѣлъ на нее, подавалъ руку внѣ класса и называлъ ее полнымъ именемъ, а не по фамиліи? Всѣ пансіонерки завидовали ей: вѣдь, Дунаева обожалъ почти весь старшій классъ; да и какъ было не обожать его: онъ такой красивый, добрый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, насмѣшливый. Потому-то на пансіонскихъ балахъ она сидѣла по долгу съ нимъ, отказываясь отъ танцевъ, чтобы казаться серьезнѣе въ его глазахъ, а онъ разсказывалъ ей объ интересныхъ статьяхъ, о трудѣ, о задачахъ педагогіи, говорилъ ей, что она можетъ пойти далеко, если захочетъ, что она «не дюжинная личность!» О, какъ это льстило ей, какъ кружило голову; онъ, вѣроятно, не замѣчалъ этого!

И вотъ, Надя свободна! У нея нанята маленькая, уютная комната со столомъ. Хозяева люди извѣстные, отчасти знакомые. Дунаевъ бываетъ почти каждый вечеръ; они читаютъ, обсуждаютъ прочитанное, спорятъ, нерѣдко бываютъ въ театрѣ, или у общихъ знакомыхъ — почти вездѣ и всегда вмѣстѣ. Помнится ей, какъ разъ вечеромъ возвращались они отъ знакомыхъ, ночь была теплая, луна свѣтила сквозь легкія облачка, обдавая ка-



№ 35728 ж.ф.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная библиотека

кимъ-то мягкимъ, молочнымъ свѣтомъ заснувшія улицы и деревья; домой ѣхать не хотѣлось, и онъ предложилъ ей прокатиться немного. Разговоръ былъ самый обыкновенный, о самыхъ обыденныхъ вещахъ, но, воротясь съ прогулки, она вся сіяла, а потомъ долго, долго не могла заснуть и, наконецъ, разрыдалась, уткнувшись лицомъ въ подушку! О чемъ она плакала—она сама не давала себѣ отчета, только она знала, что была счастлива, безконечно счастлива! Положимъ, что между ними объ любви не было никогда ни слова, но развѣ всегда нужны слова? Развѣ она не видитъ, что Дунаевъ любитъ ее! Зачѣмъ бы онъ сидѣлъ цѣлые вечера у нея, забросилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ? Развѣ это не значитъ, что она всѣхъ милѣе, всѣхъ дороже ему? Достала она и уроки; на одинъ ходитъ сама, двое учениковъ приходятъ къ ней, она заработываетъ 40 рублей въ мѣсяцъ. Положимъ, что въ деньгахъ нужды и раньше не было, но, вѣдь, это свои—трудовыя! За послѣднее время у нихъ постоянный разговоръ о вновь открывшихся «Дѣтскихъ Садахъ»: въ столицахъ ихъ было уже много, а у нихъ была бы совершенная новость. Мысль эта явилась первому Дунаеву, и Надя, конечно, тоже съ полною готовностью ухватилась за нее. Дѣло ей казалось такимъ подходящимъ и полезнымъ; кромѣ того, какъ пріятно лично, такъ сказать, и первой способствовать просвѣщенію родного города! Но, чтобы устроить что-нибудь подобное, надо было видѣть самой, приглядѣться, поучиться, и для этого Дунаевъ совѣтовалъ ѣхать въ одну изъ столицъ; ѣхать приходилось ей одной, такъ какъ Дунаевъ, имѣя казенное мѣсто, не могъ оставить его. Вотъ тутъ у нея сердце упало! Какъ, онъ предлагаетъ ей уѣхать такъ далеко, на цѣлую зиму? Неужели ему не жаль ее? Впрочемъ, онъ говорилъ не разъ, что ему будетъ очень скучно и пусто безъ нея, но «дѣло прежде всего»; личное счастье можетъ подождать, и что тотъ человѣкъ не заслуживаетъ своего названія,

который не можетъ забыть свой личный интересъ для дѣла. Съ такими аргументами приходилось, конечно, соглашаться. Три мѣсяца не такъ уже долги; работы ей будетъ по горло: каждый день ходить въ Дѣтскій Садъ отъ 10-ти до 2-хъ, успѣть побывать во всѣхъ, давать отчетъ Дунаеву обо всемъ; наблюдать всѣ хорошія и слабыя стороны веденія дѣла, доискиваться причины того и другого, писать обо всемъ сейчасъ же, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ. Самъ онъ ей обѣщалъ писать раза три въ недѣлю, издали, такъ сказать, руководить ею. Она рѣшилась. Въ Москвѣ былъ у нея дальній родственникъ со стороны матери, Григорій Ивановичъ Грузовъ, богатый фабрикантъ; она хорошо помнила его, еще при отцѣ, когда они жили въ Москвѣ, онъ бывалъ у нихъ въ домѣ какъ свой человѣкъ, помнится, возилъ ей всегда игрушки и конфекты. Въ отвѣтъ на свое заявленіе дядѣ-опекуну, что она ѣдетъ, она получила длинное письмо, въ которомъ дядя просилъ ее подумать хорошенько, насколько ловко ей, молодой дѣвушкѣ, ѣхать гостить къ холостому человѣку; предупреждалъ онъ ее, что она попадетъ въ совершенно чуждую ей обстановку, что Григорій Ивановичъ человѣкъ грубый и полуобразованный. Настаивать и удерживать было не въ его правилахъ и онъ совѣтовалъ только обдумать хорошенько его слова. Она призадумалась немного: странно, она до сихъ поръ считала Григорія Ивановича Грузова за женатаго. Значитъ та, Авдотья Павловна, или, какъ ее звали, Дунечка, которая живетъ съ нимъ, не жена ему? Ну, да что же ей, вѣдь, она не будетъ выѣзжать съ нею, лишь бы былъ женскій элементъ въ домѣ, а Авдотья Павловна женщина очень милая и добрая, хотя недалекая. Самъ же Григорій Ивановичъ такъ любезно звалъ ее, въ отвѣтъ на ея письмо. И вотъ она уѣхала... О, сколько разъ проклинала она тотъ день, въ который рѣшила эту поѣздку! Въ какую низкую ловушку попалась она! Съ самаго пріѣзда

начался рядъ недоразумѣній самыхъ грубыхъ и обидныхъ. Грузовъ сразу показалъ себя пошлымъ, возмутительнымъ циникомъ! Онъ не вѣрилъ, что она пріѣхала ради изученія Дѣтскихъ Садовъ, а упрямо приставалъ къ ней, убѣждая сознаться ему, что съ ней случился «грѣхъ» и что она уѣхала въ столицу исправлять его. Своими разспросами онъ доводилъ ее до слезъ, и она съ горячностью доказывала нелѣпость его предположеній, разсказывала, насколько чиста ея любовь къ Дунаеву; въ отвѣтъ онъ только грубо хохоталъ и говорилъ: «ну, такъ это еще глупѣе, еще непонятнѣе: сидѣть вдвоемъ съ такимъ бутончикомъ цѣлые вечера и толковать о школахъ! Ну, и тюлень же твой Дунаевъ». Все это говорилось съ такими циничными улыбками и масляными глазами, что они заставляли дѣвушку краснѣть до слезъ, хотя она и не понимала еще настоящей цѣли разговоровъ Григорія Ивановича. Она поняла это только позднѣе.

Одно время онъ ее оставилъ въ покоѣ, и она, счастливая и озабоченная бѣгала каждый день заниматься; сидѣла на лавкѣ съ дѣтьми, училась всѣмъ работамъ, принимала участіе въ дѣтскихъ играхъ, а по вечерамъ записывала все, что видѣла, и чуть ни каждый день писала письма Дунаеву. Сперва онъ отвѣчалъ аккуратно, но вдругъ его письма сдѣлались рѣдки, и въ нихъ слышались насмѣшливыя ноткии въ отвѣтъ на ея жалобы на скуку и одиночество, онъ подразнивалъ ее, говоря, что танцы и маскарады лучшее отдохновеніе отъ труда и средство отъ скуки. Она совсѣмъ растерялась. Да, она была въ клубѣ одинъ разъ, но что же изъ этого? Она даже и не танцовала, а проскучала цѣлый вечеръ; что же значитъ этотъ упрекъ? Откуда онъ? Долго она ломала голову и, наконецъ, сообразила. Писала она въ свой городъ къ подругѣ, у которой часто танцовали раньше всѣ пансіонерки на праздникахъ, Машѣ Звѣревой, дѣвушкѣ доброй, но пустой, въ добавокъ со сплетницею мамашей. Что могла она пи-

сать ей? Неужели станетъ посвящать въ свои планы и труды! На что той знать ихъ? Естественно, что она выбрала все, что полегче: описала московскій театръ, упомянула про клубъ, а, вѣдь, такъ легко передѣлать изъ одного раза, и сказать: клубы, театры... въ сущности же выйдетъ большая разница. Но зачѣмъ же онъ повѣрилъ имъ, а не спросилъ ее, зачѣмъ насмѣшки?!.. Она обидѣлась и рѣшила ждать его письма, и не писать иначе, какъ по очереди. Письма становились все рѣже, все холоднѣе. Она не выдержала и, сгоряча, не обдумавши, написала письмо, полное упрековъ, негодующее, язвительное; она упрекала его за все: за то, что онъ отослалъ ее въ Москву, за то, что оторвалъ отъ родныхъ, говорила, что она погибнетъ въ томъ обществѣ, куда она попала ради него, упрекала, что онъ забылъ ее, увлекся кѣмъ-нибудь, и что она поняла, что онъ лишь хотѣлъ дать ей интересное дѣло, чтобы она отстала отъ него. Однимъ словомъ, она приписывала ему то, чего въ душѣ и не подозрѣвала, и, въ то же время, упорно твердила себѣ, какъ капризный, избалованный ребенокъ: «Пусть онъ оправдается, пусть скажетъ, что я ошибаюсь, пусть увѣритъ меня!» Совѣтоваться было не съ кѣмъ, и она, гордая, самолюбивая дѣвочка, своими руками, не сознавая этого, рвала всѣ нити, связывающія ее съ Дунаевымъ. Это взбалмошное посланіе оттолкнуло его отъ нея. Конечно, она сама виновата—теперь она сознаетъ это, но что же и онъ за странный человѣкъ, что не могъ понять, что съ нимъ говоритъ огорченная, семнадцатилѣтняя дѣвочка, а не благоразумный, спокойный человѣкъ. Теперь она поняла, что онъ не любилъ ее такую, какъ она есть, онъ видѣлъ въ ней только матеріалъ, изъ котораго можно было создать ту образцовую дѣвушку, которая жила въ его головѣ. При первомъ же уклоненіи отъ начертаннаго имъ для нея плана, онъ отступился отъ нея. Или онъ испугался, увидѣвъ ясно, что она-то любитъ именно е г о, а не идею, и, не отвѣчая ей тѣмъ же, счелъ

за лучшее отдалиться? Вѣдь, и онъ правъ и честенъ съ своей стороны! Отвѣта на письмо не послѣдовало. А между тѣмъ преслѣдованія Григорія Ивановича Грузова возобновились. Разъ, она сидѣла одна въ сумерки, прижавшись въ уголокъ дивана, и мечтала о своихъ будущихъ планахъ (это было еще до размолвки съ Дунаевымъ), Григорій Ивановичъ подкрался какъ-то неслышно, крѣпко обнялъ ее и прошепталъ:

— О чемъ ты все тоскуешь? Знаю я, плутовка! Полюби меня, да и оставайся у меня полною хозяйкой!

Съ этими словами онъ вышелъ, а она сидѣла потерянная, ошеломленная, и ничего не понимала. Она останется здѣсь хозяйкой! Зачѣмъ? И какъ она полюбитъ его?—Не больше, какъ и другихъ своихъ родныхъ. Она не успѣла спросить его, не успѣла опомниться, такъ изумилъ онъ ее своими словами. Долго она сидѣла и думала. Да, дѣйствительно, она была такъ погружена въ свой міръ, что мало обращала вниманія на внутреннюю жизнь своихъ хозяевъ, но теперь ей стали припоминаться частыя ссоры Григорія Ивановича съ его Дунечкой, частыя слезы и косые взгляды послѣдней въ обращеніи съ ней. Господи, неужели Авдотья Павловна ревнуетъ ее, да неужели?.. Отъ одной мысли ее бросало въ жаръ. Да, да, вѣдь, Дунечка не жена, онъ можетъ удалить ее, и тогда Надя останется вдвоемъ съ Григоріемъ Ивановичемъ. Нѣтъ, нѣтъ, этой мысли она не допускала! Уѣхать, какъ можно скорѣе, уѣхать! Но домой возвращаться тотчасъ же было невозможно: стоялъ мартъ мѣсяцъ; дороги не было ни на лошадяхъ, ни на пароходахъ, приходилось ждать чуть не мѣсяцъ, она находила это невозможнымъ, и черезъ нѣсколько дней уѣхала въ Петербургъ погостить къ одной подругѣ, проводившей тамъ первую зиму своего замужества. Гостить долго было неловко, но хоть недѣлей меньше пробыть у Грузова и то хорошо; она положительно стала бояться его. Возвратясь черезъ недѣлю, она такъ и ахнула: Дунечки не было и

слѣда, а мѣсто за самоваромъ Грузовъ торжественно попросилъ занять Надю. Съ этого дня начались ея мученія: съ утра до вечера Григорій Ивановичъ преслѣдовалъ ее своею любовью, то онъ сулилъ ей золотыя горы, обѣщалъ залить шелкомъ и бархатомъ, цѣловалъ ей ноги; то плакалъ, и угрожалъ застрѣлиться на ея глазахъ. Изъ жалобнаго тона переходилъ къ оскорбленіямъ, называлъ ее кокеткой и обманщицей, говорилъ, что своимъ молчаніемъ она увѣрила его въ своемъ согласіи, что, по ея милости, онъ прогналъ женщину, съ которой прожилъ шесть лѣтъ; рвалъ на себѣ волосы, метался, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Его грубая чувственная натура, не встрѣчавшая никогда отказа, въ кругу тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ, не могла понять, откуда беретъ силы эта дѣвочка, чтобы устоять противъ него, противъ него, который привыкъ покупать все за свои деньги! Отъ бурныхъ сценъ онъ снова переходилъ къ жалобамъ; говорилъ, что онъ во всю свою жизнь не любилъ никого такъ искренно, что у него и характеръ такой грубый и жестокій только потому, что не было хорошаго женскаго вліянія, что возьмись она за него, и онъ будетъ воскомъ въ ея рукахъ. Она такая чистая, умная, образованная, онъ готовъ молиться на нее, цѣловать край ея одежды, и онъ, дѣйствительно, опускался передъ ней на колѣна, умоляя спасти его. Надя была въ отчаяніи: и жалокъ былъ онъ ей, и гадокъ, и боялась она его безумно-горѣвшихъ глазъ, когда оставалась съ нимъ вдвоемъ, и только для того, чтобы не быть съ нимъ наединѣ, она соглашалась ѣздить всюду, куда онъ звалъ ее: въ театры, въ клубы, къ цыганамъ, лишь бы не быть наединѣ, не слушать его безумнаго бреда... Въ освѣщенной залѣ, при звукахъ музыки, ей даже становилось иногда смѣшно: чего же она боится, вѣдь, не звѣрь же онъ? Конечно, объясненія его надоѣдаютъ, мучатъ даже, но страшнаго нѣтъ ничего; еще недѣля, много двѣ, и она уѣдетъ. И вотъ тогда-то, когда она уже почти

успокоилась, съ ней совершилось нѣчто такое, отчего и теперь кровь стынетъ у нея въ сердцѣ... И до сихъ поръ ей кажется, что это былъ какой-то безобразный сонъ. Какъ это съ ней случилось,—она сама не понимаетъ! Впослѣдствіи эта мысль сводила ее съ ума: вѣдь, она помнитъ, что она сознательно отдалась ему! Что онъ сдѣлалъ съ ней? Опоилъ-ли чѣмъ? Усыпилъ-ли ея разумъ? Какъ и всегда, они поѣхали ужинать изъ театра въ «Эрмитажъ», съ тою только разницей, что Грузовъ, посидѣвъ минутъ десять въ общей залѣ, сказалъ, что видитъ одного господина, съ которымъ ему не хотѣлось бы встрѣчаться, и повелъ Надю въ отдѣльный кабинетъ. Обстановка комнаты показалась ей странною, но Григорій Ивановичъ успокоилъ ее, говоря, что эти комнаты существуютъ на случай пріѣзжихъ, но ихъ рѣдко занимаютъ, такъ какъ онѣ очень дороги. Тонъ его былъ въ этотъ вечеръ простой, дружескій, онъ даже извинялся за свои безумія, просилъ забыть ихъ. Подали шампанское, и Грузовъ просилъ выпить весь стаканъ въ знакъ того, что Надя простила и не сердится больше на него; пили еще что-то: ужинъ былъ на славу, впрочемъ, онъ всегда былъ щедръ на угощенія...

Даже на другой день утромъ она не приходила въ ужасъ отъ всего случившагося, даже неясно помнилось какъ-то, какой-то туманъ стоялъ въ головѣ! Затѣмъ прошли безобразныхъ пять дней: утромъ ѣздили по магазинамъ, закупали наряды; француженки-модистки одѣли ее, какъ куклу, ахали и расхваливали ея талію и фигуру, и называли «madame», и Надю это очень смѣшило. Обѣдать ѣхали въ ресторанъ, потомъ катались, затѣмъ ѣхали въ буффъ, въ циркъ, на всевозможныя выставки, словомъ, всюду, гдѣ только можно быть. Всѣ эти пять дней промчались какимъ-то вихремъ, отъ котораго кружилась голова, не было минуты, въ которую Надя могла бы остаться одна и подумать... На шестой день она опомнилась, опомнилась и зарыдала! Простое газетное объявленіе о томъ, что идетъ первый па-

роходъ, заставило очнуться ее. О, что она дѣлаетъ? Бѣжать, бѣжать отсюда! Но бѣжать уже было безполезно. Грузовъ, вѣроятно, предвидѣлъ это, потому что не особенно удерживалъ ее; онъ зналъ, что она вернется. Да, черезъ пять мѣсяцевъ она вернулась, похудѣвшая, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, съ фигурой, безобразно пополнѣвшей... Грузовъ угадывалъ, что она вернется, но онъ не предчувствовалъ той ненависти, того омерзѣнія, которыя почувствовала она къ нему. При первыхъ же его ласкахъ, съ Надей сдѣлался жестокій нервный припадокъ. Какую пытку вынесла она за эти пять мѣсяцевъ, проведенныхъ въ родномъ городѣ! Дунаевъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ, родные хмурились и какъ-то подозрительно глядѣли на нее; да и всѣ знакомые какъ-то недовѣрчиво относились къ ея разсказамъ, и такъ пытливо вглядывались въ нее, что она смущалась, и этимъ еще болѣе усиливала общую подозрительность. А потомъ, когда, почувствовавъ странные симптомы, она обратилась къ доктору, и тотъ прямо назвалъ ея болѣзнь, что тогда перенесла она! Ей нужно было, не щадя себя, разсказывать знакомымъ, что она забыла всѣ свои желанія трудиться, что ее снова тянетъ въ Москву, снова хочется веселиться. И она повторяла это Дунаеву, который смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ. Глотая слезы, она увѣряла, что стала совсѣмъ пустою дѣвушкой, что она не можетъ жить здѣсь, что ей такъ скучно! Изъ всѣхъ окружающихъ онъ, кажется, одинъ вѣрилъ ей и, вѣроятно, глубоко презиралъ; родные же и знакомые были ближе къ истинѣ, и не мѣшали ѣхать. И вотъ, она снова въ Москвѣ — одна, безъ друзей, больная, измученная и нравственно, и физически. По цѣлымъ днямъ она сидитъ въ своемъ крошечномъ номерѣ, и только въ сумерки идетъ гулять, такъ какъ боится днемъ встрѣтить кого-нибудь, кто ее можетъ узнать. А, между тѣмъ, въ родной городъ летятъ ея письма, полныя веселья и радости! Послѣ истерическаго припадка, врачъ

запретилъ Грузову бывать у нея, и тотъ является разъ въ мѣсяцъ, принося деньги. Не брать ихъ Надя не можетъ, такъ какъ дома извѣстно, что она гоститъ у него, пользуется всѣмъ даромъ, на этомъ основаніи дядя высылаетъ ей только на карманныя издержки. Эти денежные визиты заставляютъ ее страдать невыносимо, видѣть Грузова больше она не можетъ,—онъ понялъ это и, кажется, утѣшился: теперь, вѣдь, она совсѣмъ уже не интересна! Одинъ добрый человѣкъ нашелся—это ея сосѣдъ Смолинъ; онъ такъ сочувственно относится къ ней, приноситъ ей книги, читаетъ ей вслухъ, исполняетъ ея маленькія порученія. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ утѣшалъ ее или ободрялъ—напротивъ. У Смолина самого такіе странные взгляды на жизнь, что слушать страшно; по его мнѣнію, жизнь такая вещь, за которою совсѣмъ не стоитъ гнаться: хорошо живется—живи, а если плохо, то попробуй побороться, и если изъ борьбы ничего не выходитъ, то стоитъ-ли мучиться; не проще-ли уничтожиться? О, нѣтъ, никогда; она хочетъ жить во что бы то ни стало! Ей всего 18 лѣтъ, она такъ любитъ жизнь, и какъ бы плохо и печально ни началась она для нея, она не хочетъ вѣрить, что все кончено, судьба не можетъ быть такъ несправедлива. Но вотъ теперь, что ей дѣлать, что дѣлать съ собой? Задавала она въ сотый разъ себѣ вопросъ, доводившій ее до отчаянія, до безумія.

Громкая, визгливая нота пѣвицы заставила ее снова вздрогнуть, на этотъ разъ нервы не выдержали, и она разрыдалась неудержимо, безсильно опустивъ голову на сложенныя на столѣ руки.

## Глава II.

Въ сосѣднемъ номерѣ рѣзко двинули стуломъ, затѣмъ мужскіе шаги быстро приблизились къ ея двери изъ коридора; подошедшій постоялъ у двери, прислушиваясь, не ошибся-ли онъ, не послышались-ли ему эти тяжелыя ры-

данія, но они раздавались совершенно ясно, и Надинъ сосѣдъ, Смолинъ, вошелъ въ комнату. Это былъ высокій, худощавый брюнетъ съ красивымъ, но болѣзненнымъ и словно усталымъ лицомъ.

— Ну, опять слезы,—заговорилъ онъ мягко, наклоняясь надъ плачущею дѣвушкой.—Нате-ка, выпейте воды. Эхъ, Надежда Сергѣевна, даже досадно, глядя на васъ; ну, добро бы новое что горестное случилось, а то, вѣдь, все одно и то же,—нельзя же цѣлый годъ плакать!

— Да я вовсе не хотѣла плакать, — оправдывалась Надя,—это меня нѣмка, противная, испугала, завизжала у самой двери...

— Ну, да, да, разсказывайте; сегодня нѣмка, вчера тарелка разбилась, завтра дверью хлопнутъ! Хороши же, значитъ, нервы у васъ! А отчего? Оттого, что цѣлые дни сидите, да мучаете себя безплодными упреками: почему, да зачѣмъ?.. А, между тѣмъ, разъ совершившійся фактъ не передѣлаешь...

— Хорошо вамъ такъ разсуждать, Алексѣй Ѳедоровичъ, у васъ своя философія, у меня же ея нѣтъ вовсе; фактъ, понятно, остается, но изъ этого не слѣдуетъ, что я могу примириться съ нимъ,—волновалась Надя, нервно обмахивая лицо носовымъ платкомъ.

— А вы думаете, моя философія, какъ вы называете, легко далась мнѣ? Эхъ, Надежда Сергѣевна, любите вы жизнь, дорожите ею, такъ будьте готовы ко всѣмъ мерзостямъ, которыя она будетъ преподносить вамъ; вѣдь, это, навѣрное, не послѣдняя,—горько улыбнулся Смолинъ.—Вотъ, когда въ душѣ точно порвется что-то,—продолжалъ онъ, очевидно, попадая на свое больное мѣсто,—и скажешь самому себѣ: ну, будетъ, довольно! Попытался, поборолся, увидалъ, что все это вздоръ, одинъ миражъ, одни призраки счастья, тогда даже легче станетъ...

Онъ помолчалъ и затѣмъ прибавилъ:

— А кто знаетъ, можетъ быть, вы и будете счаст-

ливы и не дойдете никогда до такихъ печальныхъ выводовъ, какъ я!—Какая-то горькая складка появилась около его губъ, и лицо приняло еще больше страдальческое выраженіе.

— Да и о чемъ вы убиваетесь теперь,—заговорилъ онъ снова, точно силясь стряхнуть свои собственныя мысли,—вѣдь, худшее время прошло; самое трудное улажено: вы здѣсь, вдали отъ всѣхъ знающихъ васъ людей; пріѣдете весной домой—держитесь бодрѣе и самостоятельнѣй, не мучайте себя мыслью: «что думаютъ о васъ другіе!» Вѣдь, дурнаго вы ничего никому не сдѣлали и страдаете одна за свой необдуманный шагъ. Для общества, вѣдь, нужно только sauver les apparences, а вы это сдѣлаете, значитъ «свѣтъ» не оскорбленъ!—заключилъ Смолинъ съ усмѣшкой.

— Вы говорите, что худшее прошло,—тихо заговорила Надя, краснѣя и запинаясь,—а по моему оно впереди. Вѣдь, не всегда же такъ будетъ... не всегда...—конфузилась она, подыскивая выраженіе: —вѣдь, кончится же «это»... «это состояніе»... А что же тогда? Не могу же я обрадоваться и уѣхать... бросить... «все», — договорила она шепотомъ, со слезами на глазахъ.

— Ну, это все уладитъ Авдотья Никитишна, она славная и опытная старуха; матеріальныя средства будутъ, а это главное: будущему «гостю» нуженъ только кормъ и постель, а при деньгахъ это все отлично устроится.

— И вы думаете, что я такая безсердечная, пустая дѣвчонка, что я буду покойна хоть минуту, зная, что вдали отъ меня есть несчастное, брошенное, ни въ чемъ невиноватое существо! Да, вѣдь, эта мысль будетъ отправлять меня вездѣ и всюду, — горячилась Надя, забывши даже свою застѣнчивость.—И я ни отъ кого не могу даже узнать, что будетъ съ нимъ, живъ-ли онъ! Нѣтъ, это ужасно!

— Самое лучшее, если онъ умретъ въ началѣ, меньше мученья вамъ и ему.

— Полноте, Алексѣй Ѳедоровичъ, что это за вѣчная мысль о смерти! Если бы всѣ думали, какъ вы, никого бы и въ живыхъ не осталось!

— Зачѣмъ же всѣ, — серьезно сказалъ Смолинъ, и глаза его заблестѣли. — Иные видятъ въ жизни источникъ наслажденій, другіе никогда не додумываются, что сколько ни борись, сколько ни волнуйся, конецъ одинъ и тотъ же —уничтоженіе. Одинъ надѣется на что-то всю жизнь, а другой послѣ двухъ-трехъ попытокъ рѣшитъ, что надѣяться не на что, да и не стоитъ; тѣмъ болѣе тотъ, у кого исчезали на глазахъ его надежды, превращаясь чортъ знаетъ во что, въ какое-то безобразіе!

— Вы, вѣрно, много страдали?—робко спросила Надя, глядя въ загорѣвшіеся и вдругъ снова потухшіе глаза Смолина.

— Нѣтъ-съ, я не страдалъ,—оборвалъ какъ-то рѣзко тотъ,—я только всегда видѣлъ и убѣдился, наконецъ, что изъ моей жизни ничего путнаго не выйдетъ, а пойдетъ она такъ, какъ у Ивана, у Петра, у Семена—впредь до благополучнаго конца, а я этого не хочу! Пробовалъ повернуть по своему, вездѣ обрывался, ну, значитъ, и не нужно, значитъ—баста!

— Къ чему же вы пришли?—спросила Надя, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— А къ тому, — заговорилъ онъ, какъ-то мягче и тише, — что жить не стоитъ! И повѣрьте, это, право, не такъ страшно, какъ кажется съ перваго раза. Вѣдь, это не моментъ, не аффектъ, какъ выражаются судейцы, нѣтъ, это просто задуманное, взвѣшенное рѣшеніе... Представьте,— оживился снова Смолинъ, вставая съ мѣста,—что вы находитесь среди многочисленнаго собранія и вамъ скучно, вамъ даже странно видѣть, изъ за чего люди волнуются, суетятся, смѣются. Вы пробовали—подходили, заговаривали,

садились играть въ карты, начинали танцовать, ухаживали, вступали въ споры и — вездѣ оставались чужимъ, вездѣ вамъ было тоскливо и скучно. Вамъ попадались изрѣдка люди, повидимому, симпатичные, вы стремились къ нимъ, и что же? Вездѣ вы встрѣчали пустоту, ничтожество, глумленіе надъ всѣмъ, что вамъ казалось святымъ, пошлые взгляды на жизнь, циническій смѣхъ надъ вашими завѣтными идеалами. Что же бы вы сдѣлали на мѣстѣ этого человѣка? Неужели оставаться до конца, толкаться среди этихъ тупоумныхъ пошляковъ, до тѣхъ поръ, пока не отупѣешь самъ и не опошлишься, ждать этой минуты? О, нѣтъ, бѣжать и бѣжать навсегда; другого исхода нѣтъ, я не вижу! Бѣжать, уничтожиться, умереть всѣмъ существомъ, не ждать одной нравственной смерти, не дать восторжествовать матеріи надъ духомъ.

— Неужели же нѣтъ хорошихъ людей на свѣтѣ?— неувѣренно проговорила Надя, слѣдившая съ безпокойствомъ за Смолинымъ, который давно ходилъ по комнатѣ неровными шагами.

— Хорошіе люди? Конечно, есть и хорошіе люди; но, во-первыхъ, это единицы; едва-ли на десять придется одинъ, а во-вторыхъ, «хорошій человѣкъ» названіе очень условное. Идеально же хорошаго человѣка нѣтъ, а если онъ и есть, то его осмѣютъ, его назовутъ чудакомъ, чуть-ли не сумасшедшимъ! Съ волками жить — по волчьи выть; вотъ наши принципы; а что можетъ быть безнравственнѣе этой пошлой пословицы: если ты живешь среди воровъ и мошенниковъ — будь самъ такимъ же, иначе тебя загрызутъ; даже если ты будешь молчать и не осуждать ихъ поступковъ, а только не поступать такъ же, то и тогда сначала будутъ коситься, а потомъ примутъ мѣры, чтобы выжить отъ себя этотъ безмолвный укоръ своей микроскопической совѣсти.

— Въ васъ мало энергіи, Алексѣй Ѳедоровичъ, мало терпѣнія.

— О, нѣтъ, напрасно вы думаете, Надежда Сергѣевна; если бы мнѣ указали на самыя трудныя испытанія, за которыми послѣдуетъ, наконецъ, перемѣна въ складѣ жизни, перемѣна въ людяхъ, о, тогда я бы не побоялся бороться, бороться со всякими страшными невзгодами; но если я буду стучать лбомъ о стѣну, зная, что стѣна останется стѣной, а голова моя разобьется въ дребезги, тогда зачѣмъ же это, и ради чего?.. И почему смерть кажется всѣмъ такъ ужасна?—Заговорилъ Смолинъ какимъ-то задушевнымъ голосомъ, словно одна уже мысль о смерти успокоивала его.—Она ужасна для того, кто любитъ жизнь, у кого есть люди, которыхъ жалко бросить, у кого есть обязанности относительно кого-нибудь, кто сознаетъ, что причинитъ своею смертью кому-нибудь горе? У меня же ничего подобнаго нѣтъ. Вамъ, конечно, странно слушать меня, Надежда Сергѣевна; вѣдь, почему-то составилось убѣжденіе, что тотъ, кто говоритъ самъ о желаніи покончить съ собой, никогда этого не сдѣлаетъ. Точно такъ же доказываютъ, что самоубійца находится всегда въ ненормальномъ состояніи мозга. Почему такъ думаютъ — не знаю. Я хочу доказать, что это вздоръ: я дошелъ до этого глубокимъ убѣжденіемъ, самымъ твердымъ сознаніемъ, что такъ нужно, что иначе нельзя. Я знаю, что это будетъ черезъ недѣлю, а если я не въ состояніи буду исполнить всего, что я еще долженъ сдѣлать, то пройдетъ еще нѣсколько лишнихъ дней. У меня есть маленькіе долги, есть срочная работа... все это я могу устранить въ продолженіи недѣли, затѣмъ и конецъ... И, право, если на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько капель мой крови впитаются въ землю, выростетъ весной какое-нибудь растеніе, оно, навѣрное, будетъ полезнѣе меня!

Онъ помолчалъ, и снова началъ:

— Вѣдь, я всю жизнь былъ одинъ,—голосъ Смолина дрогнулъ,—раньше я былъ лишній и даже мѣшалъ, теперь я никому не мѣшаю, но никому и не нуженъ. А, вѣдь,

это страшное слово—никому! Да, по правдѣ сказать, и мнѣ никто не нуженъ,—добавилъ онъ, какъ-то горько, болѣзненно усмѣхнувшись.

— А вотъ еще вопросъ,—заговорилъ Смолинъ, помолчавъ.—Характеръ это или безхарактерность?

— Я думаю, и то, и другое, — замѣтила Надя.—Въ иныхъ случаяхъ—недостатокъ воли, въ другихъ—сила.

— Ну, вотъ и я также думаю: если у меня семья умираетъ съ голоду, а я пойду и удавлюсь—это трусость; но если я рѣшилъ, что я долженъ умереть раньше, чѣмъ я измѣнилъ своимъ принципамъ, это еще не есть малодушіе. А почемъ знать, что было бы со мной дальше. Начало уже положено; я, напримѣръ, раньше возмущался всякимъ неблаговиднымъ поступкомъ, я терялъ голову отъ невозможности перемѣнить такой порядокъ вещей, я лѣзъ на стѣну, говорилъ дерзости сослуживцамъ и начальству; теперь я смотрю на эти вещи, какъ на что-то обыденное; самъ я, пока, не сдѣлаю ничего скверная, но я ужъ не выхожу изъ себя при мысли, что я сижу рядомъ и говорю съ какимъ-нибудь подлецомъ! Вѣдь, это ужасно, вѣдь, это начало нравственнаго паденія! Вотъ это-то сознаніе и повліяло, главнымъ образомъ, на мое рѣшеніе покончить съ собой... Однако, хорошъ же и я,—прервалъ самъ себя насильно Смолинъ,—утѣшитель тоже: у васъ нервы не въ порядкѣ, а я мрачную философію развелъ, простите, да и спать вамъ пора!

— О, нѣтъ, нѣтъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, не уходите, я, вѣдь, все равно, не сплю цѣлыя ночи: безсонница мучаетъ, только къ утру и засыпаю. Разскажите мнѣ лучше, какъ же это случилось, что у васъ никого нѣтъ близкихъ; есть же у васъ кто-нибудь родные?

— Какъ вамъ сказать, и есть, и нѣтъ; родные по крови, но не по закону, да и то не близкіе. Я, вѣдь, «дитя любви», какъ выражались въ старинныхъ романахъ, а по просту—незаконный сынъ. Мать я помню, какъ сквозь

сонъ: мнѣ было семь лѣтъ, когда она умерла, отца не помню вовсе, хотя слышалъ, что онъ часто пріѣзжалъ къ намъ и очень любилъ меня. Онъ былъ изъ знатной и гордой семьи, а мать была простая, бѣдная дѣвушка, слѣдовательно, тутъ и рѣчи не могло быть о женитьбѣ: это убило бы аристократическую семью, и, поэтому, предпочли отравлять жизнь матери-демократки, и, любя ее, отецъ все-таки довелъ ее до чахотки,—добавилъ Смолинъ съ горькою усмѣшкой, искривившей его красивыя губы. — Я остался на рукахъ старой няньки, отъ которой и узналъ впослѣдствіи эти подробности; затѣмъ, въ ту же зиму умеръ отецъ, схвативъ гдѣ-то воспаленіе въ легкихъ, и завѣщалъ меня своей старшей сестрѣ, у которой я и выросъ. Княгиня очень любила брата, по своему, конечно, и такъ же, какъ и всѣ, не прощала ему связи съ моею матерью; была религіозна и добра, тоже по своему, то-есть она сочла бы за великій грѣхъ не выполнить воли покойнаго брата и не взять меня къ себѣ, но какъ мнѣ будетъ житься, какъ она поставитъ меня у себя въ домѣ, легко-ли будетъ мнѣ,—все это предоставила она лично себѣ. Рости же въ княжеской семьѣ мнѣ было очень не легко: мои кузены и кузины были всѣ гораздо старше меня, а, слѣдовательно, отлично знали, откуда взялся «сиротка»—какъ рекомендовала меня княгиня-тетушка—и не пропускали случая указывать мнѣ на разницу между собою и мной, хотя я и самъ не претендовалъ на какое-либо сближеніе, за что и былъ прозванъ волченкомъ. Меня кормили, одѣвали, учили, повидимому, наравнѣ со всѣми, но въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ мнѣ была слышна эта обидная нотка презрѣнія, эта игра въ великодушіе. О, какъ я ненавидѣлъ ихъ всѣхъ за ихъ благодѣянія! Единственная душа, которая любила меня, и которую я боготворилъ, была старая няня, выходившая меня еще при матери, но и ту я видѣлъ ужасно рѣдко, такъ какъ княгиня запретила ей часто бывать, находя, что та слишкомъ много говоритъ

мнѣ о моей матери. Зачѣмъ княгинѣ нужно было, чтобы я забылъ мою мать,—я думаю, она и сама не знала. Вѣрно, это тоже свѣтская нравственность! И такъ, я росъ волченкомъ, безъ любви, безъ дружбы, безъ товарищей... Воспитаніе давали домашнее; меня учили самые блестящіе русскіе профессора, и самые настоящіе парижскіе французы. Въ этомъ упрекнуть я княгиню не могу, да она и сама сознавала это и чувствовала въ этомъ отношеніи, что она свела свои счеты съ Богомъ и покойнымъ братомъ, сдѣлавъ все возможное для «сиротки». Единственными друзьями моего дѣтства были книги: у тетушки была огромная библіотека, преимущественно французскихъ писателей. Каждую свободную минуту я проводилъ въ этой высокой, мрачной комнатѣ; мнѣ никто не мѣшалъ читать, и я читалъ все безъ разбора; въ четырнадцать лѣтъ я начинилъ свою голову всѣми классиками XVIII столѣтія, и, Богъ мой, сколько разнорѣчивыхъ мнѣній укладывалось въ моей головѣ! Когда мнѣ минуло 19 лѣтъ, меня опредѣлили домашнимъ секретаремъ къ одному богатому, маститому старцу, который сдѣлалъ, конечно, это тоже не лично для меня, а для своей кузины, то-есть моей тетушки. Собственнаго «я» у меня, слѣдовательно, никогда не было: воспитывали и учили ради отца, опредѣлили на службу—ради тетушки. Никого и ничего не существовало для меня самого, да и я самъ такъ очерствѣлъ, что мало заботился объ этомъ... Впрочемъ, ужъ если исповѣдываться, такъ ничего не надо пропускать,—перебилъ самъ себя какъ-то конфузливо Смолинъ, закуривая новую папиросу,—у меня тоже былъ романъ, хотя очень короткій; и я любилъ, то-есть мнѣ казалось одно время, что я любилъ...

— Кто же могъ среди нихъ оказаться достойнымъ любви?—перебила его Надя.

— Я этого не сказалъ, Надежда Сергѣевна, достойна-ли она, или нѣтъ, была любви: это слишкомъ громко для меня. Дѣвушка эта была такая же чужая въ этой семьѣ,

какъ и я; сирота-воспитанница, безъ которыхъ не обходится ни одна благодѣтельная аристократка: вѣдь, благотворить такъ пріятно! Мари—такъ звали воспитанницу—чувствовала себя несчастною, обиженною судьбой, и вотъ поэтому я началъ присматриваться къ ней, видя въ ней товарища по несчастію. Какъ часто плакала она въ темномъ углу диванной, передавая мнѣ шопотомъ различныя мелкія непріятности своей жизни, какъ ненавидѣла она княжескую семью, какъ рвалась изъ нея, по крайней мѣрѣ, она говорила такъ; и вотъ, кажется, эта общая ненависть заставила меня полюбить Мари, и я полюбилъ ее. Но, должно быть, моя любовь была такъ неумѣла, и такъ не нѣжна, что Мари положительно не замѣчала ее. Не смотря на мою любовь, у насъ были съ ней часто сильные, рѣзкіе споры: меня возмущала ея всегдашняя двуличность, заискиванія и нѣжная предупредительность къ «ma tante», когда въ душѣ она ненавидѣла ее. Въ свою очередь, она всегда умѣла мнѣ доказать, что иначе нельзя, что безъ этого жизнь ея въ домѣ княгини немыслима, и что пока она не будетъ самостоятельна, она должна притворяться, какъ ей это ни тяжело. И я вѣрилъ ей, вѣрилъ, какъ дуракъ!

— Почему вы думали, что Мари не замѣчаетъ вашей любви?—спросила Надя замолчавшаго Смолина.

— Очень просто: по ея удивленію, и притомъ, удивленію на этотъ разъ совершенно искреннему, когда я сказалъ ей, что люблю ее, когда предложилъ идти съ ней вмѣстѣ работать и пробивать себѣ путь въ жизни. Она даже не съумѣла тутъ притвориться, и прикрыться громкою фразой, а такъ искренно хохотала надо мной и надъ моими «ребяческими фантазіями», какъ она говорила, что мою любовь, какъ рукой сняло, и черезъ недѣлю я уже съ ужасомъ думалъ, какъ я могъ хоть ненадолго увлечься и вѣрить этой пустой и безнравственной куклѣ, которая готова была пресмыкаться и цѣловать бьющую руку только

ради того, чтобы княгиня не оставила ее своими милостями и пристроила, какъ свою воспитанницу, и даже дальнюю родственницу, за какого-нибудь надутаго плѣшиваго чиновника.

Смолинъ всталъ и нервно прошелся по комнатѣ.

— Да, дѣйствительно, она была бездушная дѣвушка!— замѣтила Надя, чтобы прервать неловкое молчаніе.

— Дѣло не въ ней,—махнулъ рукой Смолинъ,—она только одна лишняя капля горечи въ моей жизни: вся-то жизнь никуда не годится. Résumé такого рода: я никому не нуженъ, мнѣ никто не нуженъ, слѣдовательно, я лишній, а лишній грузъ выбрасывается за бортъ. Это логика. Нѣтъ цѣли, нѣтъ идеала, нѣтъ ничего, что бы манило впереди, а, вѣдь, согласитесь, такъ жить невозможно, да я и не хочу... Однако, положительно мнѣ надобно уходить; на васъ лица нѣтъ, ложитесь-ка скорѣе,—добавилъ Смолинъ, ласково пожимая руку Нади.—Эхъ, какой я неумѣлый человѣкъ, обрадовался, что изливаться можно, и не посмотрю на васъ! Простите, голубушка, да ложитесь скорѣе.

И Смолинъ вышелъ на цыпочкахъ, какъ будто Надя уже спала. А Надя долго сидѣла и не думала ложиться. Чужое горе точно притупило ея собственное и заставило забыть о себѣ, и долго, уже улегшись въ постель, она все думала о безотрадной жизни Смолина, и шептала: Господи, какой онъ одинокій, несчастный человѣкъ!

## Глава III.

Утро слѣдующаго дня было пасмурное, снѣгъ сыпалъ хлопьями, таялъ, прилипалъ къ ногамъ и дѣлалъ совсѣмъ невозможною ходьбу по улицамъ. Надя сидѣла съ книгой у окна, но, какъ и всегда, книга часто оставалась раскрытою на одной и той же страницѣ, а глаза Нади грустно глядѣли на бѣлую массу вертящихся снѣжинокъ, глядѣли съ тоской, съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ дверь посту-

чались. Надя вздрогнула: она никого не ждала, и такъ привыкла пугаться посѣтителей, что быстро встала и ушла за перегородку, робко проговоривъ мимоходомъ: «войдите!» Въ дверь вошла небольшаго роста старушка съ веселымъ, добродушнымъ лицомъ, она была закутана до глазъ большимъ сѣрымъ платкомъ.

— Что, не ждали гостью въ такую погодку,—засмѣялась она, цѣлуя въ обѣ щеки обрадованную Надю, которая быстро вышла на встрѣчу гостьѣ, услышавъ ея голосъ.

— Не ждала, моя милая Авдотья Никитишна, не ждала, и потому рада вдвойнѣ!

— Ну, рада, такъ пой, мать моя, чаемъ,—добродушно заговорила Авдотья Никитишна, раскутывая безчисленное множество косынокъ.—Всѣ глаза залѣпило, зги Божьей не видно, а, вѣдь, далеко-ли, одинъ переулокъ прошла!

— Садитесь, милая, на диванъ!—ухаживала Надя за старушкой, суетливо отодвигая столъ и раскрывая его для чая.

Авдотья Никитишна была акушерка, къ которой совершенно случайно попала Надя, попала такъ удачно, что часто думала со слезами на глазахъ: «самъ Богъ послалъ мнѣ ее, сжалившись надъ моимъ горемъ». Авдотья Никитишна была, дѣйствительно, женщина рѣдкой доброты и полюбила Надю, какъ родную. Старая дѣвица, вопреки всѣмъ мнѣніямъ о старыхъ дѣвахъ, добрѣйшая и незлобивая, она всю молодость провела, встрѣчая чужихъ дѣтей, говоря, что ей нельзя выходить замужъ, коли у нея на роду написано возиться съ чужими ребятами. Впрочемъ, она воспитывала, вмѣсто дочери, сироту племянницу и подъ старость передала ей свою практику. Своими неустанными трудами Авдотья Никитишна подъ старость скопила себѣ небольшой капиталецъ, пріобрѣла крошечный домикъ, развела куръ и канареекъ и жила на покоѣ, изрѣдка помогая своей племянницѣ только въ какихъ-нибудь экстренныхъ

случаяхъ. Полнѣйшая безпомощность Нади, ея дѣтская неопытность и простота сразу расположили сердце старушки; она полюбила ее, какъ только умѣла любить она, т.-е. все понимая, не осуждая, ни чему не удивляясь. Ея любящее сердце чутьемъ угадало страданія молодого, несчастнаго существа и привязалось къ нему съ чисто материнскою нѣжностью. Всегда веселая, оживленная, энергичная, она однимъ своимъ появленіемъ оживляла Надю; всегда у нея были въ запасѣ шутки, новости, случаи изъ жизни. Въ шестьдесятъ лѣтъ она съумѣла сохранить все свое добродушіе и простоту, и вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій юморъ, что въ соединеніи съ житейскимъ опытомъ и безчисленными интересными приключеніями дѣлало ее незамѣнимою собесѣдницей. При ней всякое горе чувствовалось только въ половину.

Усѣвшись на диванъ, она тотчасъ вынула изъ сакъвояжа какое-то вязанье, но сперва внимательно поглядѣла съ низу въ верхъ на стоящую передъ ней Надю и покачала головой:

— Опять никуда не годишься, ночь, поди, опять не спала, а еще хвалишься, что ребенка жалѣешь! Ты думаешь, можетъ здоровый ребенокъ быть, если ты себя морить будешь?- Авдотья Никитишна знала, что это единственное средство повліять на Надю и заставить ее заботится о себѣ.—Гуляла-ли, по крайней мѣрѣ?

— Гуляла вчера, Авдотья Никитишна; да что это за гулянье: днемъ боюсь встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, а въ сумеркахъ безпрестанно пугаютъ съ разными приставаньями.

— А ты бы сосѣда за бока, Алексѣя Ѳедорыча; онъ, вѣдь, тоже хандрить-то мастеръ; можетъ быть, вѣтромъ иппохондрію-то обдуло бы. Охъ, посмотрю я на васъ, какая вы дрянь нынче стали! Съ молоду-то и жить, а вамъ и молодость точно не въ радость. Ну, про тебя я не говорю теперь, тебя ужъ Богъ пока убилъ, а онъ-то что, ну что

за кавалеръ: ни улыбнется, ни посмѣется, точно все хоронить кого собирается!

Надя, конечно, промолчала о тайнѣ Смолина.

— Жилось-то ему очень плохо, радости въ жизни не было,—сказала она, помолчавъ.

— Эхъ, душа моя, не все въ радости люди родятся, да возростаютъ! Такъ объ этомъ и плакаться всю жизнь? Въ дѣтствѣ было плохо, такъ, вѣдь, теперь за то онъ самъ большой, какъ захочетъ, такъ и устроится; былъ бы царь въ головѣ, да добрая воля. Нельзя голову, зря, вѣшать: тутъ не удалось, тамъ сорвалось, глядь, а на третій разъ и твоя взяла; только не поддавайся тоскѣ, не давай ей осилить себя, а то эдакъ и до петли дойдешь, или, впрочемъ, теперь стрѣльба въ модѣ,—докончила съ досадой старуха, не подозрѣвая, какъ она близка къ истинѣ, говоря о Смолинѣ.

— Да покажи ты мнѣ хоть одного человѣка,—заговорила она снова,—у котораго въ жизни не было никакихъ ударовъ; да у кого ихъ не было, того я и за человѣка-то не сочту, потому у него душа черствая, и не пойметъ онъ ничего; такъ, прости Господи, въ скотину какую-то обратится и образъ Божій потеряетъ.

— Скажу вотъ про себя къ примѣру: выросла я сиротой, жила у брата, съ его дѣтьми няньчилась; невѣстка была хилая да больная, а дѣти почти каждый годъ родились; и какъ, бывало, родитъ, такъ сейчасъ ребенка на мои руки, а мнѣ всего 13 лѣтъ было, самой еще въ куклы играть хотѣлось, и ребята были хилые, неживущіе: маешься, маешься, бывало, и день, и ночь съ ними, да и спасибо ни отъ кого не услышишь, не то что ласковаго слова! Братъ-то испивалъ часто, а невѣстка, ужъ Богъ ее знаетъ,—по природѣ-ли, или по болѣзни, ужъ такая-то капризная была—не приведи Господи; ни чѣмъ-то не угодишь, бывало: и то не такъ, и это не по ней! А все-таки я не чувствовала никакой злобы къ людямъ и всегда вѣрила,

что есть хорошіе люди на свѣтѣ. Богъ привелъ и имъ добро сдѣлать: сиротку дочь послѣ ихъ воспитала и прожила свою жизнь, слава Тебѣ, моему Создателю, и радуюсь всему хорошему, люблю молодость, люблю повеселиться и посмѣяться, и грѣха въ этомъ не вижу.... Ну, вотъ и самоварчикъ принесли! Здравствуй, Катеринушка, — обратилась Авдотья Никитишна къ номерной горничной; — ставь самоваръ-то носомъ ко мнѣ, ужъ я хозяйничать буду, пускай барынька смирно сидитъ... Ужъ, сиди, сиди,—обратилась она къ Надѣ, — сама все знаю, гдѣ что достать. Сосѣдъ-то дома что-ли? Постучать ему въ стѣнку, чайку пусть съ нами попьетъ, у меня кстати дѣльце къ нему есть.

— Секретъ, или нѣтъ?—улыбнулась Надя.

— Ужъ какой секретъ, коли при тебѣ буду говорить, да и о тебѣ почти что.

— Обо мнѣ? Что же такое, Авдотья Никитишна?

— А вотъ услышишь, погоди. Да вотъ онъ и самъ легокъ на поминѣ, а я-то спрашиваю—дома-ли, совсѣмъ забыла, что и день-то неприсутственный. Здравствуйте, батюшка, — поднялась она на встрѣчу Смолину, — чайку не хотите-ли съ нами попить?

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Смолинъ, пожимая руки хозяйкѣ и гостьѣ.

— Чай, слышно, какъ я тутъ ворчу, — усмѣхнулась Авдотья Никитишна, — а все васъ, молодежь браню.

— Что такъ, Авдотья Никитишна, чѣмъ мы провинились?

— Да тѣмъ, что жить не умѣете, молодостью не пользуетесь, все хандрите, да ноете; газету возьмешь, только и есть: застрѣлился, да утопился; вѣры въ васъ нѣтъ, смиряться не умѣете, судьбы не переносите, вотъ что,—ворчала Авдотья Никитишна, энергично перетирая чашки.

— Ахъ, Авдотья Никитишна, если бы вотъ съ вами

съ дѣтства пожить, и мы бы другіе были: все бы и думали, что одни только хорошіе люди на свѣтѣ живутъ.

— Ну, ладно, ладно, не умасливай! Скажите пожалуйста, комплименты мнѣ началъ говорить!

— И главное вотъ что,—заговорила, улыбаясь, Надя,— вѣдь, это все по милости вашей ворчитъ Авдотья Никитишна, вѣдь, все это ко мнѣ мало относится, потому что я то, напротивъ, можетъ быть, черезъ чуръ люблю жизнь и готова вѣрить всегда во все лучшее.

— Да такъ и надобно, Надюша: если тебѣ встрѣтился одинъ человѣкъ сухой, у котораго, вмѣсто сердца, учебникъ вложенъ, и жизнь-то онъ только по книжкѣ вычиталъ, другой попался прямо негодяй, такъ, вѣдь, всѣ-то люди тутъ не виноваты, и по этимъ двумъ нельзя весь свѣтъ судить. Твое горе въ томъ, что безъ семьи ты выросла: съ пятнадцати лѣтъ на свои силы начала надѣяться, а, вѣдь, въ тѣ года силъ-то, силъ въ себѣ сколько чувствуешь! Кажется, нѣтъ вещи, которую не сдѣлалъ бы, и кажется все-то лучше другихъ знаешь! Въ семьѣ ребенокъ-то не такъ скоро начинаетъ своимъ умомъ жить, къ старшимъ приглядывается, да прислушивается.

— Ну, это тоже Авдотья Никитишна, не всегда хорошо,—замѣтилъ Смолинъ,—иногда къ тому приглядится, что и не дай Богъ.

— Ахъ, батюшки мои, я говорю, конечно, про настоящую, хорошую семью, гдѣ отецъ съ матерью честные люди, худая семья, конечно, не примѣръ. Все же семья дѣло великое, и счастливъ тотъ, кто росъ при отцѣ, при матери, ребенку ласка нужна, какъ солнце цвѣтку; безъ нея вырастетъ онъ угрюмый, да нелюдимый, особенно на какой характеръ придется. Безъ хорошей, ласковой семьи ребенокъ вырастетъ—и самъ любви ни къ кому не знаетъ. Ну, а безъ любви къ людямъ жизнь скоро надоѣстъ.

— Ужъ будто и причина только одна, что жить надоѣло?—замѣтилъ Смолинъ.

— Да ужъ какія бы то ни были причины, а начало-то этому одно: жажды-то къ жизни нѣтъ, желанія-то нѣтъ ухватиться за нее... Э, да что я, старуха, заспорила съ вами, я по своему думаю — по старинному, а вы по новому, другъ друга и не поймемъ. Пришла-то я, вѣдь, за однимъ дѣломъ, а сама заговорилась о другомъ, — начала дѣловымъ тономъ, складывая свою работу, старушка.— Хотѣла поговорить съ вами, Алексѣй Ѳедоровичъ, вотъ насчетъ чего: видите сами, конечно, у Надюшки никого здѣсь нѣтъ: ни близкихъ, ни знакомыхъ, да и лишнихъ людей водить къ ней незачѣмъ, такъ хотѣла я просить васъ заранѣе, чтобы спокойнѣе мы съ ней были: ужъ не откажитесь будущаго-то окрестить.

— Что это вы, Авдотья Никитишна, зачѣмъ,—залепетала сконфуженная Надя, краснѣя до слезъ.

— Ну, чего же краснѣть-то! Крестить младенца надо, а Алексѣй Ѳедоровичъ знаетъ всю твою исторію; кромѣ добраго дѣла, тутъ ничего нѣтъ, и грѣхъ отказываться отъ него, отъ такого-то тѣмъ болѣе: ему имя свое дать важнѣе, чѣмъ другому, вѣдь, онъ съ однимъ крестнымъ именемъ и жить будетъ.

Во время этой рѣчи, Смолинъ хмуро кусалъ кончики усовъ и замѣтно поблѣднѣлъ, хотя выговорилъ спокойно:

— Извините, Авдотья Никитишна, не могу! Радъ бы всею душой, но не въ силахъ: я уѣзжаю скоро, очень далеко и надолго.

— Уѣзжаешь?.. — Недовѣрчиво протянула старуха,— что же ты раньше-то не говорилъ ничего?

— Я говорилъ,— глухо промолвилъ Смолинъ;—Надежда Сергѣевна знаетъ, что остаться я не могу.

— Да, я знала это; положимъ, я не настаиваю на просьбѣ Авдотьи Никитишны, но... насчетъ вашей поѣздки я все думала, надѣялась, что вы передумаете еще,— добавила Надя робко, какъ будто съ мольбою глядя на Смолина.

— Причинъ нѣтъ передумывать, — покойно сказалъ тотъ.

Авдотья Никитишна смотрѣла съ удивленіемъ на молодыхъ людей, потомъ на лицѣ ея мелькнула плутовская улыбка: доброй старухѣ почудилесь, что Смолинъ любитъ Надю и, въ силу традиціи, не хочетъ быть ея кумомъ.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ,—рѣшила она,—поищемъ другаго! Однако, четыре часа, пора и по домамъ, и снѣгъ-то кстати пересталъ. Знаешь что, Надюша, пойдемъ-ка ко мнѣ, пообѣдаешь у меня, чѣмъ Богъ послалъ, а назадъ я тебя опять провожу. Хорошо, что-ли?

— Отлично, отлично, Авдотья Никитишна, я живо соберусь. А вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, что будете дѣлать?

— Да мнѣ надобно кое-что прочитать, подумать кое о чемъ.

— Господи,—вздохнула Надя,—хоть бы вы прошлись тоже, а то все думать и думать...—робко договорила она, заглядывая въ лицо Смолину.

— Нѣтъ, пожалуйста, Надежда Сергѣевна, не зовите меня, голубушка, оставьте одного.

— Ну, какъ знаете, до свиданья,—и Надя вышла подъ руку со старухой.

## IV.

На улицахъ было полное освѣщеніе, когда Надя снова подъ руку съ Авдотьей Никитишной шла обратно; вьюга улеглась, и чистый, не успѣвшій распуститься снѣгъ весело сіялъ и поскрипывалъ. Суетливо проходили пѣшеходы, мчались кареты къ театрамъ, улица жила полною жизнью. Надя задумалась: давно-ли ее занимало все это, она тоже участвовала въ праздникѣ жизни! Теперь же все не то, одна гнетущая мысль вѣчною тяжестью давила ее: что-то будетъ со мной? Какъ кончится все это? Измученный мозгъ рисовалъ картины одна ужаснѣе другой; то ей казалось, что она умретъ, умретъ непремѣнно, то ей чудилось, что

всѣ родные пріѣдутъ, узнаютъ о ея позорѣ, отвернутся отъ нея, и она сама не давала себѣ отчета, которая мысль пугала ее больше.

— Ну вотъ и пришли,—прервала ея думы Авдотья Никитишна,—ступай себѣ съ Богомъ, да ложись пораньше.

Надя простилась со старушкой и медленно пошла по корридору; каждый разъ, входя сюда, она чувствовала такой приливъ тоски, точно шла въ могилу. Плохо освѣщенный корридоръ, воздухъ, пропитанный чадомъ кухни и керосиномъ, не давалъ вздохнуть полною грудью и усиливалъ еще больше тоскливое настроеніе. Надя такъ обрадовалась, когда услыхала шаги Смолина, идущаго къ ней.

— Ахъ, какъ я рада, Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы пришли,—нервно заговорила она,—когда я одна, мнѣ еще хуже, у меня тоска ощущается физически: мнѣ больно въ груди, мнѣ нечѣмъ дышать, сказать же объ этомъ Авдотьѣ Никитишнѣ я не рѣшаюсь, она и безъ того такъ много отдаетъ мнѣ своего времени. А вы все были дома?

— Да, Надежда Сергѣевна, я мысленно разработалъ одинъ вопросъ, который случайно закинула въ меня Авдотья Никитишна давеча утромъ. Можетъ быть, моя мысль покажется вамъ дикою, но все-таки выслушайте меня до конца и потомъ скажите свое мнѣніе.

— Что такое, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не понимаю?

— А вотъ послушайте меня терпѣливо. Утромъ Авдотья Никитишна просила меня крестить вашего будущаго ребенка, говоря, что имя его крестнаго отца будетъ его единственнымъ именемъ; вѣдь, это правда, грустная правда. Кому лучше знать положеніе незаконнаго ребенка, какъ не мнѣ, который вынесъ всю горечь этой клички на себѣ. Хотя я былъ поставленъ въ сравнительно лучшія условія, и хлопотами отца, сопряженными съ порядочными денежными тратами, былъ усыновленъ при рожденіи однимъ бѣднымъ дворяниномъ, но, какъ видите, и эт нео

спасло отъ обиднаго названія, а только дало законныя преимущества. Почемъ знать, не это-ли названіе было первою каплей яда въ юности, отъ него отъ перваго явилось сознаніе своей безличности, своей ненужности! Незаконный! Вслушайтесь въ это слово, оно говоритъ само за себя, оно ясно указываетъ на нѣчто ненормальное, невозможное, что нужно удалять.

— Къ чему вы мнѣ говорите это?—со слезами въ голосѣ воскликнула Надя.—Какъ будто я не мучаюсь этою же мыслью! За что же вы еще мучаете меня?

— Я не мучаю васъ, напротивъ, я выставляю на видъ весь ужасъ этого положенія, чтобы понудить васъ безъ колебанія принять выходъ изъ него.

— Выходъ? Какой же у меня можетъ быть выходъ? Объ чемъ же вы говорите?

— Вотъ видите-ли, мысль эта пришла мнѣ въ голову нечаянно, но я полагаю, что ее можно привести въ исполненіе; дѣло въ томъ, что... моя поѣздка,—горько улыбнулся Смолинъ,—какъ вамъ извѣстно, рѣшена безповоротно; дайте же мнѣ хоть передъ смертью сдѣлать одно доброе дѣло, быть хоть разъ въ жизни полезнымъ кому-нибудь; мнѣ, видите-ли, безразлично умирать женатымъ, или холостымъ,—выходите за меня замужъ, Надежда Сергѣевна... Погодите возражать, погодите, я вѣрю, что поразилъ васъ, но послушайте дальше. Мы обвѣнчаемся на-дняхъ въ какомъ-нибудь селѣ; бумаги и у меня, и у васъ въ порядкѣ; у васъ теперь только попечитель, а не опекунъ, котораго вы можете смѣнить сами; его согласіе не важно, тѣмъ болѣе для замужества, такъ какъ къ мужу переходитъ званіе попечителя. Затѣмъ я уѣзжаю... на вѣкъ, выдавъ вамъ предварительно бумагу на свободное проживаніе; впослѣдствіи вы получите бумагу о своемъ вдовствѣ; вѣдь, не потребуютъ же у васъ ее родные и знакомые для провѣрки чиселъ, да и, наконецъ, кому какое дѣло, отчего застрѣлился вашъ мужъ—причинъ много: меланхолія, не-

счастный случай и т. д. Всѣ кумушки, которыя чуяли, что въ вашей жизни что-то случилось, убѣдятся, что это былъ бракъ, который вы скрывали, такъ какъ вышли безъ позволенія родныхъ и т. д. Цѣль будетъ достигнута—ребенокъ будетъ законный и смѣло взглянетъ всѣмъ въ глаза, и ему не за что впослѣдствіи упрекнуть свою мать и злобствовать на судьбу. Что же это съ вами, вы плачете, Надежда Сергѣевна, дорогая моя, я обидѣлъ васъ, оскорбилъ? Ей Богу, я не зналъ... я думалъ,—говорилъ растерянно Смолинъ, суетясь около рыдающей Нади, которая долго боролась съ нервнымъ спазмомъ и, наконецъ, не выдержавъ, залилась слезами.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я не обидѣлась,—судорожно всхлипывая говорила она, — я такъ благодарна вамъ за участіе, за вашу доброту... но мнѣ такъ больно... я сама не знаю... Это пройдетъ, я останусь одна, я должна подумать, завтра я вамъ скажу.

Смолинъ молча вышелъ.

Всю ночь продумала Надя надъ предложеніемъ своего страннаго сосѣда, и къ утру мысль эта ей не стала казаться невозможною, напротивъ, она видѣла въ ней единственное спасеніе, единственный исходъ. Она спасена. Ребенокъ будетъ при ней, она будетъ имѣть право, не скрывая, не таясь, любить его, ласкать. Бѣдный Смолинъ! Но, конечно, если разъ онъ рѣшилъ покончить съ жизнью, то для него-то это все равно. «Господи,—шептала Надя со слезами на глазахъ, глядя на образъ, передъ которымъ теплилась лампада,—прости меня, прости, что я передъ алтаремъ произнесу клятву вѣрности, что я воспользуюсь этимъ таинствомъ ради ребенка, но я заглажу этотъ грѣхъ, не накажи меня за него, не накажи моего ребенка!» И горячія слезы текли ручьемъ по блѣднымъ щекамъ несчастной дѣвушки, но это были хорошія, освѣжающія слезы!...

Смолинъ усердно принялся хлопотать о свадьбѣ, онъ подыскалъ священника въ ближайшемъ селѣ, который

взялся ихъ обвѣнчать, нашелъ необходимыхъ свидѣтелей; онъ хлопоталъ съ какой-то лихорадочной энергіей, точно боялся, что ему кто-нибудь помѣшаетъ исполнить задуманное. Авдотья Никитишна была въ восторгѣ, она не знала подробностей, твердила, что и раньше предвидѣла этотъ бракъ, превозносила Смолина до небесъ и только досадовала на Надю, что та не весела.

— Ну, что ты киснешь-то?! Мать, пресвятая Богородица! Точно ты и не рада, вѣдь, человѣкъ-то какой, съищи другого такого!

— Я очень рада, я счастлива, — говорила Надя, — я понимаю всю его доброту; мнѣ просто нездоровится. я такъ много пережила за это время, погодите, отдохну потомъ.

— Ну, и то правда, тяжело тебѣ, Надюша, вѣрю; ну, дастъ Богъ, черезъ мѣсяцъ все кончится.

И старуха погружалась въ свои хлопоты: она не допускала мысли, чтобы свадьба обошлась совсѣмъ тихо и просто и устраивала сюрпризомъ комнату молодымъ у себя въ домикѣ; для этого пришлось оклеить комнату новыми обоями, кое-что подправить и подновить, однимъ словомъ, придать комнатѣ болѣе уютный и веселый видъ. Надя желала тотчасъ послѣ болѣзни уѣхать домой, и старушка непремѣнно хотѣла отпустить ее отъ себя. Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены. Жениха и невѣсту благословляла Авдотья Никитишна съ мужемъ своей племянницы, онъ же привезъ шафера, своего младшаго брата, скромнаго маленькаго чиновника. Ѣхать приходилось двѣ станціи по желѣзной дорогѣ и потомъ еще десять верстъ, въ сторону, на лошадяхъ. Надя за послѣдніе дни совсѣмъ измучилась и еле держалась на ногахъ.

Послѣ объясненія съ Смолинымъ, она почти не говорила съ нимъ, словно боялась его и стыдилась за свое малодушіе, за свое скорое согласіе. На другое утро того памятнаго дня, когда онъ пришелъ за отвѣтомъ, она ска-

зала только: «благодарю васъ, я согласна!» Но съ той минуты она мучилась, постоянно борясь съ своею совѣстью, упрекая себя за слабость характера; свое счастье она покупала обманомъ и какимъ обманомъ! Но другой голосъ ей робко подсказывалъ, что это единственный исходъ единственное спасеніе—иначе ребенокъ погибнетъ, его настоящій отецъ не позаботится о немъ и отдастъ безъ сожалѣнія въ воспитательный домъ, гдѣ онъ навсегда будетъ потерянъ для нея! Усталая, измученная, она еле забывалась къ утру, но и тутъ страшные сны преслѣдовали ее: то снился большой лѣсъ и она бѣжитъ по глубокому снѣгу, чтобы остановить какое-то страшное несчастіе, но никакъ не можетъ вспомнить, какое; страшно этимъ мучится и бѣжитъ все быстрѣе, завязая въ снѣгу, задыхаясь отъ усталости. И вдругъ, она видитъ впереди себя на снѣгу окровавленнаго человѣка. Тутъ только она вспоминаетъ, зачѣмъ бѣжала: это Смолинъ, она дико вскрикиваетъ и просыпается. То снится ей, что она въ незнакомомъ городѣ, среди толпы людей, и всѣ на нее смотрятъ, а она прячетъ отъ нихъ подъ тальмой ребенка. И вся толпа ищетъ этого ребенка, чтобы его отнять у нея. Она холодѣетъ отъ ужаса, ожидая каждую минуту, что они откроютъ у нея ребенка. И вотъ подходитъ какой-то человѣкъ и, указывая на нее, говоритъ: «вотъ она! Ребенокъ у нея!» Она всматривается въ его лицо, это—Григорій Ивановичъ. Она хочетъ кричать, умолять его, но голоса нѣтъ, горло сдавлено, хочетъ опуститься на колѣни—колѣни не гнутся. Толпа съ дикимъ ревомъ бросается къ ней... Вся въ поту, Надя просыпается отъ ужаса и цѣлый часъ лежитъ съ бьющимся до боли сердцемъ.

Послѣдній день она ходила, какъ автоматъ, исполняя машинально все, что ей говорила Авдотья Никитишна. Машинально она надѣла платье, которое приготовила ей заботливая старушка, и съ сухими глазами поцѣловала ее послѣ благословенія. Въ низенькой, маленькой церкви,

стоя у аналоя, она уже почти не видала ничего: свѣчи и всѣ лица были передъ ней, какъ въ туманѣ; вскорѣ туманъ этотъ усилился, всѣ лица поплыли куда-то, въ ушахъ звенѣло, ей слышалось, кто-то поцѣловалъ ее, кто-то говорилъ что-то, затѣмъ все потонуло въ туманѣ... Еле живую, почти все время не приходившую въ себя, привезли Надю въ квартиру Авдотьи Никитишны. Бѣдная старушка совсѣмъ растерялась, и отъ страха за жизнь своей любимицы, не рѣшилась даже лечить ее сама, не довѣряя своимъ знаніямъ, а сдала на руки своей племянницѣ; Смолина же послали за докторомъ. Сильное нравственное потрясеніе и чисто физическія причины, а именно двадцативерстная дорога, сдѣлали свое дѣло, и на другой день къ вечеру, послѣ сильныхъ страданій, Надя разрѣшилась слабенькою дѣвочкой, явившеюся на свѣтъ раньше срока.

Авдотья Никитишна радостно всхлипывала, крестилась на образа и суетилась, совсѣмъ растерянная. Никто бы не подумалъ, глядя на нее, что Надя ей чужая, а не горячо любимая, родная дочь. Впрочемъ, радость Авдотьи Никитишны была непродолжительна. Надя плохо поправлялась, и на третій день докторъ объявилъ, что у нея начинается воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Цѣлыя три недѣли Надя была между жизнью и смертью, и все это время въ маленькомъ домикѣ не знали, что значитъ сонъ. Авдотья Никитишна и Смолинъ по очереди сидѣли у постели больной, слушая ея несвязный, горячечный бредъ, старушка видѣла въ немъ только бредъ безъ смысла, Смолинъ же угадывалъ его значеніе. Тотъ же кошмаръ преслѣдовалъ Надю: она билась, кричала, ей видѣлась всюду кровь, она плакала, умоляла простить ее, умоляла кого-то не убивать себя, умоляла не отнимать ребенка. Смолину приходилось больше дежурить около ея постели, такъ какъ Авдотья Никитишна возилась съ крошечнымъ существомъ, которое храбро начала выкармливать на рожкѣ. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда больная, казалось, приходила

въ себя, Смолинъ уступалъ свое мѣсто старушкѣ, а самъ, выйдя въ другую комнату, по долгу стоялъ надъ корзинкой, въ которой спало крохотное, беззащитное существо; если бы кто видѣлъ тогда его лицо, то не узналъ бы обычнаго хмураго Смолина: глубокая нѣжная грусть свѣтилась въ его глазахъ, устремленныхъ на спящую дѣвочку. Иногда Смолинъ чувствовалъ, что по его щекамъ скатывается что-то горячее и, точно очнувшись, проводилъ изумленно рукой по глазамъ. Сидя долгія ночи въ полуосвѣщенной комнатѣ у кровати больной, чего не передумалъ онъ! Вся жизнь его день за днемъ проходила передъ нимъ, и онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что жизнь эта, до сихъ поръ пустая и безрадостная, приняла какое-то значеніе, что онъ необходимъ Надѣ, что и онъ, такъ сказать, участвуетъ въ дѣлѣ ея выздоровленія. И когда Надѣ стало лучше, когда докторъ объявилъ, что опасность миновала, у Смолина заныло сердце... Да, пока она была больна, онъ долженъ былъ быть при ней, оберегать ее, ухаживать за ней, но какъ только она выздоровѣетъ, его миссія кончена, онъ долженъ удалиться. Да, теперь-то именно онъ обязанъ сдѣлать это. А, между тѣмъ, мысль покончить съ собой не приходила ему ни разу во время болѣзни Нади: онъ всецѣло былъ поглощенъ заботами о ней; онъ думалъ только, во время-ли дано лѣкарство, не пора-ли перемѣнить ледъ, слѣдилъ за малѣйшею перемѣной въ ея лицѣ, нѣсколько разъ въ день надѣялся и снова приходилъ въ отчаяніе. Въ послѣднюю ночь, которую онъ провелъ около ея постели, Смолинъ понялъ, наконецъ, и признался самому себѣ, что любитъ Надю, любитъ всѣми силами своей души, нерастраченными еще ни на кого. Онъ смотрѣлъ съ тоской на ея исхудавшее блѣдное личико, на ея закрытые глаза, опушенные темными рѣсницами, на худыя, маленькія ручки, лежавшія безпомощно на одѣялѣ. Какое счастье было бы заботиться о ней всю жизнь, оберегать ее, хранить, какъ самое дорогое сокровище! И онъ,

безумецъ, эгоистъ смѣлъ думать, что жизнь пуста, потому что у него не было личнаго счастья! Ну вотъ и счастье, вотъ и жизнь была бы полна: съ ней рука объ руку онъ могъ бы бороться со зломъ; они были бы честны. Что за нужда, что не всѣ будутъ одинаково думать съ ними; у нихъ были бы свои чистые, святые идеалы, во имя которыхъ стоитъ жить! А то маленькое существо, едва увидѣвшее свѣтъ, сколько заботъ отдалъ бы онъ ему; о, онъ знаетъ, какъ мягко, какъ нѣжно сердце ребенка! Какое счастливое дѣтство дали бы они ей, какую хорошую женщину дали бы они свѣту! Но все это мечты, все призраки! Ты долженъ удалиться, нельзя обманомъ связать ея жизнь съ своею; ты хотѣлъ сдѣлать ее свободною, пустить въ жизнь съ новыми силами, исправить сдѣланное зло, такъ будь же вѣренъ себѣ до конца — не стой на ея дорогѣ! Теперь рѣшеніе это будетъ доказательствомъ характера, утѣшься хоть этимъ! И Смолинъ до боли стискивалъ зубы.

## Глава V.

Когда Надя въ первый разъ пришла въ себя, около нея сидѣла Авдотья Никитишна. Надя медленно обвела глазами комнату и, не находя ненавистной ей номерной обстановки, улыбнулась слабою улыбкой.

— Голубушка, Авдотья Никитишна, я у васъ?

— У меня родная!

— Одна?— робко прошептала Надя.

— Нѣтъ, съ дочкой, Надюша; дочка, вѣдь, у тебя.

— Маленькая она, Авдотья Никитишна?

— Ну, извѣстно, небольшая—трехъ недѣль.

— Господи, значитъ, три недѣли прошло, какъ я лежу? Милая, покажите мнѣ ее!

— Нѣтъ, нѣтъ, Надюша, нельзя еще, еще разволнуешься — нельзя. Теперь будешь здорова, Богъ дастъ, успѣешь наглядѣться.

Надя замолчала и снова обвела комнату глазами, словно отыскивая кого-то, но ничего не спросила. Мало по малу, мягкій полусвѣтъ комнаты и однообразное пощелкиваніе спицъ Авдотьи Никитишнинаго чулка убаюкали ее, и она въ первый разъ заснула здоровымъ, укрѣпляющимъ сномъ.

Проснувшись, Надя долго, долго лежала, молча, и прислушивалась къ слабымъ звукамъ, доносившимся до нея изъ сосѣдней комнаты. Въ комнатѣ было темно, одна лампадка давала слабый свѣтъ, освѣщая ликъ Божіей Матери. Надя смотрѣла съ умиленіемъ на него, и горячія слезы бѣжали, помимо ея воли, по ея исхудавшимъ щекамъ: она жива, она снова будетъ здорова, и эгоизмъ выздоравливающаго человѣка вытѣснилъ всѣ остальныя чувства. Вдругъ она услыхала слабый плачъ ребенка; Надя вздрогнула и схватилась за сердце: «Господи, вѣдь, это ея ребенокъ, ея дочка!» Она подняла голову съ подушки и, раскрывъ широко глаза, глядѣла жадно на дверь, прислушиваясь, не повторится-ли снова этотъ милый ей плачъ, но ребенокъ затихъ, и Надя начала приводить въ порядокъ свои мысли. Она помнитъ, какъ сквозь сонъ, свою свадьбу, затѣмъ невыносимыя страданія, а дальше все мракъ, изъ котораго порой, ей чудилось, она видѣла чье-то лицо, наклоненное къ ней, чьи-то ласковые глаза, съ тоскою глядѣвшіе на нее, но эти слабые проблески сознанія смѣшивались съ бредомъ, и она не была увѣрена, казалось-ли ей это только, или было дѣйствительностью. А гдѣ же онъ, ея названный мужъ, тутъ или нѣтъ? Можетъ быть, его нѣтъ уже и на свѣтѣ; неужели онъ уйдетъ, не взглянувши на нее, не выслушавъ ея горячую благодарность! И Надя горько улыбнулась нелѣпости своей мысли: она осталась жить и думаетъ только объ живомъ, а что же ему дожидаться, откладывать, и какъ будто ему нужна на что-нибудь ея благодарность! Все-таки, въ глубинѣ души, ей хотѣлось, чтобы онъ былъ живъ, безъ него ра-

дость ея выздоровленія будетъ отравлена, она такъ привыкла къ нему за послѣднее время, что ей немыслимо казалось его отсутствіе.

Гдѣ-то пробило 8 часовъ, и Авдотья Никитишна на цыпочкахъ заглянула въ комнату Нади.

— Я не сплю, родная моя, войдите, поговорите со мной; я такъ соскучилась объ васъ!

— Ахъ, Надюша, Надюша, радость ты наша, наконецъ-то заговорила ты, узнала меня, старуху,—и Авдотья Никитишна торопливо, стараясь скрыть, смахивала непослушную слезу.

— Покушать не хочешь-ли? Вѣдь, отощала совсѣмъ?

— Хочу, хочу, моя милая, и бульону, и чаю, всего хочу: мнѣ такъ хорошо, такъ легко, что если бы не слабость, кажется, сейчасъ бы встала и сѣла съ вами чай пить!—радостно шутила Надя.

— Ишь ты, прыткая какая,—ласково говорила старушка, гладя по лицу и головѣ Надю;—исхудала-то какъ, поблѣднѣла, всю насквозь точно видно стало, одна-то кожа, да косточки! Ну да все-таки, Богъ не безъ милости: отходили мы тебя съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ.

Надя радостно встрепенулась.

— Такъ и онъ ходилъ за мной?—переспросила она и мысленно добавила: «значитъ, это его лицо помнится мнѣ, наклоненное надо мной».

— Ну да, еще бы, кому же и ходить, какъ не мужу за женой. Онъ-то, бѣдный, больше меня умаялся, я-то вотъ съ дѣвочкой возилась, а онъ все меня уговаривалъ: ложитесь, да ложитесь, Авдотья Никитишна, я посижу; ну я, грѣшница, и рада: силы-то у меня старыя, прикорну, да и засну, какъ убитая, а онъ, голубчикъ, какъ со службы, на-скоро пообѣдаетъ, да вотъ въ этомъ креслѣ и сидитъ всю ночь. Ужъ намъ и докторъ говорилъ, коли бы не уходъ такой хорошій, Богъ бы знаетъ, чѣмъ дѣло

кончилось. Алексѣй Ѳедоровичъ и самъ-то похудѣлъ какъ за это время—не узнаешь его.

— Добрые вы мои,—прошептала Надя, схвативъ руки старушки и осыпая ихъ поцѣлуями, не смотря на сопротивленія послѣдней.—Вѣдь, что я вамъ?—чужая, стою-ли я такихъ заботъ!

— Ну полно, полно, — отмахивалась Авдотья Никитишна, — успокойся: докторъ строго на строго запретилъ тебѣ волноваться; не будешь спокойна, такъ и дочку долго не покажу. Пусти-ка, я вотъ за бульономъ пойду, благо аппетитъ пришелъ,—и старушка озабоченно вышла.

Съ этого дня выздоровленіе Нади быстро пошло впередъ. Черезъ нѣсколько дней она уже полу-сидѣла на кровати, обложенная подушками; на колѣняхъ ея лежала дѣвочка, щуря свои еще мутные глазенки, и растопыривая крохотные пальчики. Надя глядѣла съ восторгомъ на нее, осторожно дотрогиваясь рукой до ея бархатныхъ щечекъ, и, съ радостно блестѣвшими глазами, выражала свой восторгъ стоявшей подлѣ Авдотьѣ Никитишнѣ, которая смотрѣла съ умиленіемъ на эту картину.

«Сама-то ребенокъ, чисто ребенокъ», думала она, глядя на Надю. И въ самомъ дѣлѣ, Надя, сильно похудѣвшая, блѣдная до прозрачности, съ короткими завитками волосъ, остриженныхъ во время болѣзни, производила впечатлѣніе дѣвочки-подростка, а никакъ не матери. Надя желала знать все до малѣйшей подробности, что было въ продолженіи ея болѣзни, и Авдотья Никитишна, ради того, чтобы не заставлять ее говорить, разсказывала ей все до мельчайшихъ подробностей.

Во всѣхъ разсказахъ главную роль игралъ Алексѣй Ѳедоровичъ; безъ него, увѣряла старушка, Надя бы непремѣнно умерла: онъ и за докторами ѣздилъ ночью сколько разъ, никто такъ ловко не умѣлъ оправить Надѣ подушки, никто такъ искусно не умѣлъ влить ей въ ротъ лѣкарство,—однимъ словомъ, весь успѣхъ выздоровленія Авдотья

Никитишна приписывала, главнымъ образомъ, ему. Надя слушала и все вспоминала слова Смолина, который называлъ себя безполезнымъ, неумѣлымъ человѣкомъ. Какъ же онъ ошибался, какъ несправедливо осуждалъ себя! Значитъ, ему просто не доставало дѣятельности, онъ не желалъ примѣнять ни къ чему свои силы и свою энергію. Развѣ это тоже не болѣзнь, не апатія, не меланхолія? Достаточно было одного толчка, гдѣ его дѣятельность понадобилась, и онъ тотчасъ переродился. Самъ Смолинъ бывалъ теперь очень рѣдко, отговариваясь срочною работой своего патрона, работой, запущенной будто во время болѣзни Нади, и поэтому Надя не настаивала, да и ей такъ было тяжело смотрѣть на него и говорить о постороннихъ предметахъ, тогда какъ на душѣ лежалъ тяжелымъ камнемъ гнетущій вопросъ! Съ каждымъ днемъ, выздоравливая физически, Надя дѣлалась грустнѣе и грустнѣе; докторъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что выздоравливающая снова начала терять силы, аппетитъ и сонъ; причинъ положительно не находилось, а, между тѣмъ, фактъ былъ на лицо. Надю мучила мысль, что она должна заговорить съ Смолинымъ первая, а между тѣмъ, что скажетъ она ему: просить остаться жить? Навязаться ему съ чужимъ ребенкомъ въ качествѣ законной жены, умолять его объ этомъ, какъ будто для того, чтобы воспользоваться такимъ особеннымъ случаемъ. Если же молчать, то, Богъ знаетъ, какъ приметъ онъ ея молчаніе, не покажется-ли, что она ждетъ его удаленія, ждетъ своей свободы! Долго ломала себѣ голову Надя, наконецъ, додумалась: она заговоритъ сама, она будетъ умолять его жить, но не ради ея, о, нѣтъ, онъ и такъ много сдѣлалъ для нея; нѣтъ, она уѣдетъ, онъ снова будетъ свободенъ, а черезъ годъ или вообще когда онъ захочетъ, они разведутся, она возьметъ вину на себя и всю жизнь будетъ благодарна ему за свое избавленіе! А, между тѣмъ, одна мысль, что все будетъ кончено, что она не увидитъ его

больше, что онъ будетъ чужой для нея—заставляла болѣзненно сжиматься сердце Нади. «Что значитъ привычка-то,—думала она,—какъ я привыкла видѣть его, разговаривать, совѣтоваться». Въ свою очередь Смолинъ только отговаривался дѣлами, на самомъ дѣлѣ, онъ цѣлые дни ходилъ изъ угла въ уголъ и все думалъ, какую злую шутку судьба устроила ему. Теперь, когда онъ, не вѣрующій ни въ людей, ни въ добро, повѣрилъ во все это, когда онъ полюбилъ, когда онъ могъ бы быть счастливъ, онъ не имѣетъ права жить! Онъ обѣщалъ свободу дѣвушкѣ, онъ предложилъ какъ бы великодушный поступокъ, и что же? У него не хватаетъ силъ выполнить его, и онъ, какъ самый послѣдній, жалкій трусъ оттягиваетъ со дня на день рѣшеніе. Онъ даже не имѣетъ права объясняться—все было сказано раньше, и объясняться—значитъ только взывать къ ея жалости. Почемъ знать, можетъ быть, да даже навѣрное, — она изъ чувства благодарности будетъ увѣрять, что она любитъ его. О, какая пытка! Нѣтъ, будетъ безумствовать, счастье создано не для него. Надя почти здорова, она скоро должна уѣхать, онъ проводитъ ее,—это все, что онъ позволитъ себѣ, этотъ день будетъ его послѣднимъ днемъ!

День отъѣзда Нади не былъ еще положительно назначенъ, ожидали открытія навигаціи, да и Надя плохо поправлялась, и все была худа и блѣдна по прежнему. Впрочемъ, она писала роднымъ, что перенесла сильнѣйшую горячку и потому мало безпокоилась о своей перемѣнѣ. Григорій Ивановичъ прислалъ ей довольно крупную сумму для покрытія всѣхъ издержекъ и прибавлялъ, что считаетъ свои счеты покончеными съ ней, такъ какъ она отклонила всякую заботу о ребенкѣ. Надя, скрѣпя сердце, взяла изъ этихъ денегъ только уплату доктору и аптекѣ, а остальныя отослала обратно, прося разъ навсегда забыть о ея существованіи.

## VI.

На дворѣ стоялъ апрѣль мѣсяцъ. Въ маленькомъ садикѣ Авдотьи Никитишны началась оживленная дѣятельность; старушка сама неутомимо возилась съ утра до вечера: выметала сухія листья, подвязывала кустики крыжовника, смородины и малины, вскапывала землю и мечтала, какіе цвѣты посѣетъ она нынѣшній годъ, какіе кусты ягодъ пересадитъ.

— Вотъ увидишь, Надюшка, въ концѣ лѣта, какая прелесть будетъ, ягодъ-то, ягодъ сколько будетъ обирать; смотри, не опоздай, помогать-то пріѣзжай.

Между ней и Надей рѣшено было, что она оставитъ свою дѣвочку у Авдотьи Никитишны, а потомъ, приготовивши своихъ родныхъ, пріѣдетъ въ концѣ лѣта за ней, или наоборотъ, переѣдетъ вовсе въ Москву. Старушка ухватилась за эту мысль, и разлука съ Надей не такъ мучила ее. Надя тоже сидѣла въ саду на скамейкѣ и съ наслажденіемъ вдыхала въ себя теплый, весенній воздухъ. Легкій вѣтерокъ ласково шевелилъ ея короткіе волосы, воробьи весело чирикали и озабоченно перелетали съ куста на кустъ; пахло сырою землей, грудь дышала такъ глубоко, такъ полно, даже блѣдныя щеки Нади покрылись слабымъ румянцемъ, и глаза сдѣлались глубже и засвѣтились мягкимъ блескомъ.

— Господи, какъ хорошо жить,—говорила она, вздыхая полною грудью,—неужели можно не любить жизни?

— Да кто ее не любитъ, Надичка, смотри: каждая былинка, каждый жучекъ, каждая птичка радуются, да веселятся, а особенно весной-то—жизнь кругомъ и надъ тобой, и вокругъ. А смотри-ка, Надя, супругъ-то твой по двору идетъ, не видитъ насъ,—указывала Авдотья Никитишна на Смолина.—Алексѣй Ѳедоровичъ, сюда, къ намъ идите,—закричала она.

Надя радостно пошла ему на встрѣчу, но, взглянувъ

на него, мгновенно затуманилась: «вотъ человѣкъ, которому жизнь не въ радость,—промелькнуло у нея въ головѣ.—О, что бы я отдала, чтобы сдѣлать ему жизнь счастливою, заставить его полюбить ее, дорожить ею»!

Глядя на его измученное лицо, на его глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, она рѣшила поговорить съ нимъ, не откладывая дальше.

— Авдотья Никитишна,—обратилась она къ старушкѣ, —я пойду немного отдохну: воздухъ сильно дѣйствуетъ на меня, утомляетъ. Какая я еще дрянная! — улыбнулась она.

— Идите, идите, голубчики, и я скоро приду, только вотъ эти грядки докончу.

Надя тихо пошла, опираясь на руку Смолина; весенній воздухъ, дѣйствительно, сильно подѣйствовалъ на ея еще слабые нервы — голова слегка кружилась, ноги дрожали.

— Вы меня усадите на диванъ, — просила она Смолина,—я отдохну немного, а потомъ мнѣ нужно поговорить съ вами, Алексѣй Ѳедоровичъ,—добавила она чуть слышно, нарочно заранѣе отрѣзывая себѣ путь къ отступленію.

Смолинъ заботливо усадилъ ее на диванъ, подложилъ подъ голову подушку и, молча, отошелъ къ окну. Обѣщаніе Нади говорить съ нимъ такъ взволновало его, что онъ молчалъ, боясь, какъ бы голосъ не выдалъ его волненія.

Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова. Надя полулежала съ закрытыми глазами. Наконецъ, она заговорила, не открывая глазъ:

— Алексѣй Ѳедоровичъ, прочтите мнѣ что-нибудь вслухъ, я такъ люблю, когда вы читаете.

— Съ удовольствіемъ, но что же прочесть мнѣ вамъ, Надежда Сергѣевна?

— Вонъ, голубчикъ, на окнѣ новая книжка «Вѣстника Европы», нѣтъ-ли тамъ стиховъ какихъ-нибудь, посмотрите, пожалуйста.

Смолинъ взялъ книгу и сѣлъ на низенькій табуретъ

около Нади, онъ точно боялся глядѣть на нее и исполнялъ все, не поднимая глазъ.

Въ открытое окно, чуть-чуть колыша занавѣски, врывался ароматный вѣтерокъ, ласточка надъ окномъ выдѣлывала свою незатѣйливую руладу. Надя продолжала сидѣть съ закрытыми глазами.

Смолинъ раскрылъ книгу и началъ читать первое попавшееся стихотвореніе:

«Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю»...

Началъ онъ своимъ пріятнымъ, грудным, слегка дрожавшимъ голосомъ. Надя широко открыла глаза и стала жадно слушать; стихотвореніе словно нарочно было выбрано для Смолина. Поэтъ говорилъ въ немъ о любви, о наслажденіяхъ, о всемъ, что можетъ дать молодость и страсть; онъ признавалъ, что въ жизни, кромѣ борьбы и труда, есть личное счастье, котораго нечего стыдиться, нечего избѣгать, въ какой бы безумной формѣ ни выразилось оно—на то и молодость!

«Хочу у милыхъ ногъ и плакать, и молиться...

читалъ дрожащимъ голосомъ Смолинъ; онъ чувствовалъ тоже, что въ стихотвореніи говорится то, чѣмъ полна его душа, и въ этихъ страстныхъ словахъ выражался стонъ его наболѣвшаго сердца:

«Живи для радости!» Какой-то тайный голосъ
Повсюду день и ночь мнѣ ласково твердитъ.
Волна и темный лѣсъ, и золотистый колосъ—
«Живи для радости!»—мнѣ тихо говоритъ.

Голосъ Смолина оборвался, онъ взглянулъ на Надю: она сидѣла, откинувшись отъ подушки, не сводя блестящихъ глазъ со Смолина; вся ея фигура подалась впередъ, точно она рвалась къ нему навстрѣчу....

Смолинъ вдругъ понялъ въ этомъ горѣвшемъ взглядѣ, что Надя любитъ его; что это не жалость, не великодушіе, а любовь, — любовь, которая рвалась къ нему навстрѣчу, ждала отвѣта.

Съ тихимъ стономъ онъ опустился къ ногамъ Нади и, припавъ головой къ ея колѣнамъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ! Вся мука, вся тоска, накопившіяся въ немъ за эти послѣдніе мѣсяцы, вырвались въ этихъ рыданіяхъ!

Онъ рыдалъ долго, неудержимо, и Надя не останавливала его, она только тихо гладила его волосы и изрѣдка цѣловала ихъ.

А въ окошко вѣялъ весенній, ароматный вѣтерокъ, и ласточка щебетала надъ своимъ гнѣздомъ.

**О. Демертъ.**

# ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ОРГАНИЧЕСКАГО ПРОГРЕССА.

*(Окончаніе).*

## IV.

Я считаю не лишнимъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о тѣхъ препятствіяхъ, которыя окружаютъ защищаемую мною идею. Согласно тому, что наибольшее дѣйствіе положительной энергіи должно производить и наибольшее вліяніе на органическую жизнь, я долженъ признать теоретически, что такъ называемые химическіе лучи нормальнаго спектра, т.-е. наиболѣе преломляемые, произведенные, по всей вѣроятности, наиболѣе раскаленными наружными частями солнца, должны оказывать и наибольшее дѣйствіе. Но здѣсь должна быть принята слѣдующая оговорка. Наиболѣе преломляемые лучи подвержены, какъ было уже указано, наибольшему, вмѣстѣ съ тѣмъ, поглощенію ихъ земною атмосферой, а потому, оставаясь наивысшими по скорости, могутъ производить меньшую работу на поверхности земли, могутъ сопровождаться меньшимъ количествомъ движенія, чѣмъ, напримѣръ, лучи свѣтовые.

Не вполнѣ выяснено и даже загадочно также то обстоятельство, какимъ образомъ могутъ производить дѣйствіе на вѣсомыя тѣла земли солнечные лучи, если они представляютъ волнообразныя колебанія невѣсомаго эфира? Объясненіе этого явленія, по всей вѣроятности, надо искать

въ изученіи силы тяжести (притяженія), какъ это и дѣлаетъ Секки. Но если бы удовлетворительнаго объясненія этого обстоятельства и не было сдѣлано, тѣмъ не менѣе, производимое лучистою энергіей дѣйствіе на земные предметы и земную жизнь остается фактомъ. Необходимое для естественныхъ наукъ опредѣленіе механическаго эквивалента свѣта было уже сдѣлано Ю. Томсеномъ. Полученіе эквивалентовъ для другихъ лучей дѣло времени.

Хотя, какъ кажется, зависимость развитія органической жизни на землѣ отъ вліянія лучистой энергіи солнца и достаточно ясно показано мной, но будетъ далеко не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о дѣйствіи другихъ физическихъ факторовъ. Такія силы, какъ притяженіе земли, притяженіе солнца и пр., совершенно не могутъ быть приложены къ объясненію развитія жизни, такъ какъ величина ихъ оставалась, какъ полагаютъ, безъ значительныхъ измѣненій съ очень древнихъ эпохъ. Уменьшеніе давленія атмосферы, довольно сильно измѣнившейся со времени геологическихъ періодовъ, не могло имѣть, судя по опытамъ Поля Бера и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, рѣшающаго значенія. Дрэперъ полагалъ возможнымъ связать появленіе животной жизни съ уменьшеніемъ углекислоты атмосферы, обращенной растеніями въ залежи каменнаго угля. Но это едва-ли можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ остатки животныхъ, какъ и растеній, находятся еще раньше наступленія великой каменно-угольной системы. Кромѣ того, изслѣдованія Бема показали, что и растенія также не выносятъ большаго содержанія углекислоты въ воздухѣ, какъ и животныя. А потому нужно думать, что древнія животныя и растенія или были изолированы отъ введенія въ организмъ углекислоты особыми приспособленіями, или же % углекислоты, находившейся въ атмосферѣ и въ водахъ морей, не былъ особенно значителенъ.

Уменьшеніе температуры солнца въ теченіи геологи-

ческихъ эпохъ, если оно и было, какъ полагаютъ Бландетъ и Сапорта, могло происходить только значительно медленнѣе, чѣмъ охлажденіе небольшой массы земнаго шара; поэтому, если эта идея Бландета и вѣрна, увеличеніе притока солнечныхъ лучей на земную поверхность, благодаря очищенію атмосферы, должно было происходить значительно быстрѣе, чѣмъ нейтрализующее вліяніе уменьшенія солнечной температуры.

Незначительное сжатіе земной оболочки въ теченіи геологическихъ эпохъ, давшее разстояніе между высочайшими вершинами горъ и глубочайшими участками дна морскаго только въ какія-нибудь 15 верстъ, или около $^1/_{400}$ земнаго радіуса, конечно, указываетъ, какъ медленно происходитъ сжатіе и внутреннее охлажденіе планеты. А между тѣмъ, намъ говорятъ, что солнце въ теченіи первичной и даже вторичной и третичной эпохъ было какой-то колоссальной величины и успѣло за это время превратиться въ то ядро, какимъ мы видимъ его теперь. Не слишкомъ-ли гипотетично такое предположеніе?

Особенно серьезное значеніе имѣетъ для настоящаго очерка выясненіе того, въ какомъ отношеніи стоитъ высказанная мною идея къ гипотезѣ Ч. Дарвина о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора—гипотезѣ, такъ глубоко вкоренившейся даже въ отдаленныхъ убѣжищахъ науки.

Дарвинъ рисуетъ передъ нами обширную картину природы. Сложныя взаимныя отношенія организмовъ, вѣчно и неизбѣжно находящихся въ борьбѣ за существованіе, образуютъ безконечно подвижную запутанную сѣть. Случайныя измѣненія даютъ верхъ однимъ организмамъ надъ ихъ сосѣдями и губятъ другихъ, для которыхъ эти измѣненія не принесли выгоды, и которыхъ, слѣдовательно, естественный подборъ не выдвинулъ изъ смертоноснаго сраженія въ разрядъ привиллегированныхъ.

Измѣнчивость организмовъ, общая борьба ихъ за су-

ществованіе, преимущества полезныхъ измѣненій въ борьбѣ — вотъ три основныхъ понятія, опредѣляющихъ гипотезы естественнаго подбора среди органической природы, какъ ее начерталъ Дарвинъ.

Центральнымъ пунктомъ построеній Дарвина является понятіе о пользѣ. Что полезно организмамъ, то сохраняется природой и представляется глазамъ ученаго, какъ явленіе развитія жизни. Все то, что вредно, навсегда вычеркивается изъ списка органической жизни и погребается на кладбищѣ исторіи. Но стоитъ только направить лучъ научной критики на это построеніе Дарвина, чтобы тотчасъ возродилось глубокое сомнѣніе въ правильности такой точки зрѣнія. Можно-ли вводить въ научныя обобщенія такое понятіе, напоминающее телеологическій строй мысли, какъ принципъ пользы? Не стремится-ли такое представленіе отрѣзать законы жизни отъ общаго строя понятій о природѣ, біологію—отъ общей цѣпи наукъ. Сомнѣніе въ правильности постановки всего вопроса Дарвиномъ заставляетъ разсмотрѣть, согласуются-ли важнѣйшія явленія органической жизни съ выводами знаменитаго писателя.

Высшая жизнь, появившаяся изъ нѣдръ вѣчной борьбы за существованіе только въ послѣдніе геологическіе періоды, гарантируетъ-ли своими многочисленными приспособленіями устойчивость организмовъ? Нисколько. По Конту, чѣмъ выше жизнь, тѣмъ легче и скорѣе она прекращается; и это въ общемъ подтверждается геологіей. По Биша, органы позднѣйшаго образованія, и въ то же время наиболѣе совершенные въ человѣческомъ организмѣ, прекращаютъ свою дѣятельность, при постепенномъ наступленіи смерти, прежде всего. Тотъ фактъ, что высшая жизнь—будемъ-ли мы разсматривать самые совершенные виды или высшіе органы индивидуумовъ, характеризуется своею неустойчивостью, вполнѣ согласуется съ развиваемою въ этомъ очеркѣ идеей. Въ самомъ дѣлѣ, высшая жизнь

представляетъ метоморфозъ высшей формы энергіи, и получающаяся черезъ это высокая напряженность жизни больше всего должна подвергаться въ органическомъ мірѣ разрушающему вліянію окружающей среды, подчиняясь общему закону разсѣянія энергіи. Но съ точки зрѣнія Дарвина, неустойчивость высшей жизни, завоевавшей себѣ мѣсто въ природѣ, рѣшительно стоитъ въ противорѣчіи съ принципомъ полезности.

Низшая жизнь представляетъ типы организмовъ наиболѣе неразвитые, лишенные всѣхъ тѣхъ сложныхъ орудій, которыми снабдила природа высшихъ представителей. А между тѣмъ, не эти-ли незначительные представители органической жизни наиболѣе плодовиты, наиболѣе распространены, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени? И такъ, неизбѣжный выводъ долженъ быть таковъ, что принципъ пользы, выгоды, положительно опровергается данными біологіи. Утонченная гармонія въ строеніи высшихъ организмовъ является выраженіемъ не полезности ея въ борьбѣ за существованіе, она возникла въ силу появленія на земной поверхности наивысшей формы энергіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе неустойчивой лучистой энергіи солнца.

«Какую выгоду,—можемъ мы спросить,—говоритъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи о происхожденіи видовъ (пер. Рачинскаго),—доставила бы инфузоріи, глистѣ или даже земляному червю высшая организація»? (стр. 104). Дѣйствительно, выгоды, кажется, нѣтъ никакой. Но почему это отрицаніе выгоды въ развитіи какой-нибудь инфузоріи приложимо именно для нея, а не приложимо ко всѣмъ другимъ видамъ органической жизни? Развѣ инфузорія не должна, по гипотезѣ естественнаго подбора, такъ же бороться за существованіе съ громадною массой своихъ соперниковъ, какъ и всякій другой организмъ? Дарвинизмъ ставитъ однимъ изъ основныхъ положеній, что наиболѣе дѣятельная борьба за существованіе происходитъ

между болѣе близкими организмами, а также, что наиболѣе распространенные виды подвержены и наибольшимъ измѣненіямъ. Моря, какъ извѣстно, занимаютъ $^2/_3$ всей поверхности земнаго шара. Уже однимъ этимъ обстоятельствомъ, независимо отъ распредѣленія организмовъ по вертикальному направленію въ водахъ, должно обусловливаться громадное распространеніе морскихъ животныхъ и растеній, что, дѣйствительно, и наблюдается. И такъ, не на сушѣ, а именно въ морскихъ водахъ, съ ихъ богатствомъ жизни, должны мы ожидать найти наивысшую жизнь, если принципъ пользы въ борьбѣ за существованіе и другія положенія дарвинизма имѣютъ силу въ дѣйствительной жизни; именно тамъ настоящая арена для борьбы за существованіе, тамъ долженъ пожинать свои успѣхи естественный подборъ. Но оказывается, что морская фауна стоитъ значительно ниже фауны суши. У такихъ характерныхъ представителей моря, какъ инфузоріи, самъ Дарвинъ не нашелъ, не смотря на громаднѣйшую численность этихъ животныхъ, никакихъ особенныхъ признаковъ выгоды въ происходящей борьбѣ за существованіе. Поэтому, не слѣдуетъ-ли обратиться за разрѣшеніемъ вопроса о коренныхъ измѣненіяхъ, вопроса о развитіи жизни, къ инымъ реальнымъ дѣятелямъ природы? Не слѣдуетъ-ли сказать, что инфузорія, глиста и земляной червь только потому не имѣютъ высшей организаціи, что всѣ они удалены отъ прямаго вліянія лучистой энергіи, найдя убѣжище: инфузорія въ водѣ, глиста—во внутренностяхъ животныхъ, и земляной червь—въ землѣ.

Такъ какъ значеніе пользы не оправдывается фактами, то сомнѣніе въ правильности введенія этого принципа въ научныя построенія, возникшее a priori, превращается теперь въ рѣшительное отрицаніе; а потому я здѣсь снова возвращаюсь къ тому міровоззрѣнію, которое было условно принято въ самомъ началѣ очерка. Такъ какъ мы повсюду находимъ только движеніе матеріи, то должны быть и

далеки отъ всякихъ телеологическихъ представленій. Зависимость между тѣлами или молекулами можетъ выражаться только ударомъ. Если разсматривать, напримѣръ, случай столкновенія двухъ тѣлъ, то мы должны быть далеки отъ понятія о выгодѣ для котораго-либо изъ тѣлъ. Одно изъ тѣлъ можетъ обладать большимъ количествомъ движенія, можетъ обусловить собой направленіе для другаго столкнувшагося тѣла, но очевидно, что на происшедшій результатъ не могло повліять никакое представленіе о выгодѣ, хотя субъективно мы и можемъ говорить о преимуществѣ или о выгодѣ перваго тѣла надъ другимъ. Все зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ соотношеній движеній. А если это такъ, то для чего спрашивать, какъ это дѣлаетъ Дарвинъ, какую выгоду принесетъ высшая организація инфузоріи, глистѣ или земляному червю? Животное, подвергаясь долговременному вліянію лучистой энергіи, должно измѣнять свои отправленія и органы такъ же независимо отъ понятія о выгодѣ, какъ и въ случаѣ регрессивнаго вліянія той же силы. Оно должно такъ же измѣняться, какъ измѣняется растеніе при дѣйствіи свѣта на хлорофиллъ листовъ, какъ измѣняется углекислота, разлагаясь на свои составныя части. Если бы мы даже признавали за человѣкомъ или вообще за животнымъ абсолютную свободу воли, то и въ этомъ принципѣ Дарвинъ не могъ бы найти прочнаго опорнаго пункта, такъ какъ организмы растительные стояли бы въ противорѣчіи съ такимъ взглядомъ на природу.

Дарвинъ былъ такъ далекъ отъ принятой здѣсь точки зрѣнія, что отвергалъ даже вліяніе климата, т.-е. совокупности дѣйствій свѣта, теплоты, давленія атмосферы и пр. на ходъ измѣненій организмовъ. Но многіе писатели раньше Дарвина,—каковы Бюффонъ, Э. Ж. Сентъ-Илеръ, Гете, Контъ, Дрэперъ, ясно сознавали значеніе окружающей среды. И въ послѣднее время нѣкоторые ученые, какъ Клаусъ, Вейсманъ, принуждены были въ

своихъ изслѣдованіяхъ признать для многихъ случаевъ рѣшающее значеніе внѣшнихъ условій. Благодаря неправильности постановки вопроса объ естественномъ подборѣ, Дарвинъ принужденъ былъ выразить, что «я... не вѣрю ни въ какой законъ необходимаго развитія»... (стр. 279) и прибавлялъ, что «естественный подборъ не влечетъ за собою общаго и необходимаго закона прогресса и развитія» (стр. 104). И, дѣйствительно, естественный подборъ путемъ борьбы за существованіе не можетъ обусловить собой одного какого-нибудь направленія въ безчисленныхъ комбинаціяхъ измѣненій, производимыхъ рукой природы. Естественный подборъ беретъ для жизни все, что выгодно организмамъ, и во всѣхъ направленіяхъ, а между тѣмъ, существованіе одного направленія, именно общаго развитія органическихъ формъ,—неопровержимый фактъ. Поэтому, если вводить въ біологію понятія гипотезы Дарвина, то подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать, что въ природѣ происходятъ различныя стремленія, и среди этихъ стремленій преобладаетъ одно направленіе, одно стремленіе, именно, происходящее отъ постепенно прибавлявшагося, въ теченіи длиннаго ряда тысячелѣтій, вліянія лучистой энергіи на поверхности земнаго шара. Но очевидно, что для такого рода представленій, выраженія «естественный подборъ», такъ же какъ и «борьба за существованіе», должны быть замѣнены другими. Естественный подборъ Дарвина, съ его принципомъ полезности, такъ же, какъ и филетическая сила Нэгели, такъ же, какъ жизненныя силы Биша, основателя ученія о витализмѣ, — всѣ эти представленія идутъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ естествознанія, принявшаго за правило принимать всѣ явленія природы, какъ механическія движенія. Хотя такой пріемъ даетъ возможность только съ условными ограниченіями рѣшать вопросы какъ внутренняго, такъ и окружающаго міра, но мысль человѣческая не могла бы иначе ориентироваться и начать понимать въ хаосѣ впечатлѣній,

если бы она не расчленяла того, что слито, если бы не разсматривала отдѣльно части, чтобы познать цѣлое, если бы не ограничивалась немногимъ, чтобы впослѣдствіи узнать большее. Сначала должно быть рѣшеніе элементарныхъ вопросовъ человѣческаго вѣдѣнія, рѣшеніе въ смыслѣ позитивной философіи съ ея основнымъ закономъ механической причинности (детерминизма), и только послѣ этого можетъ открыться болѣе обширный горизонтъ для правильной дѣятельности человѣческаго духа.

Ученіе Герберта Спенсера представляетъ, по своему серьезному философскому значенію, пожалуй, не менѣе серьезное препятствіе для изложенныхъ мною идей, чѣмъ доктрина Дарвина. Въ своемъ сочиненіи «Основныя начала», Спенсеръ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятія о развитіи. «Развитіе есть интеграція матеріи, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія, во время которой матерія переходитъ изъ состоянія несвязной и неопредѣленной однородности къ состоянію опредѣленной и связной разнородности, а неизрасходованное движеніе претерпѣваетъ аналогичное же превращеніе».

Въ процессѣ развитія Спенсеръ сопоставляетъ понятіе о переходѣ однороднаго въ разнородное съ понятіемъ о потерѣ энергіи (движенія). И въ примѣры для этого опредѣленія онъ беретъ какъ процессъ сгущенія матеріи, образующей охлажденныя небесныя тѣла, такъ и процессъ образованія высшихъ органическихъ формъ. Происхожденіе разнообразныхъ веществъ планетъ, по ихъ сложности, какъ нужно думать, можно считать аналогичнымъ явленіемъ съ образованіемъ сложныхъ органовъ высшихъ организмовъ. Но если въ первомъ случаѣ происходитъ разсѣяніе теплоты, то находимъ-ли то же явленіе во второмъ? Ничего подобнаго; вопреки формулѣ Спенсера, высшія животныя обладаютъ наивысшимъ развитіемъ теплоты, наивысшимъ развитіемъ нервной силы, среди всего органическаго міра. Наиболѣе сложныя органическія вещества образуются только

подъ вліяніемъ наивысшаго рода энергіи,—подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Очевидно, приложеніе философской формулы Спенсера нельзя распространять въ предѣлы біологіи, если только ее можно вообще принимать.

Если во всей вселенной происходитъ общее разсѣяніе энергіи, уменьшеніе силъ съ высокою напряженностью, благодаря переходу ихъ въ низшія, то нельзя не принимать, что этотъ же законъ долженъ простираться и на поверхность земнаго шара. Это такъ и бываетъ: солнечные лучи, падающіе на землю, претерпѣваютъ затрату своей напряженности. Но, тѣмъ не менѣе, на земной поверхности это явленіе носитъ исключительный характеръ. Постепенное разрѣженіе земной атмосферы дало возможность лучамъ солнца все больше и больше проникать черезъ нее, а поэтому, при полномъ соблюденіи закона разсѣянія энергіи, въ результатѣ получилось постепенное увеличеніе количества положительной энергіи на поверхности нашей планеты, такъ что законъ органическаго развитія, находящагося въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ результатомъ, долженъ опредѣляться иначе, чѣмъ законъ развитія вообще.

Но и опредѣленіе общаго закона развитія Спенсера едва-ли можетъ выдерживать критику. Разсѣяніе энергіи (движенія), въ сущности, представляетъ начало регрессивное, начало противоположное тому процессу, который мы привыкли обозначать словомъ «развитіе». Если же принять такое обозначеніе, то, не смотря на это, все-таки еще остается примирить главное затрудненіе, т.-е. соединить понятіе разсѣянія (движенія) съ понятіемъ о переходѣ однороднаго въ разнородное. Чѣмъ больше происходитъ разсѣянія движенія во вселенной, тѣмъ ближе находится вселенная къ состоянію однообразія, къ равномѣрному распредѣленію движенія. Разсматривая отдѣльныя небесныя тѣла, напримѣръ, спутника земли, луну, кажется, довольно трудно найти въ этомъ случаѣ, что «умноженіе слѣдствій идетъ въ геометрической прогрессіи». Мертвенное одно-

образіе явленій, совершающихся на поверности луны, едвали можетъ такъ успѣшно служить примѣромъ для Спенсера, какъ это онъ старается выяснить въ явленіи остыванія земнаго шара.

Не смотря на всю глубину исходной точки, взятой Спенсеромъ въ основаніе его философіи, не смотря на логичность построенія всѣхъ его сочиненій, ему никогда не удается сдѣлать правильной оцѣнки явленій, и онъ приходитъ къ заключеніямъ, ясно бросающимся въ глаза своею шаткостью и неправильностью. Такъ, напримѣръ, въ указанномъ уже выше сочиненіи, заканчивая свое объясненіе явленія развитія (эволюціи) и разложенія; онъ говоритъ: «Неизбѣжно думать, что всемірно существующія притягательныя и отталкивательныя силы... производятъ то громадный періодъ, въ теченіи котораго преобладаютъ притягательныя силы и порождаютъ всемірное сгущеніе, то громадный періодъ, въ теченіи котораго преобладаютъ отталкивательныя силы и порождаютъ всемірное разсѣяніе; происходитъ смѣна эпохъ развитія и эпохъ разложенія».

Читая это, невольно закрадывается мысль, что если «неизбѣжно думать» такимъ образомъ, принимая излагаемое Спенсеромъ ученіе о развитіи и разложеніи, то уже не лучше-ли совсѣмъ не принимать этого ученія?

Л. С—кій.

## ПОЭТУ.

Въ мигъ вождѣленный Фидій коснулся рѣзцомъ вдохновеннымъ
Мрамора хладнаго статуи дивной, но мертвой богини:
Ожилъ безчувственный мраморъ, прекрасныя очи богини
Вдругъ загорѣлись огнемъ жизни и мысли священнымъ.

Въ пурпурѣ устъ зазмѣилась улыбка игриво
И на ланитахъ, какъ въ небѣ зорька вечерняго Мая,
Нѣжный румянецъ зардѣлся живой красотою играя;
Дѣвственно грудь всколыхнулась подъ тихимъ дыханьемъ стыдливо,
И предъ творцомъ Галатея мгновенно предстала живая.

Также и ты, о, художникъ-пѣвецъ вдохновенный!
Творческимъ чувствомъ коснешься ты мысли холодной,
Въ образы чудные, въ звуки гармоньи свободной
Ты облечешь ея смыслъ и нѣмой, и безгласный,
И передъ міромъ предстанетъ она, какъ живая,
Радугу чувствъ и восторга въ заснувшихъ сердцахъ пробуждая.

**А. Федоровъ.**

# ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СЛЕСАРЯ АНДРЕЯ.

**(Картинки изъ жизни рабочаго люда).**

Мастерская Кузьмы Захарыча — довольно обширная мастерская: она занимаетъ цѣлую половину этажа большого дома. Въ ней работаютъ сорокъ пять человѣкъ взрослыхъ мастеровъ, четырнадцать мальчиковъ учениковъ и еще нѣсколько поденщицъ-бабъ, которыя чистятъ и обмываютъ отъ масла сработанныя вещи.

Кузьма Захарычъ изъ всего этажа удѣляетъ себѣ только четыре комнаты, остальныя же всѣ занимаетъ мастерская. Все помѣщеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ: изъ кухни, изъ спальни взрослыхъ мастеровъ и изъ спальни мальчиковъ-учениковъ. Кузьма Захарычъ человѣкъ разсудительный и умный, поэтому у него во всемъ введена строгая экономія. Все у него прилажено и устроено, какъ можно дешевле и удобнѣе. Такъ, напримѣръ, спальня мастеровъ представляетъ собою два этажа; длинныя полати величиною въ цѣлый потолокъ, это—первый этажъ. На нихъ лежатъ матрацы, не выколачиваемые и не высушиваемые чуть-ли ни съ самаго открытія мастерской.

Второй этажъ, это—пространство между поломъ и полатями. Здѣсь уже гораздо чище: рабочіе спятъ на койкахъ, хотя иногда и по двое на одной, но это все-таки лучше, чѣмъ въ повалку, какъ на полатяхъ. Этотъ этажъ предста-

вляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и комнату для куренія табаку и распиванія чаю. Тутъ стоятъ столы, скамейки, сундуки для всякого домашняго скарба. Подъ кроватями прячутся четвертныя съ водкой, впрочемъ, съ водкой—очень рѣдко, большею частью онѣ стоятъ пустыя, а если и случается, что онѣ полны, то это на какой-нибудь часъ. Рядомъ съ ними лагунки съ дегтемъ для смазыванія сапогъ, льняное масло для работы, скипидаръ. Всякій предметъ издаетъ свой собственный запахъ. Стѣны совсѣмъ черны отъ табачнаго дыма и пропитаны махоркой.

Ученики-подростки помѣщаются въ еще болѣе грязномъ мѣстѣ. У мастеровъ полъ моетъ кухарка разъ въ недѣлю, а здѣсь моетъ мальчишка только два раза въ годъ: передъ Рождествомъ и Пасхой.

Мастерская досталась хозяину слѣдующимъ образомъ. Въ молодости онъ былъ очень красивъ и статенъ; работалъ въ качествѣ слесаря у одной сорока-лѣтней вдовушки, которая, надо сказать, очень любила наслажденія жизни и для этой цѣли выбирала изъ своей мастерской рабочихъ покрасивѣе и помолодцоватѣе. Вдовушкѣ понравились черные, длинные усы Кузьмы Захарыча, румяныя щеки, высокій ростъ, пріятный тонъ голоса... и всесильный амуръ подстрѣлилъ ея сорока-лѣтнее сердце. У вдовушки появились безсонныя ночи, сладкія грезы, заоблачныя мечты, слезы и прочія принадлежности амура... Вдовушка, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, затосковала, и въ одинъ прекрасный день пригласила къ себѣ въ покои предметъ своей высокой страсти; поставила ему водки, закуски. И съ этихъ поръ онъ сталъ принадлежать ей. Кузьма Захарычъ пришелся ей по вкусу и по характеру. Она полюбила его страстно. Ревновала его ко всякой, даже къ своей кухаркѣ, пятидесяти-лѣтней старухѣ. Для Кузьмы Захарыча это было истинною пыткой, но онъ, какъ ловкій и дальновидный парень, вышелъ изъ этой пытки побѣдителемъ. Онъ такъ съумѣлъ поставить себя

въ отношеніи вдовушки, что она черезъ полгода вполнѣ увѣрилась въ немъ и вышла за него замужъ, а ровно черезъ десять лѣтъ отправилась на тотъ свѣтъ, оставивъ милому мужу мастерскую и скопленныя деньги. Кузьма Захарычъ возликовалъ и успокоился. Доставшаяся мастерская уже давно пользовалась хорошею репутаціей, и потому дѣла шли хорошо. Въ это время Кузьмѣ Захарычу пошелъ тридцать второй годъ, онъ думалъ сначала жениться, но потомъ рѣшилъ, что женатому жить дорого: пойдутъ дѣти, жена заболѣетъ, хлопотъ слишкомъ много, связанъ во всемъ, лучше быть свободнымъ и не жениться. Рѣшивъ такимъ образомъ, Кузьма Захарычъ долго подыскивалъ подходящую бабу и, наконецъ, нашелъ въ лицѣ своей кухарки, рязанской уроженки, Авдотьи. Онъ повысилъ ее чиномъ — изъ кухарки сдѣлалъ ее экономкою. Прежде такой должности въ мастерской не было; Кузьма Захарычъ ввелъ ее въ видѣ исключенія. Авдотья обжилась, привыкла и даже почувствовала нѣчто въ родѣ любви къ своему хозяину и сожителю. Кузьма Захарычъ также былъ очень доволенъ ею: она его лелѣяла, берегла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сама не дорого стоила. Ко всѣмъ ея достоинствамъ прибавлялось еще одно, которое имѣло громадную цѣну въ глазахъ Кузьмы Захарыча: Авдотья въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, прожитыхъ ею въ мастерской, ни одного разу не была беременна.

Не смотря на отсутствіе формальныхъ связей брака, жизнь ихъ все-таки велась чисто семейнымъ образомъ. Кузьма Захарычъ ничего больше не искалъ и окончательно почилъ отъ дѣлъ, предоставивъ работать своимъ мастерамъ. Онъ повелъ спокойную жизнь обезпеченнаго холостяка: ни о чемъ не хлопоталъ, ни къ чему не стремился и не о чемъ не безпокоился. Жилъ и наслаждался: ѣлъ, пилъ, спалъ. Въ теченіе десяти лѣтъ у него выработался довольно опредѣленный и пріятный шаблонъ дня,

по которому и до сихъ поръ живетъ Кузьма Захарычъ, ни въ чемъ никогда его не измѣняя.

Ложится онъ въ одиннадцать часовъ вечера, причемъ его сожительница горой взобьетъ пуховую перину, откроетъ одѣяло, поправитъ подушки и скажетъ:

— Готово, Кузьма Захарычъ!

— Ложись, Дунюшка!

Кузьма Захарычъ ляжетъ и черезъ три, четыре минуты захрапитъ густымъ басомъ, такъ сильно, что слышно за нѣсколько комнатъ.

Утромъ, ровно въ девять часовъ, онъ проснется, полежитъ немного, помечтаетъ, покуритъ душистую сигару, потомъ встанетъ, надѣнетъ халатъ и туфли.

— Ванька, воды, мыться!—кричитъ онъ ученику.

Ванька, спотыкаясь, бѣжитъ и даетъ хозяину умываться.

Далѣе возносится благодарственная за спокойно проведенную ночь молитва къ Богу. Помолившись, Кузьма Захарычъ садится къ столу, за которымъ уже возсѣдаетъ Дунюшка и разливаетъ кофе.

— Дунюшка, рюмочку анисовой,—говоритъ Кузьма Захарычъ.

Дунюшка даетъ рюмку анисовой. Онъ выпиваетъ и закусываетъ жирнымъ балыкомъ.

— Эхъ, передъ кофейкомъ-то славно!—говоритъ онъ, вытирая бороду и съ удовольствіемъ гладя себя по животу. Крѣпкая анисовка несетъ божественную теплоту по жиламъ.

— Ну, теперь можно и за кофей!

Начинившись до сыта кофеемъ, онъ въ заключеніе выпиваетъ еще рюмку анисовки и собирается идти въ мастерскую...

Таковъ у него ежедневный утренній шаблонъ, вошедшій въ плоть и кровь его долголѣтнимъ упражненіемъ.

Относительно рабочихъ Кузьма Захарычъ былъ такого мнѣнія, что имъ потачки давать не надо, иначе придется

закрывать мастерскую, и самъ умрешь съ голоду, и рабочимъ пользы никакой не будетъ отъ этого. Поэтому, входя въ мастерскую, онъ принимаетъ грозный, строгій видъ: брови насупитъ, на лобъ нагонитъ суровыя морщины, голову подыметъ вверхъ и, только предварительно совершивъ все это, является къ рабочимъ Юпитеромъ-громовержцемъ. Тѣ, разумѣется, трепещутъ отъ страха, по всей мастерской живо проносится:

— Хозяинъ идетъ, хозяинъ идетъ!

Всѣ дѣлаютъ серьезныя лица и ускоряютъ движенія, чтобы показать, что работаютъ усердно. Если день—не понедѣльникъ, то дѣло обходится довольно мирно. Кузьма Захарычъ слегка побранитъ кого-нибудь, единственно для того, чтобы не забывались; потаскаетъ за ухо или за волосы, случайно навернувшихся на этотъ разъ мальчишекъ, и, по добру по здорову, спокойно отправится во свояси: пить анисовку, закусывать и читать газету, какъ и вообще подобаетъ хозяину.

Но за то Кузьма Захарычъ терпѣть не можетъ понедѣльника. Этотъ день для него—самый несчастный день недѣли. Дѣло въ томъ, что рабочіе, какъ извѣстно, имѣютъ гадкую, вульгарную привычку опохмѣляться, вслѣдствіе чего въ понедѣльникъ работа у нихъ не такъ споро идетъ.

Для понедѣльника у Кузьмы Захарыча есть, спеціально для этого, особый шаблонъ.

Въ понедѣльникъ, входя въ мастерскую, Кузьма Захарычъ злобно бормочетъ про себя:

— Что-то дѣлаютъ мои балбесы? Всѣ-ли на работѣ, подлецы? Пожалуй, половина пьянствуютъ еще со вчерашняго дня... Балбесы!

Далѣе Кузьма Захарычъ начинаетъ вглядываться въ лицо каждаго: съ похмѣлья онъ, или нѣтъ?

Вотъ онъ остановился передъ однимъ. Физіономія у этого красная, какъ вареный ракъ, глаза налиты кровью.

— Что? Вчера, подлецъ, пьянствовалъ,—сегодня голова болитъ, работать не можешь, какъ слѣдуетъ... Что красный, говори!—Прикрикиваетъ на него Кузьма Захарычъ.

— Виноватъ, Кузьма Захарычъ, вчера пропустилъ маленькую,—вставъ изъ за верстака, робко говоритъ рабочій.

— То-то маленькую, всѣ вы, балбесы, маленькую, а на утро работать не можете, руки трясутся... Хозяина въ трубу выпустить хотите. Жалованье-то любите получать, прохвосты!

Рабочій молчитъ, конфузливо опустивъ повинную голову.

— Что молчишь-то? Кто съ тобою говоритъ, хозяинъ или нѣтъ?

Въ мастерской у Кузьмы Захарыча была введена чисто военная дисциплина: когда хозяинъ дѣлалъ кому-нибудь выговоръ, тотъ долженъ стоять передъ нимъ прямо, руки по швамъ.

— Я хозяинъ, или нѣтъ?—повторилъ опять Кузьма Захарычъ, важно поднявъ голову и отставивъ ногу:—правило не знаешь? А?

— Виноватъ, Кузьма Захарычъ, забылъ!

Рабочій вытягивается, какъ солдатъ передъ офицеромъ, выражая этимъ свою вину и глубокую преданность хозяину.

— А теперь-то выпилъ зачѣмъ? Ишь водкой разитъ, словно изъ бочки, говори, сколько выпилъ?

— Одинъ стаканчикъ, Кузьма Захарычъ,—пищитъ жалобнымъ тономъ рабочій.

— Балбесъ!

Кузьма Захарычъ ругается, съ досадой плюетъ въ сторону, дѣлаетъ озлобленное лицо и идетъ дальше.

Прикащикъ Антонъ, главный распорядитель по мастерской, такъ и лебезитъ передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ.

— Всѣ на работѣ?—обращается Кузьма Захарычъ къ нему.

— Захара одного нѣтъ! Онъ боленъ.

— Знаю, какая болѣзнь въ понедѣльникъ бываетъ... Пьянствуетъ гдѣ-нибудь, подлецъ! Писалъ ему штрафъ?

Кузьма Захарычъ рѣшительно не хочетъ вѣрить, что рабочій можетъ заболѣть какою-нибудь серьезною болѣзнью въ понедѣдьникъ. По его мнѣнію, рабочій въ понедѣльникъ можетъ болѣть только отъ вчерашняго пьянства. Бѣда, кто заболѣетъ въ понедѣльникъ: штрафа все равно не избѣжитъ, правъ-ли онъ, или не правъ. Бывали случаи, что по понедѣльникамъ работали больные, единственно для того, чтобы не платить штрафа.

Разругавъ всѣхъ и все на разные лады, Кузьма Захарычъ, какъ человѣкъ, исполнившій свою священную обязанность, съ покойною совѣстью отправляется въ свои покои, съ досады выпиваетъ рюмку анисовки, садится на диванъ съ газетой въ рукахъ и читаетъ Лейкинскую сценку. Его сожительница, Дунюшка, садится рядомъ съ нимъ: вяжетъ чулокъ, или починяетъ исподнюю аммуницію Кузьмы Захарыча, а мастера работаютъ и потѣютъ, погоняемые усерднымъ подхалюзникомъ, Антономъ.

—

Сегодня суббота, день легкій, и потому Кузьма Захарычъ никого изъ рабочихъ не громилъ. Хотя, впрочемъ, не могъ совсѣмъ удержаться отъ своей привычки задавать всѣмъ страха и, проходя къ себѣ, ни за что, ни про что ругнулъ новичка-ученика, который, испугавшись строгаго, суроваго вида и грознаго хозяйскаго голоса, тутъ же заплакалъ, за что отъ хозяина и получилъ здоровую волосянку: впередъ будь спокойнѣе, не плачь, когда ругаютъ.

Не смотря на то, что все обошлось мирно, рабочіе были рады, когда Кузьма Захарычъ ушелъ, и по всей мастерской пронеслось:

— Слава Богу, убрался...

Лица у всѣхъ сразу повеселѣли и приняли свое обычное выраженіе, тогда какъ въ присутствіи хозяина всѣ

были натянуты и сосредоточены. Среди стука молотка по наковальнѣ, среди визга желѣза, скоблимаго напильникомъ, шума колесъ токарныхъ станковъ, слышится иногда разговоръ, веселыя шутки, пѣсня вполголоса... Работаютъ съ пѣсней, веселѣй спорится работа.

Вотъ Андрей, упорно нагнувшись надъ станкомъ, вытачиваетъ что-то. Руки работаютъ, а голова дѣлаетъ свое дѣло. Мысль Андрея летитъ далеко, далеко отсюда. Летитъ въ Олонецкую губернію, въ деревню Липкино. Въ этой деревнѣ у него стоитъ домъ, не то что очень исправный и новый, но жить въ немъ можно; а живутъ въ немъ: его жена, двое дѣтей и мать.

Андрей и слесарь, и крестьянинъ. Зимой слесарь, лѣтомъ крестьянинъ.

Человѣкъ онъ очень работящій и энергичный. Земли у него немного да и та плоха, но онъ не бросаетъ ее, прилежно работаетъ надъ ней, всячески старается улучшить достоинство ея: унавоживаетъ, нѣсколько разъ пашетъ и боронитъ и т. д., но, не смотря на все это, земля родитъ скупо: семьѣ не хватаетъ хлѣба на цѣлый годъ, и она должна прикупать. Впрочемъ, олончане всѣ прикупаютъ: и лѣнивый, и прилежный. Климатъ холодный, земля плоха, хлѣба родится мало. Всѣмъ приходится прикупать, а для прикупки надо деньги, и вотъ, ради того, чтобы семья не умерла съ голоду, мужья, братья, отцы отправляются въ отхожіе промыслы, кто на что способенъ и къ чему привыкъ. Отецъ Андрея въ дѣтствѣ свезъ его въ Петербургъ, отдалъ въ слесарную мастерскую, гдѣ, пробывъ пять лѣтъ, Андрей получилъ дипломъ мастера-слесаря.

Весной Андрей всегда уѣзжалъ домой въ деревню для исполненія крестьянскихъ работъ. Тутъ онъ учился пахать, боронить, косить, сѣять, словомъ, всему крестьянскому дѣлу. Такимъ образомъ, Андрей вышелъ молодцомъ на всѣ руки, человѣкомъ, для котораго была бы работа — онъ не пропадетъ. Послѣ смерти отца, онъ женился на

любимой бабѣ, которой и онъ также нравился за его веселый характеръ, красивое лицо и блестящіе сапоги съ бураками, привезенные имъ изъ Петербурга. Женившись, онъ очень сильно привязался къ родному дому, къ деревнѣ, и когда приходила нужда, онъ чрезвычайно неохотно ѣхалъ въ Петербургъ на заработки. Онъ предпочиталъ брать работу вдвое тяжелѣе, чѣмъ въ Петербургѣ слесарная, но только—чтобы работать недалеко отъ своей деревни. Онъ скорѣе соглашался въ трескучій морозъ, въ сильную вьюгу рубить въ лѣсу бревна, и на своей едва живой кляченкѣ возить ихъ за десять, за пятнадцать верстъ, лишь бы только ночевать у себя дома, подъ родною кровлей, на родной печкѣ...

И Андрею, не смотря на тяжелый трудъ, весело жилось въ деревнѣ!

Но бываютъ такіе годы, что урожая не хватаетъ и на пять мѣсяцевъ; работы кругомъ нѣтъ, волей-неволей долженъ ѣхать въ Петербургъ, браться за слесарное искусство... Вотъ и теперь онъ пріѣхалъ въ Питеръ въ силу такого положенія дѣлъ.

Андрей работаетъ, но мысль далеко отъ работы, она въ деревнѣ Липкино, вьется около жены и дѣтей.

«Что-то они тамъ? Сыты-ли, здоровы-ли? — думается Андрею.—Нѣтъ-ли тамъ бѣды какой: пожара или чего-нибудь въ этомъ родѣ? Вѣдь, на свѣтѣ все можетъ быть. Міръ не обижаетъ-ли бабу? Безъ мужа бабу легко всякій можетъ обидѣть... Не завела-ли баба любовника: это тоже часто бываетъ»... Думы въ этомъ направленіи ползли одна за другою и наводили тоску на Андрея; онъ сталъ скучать не на шутку. «Эхъ, если бы урожайный годъ, не торчалъ бы я здѣсь, жилъ бы себѣ дома на привольи».

Скучно Андрею!

Чѣмъ бы поразвеселить себя и отшибить неотвязныя думы?

— Кузьмичъ, схлопочи-ка полштофчикъ къ обѣду:

стаканчикъ какъ хватишь, все какъ будто повеселѣе,— шепчетъ Андрей своему товарищу, работающему немного поодаль.

— Хорошо бы... Какъ-нибудь скомандуемъ.

Пришло врема обѣда. Пока кухарка приготовляла ложки, рѣзала хлѣбъ, мастера сошлись въ спальнѣ.

— Какъ бы выпить?—поднялъ вопросъ Андрей.

— Да давайте въ складчинку.

— Идетъ! Какъ-нибудь наберемъ на четверть.

Рабочій, Кузьмичъ, пошелъ съ шапкой кругомъ; въ нее повалились пятаки, гривенники, и черезъ пять минутъ было собрано на четверть водки. Все дѣлалось осторожно и тихо. Передъ обѣдомъ каждый, кто далъ свою посильную лепту въ общее дѣло, выпилъ по стакану водки. Послѣ обѣда давался часъ отдыха, рабочіе легли спать и скоро захрапѣли.

Ученики также пообѣдали, но ихъ обѣдъ очень ничтоженъ, и они чувствовали себя голодными.

Чтобы вознаградить себя за голодный обѣдъ, ученики воровали у хозяина матеріалъ и продавали; на деньги, вырученныя отъ продажи, покупали что-нибудь изъ съѣстнаго и сообща съѣдали. Всѣ твердо держали эту тайну и дѣйствовали другъ для друга: такъ, если одинъ замѣтитъ что-нибудь, что легко можно стянуть, но если этому, замѣтившему, почему-либо нельзя, то онъ передаетъ другому, другой «сдѣлаетъ дѣло» и подѣлится со всѣми.

— Теперь, кажется, хозяинъ сталъ аккуратнѣе... вѣрно замѣтилъ кого-нибудь...

— Ну, да, замѣтилъ?! Ничего не замѣтилъ, а такъ себѣ, случай такой, что ничего нѣтъ.

— Придется кухаркѣ чѣмъ-нибудь услужить, да хоть у ней спросить хлѣбца.

— Да, это, кажется, удастся... Давеча она говорила, что надо будетъ письмо передать любовнику-то ейному, это пожарному-то.

— Ну, смотрите, братцы, если пошлетъ кого, дастъ хлѣба за работу,—дѣлиться!

Въ такомъ родѣ разговоръ шелъ около получаса. Миколка, самый старшій ученикъ, которому до срока ученья осталось всего три мѣсяца, не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ сидѣлъ молча и думалъ крѣпкую думу. У него въ корридорѣ, въ темномъ углу, были спрятаны двѣ большія, толстыя желѣзныя полосы, и онъ раскладывалъ въ головѣ планъ, какъ бы ему улучить минутку, взять эти полосы, чтобы никто не видѣлъ, и продать...

Миколка парень рослый и здоровый. Онъ, поэтому, царь среди его сотоварищей, мальчугановъ мелкихъ и забитыхъ. Ему девятнадцать лѣтъ, по характеру онъ крайне твердый и устойчивый. Никто на него ни въ чемъ не можетъ повліять, или убѣдить къ чему-нибудь такому, съ чѣмъ онъ самъ не согласенъ. Если онъ слушаетъ вашъ разговоръ, то это только такъ, для вида, ни въ чемъ онъ съ вами не согласится, не подумавъ хорошенько о томъ, что вы ему проповѣдуете. Въ головѣ у него всегда своя собственная мысль, твердо попирающая все, что противно его взглядамъ. Только одна сила въ состояніи покорить его чужой волѣ—это сила положенія хозяина. Да и то, впрочемъ, не на долго и не прочно: до тѣхъ поръ, пока хозяйскій глазъ наблюдаетъ за нимъ.

Миколка сложилъ понятіе о сожительницѣ Кузьмы Захарыча, какъ о самой злой и несправедливой женщинѣ; терпѣть не могъ ея, и хозяйская сила даже мало могла заставить его измѣнить его взглядъ. Однажды, подъ горячую руку, Миколка выругалъ сію злополучную сожительницу, да такъ сильно, что та ударилась въ слезы, и въ такомъ плачевномъ видѣ, съ каплями на глазахъ, отправилась къ своему патрону, Кузьмѣ Захарычу; тотъ вошелъ въ гнѣвъ и здорово оттаскалъ Миколку. Бѣдняга Миколка, не смотря на свою привычку и выносливость къ побоямъ, даже всплакнулъ отъ боли, и съ досады и оскорбленія

таскалъ себя за волосы и за уши. Страшенъ онъ былъ въ это время! Миколка злился на самого себя, на свой характеръ... Однако, этотъ случай на него подѣйствовалъ въ нѣкоторомъ родѣ: Миколка сдѣлался хитрѣе, закрытѣе, рѣшилъ не такъ ясно и открыто проявлять свои дѣйствія. Въ немъ явилась двойственность. Онъ въ глаза сожительницу хвалилъ, льстилъ ей, называлъ доброю, а за глаза, въ душѣ всячески ругалъ и ненавидѣлъ... За его упрямый, непримиряющійся характеръ ему попадало колотушекъ больше всѣхъ. Это, однако, его нисколько не измѣнило, напротивъ, онъ озлобился на всѣхъ и на все и сдѣлался еще непокладливѣе. Онъ, видимо, сильно нравственно страдалъ. Это отражалось и на его физіономіи: онъ вѣчно ходилъ нахмуренный, пасмурный. Имъ всегда овладѣвала какая-то неопредѣленная тоска. Его среда показала ему исходъ изъ этой постоянной душевной неудовлетворенности. Исходъ, разумѣется, самый обыкновенный и заурядный въ его кругу: Миколка полюбилъ водку, но водка мало успокаивала его, хотя онъ нѣсколько и забывался, но веселья, того безшабашнаго, разгульнаго веселья, которое такъ любитъ рабочій людъ, и которое дается имъ одною только водкой, у него не было, у него являлась еще болѣе сильная злость, ему хотѣлось мстить, онъ ругался и скандальничалъ.

Миколка одинъ изъ всѣхъ стоялъ одиноко отъ товарищей: они ему какъ-то не соотвѣтствовали, онъ ихъ считалъ ниже себя и глупѣе. Поэтому, онъ, если что-нибудь предпринималъ, то всегда втихомолку отъ остальныхъ... Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Вечеромъ, когда многіе изъ мастеровъ ушли въ баню, Миколка обѣ желѣзныя полосы снесъ знакомому кузнецу и продалъ за шесть гривенъ; изъ этихъ денегъ на гривенникъ онъ купилъ ситнаго и патоки и съѣлъ дорогой, чтобы не подѣлиться ни съ кѣмъ изъ «пустоголовыхъ товарищей», какъ онъ ихъ называлъ. Но у него все-таки была добрая душа:

если бы онъ самъ былъ побогаче, и если бы его брюхо требовало меньше пищи, онъ не оставилъ бы безъ дѣлежки никого. Кромѣ того, Миколка такъ привыкъ къ водкѣ, что она сдѣлалась для него необходимою потребностью, такъ что дѣлиться ему было очень трудно...

Миколка съѣстнаго купилъ всего только на гривенникъ, остальныя же деньги спряталъ на завтрашній день— купить водки и закуски.

— —

Насталъ праздникъ.

Разскажемъ, какъ онъ прошелъ и чѣмъ окончился. Заглянемъ въ комнату взрослыхъ мастеровыхъ.

Одиннадцать часовъ утра. Рабочіе уже успѣли понакрасить носъ: всѣ пропустили по крупной столбушкѣ сивушнаго яда. Извѣстная русская пословица, такъ пришедшаяся по вкусу и нраву русскому человѣку: «кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ», вполнѣ оправдывалась. Лица у всѣхъ красныя и веселыя. Въ комнатѣ ихъ человѣкъ двадцать пять, остальные сидятъ въ трактирѣ или шатаются гдѣ-нибудь на улицѣ, наигрывая на гармоникѣ безшабашныя, разгульныя пѣсни... Хохочутъ, горланятъ, ругаются: Въ комнатѣ повисъ шумъ и гамъ. Плывутъ облака табачнаго дыма. Воздухъ невыносимъ, но груди присутствующихъ не чувствуютъ этого, привыкли. У каждой койки у столика сидитъ кучка рабочихъ, на столѣ у нихъ водка, огурцы или селедка на закуску. Въ одномъ углу въ совершенно безсознательномъ видѣ лежитъ пьяный и бормочетъ что-то про себя, надъ нимъ смѣются и острятъ цинично. Въ другомъ спорятъ о какомъ-то пятакѣ, который былъ данъ на водку... А вотъ, прислонившись къ перегородкѣ, плачетъ дядя Егоръ, похоронившій недавно жену. Съ ней жилъ онъ хорошо, дружелюбно, теперь остался одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ. Бывало, горе-ли, радость-ли, они съ женою дѣлятъ пополамъ. Водки въ то время онъ пилъ мало: рюмку передъ

обѣдомъ, рюмку передъ ужиномъ. Веселье, приносимое водкой, разгуломъ, замѣнялось у него мирнымъ, кроткимъ, хотя и мѣщанскимъ счастьемъ семейной жизни. Теперь, вмѣстѣ съ женой онъ потерялъ какъ бы все на свѣтѣ.

«Что я буду теперь дѣлать одинъ-то?—твердилъ онъ безпрестанно самому себѣ.—Кто сваритъ такія щи со свининой, какія варила моя Марфуша?» Дядя Егоръ жилъ съ женой на особой квартирѣ. Онъ нанималъ уголъ. Жена его, «Марфуша», была прачка, женщина трудолюбивая и честная. Она любила своего мужа, равно какъ и онъ любилъ ее. Общій ихъ заработокъ былъ двадцать пять, двадцать восемь рублей въ мѣсяцъ. Обѣдали оба они внѣ дома: Егоръ у хозяина, а Марфа у прачки-хозяйки, ужинали же всегда дома; къ ужину Марфа приготовляла гречневую кашицу или горохъ, любимыя будничныя кушанья Егора. Въ праздники оба они и обѣдали, и ужинали дома. По праздникамъ варились щи со свининой, которыми Егоръ всегда объѣдался и про которыя говорилъ: «будь я богатъ, всегда ѣлъ бы щи со свининой». Марфа улыбалась и радовалась, что умѣла такъ угождать вкусу супруга. Послѣ обѣда они пили чай въ прикуску и съ маленькимъ кусочкомъ лимона. Послѣ чаю шли за ворота зѣвать на прохожихъ или играли другъ съ другомъ въ дурачки. Постепенно приближался вечеръ, вечерній чай, ужинъ... Когда Егору почему-либо не спалось, то Марфа, лежа съ нимъ на постели, въ своемъ крошечномъ углу за занавѣской, разсказывала супругу сказки, прибаутки, и Морфей мало по малу забиралъ въ свои счастливыя объятія счастливую пару.

И Егора не тянуло въ кабакъ къ водкѣ.

Жизнь ихъ была мелочна, ничтожна, мышиная, но счастливая. И хорошо, если бы на Руси было побольше такихъ ничтожныхъ жизней, среди этого класса людей!

Потерявъ жену, Егоръ потерялъ и эту мышиную, но спокойную жизнь.

Онъ одинъ-одинешенекъ, теперь ему не съ кѣмъ слова сказать. Скучно Егору! Вотъ онъ и прибрелъ изъ своей опустѣлой квартиры въ мастерскую: не будетъ-ли веселѣе. Здѣсь онъ съ горя выпилъ лишнее; водка ударила ему въ голову, опять вспомнилась ему Марфуша—и онъ заплакалъ.

— И каши такой никто не сваритъ!—Причитываетъ онъ. Слезы катятся по его багровому, пьяному лицу. Съ виду онъ очень жалокъ, товарищи же его съ одушевленіемъ смѣются надъ нимъ.

— Выпей еще, Егоръ, каша да щи еще вкуснѣй покажутся.

— А еще выпьешь, такъ и Марфуша съ того свѣта вернется...

Третій начинаетъ уговаривать его:

— Не плачь, Егорушка, не плачь, не много потерялъ: жена—что сатана, отвязалась и ладно!

Но бѣднягу Егора все это только еще больше оскорбляло и безпокоило, и онъ сильнѣе плакалъ и громче причитывалъ, къ общему смѣху товарищей.

Далѣе, на кровати, у стѣнки токарь Антипъ всласть цѣлуется со своею любовницей. По его адресу сыплются со всѣхъ сторонъ скабрезныя шутки и поговорки, но онъ не обращаетъ вниманія и съ любовницей, папиросницей по профессіи, мирно попиваетъ водочку, закусывая сладкимъ поцѣлуемъ. Оба любовника, объятые амуромъ, совсѣмъ забыли объ окружающихъ. Они, въ концѣ концовъ, совсѣмъ напились пьяные. Курьезовъ, происшедшихъ въ этотъ день, было чрезвычайно много, но я не буду описывать ихъ, такъ какъ всѣ они носятъ болѣе или менѣе неизящный, въ печати неудобный характеръ, поэтому лучше оставить ихъ и продолжать.

Въ углу, какъ было выше сказано. происходилъ споръ о томъ, кто сколько далъ на водку, и кто сколько выпилъ.

Явился этотъ споръ потому, что одному, который будто бы больше всѣхъ далъ денегъ въ союзную казну, водки не досталось ни капельки. Онъ забунтовалъ, сталъ требовать свои деньги обратно. Собрался кружокъ участвующихъ въ вышивкѣ и началъ судить, да рядить, съ кого требовать лишне выпитое. Мало по малу, дѣло дошло до драки, которая, однако, благодаря одному счастливому случаю окончилась скоро и благополучно, безъ потери зубовъ и челюстей. Въ самый разгаръ драки вошелъ Андрей, весело наигрывая на гармоникѣ нашего національнаго трепака. Не участвующіе въ дракѣ бросились плясать, дерущіеся же на минуту заглядѣлись на нихъ, эта минута и была виновницей примиренія: дерущимся послѣ паузы было стыдно приняться вновь за драку. Положеніе ихъ было критическое, нуженъ былъ какой-нибудь исходъ, и вотъ они, какъ будто по командѣ, всѣ разомъ ринулись въ плясъ. Подошвы и каблуки не жалѣлись и превосходно выстукивали всѣ русскіе «па» подъ разгульное наигрываніе гармоники. Пыль столбомъ вилась по комнатѣ, а стукъ и гамъ были такіе, какихъ, навѣрное, не было при погибели Содома и Гоморры. Всѣ вспотѣли и устали.

— Ну, довольно!

— Теперь бы по стаканчику!

— Собирайте складчину!

Стали собирать, но денегъ оказалось мало.

— Что жъ? Надо бы заложить что-нибудь?

— Что? Ничего нѣтъ, ничего!

Пошли опять переговоры относительно вещи для заклада.

— Э, да я новые сапоги заложу, теперь жены нѣтъ, не для чего франтить, можно въ старыхъ походить!—рѣшилъ дядя Егоръ, которому, вслѣдствіе его тоски, очень хотѣлось выпить. Товарищи одобрили его рѣшеніе и подобострастно хлопали его по плечу.

— Валяй, Егорушка, валяй! Будешь всѣмъ другомъ.

Онъ умилился душой, видя, что его такая большая толпа такъ старательно упрашиваетъ, умилился, живо снялъ съ себя новые сапоги съ калошами, надѣлъ старенькіе съ дырами и побѣжалъ закладывать. Рабочіе стали ожидать. Завязался разговоръ, и какъ водится, о житейскихъ предметахъ: о дороговизнѣ водки, о плохомъ урожаѣ въ деревняхъ, о худомъ кормѣ въ мастерской и т. д. Андрею надоѣло слушать и онъ вышелъ въ комнату къ ученикамъ,— посмотрѣть, что они тамъ дѣлаютъ. Онъ засталъ слѣдующую художественную картину.

Прежде всего, бросаются въ глаза два закадычныхъ друга. Одинъ сидитъ на табуреткѣ, другой рядомъ съ нимъ на сундукѣ, голова втораго лежитъ на колѣняхъ перваго, и послѣдній у друга скребетъ ножикомъ въ головѣ: ищетъ извѣстныхъ насѣкомыхъ.

Въ этомъ полезномъ и пріятномъ занятіи друзья провели около часа, послѣ чего произошла маленькая перемѣна положеній: теперь второй вооружился ножикомъ, а первый легъ къ нему на колѣни и началась та же работа.

Неподалеку отъ нихъ сидитъ кучка и играетъ въ карты, въ самую любимую ими игру «въ носы». Одинъ, хорошо знающій эту игру, получаетъ награду за свое умѣнье: взявъ въ руки штукъ двадцать картъ, онъ съ аппетитомъ задуваетъ ими своего товарища по носу и во всеуслышаніе считаетъ: сорокъ, сорокъ одинъ, сорокъ два... Всѣхъ ударовъ приходилось дать двѣсти восемьдесятъ; бьющій ликуетъ и ухмыляется, на лицѣ у него отражается удовольствіе; и онъ все сильнѣе и сильнѣе напрягаетъ ударъ, а наказуемый уже морщится и даже охаетъ, охаетъ совершенно искренне, отъ боли, но ему стыдно передъ товарищами показаться нѣженкой и онъ притворно, дѣланно улыбается, и этимъ свои «охи» обращаетъ какъ бы въ шутку.

— Наконецъ-то послѣдній! —проговорилъ бьющій и на-

прягъ всѣ силы своей властительной руки, чтобы заключительный ударъ по боли превышалъ всѣ предъидущіе. Наказуемый только тяжело вздохнулъ и охнулъ. Даже двѣ слезинки выкатились изъ глазъ.

— Ну, слава Богу, конецъ!—невольно проговорилъ онъ.

Товарищи засмѣялись. Носъ у него сталъ красный съ синеватымъ оттѣнкомъ. Ему не хотѣлось больше играть, но товарищи могли подумать, что онъ труситъ, дѣйствительно онъ трусилъ, но ему не хотѣлось показать этого. Онъ подыскивалъ предлогъ уйти.

— Я, братцы, не буду играть больше:—гулять пойду.

— Ага, струсилъ!

— Нѣтъ, надоѣло.

Его долго срамили, «строили насмѣшки» надъ нимъ, однако, онъ былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, не сталъ играть и вышелъ на улицу, потирая свой наболѣвшій носъ.

Шага на три отъ играющихъ, забившись въ уголъ, сидитъ уединенно отъ всѣхъ, съ виду забитый мальченка, желтый, болѣзненный...

Туловище у него нагое, у него надѣты только одни штаны, рубашка же снята, и онъ ищетъ въ ней блохъ и другихъ насѣкомыхъ. Этотъ мальчикъ — замѣчательная въ нѣкоторомъ родѣ личность, онъ представляетъ изъ себя нѣкотораго рода типъ, часто встрѣчающійся въ мастерскихъ. Два слова о немъ. Онъ только три мѣсяца, какъ пріѣхалъ изъ деревни и поступилъ сюда въ ученики. Послѣ свободной деревенской жизни онъ очутился въ душной мастерской, гдѣ суррогатомъ ученія является волосянка, ругань, побои. Мальчугану, привыкшему жить на волѣ и вполнѣ распоряжаться своими дѣйствіями, какъ это было въ деревнѣ, трудно сразу понять окружающую его среду. Трудно сразу переломить свободныя деревенскія привычки и переродиться. Кромѣ того, въ мастерской, какъ и вездѣ среди подростающихъ по

какой-то разъ заведенной традиціи, существуетъ общій гнетъ надъ «новичкомъ». Надъ нимъ смѣются, командуютъ, приказываютъ, даже бьютъ его же товарищи, но раньше поступившіе и обжившіеся. То же случилось и съ этимъ мальчуганомъ: его запугали, забили. Онъ робко запрятался въ самого себя, пересталъ быть веселымъ, какимъ былъ въ деревнѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ, сдѣлалъ самъ себѣ уголъ и забился въ него. Товарищество его страшило. Вотъ уже три мѣсяца, а онъ не можетъ приспособиться, привыкнуть къ окружающему. Что съ нимъ будетъ впереди—вопросъ. Дѣтство, проведенное въ такой средѣ, много оставляетъ по себѣ на всю жизнь. Срокъ ученія въ мастерскихъ обыкновенно пять лѣтъ. Эта пяти-лѣтняя угнетенность и молчаливость въ годы, въ которые только начинаютъ складываться привычки, ложится чернымъ пятномъ на душу ребенка... и разные бываютъ исходы: одинъ (большею частью это бываетъ, если онъ характера твердаго, устойчиваго, не примиряющагося), лишь выйдетъ изъ ученья, пріучается заглушать наболѣвшія впечатлѣнія прошлаго въ водкѣ — пьянствуетъ, и это является исходомъ; другой,— обыкновенно слабенькій, болѣзненный,—такъ и остается на всю жизнь забитымъ, угрюмымъ тихоней. Вотъ онъ уже и теперь сидитъ молча, угрюмо, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ, въ углу, чтобы никто не видѣлъ; лицо его выражаетъ страданіе, ему какъ-то стыдно товарищей, онъ еще не привыкъ къ той грязи, въ которой живутъ они... Но я уклонился...

Далѣе сидятъ опять два задушевныхъ друга, оба занимаются тѣмъ же, чѣмъ и прочіе, т.-е. ищутъ въ своей аммуниціи насѣкомыхъ.

Такъ полезно и весело ребятенки проводятъ праздничное время...

Но не всѣ такъ, не всѣ боятся нашествія паразитовъ. Вотъ, напримѣръ, девятнадцати-лѣтній Миколка, о кото-

ромъ мы уже упоминали: у него, какъ и у всѣхъ, есть паразиты, но онъ не занимается ими: ему-ли терять веселое, драгоцѣнное, праздничное время на такіе пустяки, на бабье дѣло! «Я лучше водку пить буду, а пусть они тамъ меня кусаютъ, вѣдь, и имъ надо же чѣмъ-нибудь кормиться, вѣдь, и они жить хотятъ». Дѣйствительно, онъ своему слову вѣренъ. У него на столѣ стоитъ водка, два огурца, все куплено на вырученныя вчера за краденое желѣзо деньги. Онъ весело и бодро похаживаетъ по комнатѣ, отъ времени до времени выпивая рюмочку и подсмѣиваясь надъ товарищами, что они занимаются «бабьимъ дѣломъ». Онъ чувствуетъ себя свободно, хорошо. Походка его выражаетъ нѣчто властительное. Водка его подбодрила, прибавила куражу, и онъ смотритъ совершеннымъ хозяиномъ: говоритъ смѣло, съ апломбомъ, самымъ увѣреннымъ тономъ. Онъ никого не боится, не стѣсняется, словомъ, чувствуетъ себя человѣкомъ совершенно самостоятельнымъ, вполнѣ никому не подвластнымъ, богатымъ... Баронъ Штиглицъ, да и только! Въ приливѣ такого величія, онъ даже запѣлъ пѣсню; въ это время вошелъ Андрей.

— Эй, вы, вшивая команда, что дѣлаете-то?—проговорилъ онъ развязно и улыбаясь.

— Чай, видишь, что: бѣлую да черную скотинку ловимъ, да въ хлѣвъ загоняемъ.

— Э, пустое дѣло... что это за вошь,—продолжалъ Андрей: — а вотъ вошь, что со стола скатится, да съ семью собаками драться схватится, вотъ это вошь воистину.

Всѣ захохотали, исключая мальчика, сидѣвшаго въ углу. Андрей казался довольнымъ, что съумѣлъ, такъ ловко разсмѣшить компанію. Онъ разсказалъ имъ еще анекдотъ въ такомъ же духѣ, тѣ расхохотались еще сильнѣе, а Миколка, какъ говорится, умиралъ со смѣху.

— Ну, дядя Андрей, валяй, пей стаканчикъ, спасибо, потѣшилъ,—угощалъ Миколка.

— Надо горлышко промочить!..

Мало по малу они вдвоемъ роспили бутылку. Пошло цѣлованье, откровенность, горячій разговоръ. Однако, Андрей не забылъ, что Егоръ пошелъ за водкой. «Можетъ быть, онъ и принесъ уже»,—подумалъ онъ и намѣревался угостить ею Миколку.

— Теперь, Миколушка, я тебя угощаю, пойдемъ!

— Важно!

Но водки не оказалось, всю уже выпили.

— Ну, нѣтъ, такъ и не надо. Пойдемъ, Миколушка, въ кабакъ, зарядимъ по стаканчику...

Оба друга-пріятеля обнялись за плечи, по братски, затянули пѣсню и отправились въ кабакъ.

---

Было девять часовъ вечера. Миколка пьяный плелся одинъ по улицѣ. Дядя Андрей какъ-то потерялъ его, Миколка шелъ, пошатываясь, и бормоталъ что-то про себя. «Эхъ, чортъ съ ними, пойду лучше въ кабакъ, пропущу столбушечку». Рядомъ, какъ на счастье, красовалась заманчивая вывѣска: «Питейный домъ, продажа питей распивочно и на выносъ». Миколка прочелъ и улыбнулся: вѣроятно, многозначущій слогъ вывѣски былъ причиной этой улыбки. Въ окнахъ кабака выглядывали сороковки, полштофы, четверти... пьяныя подбитыя рожи мужиковъ и бабъ. Картина для счастливаго, облагороженнаго человѣка—страшная, отвратительная, но для Миколки пріятная и вызывающая сердечную улыбку. Онъ скрылся въ дверяхъ кабака.

Черезъ четверть часа онъ вышелъ оттуда, но уже ноги едва держали его. Онъ пошатывался и по временамъ толкался о стѣны домовъ, ударяясь то носомъ, то вискомъ.

— Это ничего, до свадьбы заживетъ,—бормоталъ онъ,—

лишь бы святую посудину-то не разбить.

«Святая посудина» — это была сороковка съ водкой, которую онъ несъ домой, предназначая къ затрашнему дню на похмѣлье.

Кое какъ доплелся онъ до дому; свѣжій воздухъ, морозъ благопріятно дѣйствуютъ на пьянаго, и Миколка, пока шелъ, отрезвѣлъ немного, но въ головѣ у него все еще крутило, бушевало. Придя въ свою ученическую спальню, онъ сѣлъ у своего сундука, поставилъ рядомъ съ собой сороковку и глубоко задумался, насколько возможно задуматься пьяной головѣ. Не знаю, что думалъ онъ, какія мысли посѣтили его пьяную голову, но только онъ вдругъ очнулся, поднялъ «буйную свою головушку», схватилъ съ живостью въ обѣ руки сороковку и плачевно проговорилъ:

— Милая моя сороковушка, въ тебѣ одной вся моя отрада!

Миколка такъ разнѣжился при этомъ, что даже съ чувствомъ самой искренней любви поцѣловалъ сороковку.

— Выпить столбушечку! — рѣшилъ онъ и, взявъ стаканчикъ, налилъ въ него водки и выпилъ.

Надо сказать, что Миколка ораторствовалъ и разсуждалъ совершенно одинъ, самъ съ собой. Его сотоварищи уже спали, и нѣкоторые храпѣли во всю ивановскую, какъ говорится. Ему одному было очень свободно и хорошо. Стаканъ водки, выпитый еще на старый, не прошедшій хмѣль, сразу подѣйствовалъ на Миколку. Водка бросилась въ одурѣвшую голову и взбудоражила болѣе запечатлѣвшіяся, наболѣвшія думы. Въ пьяную голову, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, полезла хандра и меланхолія. Миколка совсѣмъ обезумѣлъ.

«Что моя за жизнь... не хочу жить!» — вдругъ крикнулъ онъ, въ припадкѣ наплыва меланхолическихъ думъ, тяжело опустился на стулъ и зарыдалъ. Пьяные глаза выливали пьяныя слезы.

— Удавлюсь, удавлюсь!—кричалъ онъ.

На крикъ проснулся одинъ изъ учениковъ, лежащихъ на палатяхъ, но, узнавъ голосъ Миколки и понявъ по тону, что онъ пьянъ, не обратилъ на него вниманія и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ по прежнему.

Миколка сидѣлъ на сундукѣ и рыдалъ. Водка, разжигая организмъ, разжигала и Миколкины думы. Онъ мучался. Его такъ и подбивало взять веревку и дѣлать петлю.

— Э, выпью еще...

Миколка налилъ еще стаканъ и выпилъ его залпомъ. Энергіи у него прибавилось. Онъ сталъ завязывать петлю.

— Прощайте, братцы! — крикнулъ онъ и уже взялся за веревку, чтобы накинуть ее на шею. Сердце судорожно застучало, онъ, видимо, испугался, но какая-то невѣдомая, необъяснимая сила толкала его въ петлю. Къ счастью, его крикъ «прощайте, братцы» былъ настолько силенъ, что проснулись два мальчика, высунули съ полатей головы и увидѣли, какъ Миколка трудился около веревки; онъ ихъ не замѣчалъ.

— Удавлюсь, удавлюсь...—бормоталъ онъ.

Мальчуганы вскочили съ полатей и мигомъ доложили хозяйкѣ, которая въ это время была въ кухнѣ и давала кухаркѣ приказанія на счетъ завтрашняго обѣда.

Явилась Дунюшка. Миколка уже раздумалъ давиться; рѣшилъ, что это совсѣмъ глупое и непріятное дѣло и что гораздо разумнѣе и лучше пить водку. Поэтому онъ спокойно сѣлъ попрежнему на сундукъ, налилъ оставшуюся водку въ стаканъ и затянулъ пѣсню:

У меня милашка есть,
Срамъ по улицѣ провесть.
Собаки лаютъ на бѣду:
Я сударушку веду.

Въ этотъ моментъ входитъ «Дунюшка». Онъ струхнулъ немного и, боясь за судьбу своего стакана съ вод-

кой, стремительно выпилъ его; выпивъ, онъ сталъ во фронтъ передъ «Дунюшкой», сложилъ руки по швамъ и съ насмѣшкой проговорилъ:

— Что-съ угодно-съ, Авдотья Кузьминишна?

Водка, выпитая въ большомъ количествѣ, но въ малый промежутокъ времени, одуряетъ голову періодически: то явится сознаніе, почти какъ у трезваго, языкъ говоритъ хорошо, не заплетается, то голова совсѣмъ помутится, силы упадутъ, глаза остановятся... Когда вошла «Дунюшка», Миколка былъ, такъ сказать, въ свѣтломъ періодѣ и потому сознавалъ, что дѣлается кругомъ его. Онъ вообще не долюбливалъ «Дунюшки» и на этотъ разъ вздумалъ посмѣяться надъ ней.

— Миколка, мошенникъ,—что ты... только-что хотѣла начать свою громовую филиппику «Дунюшка».

— Ничего-съ, Авдотья Кузьминишна!

— Да ты, мошенникъ, пьянъ... ты...

— Никакъ нѣтъ-съ, Авдотья Кузьминишна!

— Ты хотѣлъ давиться, мошенникъ...

— Хотѣлъ-съ, ваше благородіе, Авдотья Кузьминишна!

Миколка стоялъ все время руки по швамъ, усиленно сдерживая смѣхъ, который такъ и напрашивался наружу, однако, оттѣнокъ насмѣшки былъ очень замѣтенъ на лицѣ. «Дунюшка» злилась.

— Да ты, кажется, смѣешься надо мной... мошенникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Нѣтъ, ты смѣешься надо мной...

— Точно такъ-съ, ваше благородіе, смѣюсь...

— Пьяница, дерзкій, головорѣзъ, мошенникъ... въ Сибири тебѣ мѣсто, а не у насъ въ мастерской,—начала громить «Дунюшка».

Миколка съ насмѣшливою улыбкой слушалъ ее. Онъ, видимо, уже уставалъ: начинался періодъ потери сознанія, голова его мало по малу тяжелѣла.

Водка сильнѣе и сильнѣе ударяла въ голову Миколки. Онъ пьянѣлъ. Ему уже было тяжело стоять, онъ вяло опустился на сундукъ, раздавивъ при этомъ задомъ пустую сороковку, что, однако, обошлось благополучно, безъ пораненій. «Дунюшка» же думала, что Миколка порѣзался, и радовалась.

— Такъ тебѣ и надо, подлецу, такъ и надо! — Злорадно приговаривала она.

Миколка пьянѣлъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Дура ты, Авдотья Кузьминишна!—Почти сквозь сонъ проговорилъ онъ.

— Я... я... какъ ты сказалъ?

— Убирайся къ чорту, ваше благородіе!—Едва успѣлъ выговорить онъ, какъ свалился съ сундука и моментально захрапѣлъ.

Дунюшка дрожала отъ гнѣва.

Между тѣмъ, Кузьма Захарычъ, не смотря на одиннадцатый часъ, еще не спалъ. По праздникамъ онъ ложился позднѣе. Ему скучно было одному, онъ поджидалъ свою «Дунюшку»; наконецъ, ему надоѣло ждать.

— Дунюшка!—крикнулъ онъ во все горло.

«Дунюшка» явилась къ сожителю со слезами и разсказала, какую кровную обиду нанесъ ей «паршивый, грязный мальчишка, Миколка». Кузьма Захарычъ, сочувствуя своей дорогой сожительницѣ, воспылалъ благороднымъ гнѣвомъ, и твердыми, хозяйскими шагами зашагалъ въ спальню, гдѣ находился Миколка. «Дунюшка» пошла за нимъ, полюбоваться, какого «феферу» задастъ Миколкѣ ея благородный заступникъ. Счастливая чета вошла. Миколка, распростертый на полу безъ всякой подстилки и подушки, задавалъ здороваго храповицкаго. По немъ уже ходили клопы и тараканы и безцеремонно распоряжались

его существомъ. Одинъ клопъ забрался на самый кончикъ носа. Два черныхъ таракана ползли по лицу. Миколка спитъ самымъ безмятежнымъ сномъ. Кузьма Захарычъ подошелъ къ нему и сталъ изо всей силы теребить его за уши.

— Хорошенько его, хорошенько, Кузьма Захарычъ! — подговаривала «Дунюшка».

Миколка не просыпался, попрежнему храпѣлъ, по временамъ испуская стоны отъ боли. Хозяинъ такъ усердствовалъ, что Миколка даже сквозь сонъ чувствовалъ боль.

— За волосы его, за волосы.

Кузьма Захарычъ радъ стараться. Онъ схватилъ за лохматые Миколкины волосы, приподымаетъ за нихъ голову и стукаетъ объ полъ. Боль являлась двойная. Миколка, наконецъ, вскочилъ отъ боли; какъ угорѣлый или сумасшедшій схватился руками за голову и застоналъ. Двѣ невольныя слезинки выкатились у него изъ глазъ. Съ минуту онъ не могъ опомниться. Хозяинъ стоялъ передъ нимъ, опустя руки, видимо, немного смутившись. Рядомъ съ хозяиномъ—«Дунюшка», съ злорадною физіономіей. Полминуты длилась такая картина, наконецъ, хозяинъ нашелся и принялся ругать Миколку самыми отборными русскими словами, не стѣсняясь даже своей Дунюшки. Миколка, молча, слушалъ, держа обѣими руками голову и стеная.

— Живодеры! —наконецъ, очнулся онъ.

Злость закипѣла въ немъ. Сердце застучало. Кровь бросилась въ голову... Миколка судорожно сжалъ кулакъ.

— Живодеры!—Повторилъ онъ и стаканъ полетѣлъ въ лицо Кузьмы Захарыча, но, къ счастью, не попалъ и, ударившись о стѣну, разбился въ дребезги. Миколка, какъ съума сошелъ, началъ кричать, бѣсноваться, бросать стулья, скамейки: разбудили спящаго льва, да еще пьянаго.

— Ребята! —крикнулъ хозяинъ мастерамъ.

Но нѣкоторые изъ нихъ были пьяны и спали мертвецкимъ сномъ, нѣкоторыхъ не было дома.

На призывъ хозяина явился вѣрный слуга его, подхалюзникъ Антонъ.

— Что прикажете, Кузьма Захарычъ?

— Связать его!

— Слушаю-съ!

Антонъ долго возился съ Миколкой, и связать его удалось только при помощи дворника.

Кузьма Захарычъ далъ дворнику на чай, сказалъ «спасибо» Антону, и, взявъ за руку «Дунюшку», которая до конца любовалась этой прекрасной картиной, отправился въ свои покои, какъ ни въ чемъ не бывало.

Миколка стоналъ и корчился, силясь развязаться.

—

Потерявъ Миколку, Андрей хотѣлъ было идти домой, но встрѣтилъ швейцара изъ сосѣдняго дома.

— Ну, вотъ и нашелся кумъ!—проговорилъ швейцаръ радостно и съ веселостью въ голосѣ.

— Кто? Я-то?

— Да, пойдемъ откатаемъ крестины, ко мнѣ племянница пріѣхала: кума ей надо, родила...

— Мы супротивъ эфтого не стоимъ, пойдемъ!

«Откатали» крестины. Пошло пированье, трепакъ, выпиванье. Андрей гулялъ отъ всей души и къ двѣнадцати часамъ совсѣмъ начинился сивушнымъ ядомъ, такъ что его отпаивали водой. Однако, черезъ часъ онъ уже былъ въ состояніи идти домой. Въ головѣ его все еще шумѣло, и онъ, идя по улицѣ, затянулъ пѣсню, «Какъ по питерской»...

Два часа ночи. Въ мастерской повисъ храпъ и сопѣнье спящихъ. По ногамъ рабочихъ, разметавшихся отъ жара и духоты, бѣгаютъ мыши, отыскивая себѣ пищу.

Черные и рыжіе тараканы ползаютъ и шуршатъ по стѣнамъ. И для этихъ маленькихъ животныхъ сегодня праздникъ: повсюду разбросаны куски хлѣба, селедокъ, оставшіеся отъ вчерашней закуски. На столахъ и скамей-

кахъ остались капли водки. Тараканы подходятъ и пьютъ; нѣкоторые изъ нихъ напиваются пьяными: ползутъ и шатаются изъ стороны въ сторону, нѣкоторые совсѣмъ опились и лежатъ къ верху брюхомъ...

Андрей ввалился въ мастерскую; чтобы попасть къ себѣ въ спальню, ему надо было проходить сквозь спальню, учениковъ. Тутъ его вниманіе и слухъ остановилъ Миколкинъ стонъ. По голосу Андрей понялъ, кто стонетъ.

— Миколка, что ты?

— Андреюшка, голубчикъ, развяжи, умираю...—простоналъ Миколка.

Андрей сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, и переспросилъ, что тому надо. Тотъ вкратцѣ разсказалъ. Андрею страшно жалко стало Миколки. У Андрея была добрая душа. Онъ чиркнулъ спичку, зажегъ свѣчку и принялся развязывать, но веревка не поддавалась, онъ схватилъ ножъ и разрѣзалъ ее. Въ мѣстахъ, гдѣ на тѣлѣ лежала веревка, были вздутые синяки. Андрей заплакалъ отъ жалости.

— Бѣдный, ты бѣдный, Миколка... сирота ты круглая,—приговаривалъ онъ.

— Живодеры они!

— Поистинѣ живодеры...

Обмѣнявшись еще нѣсколькими нѣжностями, оба они легли спать.

—

На другой день произошла катастрофа: хозяинъ судилъ провинившихся. Онъ узналъ, что Андрей самовольно развязалъ Миколку. Какимъ же образомъ онъ узналъ? А здѣсь опять виноватъ Антонъ.

Въ мастерскую на другой день Кузьма Захарычъ явился раньше обыкновеннаго, видъ его строже, сердитѣе. Всѣ

понимали, въ чемъ дѣло, и ждали суровой расправы... и расправа началась.

Несчастнаго Миколку онъ такъ вздулъ, что онъ въ тотъ же день былъ отправленъ въ больницу, причемъ хозяинъ великодушно далъ ему на извощика, а «Дунюшка» завернула ему въ мѣшочекъ чаю и сахару и прибавила съ своей стороны нѣсколько гривенниковъ на мелкіе больничные расходы. Отправляя въ больницу, хозяинъ строго-на-строго запретилъ ему объяснять докторамъ причину болѣзни, пригрозивъ его выгнать въ противномъ случаѣ и не дать диплома на слесарнаго мастера, до котораго оставалось Миколкѣ только три мѣсяца. Миколка, дѣйствительно, не сказалъ и этимъ только выигралъ. Въ больницѣ пролежалъ онъ недѣлю; выздоровѣлъ же единственно вслѣдствіе крѣпкой своей организаціи.

Расправившись съ Миколкой, Кузьма Захарычъ добрался и до Андрея, тотъ уже держалъ кулакъ на готовѣ, думая, что и съ нимъ также распорядятся, какъ съ Миколкой, но этого не случилось; вышло еще худшее для Андрея, чѣмъ для Миколки.

— Кто здѣсь хозяинъ, я, или ты?—Чинно спросилъ Андрея Кузьма Захарычъ.

— Вы-съ, Кузьма Захарычъ.

— Что жъ ты распоряжаешься?

— Извините, Кузьма Захарычъ; жалко было: ужъ больно кричалъ онъ, стоналъ...

— Чья это мастерская, твоя или моя? Твое дѣло распоряжаться здѣсь?

— Да я такъ ужъ... сердце, знаете, мое мягкое, не стерпѣлъ...

— Пошелъ вонъ! Ты больше у меня не мастеръ, получи вотъ твои два рубля, которые тебѣ причитываются по книжкѣ, и убирайся...

Андрей уныло опустилъ голову.

— Простите, Кузьма Захарычъ, больше не буду.

Хотя Андрею было уже подъ сорокъ лѣтъ, но тонъ его голоса очень сильно напоминалъ тонъ восьми-лѣтняго ребенка, просящаго у родителей прощенія передъ розгой.

— Убирайся, сказали тебѣ... Былъ бы хлѣбъ, мыши найдутся!

Андрей уныло, задумчиво вышелъ, и два рубля, данные ему хозяиномъ, весь его капиталъ, пропилъ всѣ въ ближайшемъ кабакѣ, подбился въ трехъ мѣстахъ до крови и ночевалъ въ участкѣ.

Пошелъ Андрей шататься по городу безъ гроша денегъ и безъ всякаго опредѣленнаго пристанища, отыскивая новое мѣсто.

Но во время безработицы трудно найти его; прошло двѣ недѣли, а Андрей былъ все еще безъ мѣста. «Пойти попросить хорошенько, авось приметъ». Рѣшаетъ онъ идти опять къ Кузьмѣ Захарычу, и идетъ клянчить, умолять на колѣняхъ, чтобы принялъ тотъ, хоть ради куска хлѣба и ночлега... Все это избито и много объ этомъ писано, но каждому свои слезы всегда солоны... Въ жизни много такихъ Андреевъ, и для каждаго изъ нихъ такіе случаи — старая и вмѣстѣ съ тѣмъ новая и больная пѣсня. Въ шкуру Андрея не всякій влѣзть съумѣетъ. Кузьма Захарычъ, разумѣется, не принялъ его. Зачѣмъ держать лишняго человѣка, когда нѣтъ работы.

Однако, по старой памяти и по великодушію своему, Кузьма Захарычъ позволилъ, чтобы Андрей пообѣдалъ у него вмѣстѣ съ рабочими. Андрей и этому былъ очень радъ. Послѣ обѣда полагался отдыхъ; рабочіе сѣли кругомъ Андрея и обсуждали, какъ бы помочь его горю. За добрую душу и за незлобивый характеръ всѣ любили его и глубоко сочувствовали ему. Андрей сидѣлъ, понуря голову, молча и задумчиво. Миколкѣ больше всѣхъ было жалко его: онъ чувствовалъ, что Андрей страдаетъ изъ-за него.

— Что я теперь буду дѣлать?—печалился Андрей.

— Въ деревню поѣзжай!—совѣтовали ему.

— А тамъ что? У голодныхъ послѣдній кусокъ отнимать?

— Найдешь работу какую-нибудь.

— Да и доѣхать то не на что: нѣтъ ни гроша.

Андрей замолчалъ и глубоко задумался. Всѣ также замолчали. Миколка посмотрѣлъ на печальную фигуру Андрея и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди.

— Ты, Андрей, ужъ не очень печалься то: Богъ не безъ милости, не безъ добрыхъ людей міръ-то,—попробовалъ утѣшать его Миколка.

— Нѣтъ нынче что-то мало этихъ добрыхъ людей на свѣтѣ, всякій думаетъ о себѣ...

При этихъ словахъ Миколка вскочилъ и быстро вышелъ. Онъ отправился въ кладовую хозяина. Здѣсь укралъ нѣсколько предметовъ, которые лежали не такъ замѣтно, спряталъ ихъ подъ пальто и снесъ продать въ знакомую желѣзную лавку, гдѣ, ради прибыли, съ охотой покупали все, что приносилъ Миколка и другіе.

Онъ выручилъ отъ продажи два рубля.

— Вотъ тебѣ, Андрей, съ моей легкой руки... Изъ за меня, окаяннаго пьяницы, ты страдаешь.

Миколка отдалъ вырученные два рубля. Поступокъ его благотворно подѣйствовалъ и на другихъ рабочихъ. Всѣмъ жалко было Андрея: онъ парень хорошій, и они зашевелили мошнами. У кого былъ пятакъ, давалъ пятакъ, у кого три копѣйки, давалъ ихъ; копѣйка, гривенникъ... все не пренебрегалось и клалось въ одну кассу...

Собрали денегъ около семи рублей. Андрей чуть не плакалъ отъ умиленія.

— Ну, теперь въ деревню поѣзжай, доѣдешь какънибудь.—Совѣтовали ему.

— Да, ужъ больше нечего, какъ въ деревню: голодный къ голодному за одно, веселѣй голодать будетъ.

— Знамо дѣло, къ женѣ на полати, будешь лежать

да веселиться, — пошутили рабочіе, слегка улыбнувшись.

— Поѣду, нечего тутъ небо коптить.

Изъ Олонецкой губерніи зимой въ Петербургъ отправляются цѣлые обозы съ рыбой; въ Петербургѣ рыбу продадутъ и домой ѣдутъ съ какими-нибудь другими здѣшними товарами. Съ этими обозами и отправляются желающіе доѣхать подешевле къ себѣ домой въ деревню. Подобное сообщеніе очень неудобно: приходится по крайней мѣрѣ одну треть пути пройти пѣшкомъ и притомъ еще по глубокому снѣгу и холоду, такъ какъ путь лежитъ все время по льду: по Невѣ, Ладожскому озеру. Отправляющійся такимъ путемъ нанимаетъ «на край сани». Это—мѣстное выраженіе и обозначаетъ ѣзду такого рода: сѣдокъ садится на возъ, «на край» только тогда, когда дорога хороша, гдѣ же сугробы, или глубокій не разъѣзженный снѣгъ, онъ идетъ пѣшкомъ...

Андрей за пять съ полтиной доѣхалъ до своей деревни, но отморозилъ и руки, и ноги, кромѣ того, и самъ сильно простудился, такъ что прямо слегъ въ постель. О радостяхъ супружеской встрѣчи тутъ и рѣчи не могло быть: какія тутъ радости! Мужъ и отецъ съ собою принесъ не радость, а большее горе. Въ семьѣ и безъ того холодно и голодно, а тутъ еще пришлось кормить лишняго человѣка, лечить его, да ухаживать за нимъ...

Билась, билась семья, приглашали знахарку, ничего не помогаетъ, продѣвали больнаго сквозь хомутъ, вспрыскивали святою водой—нѣтъ пользы. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Отмороженныя руки и ноги начали гнить, и отъ нихъ шелъ нестерпимый запахъ... Плохо дѣло, хоть умирай съ голоду. Продали послѣднюю коровенку, а черезъ нѣсколько дней убрался на тотъ свѣтъ горемычный Андрей. Дѣти поплакали надъ отцемъ, жена надъ мужемъ, провожая его въ могилу, а возвращаясь съ кладбища, всѣ согласно рѣшили: слава Богу, умеръ, царство ему небесное, хоть развязалъ насъ.

И они были рады!

Тутъ-то и началась всеобщая, обычная трагедія: мать не могла содержать дѣтей, семья пошла нищенствовать, дѣти развращались, отставали отъ дѣла... Что изъ нихъ будетъ, Богъ вѣдаетъ!

Алексѣевъ.

## ЗА ГОРОДОМЪ.

Я за городъ ушелъ; не слышно здѣсь движенья,
Не утомляетъ слухъ тяжелый стукъ колесъ,
И сходитъ въ душу мнѣ былое умиленье
Давно забытыхъ думъ, давно угасшихъ грезъ.
Ласкаютъ кротко взоръ пестрѣющія краски
Въ синѣющей дали разбросанныхъ долинъ,
И шепчутъ надо мной плѣнительныя сказки
Дрожащіе листы застѣнчивыхъ осинъ.
Какъ старость мирная за юностью счастливой,
Нисходятъ сумерки за утомленнымъ днемъ,
Чуть стелется туманъ надъ золотистой нивой,
И вьются комары трепещущимъ столбомъ.
Смотрю я въ глубь небесъ—слѣжу прилежнымъ взоромъ
За дивною игрой плывущихъ облаковъ:
Измѣнчивы, какъ жизнь, они своимъ уборомъ,
Капризны, какъ обманъ младенческихъ годовъ.
И мѣсяцъ между ихъ разсѣянной толпою
Серебрянымъ серпомъ бѣлѣетъ, а вокругъ
Объято все святой, стыдливой тишиною,
И запахомъ травы благоухаетъ лугъ.
И точно блѣдный крепъ таинственной вуали,
Все шире, все смѣлѣй ложится полутьма,
Навстрѣчу первыхъ звѣздъ печально замигали
Чуть видные огни далекаго села.
И мнится, тѣ огни со звѣздами ночными
Задумчиво ведутъ безмолвный разговоръ;
Они полны тоской, страданьями земными,
Но свѣтлой тайною мерцаетъ звѣздный взоръ!..

**К. Фофановъ.**

# РОМАНТИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.

*(Окончаніе).*

## VIII.

Брандесъ останавливается очень недолго на одностороннемъ и эротическомъ сенсуализмѣ Мура, но очень подробно говоритъ объ ирландскихъ мелодіяхъ его, которыя и подъ эротическою формой были пѣснями любви къ задавленному Эрину и пѣснями мести притѣснителю. Національное чувство Мура было причиной того, что онъ занялъ въ англійской поэзіи мѣсто радикальнаго поэта и наряду съ Байрономъ заслужилъ громы обличеній и проклятій Соути за демократизмъ; въ сущности же, Муръ цѣлую жизнь былъ умѣреннымъ либераломъ и, когда пріѣзжалъ въ Лондонъ, то его встрѣчали съ распростертыми объятіями вождивиговъ, для которыхъ Байронъ былъ паріей. Муръ былъ поэтомъ подавленной національности, но не подавленныхъ правъ народа, какъ Байронъ. Если бы пѣвецъ Эрина родился не ирландцемъ и если бы ему не пришлось оплакивать смерть друзей, положившихъ на эшафотъ головы за то, что хотѣли замѣнить зеленымъ флагомъ Эрина флагъ Великобританіи, онъ былъ бы только «соловьемъ поэзіи», чьи мелодическіе стихи лучше, чѣмъ всякіе другіе укладывались въ музыкальный ритмъ. Онъ ненавидѣлъ притѣснителей только какъ ирландецъ, но его пѣсни о свободѣ Ирландіи нашли отзывъ во всѣхъ задавленныхъ народностяхъ, и не народностяхъ только, но и сословіяхъ. Онъ самъ не сознавалъ вполнѣ значенія своей поэзіи въ прогрессивной струѣ, забившей въ англійской литературѣ съ появленіемъ Байрона.

Муръ былъ католикомъ не только по рожденію и воспитанію, но искреннимъ католикомъ; не смотря на всѣ выходки его противъ священнаго союза, онъ не былъ свободнымъ мыслителемъ; священный союзъ упрочивалъ угнетеніе Ирландіи, и потому поэтъ язвилъ его своими сатирами и эпиграммами. Но онъ отличался терпимостью; написавъ толстую книгу въ защиту основныхъ догматовъ католицизма, онъ воспитывалъ дѣтей своихъ въ протестантской религіи, по желанію жены своей, протестантки. Книга Мура,—апологія католицизма,—не произвела никакого впечатлѣнія, а бичъ сатиры и уколы эпиграммъ были такъ хлестки и ядовиты, что подрывали не только священный союзъ, но—и, чего не хотѣлъ поэтъ—идеи авторитета, которыя пространно и неудачно онъ защищалъ въ своей книгѣ. Муръ не былъ ирландскимъ республиканцемъ; онъ не хотѣлъ отдѣлить свое отечество отъ Англіи; онъ хотѣлъ одного, чтобы Англія разумно и справедливо управляла землей Эрина.

Муръ осмѣивалъ политику сумасшедшаго Георга III и не сумасшедшаго, но не менѣе безумнаго принца-регента; однако, въ душѣ онъ оставался монархистомъ, желавшимъ идеальнаго монарха для Англіи и Ирландіи. Отчасти законы поэтическаго творчества, отчасти мотивы, подсказанные жизнью, придавали музѣ Мура радикальный характеръ, который былъ чуждъ убѣжденіямъ его, какъ частнаго человѣка. Въ сатирѣ нѣтъ мѣста для положительныхъ идеаловъ, а тѣ, которыхъ держался Муръ, — идеалы англійскаго монарха — отца Ирландіи, были миѳическими; отрицательный характеръ сатиры самъ по себѣ есть нарушеніе абсолютнаго авторитета. Съ пѣснями скорби о падшихъ герояхъ идеи ирландской національности, не вяжется проповѣдь о томъ, что сгубившая ихъ сила могла быть благодѣтельною. Притомъ же Муръ никогда не исповѣдывалъ свой политическій символъ вѣры въ поэзіи. По духу времени, онъ могъ бы сдѣлать это только въ оффиціально-декламаторскомъ тонѣ поэта лавреата Соути, а поэтическое чутье не допускало его поставлять такія стихотворенія. Въ силу своего національнаго чувства, беззаботный пѣвецъ и человѣкъ, кроткій по природѣ, умѣренный по убѣжденіямъ, первый подалъ въ англійской поэзіи сигналъ политической сатиры и проложилъ путь

отъ созерцательной поэзіи лэкистовъ къ пѣснямъ гнѣва и печали, и гимнамъ свободѣ.

Жизнь Мура протекла мирно, не смотря на то, что поэзія его во имя ирландскаго патріотизма говорила англичанамъ многія изъ тѣхъ же горькихъ истинъ, за которыя Байронъ поплатился изгнаніемъ. Пѣвецъ Эрина родился въ 1779 г.. когда уже четыре года сряду въ Ирландіи свирѣпствовалъ вице-король, лордъ Кэмдэнъ. Онъ озлобилъ ирландцевъ до того, что политическое общество соединенныхъ ирландцевъ, которое до этого времени преслѣдовало цѣль эманципаціи Ирландіи на легальныхъ основаніяхъ, теперь преобразовалось въ революціонное, замышлявшее съ помощью французовъ свергнуть англійское иго. Ирландію раздирали партіи католиковъ и протестантовъ. Англійское правительство, для прекращенія безпорядковъ, учредило корпусъ жандармовъ въ 37,000 человѣкъ, который имѣлъ право подъ предлогомъ розысковъ скрытаго оружія, хватать каждаго, на кого доносилъ какой-нибудь негодяй, сажать въ тюрьму по ничтожнѣйшему поводу, пытать и убивать. Сотни несчастныхъ жертвъ засѣчены кнутомъ, сотни другихъ поставлены одною ногой на острый колъ; много жертвъ были «до половины повѣшены», т.-е. ихъ снимали тотчасъ послѣ повѣшенія полумертвыми; другія — скальпированы, выскакивая изъ подъ смоляной шапки. Офицеры высшихъ чиновъ хвастались, что въ цѣлыхъ округахъ не нашлось бы дома, гдѣ бы женщины не были изнасилованы. На замѣчаніе, что, вѣроятно, женщины эти были не особенно строгой нравственности, офицеры со смѣхомъ отвѣчали, что «штыки уничтожаютъ всякую стыдливость». И эти факты переданы не одними ирландцами, но и англійскими историками, враждебными Ирландіи, какъ Массей. Вотъ какіе разсказы убаюкивали дѣтство Мура.

Были и другіе. Отчаяніе задавленной страны вызвало геройское возстаніе. Фицъ Джеральдъ, Граттонъ и Робертъ Эмметъ стали во главѣ его. Эмметъ имѣлъ вліяніе на личную жизнь и еще большее на поэзію Мура: онъ былъ другомъ поэта. Чистая, героическая и геніальная натура Эммета была окружена поэтическимъ ореоломъ. Старшій братъ Роберта Эммета, заключенный въ крѣпость св. Георга съ 1798 г., былъ года черезъ три изгнанъ изъ Ир-

ландіи. Робертъ, тогда еще юноша, былъ убѣжденъ, что революціонные планы брата не удались, потому что столица Ирландіи не была избрана операціоннымъ базисомъ. Наполеонъ серьезно думалъ о высадкѣ въ Ирландію и Робертъ Эмметъ, ожидая прибытія французской арміи въ 1803 г. организовалъ въ очень короткое время общество, въ которомъ было 1,000 членовъ. Онъ истратилъ все свое состояніе на обмундированіе и содержаніе вооруженныхъ отрядовъ,и, когда у него не хватало денегъ на плату работникамъ за приготовленіе пороха и оружія, то даже бѣднѣйшіе работали даромъ. Случай — взрывъ пороховаго магазина, обнаружилъ заговоръ. Нужно было собрать отряды, идти, не дожидая высадки французовъ, на встрѣчу вѣрной гибели. Робертъ издалъ воззваніе къ Ирландцамъ, и въ тотъ вечеръ, когда была назначена аттака Дублинской крѣпости, собрался только небольшой отрядъ, который все болѣе и болѣе убывалъ, по мѣрѣ приближенія къ крѣпости. До воротъ крѣпости дошла только горсть, которой нечего было дѣлать болѣе, какъ разойтись и скрыться отъ преслѣдованій.

Робертъ Эмметъ, не смотря на всѣ убѣжденія бѣжать, остался въ Дублинѣ проститься съ страстно-любимою невѣстой. Послѣ комедіи суда, въ продолженіи которой рѣчь обвиненнаго была прерываема грубыми оскорбленіями судей, Робертъ Эмметъ былъ казненъ. Корреспондентъ газеты «Times», осуждая возстаніе, такъ отозвался о казненномъ борцѣ за независимость Ирландіи: «Должно сознаться, что онъ былъ великъ и въ заблужденіи своемъ».

Смерть Роберта Эммета оставила глубокій слѣдъ въ исторіи зеленаго Эрина; современныя реформы Ирландіи были куплены его смертью и смертью другихъ героевъ. Память о немъ сохранилась не только на родинѣ его, но и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ и теперь еще въ школахъ читаютъ послѣднюю рѣчь его. Она была голосомъ народной совѣсти. Невѣста его, миссъ Керренъ, въ глазахъ ирландцевъ была вдовой героя; она медленно угасала послѣ его смерти. По отзыву людей видѣвшихъ ее, она походила на движущуюся статую; душой она умерла въ тотъ мигъ, когда узнала вѣсть о казни Роберта. Вашингтонъ Ирвингъ написалъ ея портретъ въ эскизѣ «Разбитое сердце».

Такія личности — воплощеніе нравственной мощи, любви, героизма, самоотверженія, вносили живую струю въ поэзію. Эпоха страданій и безнадежной борьбы горсти героевъ была богата мотивами, вдохновлявшими творчество. Сверхъ того, въ Муръ сильно говорили преданія дѣтства, личныя привязанности, чувство человѣчности и честность; а честность всегда радикальна, хотя она въ консерваторахъ сама того не сознаетъ. Все это вмѣстѣ взятое придавало поэзіи Мура такой характеръ, какого она, при умѣренномъ вигизмѣ поэта, не могла бы имѣть мѣста въ иное время и въ иной странѣ.

Муръ былъ сыномъ дублинскаго виноторговца; но не одни торговые разсчеты слышалъ онъ въ семьѣ, а жалобы задавленной націи, разсказы о подвигахъ, объ опасностяхъ борьбы, о славной смерти. Эти разсказы не омрачили его дѣтства и юности; въ натурѣ его былъ неистощимый родникъ того, что англичане называютъ animal spirits (животною энергіей), но слѣдъ, оставленный этими разсказами въ памяти Мура, былъ глубокій и неизгладимый. Онъ началъ рано писать стихи; обладая талантомъ импровизировать, онъ пѣлъ свои импровизаціи. Вслѣдствіе замѣчательной музыкальной способности Мура, не было въ Англіи поэзіи болѣе гармонической, чѣмъ его поэзія. Вѣчно веселый, беззаботный, готовый на каждую потѣху, Муръ походилъ на юнаго Бахуса, и если бы не впечатлѣнія дѣтства и юности, то изъ него вышелъ бы анакреонтическій поэтъ —не болѣе. Темпераментъ увлекалъ его къ анакреонтизму, вліяніе волненій Ирландіи и вліяніе дружбы Роберта Эммета указали еще другую, лучшую цѣль его поэзіи. Пятнадцати лѣтъ Муръ поступилъ въ дублинскій университетъ, когда шестнадцати-лѣтній Робертъ Эмметъ прославился, какъ патріотъ, даже за стѣнами университета своимъ политическимъ краснорѣчіемъ, своими успѣхами въ математическихъ и физическихъ наукахъ и нравственною чистотой своего характера. Брандесъ читалъ рѣчи Эммета въ историческомъ обществѣ, — одномъ изъ научныхъ университетскихъ клубовъ, и по поводу ихъ говоритъ: «Я подумалъ о глубокомъ впечатлѣніи, какое онѣ должны были произвести на товарища и ровестника его, Мура, хотя тотъ былъ гораздо мягче по натурѣ и менѣе развитъ». Мура предупредили не показываться на улицѣ съ Робер-

томъ Эмметомъ; но это не уменьшило ни на іоту то почти благоговѣйное удивленіе, какое Муръ питалъ къ Эммету.

Волненія Ирландіи отозвались и въ стѣнахъ университета. Ирландскіе вожди О'Конноръ и оба брата Эммета издавали газету «The Press». Муръ печаталъ въ ней свои первыя подражанія Оссіану, которыя не были замѣчены. Позже онъ снесъ туда же свое «Посланіе студентамъ коллегіи Троицы», сатиру, ѣдко приправленную «перцемъ государственнаго преступленія», какъ онъ въ шутку говорилъ; преступленіе заключалось въ томъ, что посланіе это было сатирой на Кэстльри. Муръ скрывалъ свое участіе въ ирландскомъ національномъ органѣ отъ матери, которая, узнавъ о томъ, ни за что бы не повѣрила, что сынъ не расположенъ принимать участіе въ революціонныхъ замыслахъ Эмметовъ. Когда поутру принесли газету, прочли посланіе, родители хвалили его, замѣтивъ, что оно было очень дерзко. Вскорѣ одинъ изъ друзей Мура, Гудсонъ, единственный посвященный въ тайну автора, зашелъ и спросилъ съ значительнымъ взглядомъ: «видѣлъ-ли ты въ сегодняшнемъ нумерѣ?» — Это твое посланіе, Томъ? — вскричала въ испугѣ мать, и поэту пришлось выслушать много проповѣдей объ осторожности. Національные гимны Мура вдохновляли ирландскихъ революціонеровъ, хотя поэтъ и не эту цѣль имѣлъ въ виду. Прослушавъ пѣснь его «Пусть Эринъ помнитъ этотъ день», Робертъ Эмметъ вскричалъ: «О, если бы я стоялъ во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ и велъ ихъ подъ эти звуки!»

Въ 1797 г. былъ открытъ ирландскій заговоръ; въ университетѣ былъ наряженъ инквизиціонный судъ. Студенты одинъ за другимъ исчезали изъ университета... «Мертвая тишина, отвѣчавшая на перекличкахъ, когда называли многія имена, производила на меня потрясающее впечатлѣніе», говоритъ Муръ въ своихъ письмахъ. Муръ при допросахъ страшнаго инквизитора той поры, лорда Фицъ-Гиббона, велъ себя какъ честный студентъ; онъ могъ съ спокойною совѣстью дать требуемую присягу въ вѣрности британскому правительству, такъ какъ онъ не раздѣлялъ ни революціонныхъ мнѣній, ни замысловъ Эммета; но онъ далъ ее съ условіемъ, что не будетъ отвѣчать ни на какіе вопросы на счетъ товарищей. Лорду Фицъ-Гиббону осталось только разразиться ругательствами

и отпустить Мура въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ, что поэтъ не былъ членомъ общества соединенныхъ ирландцевъ.

Въ 1801 г. появилось первое изданіе стихотвореній Мура, «Поэмы Томаса Литтля», большею частью юношескія, эротическія стихотворенія, отличавшіяся «ирландскимъ легкомысліемъ», говоритъ Брандесъ. Обстоятельства заставили Мура уѣхать въ Бермуду чиновникомъ адмиралтейства, и въ эту пору его жизни востокъ игралъ главную роль въ поэзіи его. По поводу восточныхъ поэмъ его Байронъ сказалъ: «Ирландцы хвалятся своимъ восточнымъ происхожденіемъ и дѣйствительно дикость, нѣжность и живыя краски фантазіи ихъ, пламенный и экзальтированный темпераментъ мужчинъ, красота и азіатская прелесть молодыхъ дѣвушекъ,—все это говоритъ въ пользу этого взгляда». Англійскій романтизмъ обращался къ востоку не ради забвенія жизни, какъ нѣмецкій; подъ вліяніемъ преданій Ирландіи, поэтъ искалъ въ преданіяхъ и легендахъ востока сочувственныхъ мотивовъ. Въ большой поэмѣ «Лалла-Рукъ», подъ именами возставшихъ огнепоклонниковъ гвебровъ, Муръ писалъ апоѳеозъ мученикамъ своей родины; герой поэмы, Гафедъ—Робертъ Эмметъ, героиня, Гинда—миссъ Керренъ. Муръ натуралистъ въ своихъ описаніяхъ востока и болѣе всего дорожилъ вѣрностью ихъ. Строфы, въ которыхъ описано самоубійство героини на кострѣ, гдѣ сгорѣлъ милый ея, въ сущности, перефразировка полнаго глубокой меланхоліи сонета изъ «Ирландскихъ мелодій»: «Она далеко отъ той земли, гдѣ покоится герой ея». Брандесъ говоритъ, что настроеніе,—создавшее поэму «Лалла-Рукъ», родственно настроенію, создавшему «Ирландскія мелодіи».

Муръ былъ вполнѣ поэтомъ своего времени, созданіемъ сталкивавшихся противуположныхъ стихій общественной мысли, убѣжденій. Націонализмъ, вдохновленный ирландскими мучениками, поэтическія строфы о гвебрахъ, музыкальныя и полныя глубокаго и трогательнаго паѳоса Ирландскія мелодіи,—и это въ то самое время, когда поэтъ относился крайне враждебно къ демократическому и республиканскому строю Америки, и, разумѣется, не съ той стороны, съ какой бы отнесся къ тому же современный радикалъ. Муръ видѣлъ Джефферсона, и въ глазахъ ро-

мантика поэта прозаическая наружность, синіе чулки и туфли знаменитаго президента штатовъ, затмили образъ человѣка, который написалъ декларацію независимости. Всего болѣе ужасало Мура распространеніе философіи XVIII вѣка въ Америкѣ; онъ писалъ въ посланіи своемъ къ Форбесу: «Уже исчадіе галльской школы—гнусная философія излила здѣсь свой ядъ, отравляющій все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь». Консервативныя теоріи боролись въ Мурѣ съ поэтическимъ чувствомъ; отсюда тѣ противорѣчія, которыя удивляютъ читателя, пока онъ не вглядится глубже въ среду, создавшую поэта, и въ натуру его, усвоившую родственныя себѣ стихіи изъ среды. Муръ, проклинавшій «гнусную философію» XVIII вѣка, призываетъ всѣхъ сыновъ и дочерей Ирландіи оплакивать печальный исходъ французской революціи и гибель надеждъ, какія всѣ народы, а болѣе всего ирландскій, возлагали на торжество республики. Поэтамъ приписываютъ такъ часто политическія и соціальныя убѣжденія, какихъ они не имѣли, поэты такъ часто видятъ съ удивленіемъ, что читатели ихъ дѣлаютъ такое примѣненіе изъ ихъ поэзіи, какого они никогда не могли имѣть въ виду. Одинъ и тотъ же фактъ можетъ вызвать одинаковое чувство въ людяхъ самыхъ противоположныхъ взглядовъ; поводы къ чувству могутъ быть различные, но однородное чувство вызоветъ и соотвѣтствующее выраженіе, и въ немъ сойдутся, не смотря на противуположность взглядовъ, поэты разныхъ лагерей. Напримѣръ, убійство можетъ вызвать равное чувство гнѣва и въ человѣкѣ той же націи или партіи, какъ убитый, и въ человѣкѣ враждебной націи или партіи, который въ такомъ убійствѣ врага видитъ позоръ своихъ; наконецъ, чувство гнѣва противъ убійцы можетъ быть вызвано и помимо всякой вражды партіи или націи, просто оскорбленнымъ чувствомъ человѣчности.

Каждое сильное чувство, выводящее изъ узкаго круга чисто личныхъ интересовъ, поднимаетъ человѣка и спасаетъ его отъ пошлости. Дружба къ Эммету и ирландскій патріотизмъ спасли Мура отъ роли Вордсворта; если Вордсворта не спасъ его англійскій патріотизмъ отъ тривіальности и мелочности, то потому, что то былъ патріотизмъ торжествующей расы. Для поэтическаго творчества нужно, «чтобы человѣкъ не баловался». Патріотизмъ угнетенныхъ

народностей создавалъ высоко-поэтическія произведенія, потому что всѣ страдающіе находили въ нихъ свой отзывъ, патріотизмъ побѣдителей могъ создавать только реторически-оффиціальныя оды. Ирландскій патріотизмъ спасъ Мура и отъ роли Соути въ англійской литературѣ; ради Ирландіи Муръ отнесся враждебно къ священному союзу, потому что политика его освящала звѣрства англичанъ на зеленомъ Эринѣ. Какъ ни были узки побужденія Мура, какъ ни консервативны взгляды его, какъ ни враждебна свободѣ религія его, онъ все-таки всталъ въ ряды поэтовъ, которые будили заснувшую совѣсть Европы.

Сатиры его имѣли сильное вліяніе на общественное мнѣніе. Онъ придалъ имъ форму басень и посвятилъ ихъ Байрону, который высоко цѣнилъ какъ лирическій, такъ и сатирическій талантъ его.

Главное сатирическое и юмористическое произведеніе Мура это—поэма въ письмахъ «Семейство, Фѣджей въ Парижѣ». Поэтъ осмѣиваетъ въ ней реставрацію, Бурбоновъ и мѣщанскую семью Джонъ-Булей съ ея культомъ аристократіи. Бичъ сатиры мѣстами оказывается орудіемъ слишкомъ слабымъ для гнѣва поэта, и негодующій паѳосъ иныхъ строфъ можно сравнить съ карающимъ мечемъ. Поэтъ упрекаетъ Англію за то, что она всегда первая становится на сторону притѣснителей, помогаетъ пролить рѣки крови, вызываетъ со всѣхъ сторонъ проклятія за свою корысть и страсть къ господству. Въ то время, какъ честныя сердца и геройскія жертвы повсюду, какъ меньшинство, падаютъ жертвами, Англія повсюду является врагомъ истины и свободы, гдѣ бы ни засвѣтился ихъ свѣтъ. Письма Мура — сатиры въ стихахъ, волновали общество въ Англіи, въ особенности четвертое и седьмое письмо, въ которыхъ онъ осмѣивалъ лѣнь, безпечность и эгоизмъ принца-регента и осыпалъ гнѣвными обличеніями Кэстльри, «это воплощеніе гнилости и заразы, которое Ирландія подарила Англіи такъ же, какъ трупы убитыхъ дарятъ убійцамъ чуму». Брандесъ съ вѣрнымъ чутьемъ критика опредѣлилъ настоящую цѣну этимъ діатрибамъ Мура. Подкладкой имъ была любовь къ Ирландіи, злоба на притѣсненіе, и въ порывѣ этой злобы поэтъ забывалъ одно, что онъ подписался бы обѣими руками подъ очень многими изъ пунктовъ священнаго союза. Какъ

католикъ и монархистъ, онъ признавалъ основы его, какъ вигъ, могъ иначе смотрѣть на средства поддерживать ихъ; но священный союзъ закрѣплялъ иго надъ роднымъ, зеленымъ Эриномъ поэта — и все было забыто. «Такія слова звучатъ очень злобно и опасно, — замѣчаетъ Брандесъ; — уклоненіе отъ старѣйшихъ поэтовъ (Соути, Вордсворта) очень явственно, и переходъ къ Байрону и Шелли кажется очень незначительнымъ, но въ дѣйствительности онъ очень великъ, и всѣ эти выходки далеко не такъ серьезны, какъ кажутся». И на самомъ дѣлѣ, все это было не бо́льше, какъ «выходками», вызванными кипѣньемъ молодой крови, поэтическимъ увлеченіемъ. Такъ, раздражительная, нервная натура въ минуту гнѣва скажетъ многое, чего бы не сказала въ спокойную минуту, скажетъ и то, что прямо противорѣчитъ складу ея идей. Сатира Мура не оставила прочнаго слѣда, какъ сатира Свифта; для этого въ натурѣ не доставало глубокихъ основъ; онъ не былъ рожденъ ни трибуномъ, ни пророкомъ. Съ годами погасалъ огонь молодости, мученики Ирландіи забывались, зеленый Эринъ присмирѣлъ и кровавыя репрессаліи стали не нужны,—гнѣву поэта не было пищи. Сатира Мура превратилась въ юмористическіе рифмованные фельетоны, какъ ихъ называетъ справедливо Брандесъ; въ нихъ авторъ «съ салоннымъ остроуміемъ обсуждалъ въ духѣ виговъ современные вопросы и разные случаи изъ парламентской жизни». Для живучей политической сатиры нужно было міросозерцаніе пошире католичества, и взгляды поглубже умѣреннаго вигизма, теперь уже сданнаго въ архивъ исторіи.

Природа создала Мура быть пѣвцомъ любви и счастья; въ мирное время онъ былъ бы потомкомъ тѣхъ бардовъ, которые на пирахъ рыцарей пѣли хвалы побѣдителямъ, красавицамъ и вину. Брандесъ говоритъ: «Муръ до такой степени носитъ на себѣ печать любимца счастья, что часто, когда онъ всего серьезнѣе, кажется, будто онъ на половину шутитъ; онъ—противоположность Байрону, который, когда и шутитъ, остается серьезнымъ, даже мрачнымъ». Сіяніе солнца, кажется, разлито по всей поэзіи Мура, за исключеніемъ пѣсень его о судьбахъ Ирландіи. Муръ болѣе всего «эротикъ; муза его—бабочка, купающаяся въ лучахъ солнца», вдыхающая ароматъ цвѣтовъ. Стихо-

творенія его этого рода полны свѣтлыхъ картинъ, языкъ богатъ эпитетами, каждое чувство воплощается въ картинѣ; образность ярка, и говоритъ о настоящей, богатой фантазіи. Въ этомъ выразились живость, порывистость и пылкость ирландской натуры. Въ противоположность скупому на слова англичанину, ирландецъ засыплетъ словами, цвѣтистыми эпитетами, въ которыхъ часто не признаетъ вѣса и мѣры. Англичанамъ языкъ Мура, въ сравненіи съ Вордсвортомъ, казался искусственнымъ. «Искусственнымъ! — вскричалъ одинъ ирландецъ, поклонникъ поэта: — когда каждый человѣкъ можетъ наслаждаться поэзіей Мура, тогда какъ надо себѣ выработать новый вкусъ для того, чтобы наслаждаться поэзіей Вордсворта!» Брандесъ находитъ, что Муръ былъ болѣе музыкантомъ и колористомъ, чѣмъ живописцемъ; онъ не былъ въ состояніи изобразить предметъ во всей цѣлостности его, но описывалъ только «отвлеченныя свойства прекрасныхъ предметовъ», и для каждой отвлеченности находилъ картинныя выраженія. Но это излишество уподобленій, какъ и излишество пышныхъ эпитетовъ, пропадаетъ въ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ его, а также въ тѣхъ, которыя были плачемъ по Ирландіи. Каждое глубокое чувство выражается просто.

Какъ просто и трогательно стихотвореніе: «Она далеко отъ могилы молодаго героя, и поклонники напрасно тѣснятся толпой вокругъ нея; но она молчитъ и, плача, отвращаетъ взоры, потому что сердце и жизнь ея въ его могилѣ. Она поетъ безъискусственныя пѣсни своей родины, тѣ пѣсни, которыя звучали такъ прекрасно для него. О, тотъ, кто прислушивается къ этимъ пѣснямъ, не знаетъ, что сердце пѣвицы разбито. Онъ жилъ для милой, онъ умеръ за свою родину: онѣ обѣ были звѣздой его жизни. Не было на родинѣ глазъ, не омоченныхъ слезой, и не напрасно ждетъ онъ свою милую». Молодой герой былъ Эмметъ. Въ стихотвореніи на память ирландца, казненнаго позорною казнью, поэтъ говоритъ: «Не называйте его имени, дайте ему уснуть въ могилѣ безъ почестей; слеза, которая упадетъ на могилу, пусть будетъ темна и нѣма, какъ роса, ночью падающая на холмъ». Вотъ пѣснь любви къ Ирландіи: «Я помню тебя; какъ бы ты ни была унижена, мое сердце никогда, никогда не забудетъ тебя. Твоя печаль, твое мрачное страданіе дороже мнѣ цѣлаго

міра, сіяющаго въ лучахъ солнца. И если бы ты встала, цвѣтущая, мощная и великая, какъ цвѣтъ всѣхъ земель, какъ перлъ морской, я бы восхвалилъ тебя гордымъ и радостнымъ сердцемъ, но я не могъ бы любить тебя болѣе искренне и сердечно. Твои звенящія цѣпи, твоя льющаяся кровь дѣлаютъ тебя такъ болѣзненно дорогою сынамъ твоимъ, и, какъ птенцы пеликана, сердца ихъ пьютъ любовь изъ источника твоей жизни, изъ трепета страданій». Погребальная пѣснь поэта надъ трупомъ сожженной Гинды въ поэмѣ «Лалла-Рукъ» отличается тою же простотой. Поэтъ въ этихъ строфахъ пѣлъ свое родное горе. «Иранъ, такъ любимый героемъ твоимъ, не забудетъ тебя, Гинда! Хотя тираны и слѣдятъ за каждою слезой, Иранъ положитъ тебя въ могилу рядомъ съ героемъ, и запечатлѣетъ тебя въ святая святыхъ сердца».

За исключеніемъ тѣхъ произведеній, гдѣ ирландскій патріотизмъ поэта, высказываясь или прямо, какъ въ «Ирландскихъ мелодіяхъ», или подъ образами другихъ странъ, какъ въ «Лалла-Рукъ», поэзія Мура имѣетъ значеніе для однихъ эстетиковъ. Патріотизмъ Мура, найдя для выраженія своего общечеловѣческія ноты, выражавшія страданія и другихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, пріобщилъ поэта къ великому потоку поэзіи, который, переработавъ всѣ струи романтизма, понесъ міру обновленіе. Но поэтъ пріобщился ему лишь во имя одной Ирландіи. И когда варварства, вызвавшія его поэтическое негодованіе, прекратились, и въ свои права вступилъ обыденный порядокъ, гнетъ котораго лежалъ и на англійскомъ народѣ такъ же, какъ и на ирландскомъ, Муръ, въ качествѣ вига, не былъ способенъ почувствовать его. Притомъ же англійскіе романтики, какъ и нѣмецкіе, не обращали вниманія на эту сторону жизни; въ ней не было для нихъ ничего, эффектно дѣйствовавшаго на воображеніе, или они не научились видѣть то, что увидѣли французскіе романтики въ тридцатыхъ годахъ.

Въ натурѣ Мура не было ничего демоническаго; ему было привольно въ чинномъ строѣ англійской жизни, котораго не снесъ Байронъ; впрочемъ, онъ значительную часть жизни проводилъ въ Ирландіи. Какъ скоро исчезли эффектные ужасы, поднявшіе негодованіе его не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, Муръ примирился съ жизнью. Вы-

раженіе это, впрочемъ, не вѣрно относительно Мура, потому что онъ никогда не бросалъ жизни и людямъ байроническихъ проклятій; даже въ наиболѣе скорбныхъ стихотвореніяхъ его не слышно нотъ страшнаго отчаянія, которое видитъ, что жить не зачѣмъ. Въ Мурѣ не было той жгучей жажды правды полной, незапятнанной ни единымъ дуновеніемъ лжи,—жажды, такъ мучительно терзавшей Байрона, погнавшей его скитальцемъ изъ родной земли, пропитанной лицемѣріемъ. Опрятная жизнь виговъ, съ ихъ узенькимъ кодексомъ, была для Мура нормой жизни; сатира его утратила свое жало, разъ сошли со сцены личности, которыхъ онъ бичевалъ. Вотъ почему Муръ былъ любимцемъ англичанъ такъ же, какъ и ирландцевъ. Въ 1818 году, въ Дублинѣ, ему дали торжественный обѣдъ, на который собрались всѣ выдающіяся силы литературы и политики. Въ 1822 г., когда Муръ посѣтилъ Парижъ, британская аристократія устроила въ честь его обѣдъ и встрѣтила его съ заявленіями восторга. Роль Мура въ прогрессивномъ движеніи, охватившемъ литературу, была односторонняя и ограниченна; но она была, и въ этомъ его заслуга. Онъ былъ пѣвцомъ національной самобытности.

## VIII.

Въ англійской литературѣ былъ поэтъ и писатель, котораго долгое время мало цѣнили, и произведенія котораго не болѣе, какъ лѣтъ за десять до его смерти, обратили вниманіе общества; а онъ, родившись въ 1775 году, дожилъ до появленія въ Англіи молодыхъ поэтовъ, какъ Свинбернъ, продолжающихъ Шелли и Байрона. То былъ Вальтеръ Сэведжъ Лэндоръ. Какъ человѣкъ, онъ еще болѣе замѣчателенъ, нежели какъ писатель; Лэндоръ—типъ тѣхъ цѣльныхъ натуръ, для которыхъ нѣтъ разлада между словомъ и дѣломъ. Онъ родился потомкомъ древняго рода и наслѣдникомъ княжескихъ имѣній; окончивъ курсъ въ Оксфордѣ, онъ до 1802 г. прожилъ въ Парижѣ. Какія именно вліянія тамъ подѣйствовали на него, Брандесъ не говоритъ. Возвратясь на родину, Лэндоръ продалъ большую часть своихъ имѣній, чтобы купить земли въ другомъ графствѣ, гдѣ ничто не стѣсняло его дѣлать улучшенія въ бытѣ фермеровъ, какія онъ хотѣлъ. Потративъ 70,000 на

свои реформы, Лэндоръ увидѣлъ, что всѣ онѣ оказались неудачными. Молодой человѣкъ былъ такъ же богатъ энтузіазмомъ, какъ и деньгами, но бѣденъ опытомъ и практическимъ знаніемъ; фермеры надували его и реформы имѣли филантропическій характеръ. Озлобленный неудачами и обманами, Лэндоръ продалъ всѣ свои имѣнія, къ ужасу аристократіи, даже тѣ, которыя лѣтъ 700 были въ родѣ его, и далъ себѣ слово жить космополитомъ. Брандесъ, дѣлая характеристику Лэндора, говоритъ: «въ этой чертѣ сказывается весь человѣкъ—безпокойный, неукротимый, но гордый и великій».

Съ 1815 г. жизнь въ Англіи стала ненавистною Лэндору, и до 1857 г. онъ не возвращался въ отечество. Онъ умеръ въ 1864 г., проживъ почти девяностолѣтнюю жизнь борцомъ за свободу повсюду, гдѣ она ни звала его. Онъ и перомъ, и личностью своею защищалъ каждую реформу, отмѣнявшую политическія стѣсненія. Домъ его былъ пріютомъ всѣхъ изгнанниковъ, а остатки громаднаго состоянія тратились на пропаганду идей, которымъ онъ отдалъ всю жизнь.

Въ творчествѣ ни одного изъ англійскихъ писателей характеръ человѣка не игралъ такой роли, какъ въ творчествѣ Вальтера Лэндора. Сила таланта опредѣляла роль другихъ писателей въ прогрессивномъ движеніи литературы, какъ, напр., въ Мурѣ. Сила и страстность убѣжденія болѣе, нежели талантъ, опредѣлили роль Лэндора. Въ продолженіи своей долгой жизни онъ написалъ вдвое болѣе, нежели Байронъ, и былъ мало понятъ и оцѣненъ даже почитателями Байрона. Поэзія Лэндора не была доступна читающей толпѣ, какъ поэзія Мура, и не увлекала демоническою красотой, какъ поэзія Байрона. Лэндора начали цѣнить не ранѣе конца пятидесятыхъ годовъ, когда демократическія идеи стали распространяться въ Англіи. Значеніе Лэндора все болѣе и болѣе росло. Въ произведеніяхъ его англійскій натурализмъ принялъ форму «республиканскаго гуманизма», такъ опредѣляетъ Брандесъ творческую стихію, внесенную Лэндоромъ въ англійскую литературу.

Большая часть произведеній Лэндора взята изъ міра Греціи и преимущественно философіи древней Эллады. Но свѣтлая чувственная красота ея не отразилась въ его ма-

нерѣ писать; какъ по характеру своему, непреклонному и суровому, онъ напоминалъ древнихъ римлянъ, такъ и по слогу своихъ прозаическихъ произведеній и по стиху своей поэзіи онъ напоминаетъ латинскихъ писателей. Въ немъ та же ясность, трезвость, порою переходящая въ сухость, болѣе кажущуюся, чѣмъ настоящую, потому что подъ нею таилась вся страстность убѣжденій человѣка, жившаго лишь для своихъ идей. Въ немъ та же мужественная твердость, представлявшая такой рѣзкій контрастъ съ романическою нѣжностью Мура, съ сентиментальною наивностью и слезливостью Вордсворта, съ порывистою и дикою энергіей Байрона. «Читая Лэндора, чувствуешь, что стоишь на скалѣ; читая Мура, кажется, будто качаешься на волнахъ», — говоритъ Брандесъ; онъ могъ бы прибавить, что, читая Вордсворта, кажется, будто, лѣниво волоча ноги, идешь по тропѣ между полями, а Байрона — будто уносишься то на вершины горъ, то въ пропасти, для того, чтобы опять взлетѣть на вершину. У Лэндора нѣтъ яркихъ красокъ, роскошныхъ картинъ. потрясающихъ образовъ, какъ у Мура, Китса и Байрона. Онъ шелъ слишкомъ въ разрѣзъ со вкусами публики и по манерѣ, и былъ проповѣдникомъ ненавистныхъ идей. Онъ высоко цѣнилъ Мильтона и реформу въ литературѣ, внесенную Вордсвортомъ. Простота и естественность—вотъ чего онъ искалъ въ манерѣ писать; но характеръ и идеи его не дали ему упасть до болтовни и тривіальности реформатора. Въ своихъ произведеніяхъ онъ бралъ прежде всего идею, а не форму предмета, философію каждой исторической эпохи, о которой писалъ, а не бытовую сторону, не колоритъ эпохи; онъ смотрѣлъ на жизнь не взглядомъ живописца, а взглядомъ поэта-мыслителя, который ищетъ уловить смыслъ ея. Произведенія его большею частью разговоры между лицами разныхъ эпохъ, разныхъ странъ, форма наиболѣе удобная для выясненія идеи, но бѣдная романтическимъ интересомъ. Непризнанный читающею публикой, Лэндоръ продолжалъ писать, не мѣняя своей манеры. Въ этомъ выразился весь непреклонный характеръ поэта. Онъ, въ виду равнодушной толпы, сказалъ о своихъ произведеніяхъ: «То, что я пишу, написано не на аспидѣ, и ни чья рука, даже рука времени не сотретъ написаннаго». Критика того времени или встрѣчала произведенія Лэн-

дора насмѣшками, или молчала о немъ. Одинъ другъ его, Соути, не смотря на рознь политическихъ и религіозныхъ взглядовъ, хвалилъ его поэзію. Поэтъ отвѣчалъ рецензентамъ съ гордостью, которая въ другомъ была бы комическою заносчивостью: «Я написалъ болѣе сотни такихъ разговоровъ (Imaginery Conversations); пусть наиболѣе способный изъ всѣхъ моихъ рецензентовъ возьметъ десять изъ наиболѣе слабыхъ разговоровъ, и если онъ въ продолженіи десяти лѣтъ напишетъ что-нибудь равно хорошее, то я ему пришлю на завтракъ теплую булку и полкружки портера». Въ Лэндорѣ эта гордость была плодомъ непоколебимой вѣры въ истину того, что онъ говорилъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія силы своей многообъемлющей мысли и нравственнаго превосходства своихъ идеаловъ. Въ поэзіи его преобладаетъ героическій элементъ рядомъ съ философскимъ. Лучшими произведеніями его были разговоры историческихъ личностей древняго міра и новаго. Первые безусловно хороши; вторые хороши только тамъ, гдѣ «странствующій рыцарь свободы» выступаетъ на защиту угнетенныхъ; тогда рыцарскій паѳосъ, какъ пламя, прорывается сквозь величавую простоту рѣчи, несвойственную нашему времени.

Образъ самого поэта можно видѣть въ лучшемъ изъ стихотвореній отдѣла, названнаго Hellenics, въ «Гиперіонѣ». Гиперіонъ, одинъ изъ немногихъ избранниковъ Аполлона, въ продолженіи нѣкотораго времени былъ въ почтеніи у людей, которые въ лицѣ его почитали бога. Но другіе пѣли такъ же громко, и мальчишки кричали и имъ ура, такое же громкое, какъ и Гиперіону. Онъ былъ болѣе гнѣвнаго нрава, нежели то было прилично пѣвцу, и потому спросилъ Аполлона, слышитъ-ли тотъ крикъ толпы, которая хвалится, что знаетъ бога. Аполлонъ приказалъ ему схватить перваго изъ кричавшихъ и поднять его высоко надъ головами другихъ людей: «Люди будутъ за то кричать тебѣ восторженныя хвалы»,—сказалъ богъ. Гиперіонъ былъ непреклоненъ и гордъ, «лавровый вѣнецъ на челѣ не охладилъ его». Когда кто-то изъ толпы начертилъ имя соперника его на стѣнѣ, то Гиперіонъ, вспомнивъ совѣтъ бога, схватилъ соперника и повѣсилъ его на деревѣ—пиніи. Тотъ скоро испустилъ духъ. Гиперіонъ, увидѣвъ вскорѣ послѣ того повѣшеннаго ночью во снѣ, про-

силъ Аполлона повѣдать ему: хорошо-ли, или дурно онъ поступилъ, повѣсивъ соперника. Аполлонъ отвѣчалъ, что Гиперіонъ поступилъ хорошо, именно такъ, какъ за много годовъ до рожденія его поступилъ и самъ богъ, повѣсивъ Марсія. «Но еще лучше было бы,—продолжалъ богъ,—если бы ты правильно понялъ мои слова: теперь люди нападутъ на тебя подъ предлогомъ, что ты нарушилъ законъ. Моя мысль была такая, что ты долженъ былъ поднять соперника твоего на выси души твоей, и тѣмъ ты самъ сталъ бы выше его, ты бы перенесъ его». Пѣвецъ стоялъ уничтоженный, но богъ утѣшилъ его словами, что бѣда не велика и самая большая въ томъ, если, вздергивая соперника на веревку, Гиперіонъ ударилъ имъ такъ сильно о дерево, что попортилъ кору,—кора пиніи не заживаетъ».

И здѣсь видѣнъ моралистъ своего рода, но мораль не Вордсворта. Аполлонъ произноситъ безпощадный приговоръ посредственности въ искусствѣ. Гиперіонъ имѣлъ право казнить бездарнаго соперника, котораго толпа чтила наравнѣ съ нимъ—посланникомъ бога, и богъ не осудилъ его за то; но настоящій смыслъ велѣнія Аполлона тотъ, что Гиперіонъ долженъ стать выше зависти, соперничества, быть довольнымъ тѣмъ, что онъ вѣстникъ бога, и не смущаться тѣмъ, что толпа равно рукоплещетъ и ему, и жалкой бездарности, умѣющей потѣшить ее. Безпощадный приговоръ Лэндора былъ обусловленъ строгимъ отношеніемъ къ самому себѣ; онъ работалъ съ рѣдкою тщательностью и былъ самымъ строгимъ стилистомъ англійской литературы, по простотѣ слога—качество, которое берется трудомъ. Слогъ его мѣтокъ, сжатъ и проникнутъ величавою простотой раннихъ эпохъ Греціи и Рима. Онъ передаетъ мастерски языкъ агоры Аѳинъ и сената Рима. Изъ новой исторіи ему даются только тѣ эпизоды, духъ которыхъ сроденъ его натурѣ, воскресившей въ себѣ духъ трибуновъ Рима.

Самое блестящее произведеніе Лэндора — романъ въ письмахъ, «Периклъ и Аспазія.» «Эти письма вырѣзаны на камнѣ, а не написаны», - говоритъ Брандесъ. Картины жизни древней Греціи являются отчасти подъ освѣщеніемъ XIX вѣка. Периклъ—типъ республиканскаго величія и политической мудрости; Аспазія—не гетера, а воплощеніе языческой женственности и свободомыслія древняго міра.

Но того легкаго взгляда на любовь, какимъ отличался древній міръ, нѣтъ и слѣда въ романѣ Лэндора. Поэтъ смотрѣлъ на жизнь глазами стоика и презиралъ за изнѣженность тѣхъ поэтовъ, въ чьихъ произведеніяхъ преобладала эротика. Онъ строго относился къ Байрону за безумную растрату силъ въ оргіяхъ и въ увлеченіяхъ мимолетнымъ порывомъ страсти. Повѣривъ несправедливымъ слухамъ, обвинявшимъ Шелли въ томъ, что онъ былъ причиной самоубійства первой жены, Лэндоръ, посѣтивъ Италію, не захотѣлъ видѣть автора «Возмущенія Ислама», и потомъ, узнавъ истину, сильно сожалѣлъ о несправедливомъ оскорбленіи, которое нанесъ поэту. Лучшимъ произведеніемъ Лэндора Брандесъ считаетъ разговоръ между Эпикуромъ, Леонтіоною и Терниссою. Это произведеніе, по характеристичности, прелести и естественности, можно поставить рядомъ съ разговорами Платона; но и настроеніе болѣе тяжелое. Эпикуръ бесѣдуетъ въ саду съ двумя молодыми дѣвушками. Рѣчь идетъ и о случаяхъ будничной жизни, и о тѣхъ событіяхъ, которыя бываютъ роковымъ шагомъ въ жизни. Лэндоръ одинъ изо всѣхъ писателей XIX вѣка показалъ, что внесла въ типъ женщины эллинская цивилизація, и создалъ образъ молодой дѣвушки, ученицы мыслителя, которую можно поставить рядомъ съ юношей Платона. Леонтина и Тернисса—молодыя ученицы Эпикура. Первая начала уже понимать символическое значеніе миѳовъ своей вѣры, вторая вѣритъ буквально всему. Эпикуръ, въ бесѣдѣ съ ученицами, сначала хвалитъ красоту природы, затѣмъ счастье уединенія, и здѣсь говоритъ въ рѣчахъ философа и самъ Лэндоръ, любившій уединенную жизнь; наконецъ, разговоръ переходитъ къ страху смерти. Эпикуръ съ мужественнымъ достоинствомъ говоритъ о послѣднемъ убѣжищѣ и успокоеніи въ вѣчности. Молодыя дѣвушки въ пылкихъ и негодующихъ словахъ жалуются на враговъ Эпикура, которые обвиняютъ его въ нечестіи; обѣ требуютъ, чтобы Эпикуръ отвѣчалъ врагамъ своимъ. «Къ чему?—спрашиваетъ учитель.—Я не боролся ни съ кѣмъ, потому что ни одинъ изъ нихъ того не стоилъ. Я любилъ природу и послѣ природы искусство; я согрѣвалъ себя у огня жизни; онъ погасаетъ—и я готовъ уйти». Здѣсь опять въ рѣчахъ Эпикура высказался самъ Лэндоръ.

Міросозерцаніе Лэндора было эпикуреизмомъ съ смѣсью стоицизма; онъ, какъ и Стюартъ Милль, выводитъ свою философію изъ идеи общаго блага, на которой была основана философія Эпикура, потому что Эпикуръ, ставя цѣлью жизни наслажденіе, отвергалъ то, которое приноситъ вредъ и себѣ, и другимъ. Древнему міру были чужды тѣ выводы изъ этой философіи, какіе сдѣлалъ изъ нея XIX вѣкъ, и потому въ Эпикурѣ Лэндора есть оттѣнки, какихъ быть не могло въ философѣ древней Греціи. Суровымъ бойцомъ Эпикуръ не былъ; онъ сражался за свое отечество, но это было исполненіемъ привычнаго общаго долга, уклоненіе отъ котораго считалось позоромъ. Лэндоръ былъ по природѣ борцомъ, онъ искалъ борьбы въ чужихъ земляхъ за свои идеалы. Лэндоръ понималъ счастье быть жертвой для того, чтобы купить счастье другихъ. Но въ то же время онъ былъ художникомъ, глубоко чувствовавшимъ красоту древней Греціи. Послѣ бесѣдъ о смерти и мужественной встрѣчѣ съ нею, Эпикуръ наслаждается поэзіей, и вмѣстѣ съ Терниссою читаетъ сцену Пелея и Астиды. Въ этой пьесѣ высказался всецѣло «спокойный гуманизмъ» Лэндора и его художественный талантъ.

Та сторона натуры Лэндора, которая не могла найти себѣ выраженія въ образахъ древняго міра, нашла ее въ разговорахъ изъ разныхъ эпохъ и странъ новой исторіи. Брандесъ говоритъ, что въ нихъ мы видимъ «солдата, всегда вооруженнаго къ бою, писателя, всегда готоваго на борьбу съ врагами, обнажающаго ложь и гнетъ, въ какіе бы маскарадные костюмы ни рядились они, и бичующаго ихъ, какъ филантропъ». Сто двадцать пять «вымышленныхъ разговоровъ» свидѣтельствуютъ о громадной начитанности и знаніи Лэндора. Въ содержаніи ихъ заключенъ весь свѣтъ, отъ Лондона до Китая, отъ Парижа до острововъ Южнаго океана, и историческій циклъ отъ Цицерона до Боссюэта, отъ Кромвеля до Петрарки, отъ Тассо до Талейрана. И въ каждой странѣ, и въ каждомъ вѣкѣ, и въ каждой исторической личности Лэндоръ находитъ элементы для протеста противъ зла, и говоритъ свое «разящее, какъ мечъ», слово. Людовикъ XVIII болтаетъ съ хитрымъ и дальновиднымъ Талейраномъ о политикѣ. Образъ короля, для котораго безплодно прошли уроки страшной эпохи, очерченъ сильно, рельефно, но враждебною рукой. Страсть

короля къ фазанамъ и птичникамъ фазановъ примѣшивается ко всѣмъ политическимъ планамъ его и вліяетъ на нихъ, а Талейранъ ловко пользуется ею, чтобы направлять короля. Генералъ Клеберъ посреди своего штаба въ Египтѣ обсуждаетъ военные планы съ Наполеономъ, и въ словахъ послѣдняго слышится его ненависть къ свободѣ, «какъ подавленное рычанье», и можно угадать, что принесетъ онъ Франціи. Лэндоръ, при всемъ свободомысліи своемъ, не могъ отрѣшиться отъ предразсудка англичанъ своего времени, которые во Франціи и «французскихъ идеяхъ» видѣли корень зла; его обвиненіе Вольтера тѣмъ болѣе странно, что Лэндоръ самъ держался міросозерцанія философовъ. Національная ненависть и шовинизмъ автора слышатся въ разговорѣ Талейрана съ Людовикомъ; тонъ произведенія сбивается на сатиру. Авторъ на каждомъ шагу подчеркиваетъ глупость короля, накладываетъ на нее грубыя краски, пересаливаетъ, рисуя ироническое отношеніе Талейрана къ королю; такого отношенія не потерпѣлъ бы король до того оно явно переступаетъ всѣ границы. Талейранъ превозноситъ Веллингтона и англичанъ. Лэндоръ измѣнилъ и своей ненависти къ внутренней политикѣ Веллингтона и поднялъ его высоко для униженія французовъ, прозвавшихъ побѣдителя Vilain-ton.

Разговоры, содержаніемъ которыхъ служитъ литература, отличаются пристрастіемъ, и оттого критическое значеніе ихъ невелико. Въ разговорѣ съ аббатомъ Делиллемъ, Лэндоръ, отъ собственнаго лица, дѣлаетъ оцѣнку французской трагедіи и произноситъ приговоръ еще болѣе суровый и односторонній, чѣмъ Лессингъ, который, осуждая искусственность ея, умѣлъ цѣнить изящество и талантливость слога. Презирая французскій классицизмъ, Лэндоръ былъ послѣдователенъ, и наравнѣ съ Расиномъ и Корнелемъ, презиралъ и своего Попе. Тѣ разговоры, въ которыхъ Лэндоръ превозноситъ Вордсворта и Соути, не имѣютъ никакого значенія; не смотря на всѣ упреки его публикѣ за забвеніе обоихъ великихъ поэтовъ, они остались забытыми, и время встало на сторону публики. Байронъ жестоко нападалъ на Лэндора за его пристрастіе къ Соути. и это пристрастіе несравненно болѣе, нежели нападки Лэндора на тревожную и эгоистичную сторону байроновской натуры вызвало гнѣвъ Байрона противъ Лэндора. Авторъ

«Вымышленныхъ разговоровъ» высоко цѣнилъ Китса, и еще болѣе Шелли. Онъ съ искреннимъ чувствомъ высказалъ раскаяніе свое въ томъ, что, повѣривъ клеветѣ, не посѣтилъ Шелли въ Пизѣ. Онъ говоритъ о Шелли, что тотъ «съ огнемъ поэта соединилъ терпѣніе и выносливость философа, а по благородству и благотворительности своей превзошелъ всѣхъ». О Байронѣ Лэндоръ отзывается съ точки зрѣнія лэкистовъ, и причиной такого несправедливаго отзыва было раздраженное самолюбіе, а оно было колоссально у Лэндора, утверждавшаго, что онъ «съ перомъ въ рукѣ имѣетъ больше власти, чѣмъ обѣ палаты въ парламентѣ». Кромѣ самолюбія, вліяла и дружба къ Соути, непонятная въ такомъ фанатикѣ идей свободы, какъ Лэндоръ. Но Соути читалъ и хвалилъ произведенія его, даже скучную поэму «Гебиръ», написанную сначала на латинскомъ языкѣ и переведенную на англійскій; онъ позже въ «Quarterly Review» хвалилъ еще болѣе скучную трагедію «Графъ Юліанъ».

Байронъ написалъ пародію на «Гебира», и въ предисловіи своемъ къ сатирѣ своей, «Видѣніе суда», говоритъ: «Мистеръ Соути, будучи, какъ онъ похваляется, хорошимъ христіаниномъ и мстительнымъ, грозитъ отвѣтомъ на мой этотъ отвѣтъ. Надо надѣяться, что его вѣщія способности успѣли пріобрѣсть за это время болѣе разсудительности, не то онъ попадетъ въ новый просакъ. Эти измѣнники-якобинцы даютъ тему для богатыхъ отвѣтовъ. Вотъ образчикъ: м-ръ Соути восхваляетъ безмѣрно нѣкоего Лэндора, который ищетъ приватной славы во образѣ латинскихъ стихотвореній, и недавно еще поэтъ-лавреатъ почтилъ его однимъ изъ образцовъ своей мимолетной лирики на поэму его «Гебиръ». Кто бы могъ подумать, что въ этомъ «Гебирѣ» Сэвэджъ Лэндоръ послалъ въ адову преисподнюю того самаго героя, котораго другъ его помѣстилъ на небо. Прочтите, какъ можетъ нападать на личность этотъ Сэвэджъ, когда онъ захочетъ: принцъ Гебиръ спустился въ преисподнюю адову, гдѣ тѣни его владѣтельныхъ предковъ, по просьбѣ его, вызваны къ нему; онъ восклицаетъ, обращаясь къ своему путеводителю-духу: «Ого! Кто это несчастный, что ближе всего къ намъ? Вонъ этотъ, съ бѣлыми бровями и вдавленнымъ лбомъ. Прислушайтесь! Вотъ онъ привязанъ такъ, что изогнулся и съ ревомъ

откидывается назадъ отъ этого меча, привѣшеннаго надъ нимъ, какъ смертный снарядъ. Онъ тоже былъ въ числѣ моихъ предковъ! Я ненавижу деспота, но труса я презираю. Былъ-ли онъ нашимъ соотечественникомъ?» — «Увы, да, о, Гебиръ! Иберія родила его, но проклятое племя было принесено съ сѣверо-востока зловѣщими вѣтрами». — «Такъ онъ былъ воиномъ и не боялся боговъ?» — «Гебиръ, онъ боялся демоновъ, а не боговъ, хотя и поклонялся богамъ ежедневно съ лицемѣрнымъ лицомъ. Онъ не былъ воиномъ, хотя онъ расточилъ тысячи жизней такъ, какъ мечутъ каменья изъ праща. И этой трусливой жестокости, и этой хладнокровной прихоти люди поклонялись, обожали ихъ!»

То, что «Гебиръ» въ первоначальной редакціи своей появился на латинскомъ языкѣ, свидѣтельствуетъ о характерѣ творчества Лэндора. Поэтъ высказываетъ идеалы свои, свою любовь и ненависть на языкѣ, недоступномъ массѣ, и на языкѣ, который могъ стать его языкомъ только искусственнымъ путемъ. Первое говоритъ о пренебреженіи къ массѣ публики, второе—о недостаткѣ художественной теплоты и интуитивности творчества. Дѣйствительно, Лэндоръ не былъ поэтомъ, доступнымъ массѣ читающей публики, какъ доступны великія художественныя произведенія, какой бы глубины ни была философія, положенная въ основу ихъ; поэзіи его недоставало лиризма, того непосредственнаго паѳоса, который увлекаетъ читателя. Только одною формой творчества онъ овладѣлъ въ совершенствѣ—разговоромъ; а въ ней мало мѣста лиризму. Драматическій элементъ тоже не можетъ вполнѣ выразиться въ разговорѣ: нуженъ рядъ патетическихъ и потрясающихъ сценъ, въ которыхъ видѣнъ человѣкъ со всѣхъ сторонъ; въ разговорѣ высказывается человѣкъ только отчасти, смотря по содержанію; у Лэндора разговоры—обмѣнъ мнѣній и взглядовъ, дающихъ только физіономію ума и мѣру убѣжденій говорящихъ. Не смотря на рѣзкость своего радикализма и силу характера, Лэндоръ не могъ произвести переворотъ въ идеяхъ Европы, ни оставить отпечатка своей личности на вѣкѣ, оставленнаго Байрономъ. Этому помѣшалъ фанатизмъ его и отсутствіе художественной мѣры. Онъ не рѣдко въ какомъ-нибудь фактѣ увлекался какою-нибудь одною стороной его и проглядывалъ другія; и это, порой, вело къ очень страннымъ сужденіямъ, которыми онъ от-

талкивалъ и смѣшилъ читателей. Такъ, напримѣръ, онъ, какъ гигіеническую мѣру, защищалъ пожаръ Рима, сожженнаго Нерономъ, называлъ Питта посредственностью, а Фокса шарлатаномъ; онъ совѣтовалъ грекамъ въ борьбѣ съ турками, вмѣсто огнестрѣльнаго оружія, употреблять лукъ и стрѣлы. Онъ жилъ слишкомъ много въ уединеніи и потому не могъ собрать поклонниковъ, и, по независимости и оригинальности характера, примкнуть къ какой бы то ни было партіи. Онъ не могъ пойти ни на какой компромиссъ, чтобы стать поэтомъ виговъ, какъ Томасъ Муръ; и у него не хватило творческой силы и лиризма, чтобы увлечь читателя въ свой міръ радикальныхъ убѣжденій. Ему не повезло и въ политической сатирѣ. Изданная имъ въ 1836 г. сатирическая брошюра «Письма консерватора, въ которыхъ указаны единственныя средства спасти то, что уцѣлѣло отъ англиканской церкви», не имѣла никакого успѣха. Одно длинное тяжеловѣсное заглавіе обѣщаетъ скуку.

И, однако, безъ этого писателя, чья первая поэма нашла двухъ читателей, Соути и ещё де-Кенси, чьи драмы не могли быть играны по скукѣ и несценичности, чьи лучшія произведенія, «Разговоры», оставались долго неоцѣненными, не полна характеристика литературной эпохи романтизма въ Англіи. Въ Лэндорѣ есть своеобразная сила и даже прелесть, но чтобы оцѣнить и то и другое, надо вникнуть въ него и свыкнуться хотя нѣсколько съ манерой его. Онъ не заполоняетъ читателя сразу, какъ Байронъ, страшною силой, не очаровываетъ, какъ Шелли, прелестью стиха и радужными идеалами; онъ не по плечу каждому, какъ Муръ; онъ приводитъ въ недоумѣніе, и читатель спрашиваетъ себя послѣ нѣсколькихъ строфъ или страницъ его: хорошо-ли это или дурно? Одного только читатель не скажетъ, чтобы это было безлично и заурядно. Нѣмецкій критикъ Госсе, горячій поклонникъ поэзіи Лэндора, и тотъ сознается, что характеръ поэзіи его, какъ и вкусъ оливокъ, очень необыкновененъ, и потому нельзя счесть аффектаціей, когда кто скажетъ, что Лэндоръ ему не по вкусу. Что же даетъ этому поэту право на то почетное мѣсто, какое отводитъ ему Брандесъ? Поэзія Лэндора была богатымъ родникомъ мыслей, изъ котораго черпали молодыя силы интеллигенціи; ее можно сравнить съ

жилой драгоцѣннаго металла, которая доступна не всѣмъ но только тѣмъ, у кого есть охота и мужество добраться до нея. Лэндоръ имѣлъ сильное вліяніе на развитіе той малочисленной еще группы, которую зовутъ молодою Англіей; онъ былъ изъ немногихъ людей въ пору застоя и мрака, понимавшихъ великія религіозныя, политическія и соціальныя задачи XIX вѣка. Онъ разъяснялъ вопросы эти въ своихъ «Разговорахъ», и поэзія его имѣетъ живой интересъ для каждаго мыслящаго человѣка и въ наше время, потому что онъ несетъ въ ней идеалы лучшаго будущаго. Онъ понималъ историческимъ чутьемъ своимъ тѣ формы, какія принимали идеалы эти во всѣ вѣка, и какъ каждый вѣкъ, видоизмѣняя форму, передавалъ ихъ грядущему. Онъ былъ старшимъ изъ трехъ поэтовъ свободы, въ которыхъ выразился англійскій натурализмъ. Онъ соединилъ лучшіе идеалы языческаго міра съ идеалами новой эпохи. Въ Лэндорѣ англійская поэзія перешла отъ пѣсней, раздающихся, какъ пѣснь птицы, отъ гимновъ природѣ съ пасторскою моралью, отъ риторическихъ одъ лавреатовъ и узкаго національнизма къ поэзіи съ широкими общечеловѣческими идеалами. И это оцѣнили молодые поэты. Броунингъ и Свинбёрнъ, и поклоненіемъ своимъ, утѣшили старика за долгое пренебреженіе общества. Свинбёрнъ посвятилъ ему свою «Аталанту». Брандесъ заканчиваетъ свою характеристику Лэндора такими словами: «Великая тѣнь, его, подавая одну руку Вордсворту, другую Свинбёрну, объемлетъ собой все поэтическое развитіе Англіи за восемьдесятъ лѣтъ». Лэндоръ былъ поэтическою силой, — это несомнѣнно; но когда сила эта проповѣдуетъ идеи, враждебныя массѣ, она должна быть перворазрядною для того, чтобы талантъ ея былъ признанъ. Его признаютъ только тогда, когда идеи, проповѣдуемыя имъ, получатъ болѣе популярности. Лэндоръ живетъ и теперь еще въ лицѣ другихъ поэтовъ, учителемъ которыхъ онъ былъ.

Англійскій романтизмъ, какъ и французскій, какъ и нѣмецкій, заканчивая свой циклъ, пришелъ къ прогрессивнымъ идеямъ. Наиболѣе яркими представителями ихъ служатъ два имени: одно, прогремѣвшее по Европѣ и давшее свое имя вѣку—Байронъ, другое, заглушенное громкою славой «демоническаго» поэта, но, тѣмъ не менѣе, оставившее прочный слѣдъ—Шелли. Съ Байрономъ,—го-

воритъ Брандесъ,—окончилась романтическая сентиментальность и началась эпоха новой поэзія. Шелли и до сихъ поръ пророкъ будущаго, и его видѣнія о свѣтломъ грядущемъ вдохновляютъ молодыя поколѣнія. Оба принадлежатъ къ эпохѣ романтизма, но въ то же время настолько поднимаются надъ группой романтиковъ, что о нихъ надо говорить особо.

**М. Цебрикова.**

---

## ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Добрый другъ мой, вчера я разстался съ тобой молчаливо.
Жаркій день догоралъ, золотя въ небесахъ облака,
Лѣсъ зеленый поникъ головою кудрявой красиво,
Въ небесахъ загорѣлась вечерняя зорька стыдливо,
Какъ покровъ херувима прозрачна, нѣжна и легка.
И ушелъ я туда, гдѣ шумятъ пожелтѣвшія нивы,
Золотистой волной пробѣгаетъ по нимъ вѣтерокъ,
Чьей-то пѣсни унылой звучатъ вдалекѣ переливы,
Синей лентою вдаль убѣгаютъ рѣчныя извивы
И какъ звѣздочка въ небѣ —сверкаетъ во ржи василекъ.
Но какъ мать, пораженная ранней кончиной, сурово,
Почивала природа безгласна, тиха и грустна,
Вся въ цвѣтахъ, съ голубою, прозрачной лазурью покрова,
И напрасно я ждалъ, что участіемъ тайнымъ, безъ слова,
Истомленную грудь успокоитъ отъ горя она.
Но когда день погасъ, и въ пространствѣ эфира лазурномъ,
Словно ангеловъ очи, затеплились хоры свѣтилъ,—
Только въ это мгновенье подъ небомъ безбрежнымъ, безбурнымъ,
Я,—назвавшій любовь нашу счастіемъ лишнимъ, мишурнымъ,—
Я постигъ, что безуменъ въ своемъ отреченіи былъ...

**А. Федоровъ.**

# ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

*(Продолженіе)*

Сегодня, по случаю непогоды, ученики плохо собрались, и притомъ у насъ школа была не топлена,—опять пришлось намъ мерзнуть. До начала класса я начала читать «Фабіолу», но скоро послышались протестующіе голоса, просящіе начинать ученіе. Тѣ же, которые были заинтересованы чтеніемъ, просили еще хоть немножечко прочитать. Я прекратила чтеніе, обѣщавъ дочитать послѣ обѣда. Но послѣ обѣда попалась мнѣ книжка съ хохлацкими сказками; я прочла имъ нѣсколько сказокъ, что ихъ очень позабавило. Потомъ, позанявшись, я дочитала имъ «Фабіолу». Имъ понравилась эта книжка, только незнакомыя имена очень путаются у нихъ. Вечеромъ Грицько (17 лѣтъ) принесъ двѣ книжки: «Гдѣ любовь» и «Братья» Сѣтковой. Про первую сказалъ, что очень хороша, такъ хороша, что онъ два раза ее прочелъ, а про вторую сказалъ, что ему не нравится. Я спросила: отчего? — «Да что жъ, тамъ только ругаются, да и только. Пришелъ сельскій писарь, который прошлый годъ ходилъ ко мнѣ учиться по вечерамъ. Онъ долго переминался, ничего не говоря, но, наконецъ, сказалъ, что пришелъ попросить меня написать форму приговора. Я знаю немножко, видѣла, какъ ихъ пишутъ, но, не довѣряя себѣ, обѣщала ему достать формы отъ болѣе знающихъ въ этомъ дѣлѣ людей.

15-го марта. Сегодня я отпустила учениковъ въ 21 часовъ на обѣдъ. Придя домой, я только что успѣла съѣсть корочку хлѣба, вдругъ вижу, кто-то ѣдетъ ко мнѣ на парѣ, якій-то панъ, сѣдой, какъ лунь. Войдя въ мою хату, онъ сказалъ:

— Вы меня не знаете; я — предводитель, пріѣхалъ съ вами познакомиться.

Я ничего не сказала на это и ждала, что дальше будетъ. Онъ сталъ спрашивать о школѣ: сколько учениковъ, отдѣленій, сколько времени въ продолженіи дня занимаюсь.

— Вы, говорятъ, держите очень свободно учениковъ.

Я спрашиваю:—какъ такъ очень свободно?

— Да, какъ же! Они у васъ стекла бьютъ!

— Нарочно, говорю, они не бьютъ, а случайно я и вы можемъ побить. А при такой тѣснотѣ, какъ у насъ, было бы удивительно, если бы стекла были цѣлы. Я догадываюсь, что вамъ объ этомъ сказалъ N N.

— Это все равно, N N или кто другой, только нельзя же дѣтямъ все позволять, это въ воспитательномъ отношеніи даже нехорошо.

Я подумала про себя: а мучить, озлоблять дѣтей хорошо въ воспитательномъ отношеніи? Сказала же вслухъ, что гораздо легче поставить на колѣни и успокоить себя, что это въ воспитательномъ отношеніи лучше, чѣмъ вводить внутреннюю дисциплину, дѣйствовать посредствомъ слова?..

Окончивъ разговоръ по этому поводу, онъ оглядѣлъ мою хату и, увидя піанино, сказалъ:

— Должно быть, резонансъ здѣсь хорошъ! Ну, а вы, вѣрно, раздаете книжки... изданія?

— Въ школѣ я не раздаю, а частнымъ образомъ, у себя, даю читать эти книжки и другія.

— Вы будьте осторожны съ ними, потому что онѣ не одобрены. Вообще вы будьте осторожны.

— Почему? Развѣ я замѣчена въ какихъ-нибудь про-

тивузаконныхъ дѣйствіяхъ, или потому что знакома съ....?

— Вотъ именно потому. Въ школу я сегодня уже не пойду, когда-нибудь въ другой разъ.

И уѣхалъ. У меня осталось отъ этого свиданія горькое чувство: не видавъ школы, не зная всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходится заниматься, и основываясь только на слухахъ, берутся обвинять и наставлять. И вмѣсто того, чтобы поддерживать энергію учителей, эти ревизоры, по моему, только прибавляютъ лишнее огорченіе. Вечеромъ сегодня я пошла за почтой къ N N; тамъ были еще предводитель и М. Я осталась чай пить. Потомъ N N предложилъ прочитать (изъ «Ист. Вѣст.») «Поѣздка въ Ясную Поляну», и настоялъ, чтобы я была при этомъ чтеніи. Во время чтенія обращались ко мнѣ съ вопросомъ, нравится-ли мнѣ? Я сказала: «нѣтъ, потому что эта статья очень мало даетъ понятія объ образѣ жизни Л. Н—а, а наполнена описаніями аллей, дома и т. д.» N N же въ восторгъ пришелъ, что Данилевскій возстановилъ въ немъ прежняго Толстого. Говорили, осуждали его жизнь. Я отказалась давать какіе-либо отвѣты, касающіеся его личной жизни, такъ какъ я ея не знаю. И потомъ, говорю, важно — согласны мы или нѣтъ въ томъ, что онъ намъ говоритъ, и вотъ объ этомъ я могу и хочу говорить. Они начали возражать, что онъ нашъ учитель и поэтому всякая мелочь, касающаяся его, должна имѣть значеніе для насъ и мы можемъ судить его личную жизнь, потому что онъ долженъ давать примѣръ.

17-го марта. Дуня не такъ милостива почему-то ко мнѣ стала—перестала заботиться о печкѣ. Мнѣ же очень трудно поспѣть управиться съ печкой, самоваромъ и уборкой хаты. Я сегодна встала въ 6 час., и когда все уже было готово и чай на столѣ, я стала будить ее; а она буркнула въ отвѣтъ: «чего я буду вставать?» Я не стала ее больше тревожить, но мнѣ было непріятно.

18-го марта. Пришла изъ школы очень уставшая,

такъ что голосъ спалъ, и, къ удивленію своему, увидѣла, что Дуня затопила печку и задумала варить вареники мнѣ на вечерю. Она съ участіемъ спросила, что со мной. Поставивъ самоваръ, мы пили чай и она попросила, меня во время чая почитать, но я не могла. Давно я такъ не уставала. Но отдохнувъ немного, вечеромъ мы занимались. Они попросили меня прочитать что нибудь. Я начала читать «Сорокъ лѣтъ» и хотѣла остановиться, прочтя нѣсколько страницъ; но они очень были уже заинтересованы этою легендой, и сколько я ни порывалась прекратить чтеніе,—они просили еще хоть немножко прочитать. На Дуню очень сильно подѣйствовало убійство купцовъ. Она выразилась: «такъ въ сердцѣ и кольнуло и до се наче что тутъ лежитъ»,—говорила она, показывая на грудь.

19-го марта. Сегодня мы дочитали «Сорокъ лѣтъ». Я замѣтила, что имъ какъ будто было непріятно слышать рѣчи объ отрицаніи Бога. По окончаніи чтенія всѣ молчали нѣкоторое время. Иванъ Лавриненко особенно упорно молчалъ и сидѣлъ, нахмурившись. Впечатлѣніе, видимо, осталось тяжелое и смутное; они не могли разобраться въ немъ. Мнѣ лично кажется, что жизнь Яшникова послѣ того, какъ совѣсть его заглохла, описана слишкомъ кратко, и выводъ получается, какъ бы не ясный. Я не стала задавать наводящихъ вопросовъ, а они ничего не говорили.

23-го марта. Сегодня утромъ я рѣшила, что нужно сходить къ NN, во-первыхъ, потому, что давно ихъ не видала, а во-вторыхъ, узнать, лучше-ли больному ихъ сыну. Сынъ выздоравливаетъ, а они гораздо веселѣе смотрятъ. NN, по обыкновенію, началъ со мною говорить по поводу Л. Н-а и его произведеній, въ томъ числѣ о «Свѣчкѣ». Въ «Рус. Вѣд.» объ этомъ разсказѣ появилась маленькая рецензія, съ которою онъ совершенно согласенъ. Авторъ говоритъ, что этотъ разсказъ показываетъ, какъ сильно живетъ чувство возмездія у Л. Н-а, не смо-

тря на его проповѣди непротивленія злу. Прочтя эту статью, я сказала NN, что не согласна съ ней, потому что изъ разсказа Л. Н-а видно, что сочувствіе автора лежитъ къ «доброму мужику», который олицетворяетъ въ себѣ его проповѣдь; а смерть прикащика есть слѣдствіе его жизни и конецъ его очень естественненъ и правдивъ, исключая быстраго пробужденія совѣсти. Конечно, мы не сговорились, и каждый остался при своемъ. Мнѣ какъ-то тяжело было у нихъ, хотѣлось домой.

Когда я пришла домой, у меня явились гости: Никонъ, Иванъ и Борисъ. Мнѣ стало очень весело, стали мы балакать такъ себѣ, кое о чемъ, а потомъ я начала читать «Братъ на брата». Мы не успѣли всю дочитать, потому что всѣмъ захотѣлось спать (уже 10 ч. было). Никонъ попросилъ меня сыграть что-нибудь изъ Бетховена. Онъ самъ подалъ мнѣ книгу съ сонатами и сказалъ: «Изъ этой сыграйте, якъ вы называли ...марксъ, чи якъ... коли ховаютъ, такъ его граютъ». Ему хотѣлось «Marche funebre». Я ему сыграла по желанію, а потомъ еще сыграла одно Allegro. Иванъ же попросилъ ему сыграть изъ «Русалки» славянскій танецъ. Никонъ же совсѣмъ вошелъ во вкусъ сонатъ, и если когда проситъ играть, то непремѣнно сонату, а не пѣсенку, какъ прежде. Этотъ мальчикъ очень впечатлительный и чуткій. Я его очень люблю, и онъ тоже, кажется, любитъ меня. Словомъ, мы друзья. Ложась спать, я посмотрѣла на мѣшокъ съ пшеномъ (котораго наканунѣ я купила 10 ф.) и вижу, что тамъ осталась одна пригоршня. Дуня уже спала. Мнѣ ужасно стало обидно—зачѣмъ они крадутъ, когда я имъ ни въ чемъ еще не отказала. Это обстоятельство меня очень огорчило. Я стала думать, какъ поступить: оставить-ли этотъ случай не замѣченнымъ, или сказать имъ. И рѣшила, что завтра утромъ я отнесу имъ остальное пшено и скажу имъ, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ? Раньше я тоже замѣчала, что у меня то масло, то крупа исчезнетъ, но я не хотѣла

обращать на это вниманія; но теперь вижу, что нужно имъ сказать объ этомъ.

24-го марта. Сегодня утромъ, затопивъ печку и поставивъ самоваръ, я разбудила Дуню, а сама взяла пшено и пошла къ ея матери. Ѳекла топила печь, невѣстка стояла посреди хаты, а Борисъ только-что всталъ и прибирался. Поздоровавшись, я положила на столъ пшено, сказавъ, что принесла остальное, чтобы оно больше не искушало ихъ. Я обратилась къ Ѳеклѣ и спросила. зачѣмъ она такъ нехорошо дѣлаетъ? Она начала божиться и кричать, что никогда она ничего и ни у кого не брала; что Дунька сама принесла пшена и сказала: «Мамо, я принесла пшена, сварите кулешика!» «Хорошо, дочкѳ. А Надежда Даниловна?» кажу. А вона каже: «Надежда Даниловна нічогісенько не скажуть; вони николи нічого не говорятъ, якъ я вамъ що даю».

— Это вѣрно, что я никогда ничего не скажу, если она даетъ, но если крадетъ и даетъ, то я всегда скажу, что это нехорошо, и постараюсь удержать ее, или кого-либо другого отъ этого.

Ѳекла не унималась и все кричала. Я удалилась. Когда я пришла домой, Дуня стала спрашивать, гдѣ я была, и зачѣмъ я къ нимъ ходила. Когда я разсказала ей, то она сначала заплакала, а потомъ сказала, что мать пришла къ ней и стала просить пшена. Я не знала, кому вѣрить, и теперь не знаю, кто изъ нихъ правду говорилъ. Дуня сказала, что она не будетъ теперь такъ дѣлать. Ѳекла же сказала, что она теперь не придетъ ко мнѣ. Я говорю: очень жаль, потому что ты за свою вину хочешь меня возненавидѣть. Я совсѣмъ не хочу ссориться съ вами, и буду очень рада, если ты придешь ко мнѣ. Но она не пришла сегодня.

25-го марта. Я отдавала переплетать нѣсколько книгъ крестьянину сосѣдней слободы, въ томъ числѣ одну книжку, составленную изъ 9 лучшихъ книжекъ изданія «Посредника». Родственница его принесла мнѣ ихъ сегодня и

сказала, что онъ всѣ ихъ прочелъ, и лучше всѣхъ ему понравилась «Два старика». (Тамъ были еще: «Чѣмъ люди живы», «Упустишь огонь», «Богъ правду видитъ», «Гдѣ любовь», «Кавказскій плѣнникъ», «Сократъ», «Свѣчка», «Филаретъ»). Онъ попросилъ черезъ нее, нѣтъ-ли еще такихъ книжекъ почитать. Я дала всѣ остальныя, какія есть.

Школа моя сильно уменьшается съ каждымъ днемъ, такъ что я думаю, — черезъ недѣлю я совсѣмъ осиротѣю.

26-го марта. Сегодня «Андреево стояніе», и поэтому случаю народу у меня было очень много; большую часть, конечно, составляли ученики. Я пила чай, а одинъ изъ старшихъ учениковъ читалъ Евангеліе, около него образовалась кучка. Другой взялъ книгу «Великія явленія природы»—и тоже кучка. Третій сѣлъ около піанино и однимъ пальцемъ подбиралъ что-то; товарищи ему помогали. Тѣмъ, которые читали Евангеліе. я прочла объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ для нихъ словъ изъ книжки, которую они сами мнѣ подали. А тѣ, которые сидѣли около піанино, просили сыграть и спѣть. Мы спѣли «Коль славенъ». Потомъ старшіе начали дѣлать задачи, а другіе просили объяснить рисунки, встрѣчающіеся въ книгѣ. Потомъ зашла рѣчь между хлопцами и Иваномъ (крестьянинъ. бывшій учитель въ хут. Л.) о «Свѣчкѣ». Стали хвалить эту книжку и спрашивать, «чи правда, чи ни, что такъ було. Оце жъ, каже, въ Широковѣ е такій прикащикъ и Михѣичъ е. Коли бъ ему пидсунуть цу книжку, такъ вінъ бы сказавъ, що це про его кто-сь написавъ. Оце жъ якъ е такъ; вінъ такій». Вотъ, говорю, какъ же вы спрашиваете, правда это или нѣтъ, когда у себя дома нашли такихъ людей.—«Гарна, гарна, книжка!.. И самъ избавился отъ грѣха, и другихъ отвелъ, и прикащикъ трохи надломился черезъ него».

Съ четырехъ до семи часовъ вечера мы всѣ такъ вкупѣ

сидѣли. Взрослые все кивали головами, что хлопцы вели себя, какъ дома. Иванъ сказалъ: «Хлопцы, що вы будете робить, якъ ваша мати уѣдетъ?» Это онъ говорилъ про меня. Я не люблю, когда меня хвалятъ, мнѣ какъ будто стыдно становится, но я была рада услышать такую похвалу,—значитъ, мои отношенія къ ученикамъ хоть немножко напоминаютъ родственныя.

Ѳекла пришла сегодня, попросила денегъ и платокъ повязаться. Я съ радостью удовлетворила ее. Мнѣ самой непріятна исторія съ пшеномъ и я искренно обрадовалась ея приходу.

27-го марта. Сегодня въ школѣ у меня было только 7 учениковъ. Съ наступленіемъ поста ихъ стали похищать прямо изъ школы: отцы сговорятся, отдадутъ въ наймы, и новый хозяинъ приходитъ въ школу и беретъ его. Жутко за нихъ становится, жалко; но они, повидимому, легко отрываются отъ семьи и идутъ весело, второпяхъ отвѣчая на вопросы учениковъ. Разъ случилось, что во время обѣда пріѣхали за Данилой (ученикъ). Смотрю я и вижу, что вся школа двинулась ко мнѣ и всякій заглядываетъ Данилѣ какъ бы въ глаза, и суетятся около него—оказывается, что это его проводы.

Ѳекла опять сегодня пришла, выдумала какой-то предлогъ придти къ чаю. Я бываю рада всегда, когда со мной кто-нибудь раздѣляетъ чаепитіе, но она возмущаетъ меня своимъ «хапужничествомъ», такъ и смотритъ, что бы ей сегодня унесть. Пила она чай и отворотила громадный кусокъ хлѣба, такъ что при всей жадности своей не могла съѣсть и сказала: «это ничего, хлѣбъ хорошій, я возьму его до дому».

28-го марта. Занималась сегодня только съ двумя учениками. Вся школа разбѣжалась. Передъ вечерней у меня было очень много народу; все больше матери учениковъ. Двѣ женщины въ особенности мнѣ понравились, и по наружности, и по рѣчамъ. Онѣ очень сочувственно отно-

сятся къ обученію дѣтей грамотѣ и не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. «И гарно же дивиться, якъ дивчина чита», говорятъ онѣ. А другая говоритъ: «якъ мій выросте, дакъ я біспрімінно отдамъ въ школу. Дуже хочется міні, щобъ у насъ читака булъ. Великая утіха, якъ кто уміе читать и для себе!» Онѣ разсказывали мнѣ про свою жизнь и удивлялись, что я живу такъ одиноко. Одна изъ нихъ стала разсказывать, что ей (и другія также видѣли) привидѣлось «наче мертвецъ по комнатѣ ходитъ». Она очень боится мертвецовъ, а у нихъ недавно дідъ умеръ: онѣ объясняютъ это явленіе такъ, что дідъ приходилъ подивиться, такъ-ли они живутъ, какъ жили при немъ. Когда она разсказывала про это, я улыбалась, а ей показалось, что я отъ страха смѣюсь, она и говоритъ: «Я васъ страхаю?» Я ей сказала, что сколько бы она мнѣ ни разсказывала, я не буду бояться, и объяснила ей, что наше воображеніе, главнымъ образомъ, играетъ роль въ этихъ случаяхъ. Другія бабы пришли, стали говорить, что ихъ Ванька или Гришка все хвалятся, якъ придутъ домой, якъ вы ихъ тутъ привитаете. А я имъ кажу: »піду спытаюсь, ма буть, вы кажнаго дня на колюшкахъ стоити». – «Ні, кажуть, мамо, вони и ругаться ни якъ не велятъ, а самы ни бьются, ни ругаются». — «А на нашу думку, якъ побьешь, такъ наче скорій вінъ пойме и разумнійше буде». Эти слова уже были отвѣтомъ на мое подтвержденіе, что я не бью ихъ и не ругаюсь. «Якъ придутъ до дому, такъ заразъ за стілъ, книжки развертаютъ и сидятъ. Я кажу: хлопцы! вы цілый дінь сидѣли, підить внесить дровецъ. — «Чтожъ, что сиділи, такъ ма буть мы тамъ ни то робили, что теперь». — И гарныя жъ вы имъ книжки даетѣ; одна книжка такъ въ плачъ насъ ввела». — Какая, спрашиваю.- «Да та, что про швеца Семена, та Михайлу, та и гарная яка книжка; така гарна, така гарна!»

29-е марта. До вечерни пришли ко мнѣ одинъ взрос-

лый ученикъ и товарищъ его. Они стали просить меня разсказать имъ про движеніе земли и луны, такъ какъ они слышали отъ одного человѣка, которому я объясняла, но отъ него не поняли. Я объяснила имъ и старалась показать наглядно. Въ атласѣ лежалъ у меня № «Дѣтской Помощи» въ которомъ «Ученіе 12-ти апостоловъ». Я имъ прочитала они сейчасъ же узнали, что и въ Фабіолѣ тоже самое.

30-го марта. Григорій (ученикъ) забѣжалъ отъ обѣдни второпяхъ: «дайте мнѣ не надолго, что вы намъ вчера читали». Я дала.

Ѳекла сегодня пришла и начала говорить про исторію съ пшеномъ: что ей было такъ совѣстно, что она два дня все никакъ не могла собраться съ духомъ, чтобы придти ко мнѣ. Я ей сказала, что просила забыть и не поминать больше про это, а что совѣсть ее мучила, то это хорошо.

Василій, братъ ея, пришелъ и сидѣлъ у меня. Ѳекла говоритъ:

— Василь, Галька казала, что у тебя рубаху украли, да еще новую?

— Ну, что жъ, пускай берутъ. Одинъ Богъ можетъ обидѣть, а люди не могутъ. Онъ даетъ, Онъ и беретъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ, по моему, выразилось его отношеніе ко многому. Онъ пришелъ просить у меня денегъ взаймы и просилъ 10 р. Я сказала ему, что у меня ни копѣечки не останется, если я отдамъ 10 р.

— Ну, такъ я, говоритъ, 6 р. возьму, а 4 р. принесу вамъ.

Такъ и такъ. Когда я ему отдавала, то первымъ дѣломъ подумала про себя, какъ это я останусь безъ копѣечки и мнѣ нечего будетъ ѣсть? Зачѣмъ являются такія соображенія? просятъ—отдай! нѣтъ,—а какъ же я то буду? И вѣчно забота о себѣ подставляется и мѣшаетъ!

Пришелъ старикъ Забара попросить бумаги для письма къ сыну. Онъ сталъ говорить, что хочетъ извѣстить сына

о смерти своей старухи. Воспоминаніе о ней вызвало слезы и онъ заплакалъ.

Дуня совсѣмъ дома теперь не живетъ, она, какъ серна, бѣгаетъ по доламъ и лѣсамъ: лазитъ по деревьямъ, качается на нихъ, ѣстъ «пролѣски» (цвѣты) и никакъ ее не удержишь дома и не засадишь ни за какую работу. Возьметъ, сядетъ, а черезъ минуту ея уже нѣтъ. Придетъ домой и сейчасъ же спать заляжетъ.

2-е апрѣля. Настаетъ время затишья для нашей учительской дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общеніе съ крестьянами уменьшится. Какъ чувствовалось зимой, что я нужна имъ, такъ теперь чувствуется, что не нужна. Пока еще ничего не имѣю въ виду, чѣмъ заняться и къ чему пристать — все только думаю объ этомъ, хочется быть полезной тѣмъ же, окружающимъ меня, людямъ.

3-е апрѣля. Семенъ Балюковъ принесъ мнѣ молока: я покупаю у него. Онъ живетъ на хуторѣ. Я только-что встала, когда онъ пришелъ. Онъ очень любознателенъ и потому у меня съ нимъ всегда очень длинные разговоры. Сегодня онъ началъ говорить что-то о воздухѣ и сталъ спрашивать. Я ему разсказала о составѣ воздухѣ, о частяхъ годныхъ для дыханія и т. д., словомъ, постаралась вкратцѣ передать все, что сама знаю; только не знаю, составится-ли у него что-нибудь ясное изъ моего толкованія. Сегодня былъ у насъ инспекторъ и не засталъ, конечно, ни одного школьника. Онъ сказалъ: «первая школа, что я не застаю ученья, чѣмъ это объяснить?!» Я говорю: очень просто—началомъ полевыхъ работъ.

— Да, но, вѣдь, и въ другихъ мѣстахъ начались работы, а учатся же.

— Ну, можетъ быть, говорю, нашъ народъ бѣднѣе и потому праздныхъ людей, даже хлопцевъ, не остается.

Онъ очень подробно справлялся о всѣхъ мелочахъ, которыя мало могутъ имѣть значенія, и очень недоволенъ остался сообщенными мною свѣдѣніями.

— Ничего, ничего у васъ нѣтъ! Я опять остаюсь какъ въ туманѣ.

Онъ сказалъ «опять», потому что прошлый годъ онъ пріѣхалъ еще позднѣе, и не только учениковъ, но и меня не засталъ. У меня всегда непріятное что-то остается отъ этихъ посѣщеній. На главное, на то, что сдѣлали ученики съ помощью учительницы, мало обращается вниманія, и вотъ это-то непріятное и есть, я думаю.

Пастухи-хлопцы цѣлою гурьбой пришли ко мнѣ воды пить. Напившись, усѣлись передъ моею хатой, а я стала смотрѣть, что они дѣлаютъ. Одинъ изъ нихъ снялъ съ другаго шапку и бросилъ въ канаву съ водой. Этотъ сталъ ревѣть, досталъ свою шапку и хотѣлъ снять съ своего обидчика и сдѣлать то же. Я остановила его и онъ послушался. Только-что стала я удаляться отъ нихъ, а этотъ котораго я защищала, началъ дразниться. Хлопцы-школьники начали мнѣ кричать: «Надежда, васъ Егорка перекривливаетъ!»

— Ну, что жъ, пускай дразнится, — говорю.

Черезъ нѣсколько минутъ этотъ Егорка пришелъ опять ко мнѣ воды пить и я уже не поминала о томъ, что онъ дразнилъ меня, хотя у меня было намѣреніе помянуть объ этомъ.

Какая-то незнакомая мнѣ старуха пришла за водой къ канавѣ и видя, что дверь у меня отворена, взошла въ сѣни и стала у порога. Я говорю: «Чего же ты не взойдешь?» — «Я тілько подывится зайшла, якъ у васъ въ хаті».

Долго она стояла и все осматривала: картины въ особенности привлекли ея вниманіе. Она долго, долго смотрѣла на «Страданія Іисуса Христа» и спросила: есть у васъ ще така картинка?» — А что, говорю, тебѣ понравилась? — «Я хочу смотріть на нее». У меня не было другой и потому я ей отдала свою. Она очень обрадовалась и сказала ,что яицъ мнѣ принесетъ. Я отказывалась.

3-го апрѣля, вечеромъ. Цѣлый день сидѣла я одна-одинешенька.

Вечеромъ Никонъ пришелъ ко мнѣ и просидѣлъ до 11-ти часовъ. Я чинила свое бѣлье, а онъ рисовалъ разныя фантастическія фигуры и, кромѣ того, мы разговаривали. Между прочимъ, былъ разговоръ, который нагналъ на меня грусть. Начался онъ съ того, что Никонъ сталъ припоминать, какъ онъ выучился, и говоритъ: «Я самъ не знаю, якъ я выучился», и потомъ, помолчавъ, прибавилъ: «а вы мучались надо мною. Чего вы насъ не бьете?»

— Зачѣмъ? говорю.

— Мы бы дюжче слухали васъ; меня все сперва страховали, что вы бьетесь!

— Неужели, Никонъ, тебѣ хочется, чтобы тебя били? Мнѣ что-то, говорю, не вѣрится. Отъ меня ты никогда надѣюсь, не дождешься этого.

Стала я ему говорить о своемъ чувствѣ, когда вижу, что другаго бьютъ, ругаютъ—и не только человѣка, но и животное. Въ концѣ концовъ, сказала, что у меня рука не поднимается и не поднимется на это. Мнѣ жалко, говорю.

— А вамъ не жалко было, якъ мене прошлый годъ Моисей побилъ до крови.

— Нѣтъ, жалко,—говорю.—Но мнѣ жалко было обоихъ васъ: тебя потому, что тебѣ больно сдѣлали, а его потому, что онъ нехорошо дѣлаетъ и отъ него другіе страдаютъ: другимъ же нужно дѣлать и желать то, что себѣ желаешь.

На эту тему я съ нимъ долго говорила. Онъ меня очень огорчилъ своимъ желаніемъ, и я сказала ему объ этомъ. Такъ какъ онъ очень чуткій мальчикъ, то мнѣ показалось, что онъ понялъ меня и мое огорченіе. Я пошла его проводить; ночь была тихая, лунная, вдалекѣ сверкала молнія, въ слободѣ всѣ уже спали.

— Мнѣ что-то страшно,—говоритъ онъ, и при этомъ его нервно передернуло.

Я вернулась домой и долго не могла заснуть, мысли вертѣлись около этого вечера и разговора.

4-го апрѣля. Θекла съ Ариной (невѣсткой) собрались сегодня мазать мою хату. Я сказала, что я тоже буду мазать. Онѣ не повѣрили, но я настойчиво сказала, что буду сама мазать. Θекла оказалась лишнею и ушла. Арина развела глины и мѣлу и мы начали вдвоемъ мазать. У меня сначала не клеилось: я никакъ не могла вклеить глину гладко. Но потомъ немножко приловчилась. Однако, скорость моей работы къ Арининой относилась какъ 1: 3. И притомъ я измазалась ужасно и желтою, и бѣлою глиной, а Арина совсѣмъ почти не обрызгалась. Вымазавъ хату, пришлось вытаскивать вещи, обмывать ихъ. Такъ мы провозились съ 8 утра до 5 часовъ вечера, почти не отдыхая и не обѣдая. Потомъ я поставила самоваръ и мы, уже втроемъ съ Θеклой, напились чаю съ большимъ аппетитомъ.

Вечеромъ пришелъ опять Никонъ и долго сидѣлъ. Я проводила его и обѣщалась завтра придти къ нему на поле.

5-го апрѣля. Утромъ пришелъ одинъ маленькій хлопецъ, и я съ нимъ занималась, а потомъ, получивъ почту, пошла въ поле. По дорогѣ встрѣчалось много знакомыхъ пастуховъ. Они ловили овражковъ и копались въ ихъ норахъ. Я останавливалась около нихъ, но мнѣ скорѣй хотѣлось добраться до Никона. Шла я довольно долго, а все не показывается онъ со своею паствой. Наконецъ, увидала я овецъ, похожихъ на его; подхожу ближе—пастуховъ нѣтъ. Овцы съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, а потомъ стали смотрѣть въ ту сторону, куда ушли ихъ пастухи. Я сѣла и тоже стала смотрѣть туда, куда овцы смотрѣли. Скоро увидала я бѣгущихъ оттуда двухъ хлощевъ. Они ходили пить воду. Пока они ко мнѣ приближались, мое

вниманіе было обращено на овцу, безстрастно, какъ машина, жующую свою жвачку. Съ Никономъ былъ еще Иванъ Шевченко.

Съ Никономъ я больше всего сблизилась: не только я вхожу въ его интересы, но и онъ въ мои. Онъ зналъ, что я ходила за почтой, и потому первый его вопросъ былъ: получила-ли я что-нибудь. Я развернула «Три старца» и прочла имъ. Никонъ не удовольствовался этимъ и попросилъ взять домой, чтобы еще разъ прочитать. Я сообщила ему тоже свою радость, что А. К. собирается ко мнѣ. Онъ говоритъ:

— Я приду, подывлюся, яка вона.

Я говорю:

— Приходи, подивишься и побалакаешь съ ней.

— А что я буду балакать съ ней?

— Ну, если не ты, такъ она съ тобой поговоритъ.

— Я знаю, що она скаже. Она скаже: ходишь ты въ школу? Я скажу: хожу. А хорошо ты читаешь? Я скажу: ловко. Оце и все!—и онъ мотнулъ головой.

Я говорю:—Почему ты знаешь, можетъ быть, она объ этомъ и не спроситъ?

— Ні, я добре знаю, что спроситъ.

Потомъ, немного помолчавъ, онъ сказалъ:

— Я, якъ увидѣлъ васъ, та и кажу Иванови, це Надежда до насъ въ гости иде. А Иванъ каже: чѣмъ же мы ії гоститымо? А я кажу: батигомъ (палкой).

Я говорю:

— Вотъ такъ гарно, Никонъ, ты меня привитаешь! Це жъ міні не треба було идти до тебѣ, коли такъ. Ба, якій добрый!

Ему какъ будто стало стыдно и онъ сталъ спрашивать:

— Вы разсѣрдились, и теперь не прійдите більшъ до мене?

— Ні, кажу, приду; ты, вѣдь, пошутковалъ, сказавъ такъ: ты, вѣдь, просишь меня остаться до вечера, значитъ,

батігъ тутъ тілько къ слову пришелся, и нечего мнѣ сердиться.

Долго я съ ними сидѣла; они все просили, чтобы остаться съ ними, пока они овецъ домой не погонятъ, но я съ самаго утра ничего не ѣла, да и поработать нужно было дома. Они просили завтра придти къ нимъ съ книжками, чтобы почитать.

Вечеромъ пришли трое мужиковъ одинъ за другимъ, просить денегъ въ займы, такъ какъ они по одному рублю просили, то моего капитала хватило, чтобы удовлетворить ихъ. Вскорѣ пришла Дуня съ работы (она у меня уже не живетъ), усталая, печальная, и стала говорить со мной, едва сдерживая слезы. Но вдругъ не сдержалась и громко заплакала. Я спросила, конечно, о чемъ она плачетъ. Она сказала, что ей не хотятъ покупать новой кофты, а старая вся порвалась, не въ чемъ выйдти. Я пошла вмѣстѣ съ ней къ нимъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Оказывается, что причина очень простая—денегъ нѣтъ. Я дала одинъ рубль и мы разсчитали, что и кофту и платочекъ можно купить на эти деньги. Дуня повеселѣла, но идя домой, она вдругъ опять заревѣла. Что такое? «Они не купятъ». Мнѣ стало досадно на нее, что раньше времени начинаетъ плакать; поворчала я на нее и перестала обращать вниманіе на ея хныканье.

6-го апрѣля. воскресенье. Всего купили, и Дуня въ хлопотахъ, какъ шить. Хотѣла я идти къ Никону въ поле, но погода ужасно холодная. Вмѣсто поля я усѣлась на призьбѣ у Ѳеклиной хаты и скоро около меня образовалась «улица», такъ называютъ сборище праздныхъ людей. Сошлись все больше бабы съ ребятами. Потомъ пришло время топить печки и вечерю варить, и мы разошлись, поболтавъ добре.

7-го апрѣля. Я только-что встала, Никонъ подошелъ къ окну (онъ гналъ овецъ на пастьбу) и сказалъ:

— Что же вы вчѣра не приходили; я виглядалъ, виглядалъ васъ—нема! И не спалъ весь день.

Я сказала ему причину, но мнѣ было жаль, что я не пошла; я не думала, что онъ будетъ такъ ждать меня.

Сегодня очень холодно, пастухи приходятъ ко мнѣ грѣться, и я пользуюсь этимъ временемъ и предлагаю имъ заняться: кто почитаетъ, а кто напишетъ нѣсколько строкъ подъ диктовку. Потомъ побѣгутъ, посмотрятъ на овецъ и опять продолжаемъ начатое занятіе.

Я не думаю, какъ всегда было, ѣхать въ Ольгино встрѣчать праздникъ, а думаю остаться здѣсь и встрѣтить его въ одиночествѣ, если Никонъ не придетъ,—онъ обѣщаетъ придти. Всѣ хлопцы просятъ, чтобы я не уѣзжала, такъ какъ они будутъ свободны и мы можемъ чаще видѣться опять.

Николаевъ даетъ мнѣ земли подъ огородъ, я хочу взять и заняться имъ съ весны, такъ какъ потомъ уже надъ нимъ нечего будетъ работать. А кромѣ того, хочу входить въ работу Ѳеклиной семьи, какъ на огородѣ, такъ и въ полѣ. Вотъ пока, что я имѣю въ виду, чѣмъ заняться и какъ жить.

Мои отношенія съ семьей Ѳеклы остались тѣ же самыя. Дуня у меня теперь не живетъ, чему я даже рада, такъ какъ, сколько я ни старалась съ ней сблизиться, мы не сблизились и не можемъ сблизиться больше того, насколько можетъ сблизиться матеріальная помощь. Ея интересы состоятъ только въ томъ, чтобы купить себѣ какую-нибудь обнову или съѣсть что-нибудь. Мои же интересы совершенно чужды ей и она не желаетъ входить въ нихъ. Вмѣсто Дуни, я отъискала себѣ маленькаго друга въ лицѣ Никона. Онъ каждый вечеръ приходитъ ко мнѣ и мы дѣлимся впечатлѣніями дня. Мы очень другъ друга полюбили, такъ что, если Никонъ не придетъ день, то мнѣ какъ будто чего-то не достаетъ.

Послѣднее время Евгеній Анатольевичъ (Николаевъ) сталъ

что-то постоянно поминать, что мы вмѣстѣ не можемъ жить, такъ какъ не соглашаемся ни въ чемъ, и называетъ меня «крайнею».

Все это шуткой говорится, но мнѣ все кажется, что тутъ кроется серьезное недоброжелательство.

11-го апрѣля. Вчера, когда Никонъ уходилъ, я шутя стала ему гладить голову и показала, какъ гладитъ мать и какъ мачиха. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Оце моя рідна мати,—а потомъ прибавилъ: — Надежда! чего у васъ нема дітокъ? Они, ма буть, ловки були бъ!

12-го мая 1886 г. Была въ сосѣдней деревнѣ Ольгиной. Меня, по обыкновенію, возилъ Степанъ, и Z далъ Степану прочитать «Ивана дурака» (сказку Толстого) и потомъ спросилъ его, можно-ли такъ прожить, какъ Иванъ-дуракъ. Степанъ отвѣчалъ ему, что отчего же нельзя? Только, говоритъ, надо отказаться отъ всего и не противиться злу. Когда я ѣхала съ нимъ сегодня изъ Ольгина, онъ мнѣ все это разсказалъ. Я спросила его, что такое значитъ «не противиться злу», какъ онъ понимаетъ это выраженіе? Онъ сказалъ: «по моему, это значитъ терпѣть на себѣ зло». Меня совершенно удовлетворилъ этотъ отвѣтъ. На встрѣчу намъ попадались знакомые мужики и бабы, ѣдущіе на ярмарку. Предвидя снова встрѣчу съ ѣдущими, онъ сказалъ:

— Кто е знаетъ—свои или чужіе ѣдутъ? Не такъ сказалъ — чужихъ нѣтъ, а сторонніе. Чужіе, говорятъ, въ болотѣ живутъ.

19-го мая. Все это время я занималась самыми обыденными дѣлами, нужными только для своей собственной жизни. Затѣяла я завести огородъ и вотъ нужно было просить другихъ (Грицька и Бориса) загородить мнѣ его. Работа, кажется, не трудная и я попробовала вбить одинъ колышекъ—оказалось, что нужно довольно много силы и притомъ всѣ внутренности должны встряхнуться

столько разъ, сколько стукнешь коломъ въ землю. Я напила, что за это не слѣдуетъ мнѣ браться и взялась съ Грицькомъ плести. Чтобы не задерживать его, я должна была также скоро плести, какъ и онъ; въ то время, какъ онъ беретъ хворостину, я должна своею перебрать снози и воткнуть и работа у насъ шла очень скоро—Борисъ не успѣвалъ приготовлять хворостъ. Поработала я такъ не болѣе двухъ часовъ. Потомъ топоръ освободился и я начала приготовлять изъ оставшагося хворосту дрова для топки. Въ этотъ день я не чувствовала никакой усталости. Но за то по прошествіи ночи я почувствовала, что у меня все тѣло болитъ и въ особенности спина и животъ, и боль мускульная, а не внутренняя. На другой день я чувствовала то же самое. На третій же день, не обращая на это вниманія, я начала возиться надъ уборкой хаты—мазать печку и доливку. По окончаніи этого дня, къ удивленію своему, я замѣтила, что боль тѣла пропала и я вспомнила пословицу: «Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись».

По прошествіи нѣсколькихъ дней. Антонъ, мальчикъ 10-ти лѣтъ, пасетъ ватагу; на время обѣда онъ пригоняетъ ее на выгонъ и овцы прячутся отъ жару подъ амбары и спокойно лежатъ все время пока не спадетъ жаръ. И вотъ, въ это свободное для него время онъ приходитъ ко мнѣ. Сегодня я сидѣла на призьбѣ у своей хаты, онъ пришелъ и подсѣлъ ко мнѣ; я стала его разспрашивать, какъ они пасутъ и въ какое время ѣдятъ. Онъ пообѣдалъ дома и несъ съ собою коржикъ на случай голода, но не утерпѣлъ—сейчасъ же сталъ ѣсть и половину отломилъ для меня. Я не хотѣла брать, но онъ просилъ меня ѣсть. И мы ѣли. А потомъ я спрашиваю, когда же, въ какое время ты пойдешь опять домой, чтобы поѣсть (это было въ 12 ч. утра).

— А тоді, каже, коли прижену ватагу до дому.

Я говорю:

— Вѣдь, ты здòрово ѣсть захочешь?

— А хиба нельзя перетерпѣть?

Вотъ съ которыхъ поръ они пріучаются терпѣть все, и холодъ, и голодъ, и т. п. невзгоды. Онъ принесъ съ собою тетрадь и карандашъ.

— Надежда, вы мнѣ кажите, а я буду писать.

И онъ въ неудобномъ положеніи, на призьбѣ, писалъ подъ диктантъ. Меня порадовало, что тутъ была чисто его инициатива, безъ малѣйшаго намека съ моей стороны объ ученіи.

23-го мая 1886 г. Учитель Николаевыхъ (который иногда исправлялъ и обязанность объѣздчика у Николаева и загонялъ крестьянскій скотъ) подъѣхалъ верхомъ къ нашей хатѣ и, любезно раскланявшись, сказалъ, что онъ искалъ насъ въ лѣсу, чтобы передать почтовую росписку и ноты, которыя, между прочимъ, не съ нимъ были и за которыми онъ сейчасъ же поскакалъ. Видя его подъѣзжающимъ снова, я хотѣла избавить его отъ труда слѣзать съ лошади, и встала, чтобы взять отъ него свертокъ, но онъ живо соскочилъ, очевидно, желая войти въ хату и побесѣдовать съ нами. Онъ вошелъ и сѣлъ. Начался безразличный разговоръ, о погодѣ, собакахъ. Я спросила его:

— У васъ завтра стрижка, кажется, будетъ?

— Да, кажется.

— Какую же, говорю, вы роль тамъ будете играть?

— Ахъ, это вы говорите о томъ, что я ѣздилъ въ объѣздъ!

— Нѣтъ, о стрижкѣ; какую тамъ вы роль будете играть — зрителя, распорядителя или еще кого-нибудь?

Но онъ уже не слушалъ меня и сталъ оправдываться относительно объѣзда.

— Я, говоритъ, удивляюсь, какъ они не боятся васъ?

— Чего же, говорю, имъ бояться меня, они знаютъ, что я не буду ихъ ловить и не донесу.

— Но, все жъ таки они знаютъ, что вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ Николаевымъ... А какъ же, по вашему, не оберегать? Не брать штрафовъ?—тогда все имѣніе растащатъ.

Я ему сказала все, что думаю объ этомъ.—Что штрафами они только увеличатъ воровство, что зло зломъ не искоренишь. И когда онъ вопросъ прямо поставилъ: что бы я сдѣлала съ воромъ, если бы онъ укралъ у меня, то я сказала, что простила бы. Я не запомнила всего, что говорилось еще. Онъ сказалъ, что подумаетъ и, можетъ быть, перемѣнитъ свой взглядъ. Такъ мы распрощались.

23-го мая. Николаевъ только-что пріѣхалъ и сейчасъ же прислалъ за мной, чтобы явиться къ нему тоже сейчасъ. Я пошла. Прихожу и, заранѣе предчувствуя какую-нибудь непріятность, нисколько не удивилась, когда онъ сказалъ, что призвалъ меня по очень непріятному дѣлу. Учитель передалъ мой разговоръ съ нимъ и началось обвиненіе меня въ томъ, что я собираю народъ и проповѣдую «непротивленіе злу». Я попросила его хорошенько подумать о томъ, что говоритъ, но онъ не слушалъ меня и продолжалъ говорить свое, и между прочимъ, сказалъ, что я возмущаю народъ и что онъ проситъ меня оставить лучше школу и подать прошеніе въ училищный совѣтъ о переводѣ меня въ другую школу. И при этомъ успокоивалъ меня, что въ училищномъ совѣтѣ онъ ничего не будетъ говорить обо мнѣ. Такъ какъ передъ этимъ только онъ утверждалъ, что я противозаконно поступаю, и что онъ принималъ присягу и долженъ оберегать порядокъ, то я ему отвѣтила, что онъ можетъ и долженъ даже предать меня суду.

Но онъ сказалъ мнѣ, что предавать суду онъ не будетъ меня, а лучше будетъ, если я удалюсь. Я, конечно, согласилась исполнить его желаніе.

31-го мая. Сегодня мы, т.-е. я и знакомые, гостившіе у меня (О. Н. и А. К.), отправились изъ Ивановки. Я

поѣхала съ своимъ неизмѣннымъ Степаномъ. Я съ нимъ такъ сдружилась, что такъ и тянетъ подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что лежитъ на сердцѣ, и я не удерживаюсь, говорю съ нимъ. Вотъ и сегодня я говорила съ нимъ о томъ, чѣмъ голова моя занята была, а именно, своимъ удаленіемъ изъ Ивановки. Онъ спрашивалъ, почему панъ недоволенъ. Я сначала отвѣтила ему неопредѣленно, но онъ самъ догадался и говоритъ: «я такъ думаю, что ему не нравится, что къ вамъ люди приходятъ». Я подтвердила это и сказала ему въ общемъ, чѣмъ онъ не доволенъ и чего боится. «Куда жь вы теперь уѣдете?» Я ему сказала, что уѣзжать мнѣ никуда не хочется и что я хочу предложить крестьянамъ деревни Ольгиной учить ихъ дѣтей. Онъ обрадовался за Ольгинскихъ крестьянъ, одобрилъ мое намѣреніе и сказалъ, что они, навѣрно, будутъ очень рады. Между прочимъ, я попросила его узнать въ разговорѣ съ ними, какъ они къ этому отнесутся. И такъ я переселяюсь опять куда-то...

**Н. Л. Кившенко.**

# АРИѲМЕТИКА ВЪ ИСТОРІИ.

**И. В. СВѢЧИНЪ.** Основы человѣческой дѣятельности. Спб. 1887.

На заглавномъ листѣ книги г. Свѣчина съ только-что приведеннымъ названіемъ обозначено и ея «содержаніе». Оказывается, что книга трактуетъ о свободѣ воли человѣка, о великихъ людяхъ, о воспитаніи, о развитіи личности, о происхожденіи государствъ, объ умственномъ, религіозномъ, нравственномъ и экономическомъ развитіи государствъ, объ акціяхъ и пассіяхъ въ жизни государствъ, о биржевыхъ кризисахъ и таможенной политикѣ, о возрастѣ Россіи, о кончинѣ государствъ, о развитіи и прогрессѣ человѣчества и, наконецъ, о счастьѣ человѣка. Изъ маленькаго «вмѣсто предисловія» мы узнаемъ далѣе, что авторъ предпринялъ свой трудъ, «мучимый всевозможными сомнѣніями и противорѣчіями въ существующихъ теоріяхъ общественной философіи», а теперь издаетъ его, разсчитывая «получить отъ интеллигентной и мыслящей публики пособіе для дальнѣйшей разработки интересующихъ его вопросовъ». Еще мы узнаемъ изъ объявленія на четвертой страницѣ обложки, что г. Свѣчинъ написалъ книжку подъ заглавіемъ «Вексельный курсъ и мѣры къ его исправленію». Наконецъ, самъ авторъ очень обязательно перечисляетъ 36 сочиненій, «которыя служили вспомогательными средствами при написаніи предлагаемаго сочиненія»,—не пропуская даже «Хронологіи всеобщей и русской исторіи» г. Острогорскаго, «Всеобщей исторіи» г. Иловайскаго, «Русской исторіи» его же, «Отечественной исторіи въ разсказахъ» г. Рождественскаго и т. п. Однимъ словомъ, уже не идя дальше обложки и предисловія, мы можемъ судить нѣкоторымъ образомъ о книгѣ г. Свѣчина: обширное историко-философское содержаніе, стремленіе разрѣшить всевозможныя сомнѣнія и противорѣчія въ существующихъ теоріяхъ

общественной философіи, съ одной стороны, а съ другой—весьма сомнительнаго свойства подготовка, заключавшаяся въ написаніи книжки о вексельномъ курсѣ и въ ознакомленіи съ 36 книгами, среди коихъ, кромѣ указанныхъ уже школьныхъ руководствъ, значится и разное старье, въ родѣ первой части «Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» Ѳаддея Булгарина (1847 г.), первой части переводнаго (съ франц.) «Путешествія Пиѳагора» (1804 г.), и совершенно случайно попавшіяся подъ руку автора «Реформація въ Англіи» г. Соколова, «Турція» г. Чемерзина, «Земля войска донскаго» г. Краснова. Все это не особенно располагаетъ къ чтенію книги г. Свѣчина и еще менѣе того дѣлаетъ эту книгу заслуживающею подробнаго разбора. Если, однако, я беру на себя трудъ подвергнуть критикѣ «Основы человѣческой дѣятельности», то не столько ради вразумленія самого г. Свѣчина, сколько вслѣдствіе того, что многія его идеи суть только отраженіе путаницы понятій, вообще существующей въ историко-философской литературѣ по нѣкоторымъ принципіальнымъ вопросамъ.

Впрочемъ, нельзя миновать и самого автора «Основъ человѣческой дѣятельности». Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ предупреждаетъ, что онъ «далекъ отъ мысли считать себя провозвѣстникомъ какого-либо новаго ученія, а трудъ свой—цѣннымъ вкладомъ въ область философскихъ наукъ». Этому скромному заявленію далеко не соотвѣтствуютъ ни тонъ, съ какимъ авторъ говоритъ о соціологахъ-позитивистахъ, ни особенно отношеніе его къ историкамъ. Знакомый самъ съ исторіей лишь по учебникамъ, да нѣсколькимъ случайнымъ книжкамъ, г. Свѣчинъ наивно воображаетъ, что кромѣ того, что ему извѣстно, въ исторической наукѣ болѣе ничего и не имѣется. То его работѣ «мѣшаетъ полная необработанность исторіи другихъ народовъ» (стр. 28), то ему кажется, что историческій «матеріалъ лежалъ до послѣдняго времени неразработаннымъ и трудящихся надъ нимъ было очень немного» (стр. 40), то выходитъ такъ, что трудно бываетъ что-либо «разобрать по существующимъ исторіямъ, такъ какъ историки не обращали должнаго вниманія» на то, что такъ хорошо оказывается извѣстнымъ г. Свѣчину (стр. 85), то лишь потому «вполнѣ убѣдительныхъ фактовъ за предположеніе г. Свѣчина исторія представляетъ очень мало», что извѣстная эпоха «не разработана историками» (стр. 86), и т. д. Правда, самъ г. Свѣчинъ считаетъ нужнымъ только «перелистывать» (стр. 25) и «просматривать» исторію (стр. 63) или

«заглядывать» въ нее, что отражается и на его фактическихъ знаніяхъ, въ которыхъ промаховъ не оберешься, не говоря уже о томъ, что г. Свѣчинъ охотно повторяетъ самыя ненаучныя мнѣнія. На стр. 56—57, «по мнѣнію историковъ (?) и нашего славянофила Хомякова, въ Италіи, Германіи, Англіи и Франціи существуютъ «прямые потомки славянъ»! «Римъ присоединилъ къ себѣ всю территорію Италіи отъ 1125 года по 1000 г. до Р. Х., при сынѣ Энея Сильвіи и его прямыхъ потомкахъ» (стр. 75)!! «Въ Англіи полная сила буржуазіи относится къ 1505 году по Р. Х. (стр. 85). «Во Франціи буржуазія пользовалась полномочіемъ (?) въ 1465 году» (стр. 86). «Екатерина II издаетъ въ 1766 году «наказъ о созваніи комитетовъ» (стр. 90). «Русскій Вѣстникъ» популяризировалъ идеи славянофиловъ» (стр. 103). «Альбигойцы—западные борцы за букву и обряды!... «Реформація, или признаніе за безвредными сектантами права на свободное и открытое исповѣданіе своей вѣры» (стр. 110). «Во Франціи реформація началась съ Карла VIII, въ 1494 году» (стр. 111). «Французы терпѣли обиды отъ сарацинъ, саксовъ и другихъ народовъ, которые всегда имѣли подъ игомъ какую-либо часть Франціи» (стр. 115). Франція вела тридцати-лѣтнюю войну за реформацію, и притомъ, защищаясь отъ сосѣдей! (стр. 119). Либихъ—англичанинъ (стр. 164). Довольно этихъ, совершенно случайно выбранныхъ примѣровъ для того, чтобы видѣть, насколько г. Свѣчинъ имѣлъ право дѣлать какіе бы то ни было упреки историкамъ, и чтобы понять ту самоувѣренность, съ какою онъ утверждаетъ, что лучшая разработка исторіи вполнѣ оправдаетъ его построенія (напр., стр. 66, 73, особенно 155).

Но обратимся къ теоріи г. Свѣчина. Послѣ трехъ вступительныхъ главъ, въ коихъ онъ разсуждаетъ о «свободѣ воли человѣка, ея основахъ и мѣстѣ въ природѣ» (гл. I), о «великихъ личностяхъ въ исторіи и значеніи ихъ иниціативы въ развитіи жизни народовъ» (гл. II) и о «силѣ воспитателей и учителей въ направленіи жизни поколѣній» (гл. III), въ IV главѣ авторъ разсматриваетъ «развитіе личности», которое, по собственнымъ («нашимъ») наблюденіямъ и изслѣдованіямъ г. Свѣчина (стр. 42—43), какъ самъ онъ заявляетъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, совершается по извѣстному плану, т.-е. въ извѣстномъ «порядкѣ слѣдованія одной за другою самыхъ мелкихъ формъ человѣческой мысли, религіознаго чувства и нравственныхъ стремленій» (стр. 51). Собственныя наблюденія и изслѣдованія г. Свѣчина опредѣлили, въ чемъ состоитъ этотъ планъ, и какіе періоды переживаетъ отдѣльная

личность въ своей умственной, религіозной и нравственной жизни, а также сколько лѣтъ выпадаетъ на тотъ или другой періодъ. Такъ какъ авторъ не повѣдалъ намъ, какъ производились эти наблюденія и изслѣдованія, то мы имѣемъ полное право объявить всю схему развитія личности, представленную въ этой главѣ, совершенно произвольною. Для образчика приведемъ, впрочемъ, утвержденіе г. Свѣчина, что въ промежуткѣ отъ 12 до 30 лѣтъ (второй періодъ религіознаго развитія личности) «человѣкъ бываетъ и истиннымъ католикомъ, и лютераниномъ, и индифферентистомъ, и раціоналистомъ, и рѣдко бываетъ православнымъ» (стр. 45): должно быть, у автора «Основъ человѣческой дѣятельности» были особенныя данныя для подобныхъ характеристикъ отдѣльныхъ періодовъ человѣческой жизни. Маленькая V глава на двухъ-трехъ страницахъ трактуетъ о «государственномъ организмѣ», а отношеніе этой главы къ предъидущей заключается въ томъ, что государственный организмъ «не можетъ развиваться иначе, чѣмъ развиваются его клѣтки» (стр. 58), т.-е. въ томъ, что періоды, найденные для индивидуальной жизни, слѣдуетъ искать и въ жизни государственной. Г. Свѣчина нисколько не смущаютъ возраженія, сдѣланныя противъ аналогическаго метода и органической теоріи: «государство,—говоритъ онъ,—уже привыкли называть организмомъ и эту привычку мы находимъ вполнѣ законною, такъ какъ признаемъ его за дѣйствительно существующій, истинно-реальный организмъ» (стр. 57). Вотъ и весь резонъ! Въ VI главѣ мы читаемъ о «происхожденіи государствъ», причемъ главное вниманіе должны обратить на разсужденіе о количествѣ времени, потребномъ для окончательнаго сформированія въ извѣстномъ народѣ инстинкта патріотизма, безъ котораго государство не можетъ возникнуть. Наблюденія и изслѣдованія г. Свѣчина приводятъ къ тому результату, что на зарожденіе этого инстинкта полагается двѣсти лѣтъ, т.-е. за 200 лѣтъ до начала государства въ такомъ-то году начинается развитіе патріотизма. Напримѣръ, по словамъ автора, «эмбріональный періодъ развитія Россіи начинается съ 662 года, при королякъ Швеціи Видфрамѣ, Гаральдѣ и Сигурдѣ» (стр. 64). Г. Свѣчинъ даетъ даже (стр. 66) цѣлую таблицу эмбріональнаго періода разныхъ государствъ, хотя и признается, что выставленные имъ годы зарожденія государственнаго патріотизма у разныхъ народовъ «взяты на основаніи общихъ соображеній съ обстоятельствами жизни этихъ народовъ и не могутъ быть найдены въ современныхъ хронологическихъ таблицахъ» (стр.

66). Но лучше все заключеніе: «исторіи, если не могутъ подтвердить ихъ, то они необходимо должны допустить, такъ какъ не имѣютъ никакихъ основаній ихъ отвергнуть».

За этими общими положеніями слѣдуетъ разработка частностей. Такъ какъ, прежде всего, человѣкъ развивается физически, то и г. Свѣчинъ начинаетъ съ разсмотрѣнія «физическаго роста государствъ» (гл. VII). Я не берусь передавать ариѳметическія выкладки г. Свѣчина, приводящія его къ тому заключенію, что все развитіе государственнаго организма совершается въ 80 поколѣній, т.-е. въ 1600 лѣтъ, если брать въ разсчетъ время только послѣ основанія государства, т.-е. не считая 200 лѣтъ эмбріональнаго періода: «все развитіе каждаго государственнаго организма,—говоритъ авторъ,—начиная съ зарожденія его патріотизма и до изчезновенія его, совершается около 1800 лѣтъ (1790—1810), и кто безъ предубѣжденія возьмется самъ провѣрить нашъ опытный выводъ, тотъ убѣдится въ относительной истинности нашихъ словъ» (стр. 73). Относясь именно съ предубѣжденіемъ къ «опытнымъ» выводамъ г. Свѣчина, мы отказываемся отъ этой провѣрки, тѣмъ болѣе, что пришлось бы для этого обратиться къ цифрамъ, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ хронологическихъ таблицахъ, въ родѣ, напр., 2015 г. но Р. Х., «когда пробьетъ послѣдній часъ государственной жизни Франціи» (стр. 75). Наконецъ, по убѣжденію автора, «ростъ государствъ посредствомъ присоединеній и завоеваній идетъ также въ строгомъ порядкѣ, и,—прибавляетъ онъ, — строго-научное изученіе этого порядка могло бы насъ привести къ опредѣленію условій возникновенія войнъ между народами и къ возможности болѣе или менѣе точно предсказывать ихъ. Но эта работа, — почему-то оговаривается г. Свѣчинъ, — эта работа будетъ выполнена другими изслѣдователями, а нашъ путь лежитъ мимо ея «(стр. 76). Авторъ переходитъ именно къ вопросу о «развитіи пяти сословій государствъ» (гл. VIII): «физическое строеніе всякаго государственнаго организма бываетъ неодинаково въ разныя эпохи его существованія и при развитіи этого строенія замѣчается одинъ неизмѣнный порядокъ, свойственный всѣмъ государствамъ» (стр. 77),—вотъ основная мысль главы о сословіяхъ. По г. Свѣчину, государственный организмъ шарообразенъ: центръ его занимаетъ государственная власть, около которой послѣдовательно образуются оболочки—аристократіи, духовенства, бюрократіи, буржуазіи и пролетаріата (стр. 78—79). Помѣщенная на стр. 80—81 таблица съ хронологическими датами изъ исторіи Россіи, Англіи, Фран-

ціи, Рима и Аѳинъ показываетъ, по автору, «съ какою точностью и непреложностью идетъ развитіе сословій» (стр. 79). Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, напр., что въ Россіи съ 1562 г. пролетаріатъ усиливается и достигаетъ политическаго и экономическаго значенія»: удивительно точно! Г. Свѣчинъ и «провѣряетъ» свою таблицу, путая историческіе факты, превращая римскихъ оптиматовъ въ бюрократовъ (стр. 84), дѣлая бюрократомъ и аѳинянина Аристида (стр. 85), и т. п.

Установивъ полный параллелизмъ въ исторіи роста и измѣненій строенія отдѣльныхъ государствъ и давъ для всѣхъ періодовъ въ жизни народовъ неизмѣнныя цифры, однѣ и тѣ же для каждаго народа въ отдѣльности, г. Свѣчинъ посвящаетъ цѣлую главу (IX-ю) «закону акцій и пассій жизни государственнаго организма», гдѣ уже прямо все основано на ариѳметикѣ. «Движеніе государственной жизни,—говоритъ авторъ,—идетъ неравномѣрно. Въ одни періоды дѣятельность государственнаго организма бываетъ напряженнѣе и шире, въ другіе—слабѣе и уже. Въ однѣ эпохи появляется много начинаній и реформъ, въ другія замѣчается полное отсутствіе реформъ... Эти акціи и пассіи были давно уже замѣчены, но до сихъ поръ не опредѣлена была ихъ продолжительность и не открыты были причины смѣны акцій и пассій. Однимъ словомъ, до сихъ поръ указанное явленіе оставалось научно-неописаннымъ, не классифицированнымъ и необъясненнымъ закономъ всеобщей связи явленій» (стр. 88). Г. Свѣчинъ теперь описываетъ, классифицируетъ, объясняетъ. По его изслѣдованіямъ (опять «по нашимъ изслѣдованіямъ»), на которыя онъ такъ охотно ссылается, періоды акцій и пассій государственной жизни обнимаютъ всегда двадцать лѣтъ, т.-е. 10 лѣтъ акціи и 10 лѣтъ пассіи (стр. 88), а «для большей убѣдительности и вразумительности» г. Свѣчинъ приглашаетъ прослѣдить «за смѣной акцій и пассій въ Россіи съ 1680 по 1880 г.» (стр. 89—93). По представленію нашего автора, напр., на періоды акціи приходятся 1730—1740 гг. (періодъ, какъ самъ онъ выражается, «сильно опороченный нашими историками», стр. 90), 1790—1800 гг. 1830—1840 гг.; тогда какъ въ пассію записаны 1800—1810 гг., 1860—1879 гг. и т. д. Въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ и въ жизни цѣлаго человѣчества находитъ періоды акцій и пассій, которые, по его вычисленіямъ, должны продолжаться въ тридцать разъ дольше, чѣмъ акціи и пассіи государственнаго организма, т.-е. по 300 лѣтъ каждая (стр. 183). И тутъ онъ не затрудняется дать таблицу, по которой выходитъ, что XV, XVI и XVII

столѣтія были вѣками пассіи, отличающимися «недостаткомъ иниціативы и почина во всѣхъ отношеніяхъ» (стр. 184): это вѣка-то возрожденія, реформаціи и развитія государственности! Послѣ этого, объясненіе, которое придумываетъ г. Свѣчинъ для небывалой правильности въ смѣнѣ акцій и пассій, теряетъ интересъ, такъ что это объясненіе (стр. 68—73 и 93—96) можно было бы привести развѣ въ видѣ примѣра своевольнаго обращенія съ статистикой для доказательства той мысли, что десяти лѣтія акціи совпадаютъ съ десяти лѣтіями усиленнаго дѣторожденія, хотя авторъ мимоходомъ высказываетъ и неоспоримыя истины, въ родѣ той, что «возрастъ отъ 1 до 10 лѣтъ не представляетъ возможности производить дѣтей» (стр. 68).

Главы X—XIII посвящены умственному, религіозному, нравственному и экономическому развитію государственныхъ организмовъ, по аналогіи съ развитіемъ отдѣльныхъ личностей, причемъ авторъ еще ранѣе (стр. 58) заявилъ, что экономическое развитіе есть особый видъ нравственнаго. Тѣ моменты умственнаго, религіознаго и нравственнаго развитія, которые г. Свѣчинъ установилъ на основаніи своихъ наблюденій и изслѣдованій для отдѣльной личности, онъ отыскиваетъ теперь для цѣлыхъ государствъ, и какъ періоды личной жизни продолжаются у него строго опредѣленное количество лѣтъ, такъ и періоды государственной жизни имѣютъ свои цифры: каждый періодъ у государственнаго организма будетъ во столько разъ продолжительнѣе, чѣмъ у отдѣльной личности, во сколько жизнь государства продолжительнѣе жизни отдѣльнаго лица. Первый періодъ въ жизни личности охватываетъ 12 лѣтъ, а потому «очень легко» найти соотвѣтствующій ему періодъ въ жизни государства, ибо нужно только знать тройное правило:

X : 12 год. жизни чел. = 1800 л. жизни государ. : 60 г. ж. чел.
X = 360 лѣтъ (стр. 98).

Содержаніе указанныхъ четырехъ главъ именно и состоитъ въ распредѣленіи жизни государствъ на періоды съ извѣстнымъ характеромъ и опредѣленнымъ количествомъ лѣтъ, такъ что въ каждомъ государствѣ, по представленію г. Свѣчина, наступаютъ однородныя явленія. Въ особой главѣ (XV), посвященной «возрасту Россіи», авторъ иллюстрируетъ свою мысль указаніемъ на то, что Россія въ 1845—1885 гг. находилась въ томъ же возрастѣ, какой Англія переживала въ 1445—1485 гг. При этомъ новый исторіософъ проводитъ удивительныя параллели. Въ Англіи въ 1416 г. запрещаютъ выдѣлку деревянныхъ башмаковъ, до-

рожа лѣсами, а у насъ запрещаютъ рубить елки въ Рождество и драть лыко (стр. 148). При Эдуардѣ IV издается законъ противъ роскоши и присвояется одежда разнымъ классамъ—заботы наши о мундирахъ. Колетъ — нашъ архимандритъ Ѳедоръ Бухаревъ (стр. 150). Въ самомъ дѣлѣ, не похожа-ли Россія середины XIX в. на Англію середины XV? Г. Свѣчинъ не забываетъ даже отмѣтить того, что въ Англіи четыреста лѣтъ тому назадъ, «какъ было и у насъ до 1855 года», «тѣлесныя наказанія употреблялись очень щедро, пока молодые люди оставались подъ родительскимъ кровомъ» (стр. 148). «Кто,—восклицаетъ г. Свѣчинъ,—послѣ этого дерзнетъ думать, что онъ можетъ что-либо перевернуть или измѣнить въ установленномъ Богомъ порядкѣ развитія государствъ на землѣ?!» (стр. 151). Равнымъ образомъ, по нашему автору, Богъ положилъ каждому государству жить только 1800 лѣтъ, и объ этомъ написана цѣлая глава (XV), называющаяся «кончина государственныхъ организмовъ» и отличающаяся самымъ безцеремоннымъ обращеніемъ автора съ хронологіей, когда онъ составляетъ «таблицу продолжительности лѣтъ жизни извѣстнѣйшихъ государствъ» (стр. 153), весьма благоразумно умалчивая о тѣхъ, начало и конецъ коихъ извѣстны (напр., о Польшѣ), а больше беря древнія государства, начальные годы которыхъ неизвѣстны, или нынѣ здравствующія державы, коимъ только пророчится конецъ въ 2015 г. (Франція) или въ 2049 г. (Англія). И въ этой главѣ г. Свѣчинъ развиваетъ мысль о «непреложномъ соотвѣтствіи эпохъ» въ исторіи разныхъ народовъ, въ силу котораго онъ «находитъ то же самое у многихъ извѣстныхъ народовъ, въ одномъ и томъ же періодѣ ихъ развитія» (стр. 154). Въ видѣ примѣра, онъ ссылается на «пугачевщину», которую находитъ и въ Англіи, и во Франціи, и въ Папской области (начало послѣдней онъ относитъ къ 64 г. по Р. Х.), и въ Византіи, притомъ всегда черезъ 1100 лѣтъ съ небольшимъ послѣ начала государства. По г. Свѣчину, древнеримская пугачевщина была въ III в. до Р. Х., но о ней «историки, увлеченные разсказомъ о пуническихъ войнахъ, ничего почти не упоминаютъ». Было и «въ Аѳинахъ время Пугачевыхъ», въ 623 г. до Р. Х. (стр. 154). «Исторія Египта въ XII столѣтіи до Р. Х.,—говоритъ еще авторъ,—покрыта мракомъ неизвѣстности, и мы не можемъ указать тамъ на Пугачева» (стр. 155). За то «у евреевъ былъ свой Пугачевъ при царѣ Амонѣ, въ 641 г. до Р. Х., который (кто ?) былъ убитъ по заговору своими рабами и слугами» (стр. 154).

Глава XVI говоритъ о «человѣчествѣ и его развитіи». Вотъ ея основная мысль: «человѣчество, по нашимъ представленіямъ, есть живой организмъ, которому органическими клѣтками служатъ государственные организмы. И какъ каждый организмъ въ своемъ развитіи и жизни обусловливается жизнью его клѣтокъ, такъ и человѣчество обусловлено развитіемъ и жизнью составляющихъ его государствъ. Порядокъ его развитія не можетъ отличаться отъ порядка развитія его клѣтокъ, и лишь періоды развитія его будутъ длиннѣе и поворотныя точки должны отстоять другъ отъ друга дальше... Если продолжительность жизни государствъ мы опредѣлили помноженіемъ числа лѣтъ жизни средняго человѣка на тридцать (60+30=1800), то и здѣсь, чтобы найти продолжительность жизни человѣчества на землѣ, мы должны продолжительность жизни государствъ, 1800 лѣтъ, помножить также на 30», и т. д. (стр. 173—174). Глава XVII разсматриваетъ вопросъ о «прогрессѣ человѣчества», рѣшая его въ смыслѣ роста «искусственности», т.-е. культуры, но не въ смыслѣ улучшенія человѣческаго существованія, а послѣднюю главу своего труда г. Свѣчинъ посвятилъ рѣшенію вопроса о «счастьѣ человѣка» на землѣ, самъ предупреждая, что его не удовлетворяетъ рѣшеніе, котораго онъ «добился» (стр. 195).

Оставляя въ сторонѣ три вводныя и двѣ заключительныя главы «Основъ человѣческой дѣятельности», мы можемъ свести остальныя тринадцать главъ этой книги къ слѣдующимъ тремъ основнымъ идеямъ:

1) существуетъ полная аналогія между развитіемъ отдѣльной личности и цѣлаго государства, а потому найденное относительно отдѣльной личности можетъ быть примѣняемо и къ государству;

2) существуетъ полнѣйшій параллелизмъ между исторіями отдѣльныхъ государствъ, такъ что въ сущности вездѣ повторяется одна и та же исторія, и, напр., чуть не въ извѣстномъ году существованія государства въ немъ непремѣнно происходитъ нѣчто въ родѣ пугачевщины, и

3) существуютъ историческіе законы, которые могутъ быть выражены цифрами.

Вотъ ради того, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этихъ трехъ положеній, нерѣдко встрѣчающихся въ историко-философской литературѣ, я и предпринялъ этотъ разборъ книги г. Свѣчина, которая сама по себѣ не заслуживала бы ничего, кромѣ маленькихъ замѣтокъ, какія о ней помѣстили «Русская Мысль» и «Вѣстникъ Европы».

Есть одна книга въ историко-философской литературѣ, въ основѣ которой лежатъ всѣ три указанныя идеи: это—вышедшіе въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1838 г. «Принципы философіи исторіи» Фрера [1]). Во всемъ остальномъ г. Свѣчинъ и французскій авторъ расходятся, но относительно существованія аналогій между индивидуальнымъ бытіемъ и государственною жизнью и параллелизма между исторіями отдѣльныхъ странъ и въ стремленіи подчинить законы развитія націй ариѳметическимъ отношеніямъ—ихъ идеи вполнѣ совпадаютъ, причемъ оба писателя одинаково произвольны въ установленіи аналогій, проведеніи параллелей и назначеніи количества лѣтъ на разные періоды существованія государствъ. Указывая на это сходство, я вовсе не думаю отрицать самостоятельность г. Свѣчина, которому, по всей вѣроятности, книга Фрера осталась неизвѣстна: дѣло въ томъ, что оба автора черпали свои основныя идеи изъ одного источника, изъ тѣхъ неопредѣленныхъ и смутныхъ идей о существованіи историческихъ законовъ, которыя такъ часто встрѣчаются и въ печати, и въ разговорахъ. Каждый изъ трехъ указанныхъ выше принциповъ г. Свѣчина и Фрера имѣетъ свою исторію и своихъ представителей даже въ современной историко-философской литературѣ.

Конечно, здѣсь не мѣсто подробно излагать генеалогію взглядовъ, легшихъ въ основу книги г. Свѣчина, и обстоятельно разбирать болѣе или менѣе современныхъ писателей, у которыхъ проводится тотъ или другой изъ этихъ взглядовъ. Достаточно будетъ нѣсколькихъ краткихъ указаній главнымъ образомъ на ихъ ненаучность.

Въ настоящее время есть въ соціологіи цѣлое органическое направленіе, въ основѣ коего лежитъ мысль о тождествѣ органическаго и соціальнаго развитія. Въ своемъ мѣстѣ [2]) мы подвергли критикѣ это направленіе, какъ ненаучное, а тутъ упоминаемъ о немъ лишь потому, что видимъ въ первой изъ основныхъ идей г. Свѣчина самую грубую форму органическаго взгляда на общество. Послѣдній сравниваетъ общество вообще съ организмомъ, т.-е. основывается на отвлеченномъ пониманіи принциповъ органической жизни вообще, тогда какъ идея, усвоенная г. Свѣчинымъ, именно въ томъ и состоитъ, чтобы отождествлять самыя явленія государственной жизни, съ одной стороны, и жизни отдѣльнаго

[1]) См. разборъ этой книги въ моихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», т. I, стр. 122—123 (т. I, стр. 25—26 по второму изданію).

[2]) Основные вопросы философіи исторіи, т. II, стр. 94 и слѣд. (II, 66 sq. по второму изданію).

человѣка, а не организма вообще, съ другой, что представляетъ изъ себя болѣе грубый научный пріемъ. Далѣе, соціологи-органисты стараются доказать свою аналогію, и съ этою цѣлью дѣлаютъ экскурсіи въ область біологіи, пытаясь перенести открытые ею законы въ изученіе общественной жизни, тогда какъ писатели, раздѣляющіе взглядъ г. Свѣчина, довольствуются простымъ признаніемъ аналогіи или ссылкой на «привычку» видѣть въ государствѣ организмъ и перенесеніемъ на государство самыхъ элементарныхъ представленій о возрастахъ, на которые распадается жизнь единичнаго человѣка. Наконецъ, соціологи органическаго направленія, заимствуя свои принципы у біологіи, хотя въ этомъ отношеніи держатся на научной почвѣ, между тѣмъ, какъ г. Свѣчинъ обходитъ настоящія данныя науки о развитіи личности, чтобы построить свою схему индивидуальнаго развитія на какихъ-то собственныхъ наблюденіяхъ (стр. 42), т.-е. чтобы совершенно произвольно представить якобы законы развитія личности въ духовномъ отношеніи и опредѣлить цифрами годовъ періоды этого развитія. То же дѣлаетъ и Фреръ, объявляя, что человѣкъ развивается періодами въ семь лѣтъ. Признавъ, что государство повторяетъ en grand жизнь единицы, аналогисты тѣмъ самымъ вынуждаются описать эту жизнь, а такъ какъ она представляетъ изъ себя великое разнообразіе, то они и придумываютъ болѣе или менѣе произвольныя схемы, если не хотятъ довольствоваться шаблоннымъ описаніемъ дѣтства, отрочества, юности и т. д. Г. Свѣчинъ, повидимому, упростилъ дѣло тѣмъ, что построилъ планъ жизни отдѣльнаго человѣка, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, по личнымъ воспоминаніямъ: иначе нельзя объяснить себѣ автобіографическія вставки (стр. 52).

Вторая идея г. Свѣчина та, что исторія повторяется. Вѣрна-ли, или нѣтъ эта мысль, во всякомъ случаѣ и здѣсь нашъ авторъ стоитъ на сторонѣ самаго грубаго ея пониманія, примѣры чего мы видѣли въ проведеніи имъ параллелей между русскою жизнью въ XIX в. и англійскою въ XV, или въ его стремленіи найти пугачевщину въ исторіи каждаго народа. Что касается до самой идеи, то мысль о такихъ общихъ формулахъ, подъ которыя подходили бы всѣ исторіи, весьма старая [1]), но всѣ попытки найти такія формулы либо кончались неудачей, либо приводили къ чисто произвольнымъ построеніемъ, ибо въ томъ-то и дѣло, что исторія не повторяется. Признавая существованіе общихъ законовъ раз-

[1]) См. тамъ же, I, 117—122 (I, 23—25 по второму изданію)

витія народовъ, мы должны помнить, что исторія народовъ зависитъ отъ массы условій географическихъ, этнографическихъ, культурныхъ и соціальныхъ, весьма различныхъ въ различныхъ странахъ, а потому исторія каждаго народа отличается своеобразнымъ характеромъ, такъ что судьба одного никогда не бываетъ похожа на судьбу другаго. Съ легкой руки Вико, философы исторіи ищутъ историческихъ законовъ въ смыслѣ формулъ, по которымъ совершается всякая исторія, но послѣдовательное проведеніе этой мысли приводитъ къ абсурду, въ родѣ того, что во всякомъ-де государствѣ приблизительно около такого-то года отъ его основанія происходитъ пугачевщина или что черезъ столько-то вѣковъ послѣ начала государства родители усиленно сѣкутъ своихъ дѣтей.

Г. Свѣчинъ стремится выразить свои историческіе законы въ цифрахъ, и это составляетъ третью основу его исторической теоріи. Такое «стремленіе,—писали мы въ другомъ мѣстѣ [1]),—особенно ненаучно: оно зародилось еще въ эпоху астрологическихъ бредней, когда составляли гороскопы не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ націй, и отъ Бодена, который хотѣлъ найти продолжительность жизни государствъ, до Банле, который очень недавно занялся историческими законами, выраженными въ цифрахъ, всѣ подобныя математическія вычисленія были совершенно произвольными, не имѣющими ни эмпирическаго, ни раціональнаго основанія выдумками». Между тѣмъ, стремленіе это обнаруживается до сихъ поръ въ историко-философской литературѣ. Напр., нѣмецкій писатель Дергенсъ въ сочиненіи Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte (1872) принимаетъ, напр., что продолжительность эпохъ между великими политическими дѣятелями (Александромъ В., Юліемъ Цезаремъ, Карломъ В. и Наполеономъ) соотвѣтствуетъ ряду — 1: 2: 3: 4.... А упомянутый Benloew, авторъ книги Les lois de l'histoire (1881 г.), придаетъ ариѳметическимъ выкладкамъ такое же значеніе, какъ и г. Свѣчинъ, думающій, что ариѳметика въ исторіи—все, чего только не достаетъ для общественной науки. Какъ произвольны, однако, цифры г. Свѣчина, мы это уже видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, но иначе и быть не можетъ, такъ какъ хронологическія даты получаются въ исторіи вовсе не путемъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ нѣсколькими основными числами.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Свѣчинъ замѣчаетъ, межд

[1]) См. тамъ же I, 123 (I, 26, по второму изданію).

прочимъ, что «не оскорбился бы за указаніе на коренныя ошибки его міровоззрѣнія». Послѣдняго мы не касаемся въ этомъ разборѣ, какъ, на нашъ взглядъ, мало интереснаго, но коренныя ошибки его научнаго метода любопытны, какъ reductio ad absurdum идей, встрѣчающихся и у болѣе компетентныхъ писателей. Для идей это тоже своего рода провѣрка, и въ такой провѣркѣ, дающей отрицательные результаты, заключается все научное значеніе книги г. Свѣчина, если только можно о ней говорить серьезно.

**Н. Карѣевъ.**

## ВОПРОСЫ.

Звѣзды—очи ангеловъ небесныхъ;
Шорохъ листьевъ—шепотъ нимфъ лѣсныхъ;
Говоръ струекъ—плескъ наядъ прелестныхъ...
Это—старый міръ людей простыхъ.

—

Звѣзды, то—міры, міры безъ счета...
Нѣтъ наядъ и нѣтъ ужь нимфъ лѣсныхъ...
Связанъ міръ въ законахъ, какъ въ тенетахъ,
Силъ бездушныхъ, мертвыхъ и слѣпыхъ.

—

Что-жь ты, сердце, въ чудныя мгновенья,
Въ часъ любви, восторга, чистыхъ слезъ,
Въ сладкій мигъ порывовъ вдохновенья,
Шепчешь мнѣ о мірѣ лучшихъ грезъ,—

—

И за міромъ мертваго движенья,—
Въ красотѣ душевнаго волненья
Въ стройномъ хорѣ звѣздъ провидишь вновь
Жизнь и чувство, разумъ и любовь?

—

Міръ бездушный, міръ безъ высшей цѣли,
Міръ безъ смысла, міръ безъ состраданья,
Еслибъ правдой былъ ты, въ самомъ дѣлѣ,
Отчего бы въ сердцѣ чудно зрѣли
Эти грезы, эти упованья?

—

Какъ изъ сѣти атомовъ ничтожныхъ
Родились бы дивныя стремленья?
Какъ для пыли мертвенной возможны
Идеалы, жертвы, вдохновенья...

**Л. О.**

# МИЛЛІОНЕРЪ

Романъ **Криспи Муррей.**

*(Продолженіе)*

## XXIII.

Тѣ немногіе часы, которые Джэку оставалось переждать до обѣда у лорда Уиндголя, показались ему цѣлою вѣчностью. Онъ все время ходилъ по комнатѣ, какъ узникъ, ожидающій освобожденія изъ тюрьмы, и то и дѣло поглядывалъ на свои часы. Наконецъ, дождавшись времени, когда можно было ѣхать, онъ велѣлъ слугѣ привести кэбъ. Никогда еще туманный Лондонъ не казался ему такимъ свѣтлымъ, какъ въ этотъ день. Онъ съ любовью глядѣлъ на прохожихъ по обѣимъ сторонамъ тротуара, и готовъ былъ разцѣловать ихъ, каждаго по очереди.

Пріѣхавъ къ Уиндголю, онъ былъ введенъ въ гостиную, гдѣ пробылъ нѣсколько минутъ одинъ. Въ каминѣ трещалъ яркій огонь. Горѣвшая на столѣ лампа, прикрытая абажуромъ, распространяла мягкій, розовый полусвѣтъ. Все это, вмѣстѣ съ опущенными гардинами, придавало комнатѣ уютный, домашній видъ.

Клэръ сидѣлъ и ждалъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Наконецъ, дверь отворилась, вошла Элла и приблизилась къ нему съ протянутою рукой. Джэкъ взялъ эту руку въ обѣ свои, наклонился надъ нею, какъ надъ святыней, и поцѣловалъ ее. Не выпуская ея руки, онъ тихо подвелъ ее къ камину и остановился противъ нея на томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтъ падалъ прямо на ея лицо. Онъ глядѣлъ на нее съ благоговѣйнымъ обожаніемъ, какъ на явившагося ему ангела. Имъ не о чемъ было спрашивать другъ друга: они читали въ сердцахъ одинъ у другаго.

Онъ притянулъ ее къ своей груди и обнялъ. Нѣсколько ми-

нутъ они простояли въ этомъ положеніи, потомъ онъ заглянулъ въ ея глаза и спросилъ:

— Милая, вы довольны?

— А вы?

— Я!..

Вмѣсто отвѣта, онъ покрылъ поцѣлуями ея лицо. Элла мягко высвободилась изъ его объятій.

— Не сонъ-ли это? Я боюсь проснуться!—вскричалъ онъ.

Она покачала головой со счастливою улыбкой.

— Но какъ же все это случилось? Милая! Объясните! Вѣдь, не далѣе, какъ сегодня утромъ, я изнывалъ отъ отчаянія и тоски. Скажите, кто открылъ мнѣ двери рая?

— Спросите у папа.

— Онъ узналъ, какъ онъ говоритъ, что вы питаете ко мнѣ склонность. Милая! Правда это? Не мечта-ли? Не зазнаюсь-ли я?.. Но нѣтъ, Боже мой! Я чувствую свое ничтожество; я недостоенъ васъ!

И онъ опустился на колѣни, цѣлуя ея руки.

— Такъ, правда, вы любите меня немножечко?—спросилъ онъ, поднявъ голову и глядя на Эллу съ умоляющимъ видомъ.

— Люблю немножечко,—отвѣтила она смѣющимся голосомъ.

Графъ Уиндголь, у котораго очень кстати зацарапало въ горлѣ, громко закашлялъ, отворяя дверь въ гостиную. Джэкъ вскочилъ съ виноватымъ видомъ; но въ то же мгновеніе какой-то инстинктъ подсказалъ обоимъ молодымъ людямъ, что скрывать характеръ ихъ отношеній было бы недостойно ихъ, такъ что, не взирая на предостереженіе, они остались сидѣть рука въ руку. Но будь въ комнатѣ посвѣтлѣе, милордъ не преминулъ бы замѣтить, что лица обоихъ покрылись краской при его появленіи, что гораздо болѣе шло къ Эллѣ, нежели къ капитану Клэру. Судьба хотѣла, чтобы въ подобныхъ положеніяхъ мужчина всегда былъ нѣсколько смѣшонъ.

— Капитанъ Клэръ, папа,—рекомендовала Элла съ лукавою улыбкой, и капитанъ Клэръ, выпустивъ ея руки, протянулъ свою милорду.

— Очень пріятно пожать руку капитану Клэру. Но, Клэръ, вы сильны, такъ будьте же и милосердны,—прибавилъ милордъ, смѣясь.

Джэкъ также засмѣялся, и они обмѣнялись по наружности дружескимъ рукопожатіемъ. Быть можетъ, милорду и не такъ легко было примириться съ потерей такого зятя, какъ Кимберли,

но, по крайней мѣрѣ, онъ искренне старался затушить въ себѣ сожалѣніе. А нужно отдать справедливость Уинголю: съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что за человѣкъ Кимберли, сожалѣніе стало относиться, не только къ его деньгамъ, но и къ его личности.

Милордъ старался увѣрить себя, что все устроилось къ лучшему: онъ освободился отъ долга и могъ давать теперь Эллѣ отъ себя тысячи двѣ фунтовъ въ годъ, нисколько не стѣсняя себя противъ прежняго. Ему было извѣстно, что Клэръ получилъ небольшое наслѣдство, которое должно приносить ему тысячи полторы фунтовъ дохода. Все это, правда, было далеко не то, что пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ дохода, получаемыхъ Кимберли, но милордъ разсчитывалъ, что ему удастся улучшить положеніе молодой четы, добывъ какое-нибудь выгодное мѣсто для Клэра. Прослуживъ такъ долго своей партіи и сознавая за собою кое-какія заслуги передъ нею, за которыя онъ никогда не домогался никакой награды лично для себя, графъ могъ не безъ основанія разсчитывать на свое вліяніе у вождей этой партіи, для доставленія Клэру почетнаго и выгоднаго назначенія. Ему могъ помочь въ этомъ и Монтэкютъ своимъ вліяніемъ. Правда, Клэръ велъ себя неосторожно на послѣднихъ выборахъ въ Голлоубэѣ, измѣнилъ традиціонной политикѣ своей фамиліи, но онъ молодъ, и этотъ ложный шагъ легко можетъ быть заглаженъ, если Клэръ согласится слушаться, на будущее время, внушеній опыта и разсудка. Подобно Монтэкюту, графъ Уинголь объяснялъ себѣ радикальныя мнѣнія Джэка Клэра не болѣе, какъ озлобленіемъ, вслѣдствіе несчастной любви. Съ точки зрѣнія милорда, радикалъ былъ просто неудовлетворенный человѣкъ. Теперь же, когда Джэкъ удовлетворенъ, онъ, конечно, не премнетъ вернуться къ убѣжденіямъ своихъ предковъ.

Между тѣмъ, Джэкъ Клэръ, далекій отъ всякихъ подобныхъ соображеній, блаженствовалъ, сидя за однимъ столомъ съ Эллой. Ѣлъ онъ мало, довольствуясь пищей, которую получали его глаза и сердце; но то, что онъ ѣлъ, казалось ему кушаньями боговъ. Обѣдъ прошелъ довольно молчаливо; Джэкъ отвѣчалъ на замѣчанія хозяина не всегда впопадъ; послѣдній, хотя и старался поддерживать разговоръ, но часто, противъ воли, впадалъ въ задумчивость; а проницательная Алиса занималась наблюденіями. Послѣ обѣда, когда сестры остались однѣ, эта смѣтливая молодая особа подкралась къ сестрѣ и поцѣловала ее безъ всякаго видимаго повода.

Не болѣе повода, казалось, было и покраснѣть отъ этого поцѣлуя, однако, Элла покраснѣла.

— Я такъ и думала, что есть кто-нибудь другой, — сказала Алиса,—и что это долженъ быть...

Элла зажала ей ротъ отвѣтнымъ поцѣлуемъ, и Алиса не досказала своего открытія. Да въ этомъ и надобности не было.

Тѣмъ временемъ между оставшимися въ столовой двумя мужчинами завязался серьезный разговоръ. Графъ, закуривъ сигару, предложилъ и гостю сдѣлать то же, но Джэкъ, хотя и записной курильщикъ, на этотъ разъ отказался. Извѣстно, что табачный запахъ пристаетъ къ усамъ, а Джэкъ еще не былъ увѣренъ, что Элла терпитъ этотъ запахъ.

— Клэръ,—началъ милордъ,—мнѣ нужно серьезно поговорить съ вами.

Джэкъ степенно наклонилъ голову и придвинулъ свой стулъ поближе къ столу.

— Вамъ извѣстно, что я не могу дать многаго за дочерью,—продолжалъ милордъ,—а вы тоже не богаты. Въ этихъ дѣлахъ лучше быть откровеннымъ.

— Конечно,—согласился Джэкъ.

— Я еще и самъ хорошенько не сообразилъ, что я могу дать за Эллой; во всякомъ случаѣ, это не будетъ богатствомъ.

— Право, милордъ, я совсѣмъ не думаю объ этомъ.

— Напрасно,—сказалъ графъ неодобрительно.—Говоря откровенно, этотъ бракъ очень неразсчетливъ съ обѣихъ сторонъ. Понимай вы оба лучше ваши интересы, вы остановили бы вашъ выборъ на людяхъ, побогаче васъ обоихъ.

Милордъ сказалъ эти слова шутливымъ тономъ, но у Джэка не хватило силы отвѣтить на нихъ улыбкой. Онъ, молча, игралъ орѣховыми щипцами.

— Я знаю, что вы не согласны со мною, — продолжалъ милордъ;—вы, молодежь, не можете думать такъ, какъ думаемъ мы, старые, опытные люди, и волею неволею намъ приходится уступать вамъ. Не мѣшаетъ, однако, послушать иногда и голоса опытности. Подумаемъ вмѣстѣ, какъ бы устроить дѣла получше, и, прежде всего, скажите мнѣ, какія у васъ средства къ жизни?

— Бездѣлица,—отвѣчалъ Джэкъ.—Немногимъ болѣе полуторы тысячи фунтовъ дохода.

— Вы понимаете, конечно, что для людей нашего класса это означаетъ бѣдность, настоящую, горькую бѣдность. Я могу дать

за Эллой съ небольшимъ столько же, но это все-таки будетъ бѣдность.

— Вы очень добры, милордъ; но я не нахожу, чтобы полторы тысячи фунтовъ дохода въ годъ были бѣдностью.

— Не находите?—сказалъ милордъ, приподнявъ брови съ насмѣшливымъ видомъ.—Этого, конечно, хватитъ на наемъ квартиры, если вы потѣснитесь. Но неужели вы такъ-таки и откажетесь отъ всего, на что даетъ вамъ право ваше положеніе? Нѣтъ, это не годится. Съ тремя тысячами въ годъ вы все-таки будете бѣдны, но я надѣюсь, что вы честолюбивы и не будете сидѣть, сложа руки. Я, какъ и вы, Клэръ, женился не по разсчету, а по любви, и Богъ далъ мнѣ лучшую жену въ мірѣ. Но бѣдность тяжелая вещь, повѣрьте моему опыту; она портитъ лучшее счастье, заставляетъ страдать за своихъ дѣтей.

— Я не боюсь бѣдности,—возразилъ Джэкъ.

— Не боялся и я, покуда не испыталъ ее,—сказалъ графъ.—Но дѣло вотъ въ чемъ: у васъ есть способности; есть, конечно, и честолюбіе.

— Да, есть своего рода,—отвѣтилъ Джэкъ.

— Такъ для васъ можно будетъ найти мѣсто въ администраціи. У меня есть нѣкоторое вліяніе, связи. Для себя я никогда ничего не просилъ, во всю мою долгую службу. Полагаю, что это мнѣ зачтется, если я попрошу за васъ. Ну, и братъ вашъ поможетъ. А получивъ мѣсто, ужъ вы сами постараетесь о своемъ повышеніи. Я полагаю, безъ всякаго родительскаго пристрастія, что моя дочь можетъ быть для васъ хорошею помощницей въ этомъ случаѣ; она имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы съ честью занимать подобающее ей положеніе въ обществѣ.

Джэкъ молчалъ, не зная, какъ приступить къ объясненію.

— Вы очень добры, милордъ,—сказалъ онъ, наконецъ;—но я не знаю, принимаете-ли вы въ разсчетъ мои политическія убѣжденія. Друзья ваши, конечно, предпочтутъ отдать тѣ посты, которыми они могутъ располагать, людямъ своей партіи.

— Э! милый мой! какія тамъ политическія убѣжденія?—возразилъ милордъ.—Что такое политика для насъ, англичанъ? Да и для всѣхъ вообще? Средство занимать массы и доставлять приличное положеніе благовоспитаннымъ людямъ. Кто же, кромѣ простонародья и нѣсколькихъ фанатиковъ, можетъ вѣрить, что Гладстонъ—демонъ, а Дизраэли — полубогъ, или наоборотъ? Кто же по совѣсти можетъ утверждать, что страна болѣе благоденствуетъ при одномъ изъ нихъ, чѣмъ при другомъ? Мы страшно

шумимъ изъ за того, чтобы тотъ или другой стоялъ во главѣ правительства; это входитъ въ программу, даетъ занятіе умамъ толпы; но, между нами-то, развѣ можно смотрѣть на это серьезно? Либералы-ли, или торіи стоятъ у кормила правленія—жизнь все равно идетъ своимъ чередомъ.

Онъ высказывалъ все это полу-шутя, но украдкой поглядывалъ на Джэка, чтобы видѣть, какой эффектъ производятъ на него его слова. Молодой человѣкъ сохранялъ серьезное выраженіе лица и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ орѣховые щипцы.

— Я долженъ сказать вамъ, милордъ, что я смотрю на политику серьезнѣе.

— Однако, послушайте,—возразилъ милордъ,—не станете же вы увѣрять, что вы и въ хладнокровныя минуты думаете то, что вы говорили въ вашихъ голлоубэйскихъ прокламаціяхъ. Вы пугнули торіевъ въ ихъ голубятнѣ, и я первый восхищался смѣлостью вашихъ рѣчей. Въ нихъ было что-то, напоминающее Дизраэли въ молодости. Я самъ смѣялся отъ вашихъ остротъ на счетъ моей партіи. Но ужъ будто вы такой убѣжденный политикъ? Сознайтесь, что нѣтъ.

— Быть можетъ, я увлекался и впадалъ въ крайности,—сознался Джэкъ,—но я говорилъ то, что думалъ. Сожалѣю, если мы расходимся во мнѣніяхъ. Во всемъ остальномъ я готовъ слѣпо идти за вами.

— Я не требую, чтобы вы измѣняли вашимъ убѣжденіямъ,—отвѣтилъ Уиндголь, стараясь скрыть свое неудовольствіе.—Но если бы они оказались ужъ вовсе не такими глубокими,—повторяю, въ такой странѣ, какъ Англія, не представляется и надобности въ слишкомъ глубокихъ политическихъ убѣжденіяхъ,—то передъ вами можетъ открыться весьма хорошая карьера. Подумайте объ этомъ хорошенько, Клэръ, а пока можно и отложить этотъ вопросъ. Споромъ никого не убѣдишь; споръ только укореняетъ каждую изъ сторонъ въ ея мнѣніи. Поразмыслимъ хорошенько, и тогда, быть можетъ, или вы придете ко мнѣ, или я къ вамъ. А теперь пойдемте къ дамамъ, въ гостиную.

Джэку хотѣлось прямо сказать ему, что онъ никогда не перемѣнитъ своихъ убѣжденій, но онъ отложилъ это до новаго разговора объ этомъ предметѣ. Ему сильно не нравилось легкомысленное отношеніе графа къ политикѣ, и случись этотъ разговоръ нѣсколькими днями раньше, онъ укрѣпилъ бы его въ дурномъ мнѣніи объ Уиндголѣ. Но въ присутствіи Эллы трудно было осуждать

ея отца, и Джэкъ вскорѣ простилъ ему его политическій индифферентизмъ. Да и до политики-ли было Джэку, когда онъ сидѣлъ возлѣ своей невѣсты?

Вечеръ пролетѣлъ, какъ одна блаженная минута. Алиса догадалась сѣсть за фортепіано, а милордъ уйти. Алиса добросовѣстно играла одну пьесу за другой, предоставляя молодой четѣ наслаждаться tête-à-tête. Джэкъ держалъ маленькую ручку въ своихъ рукахъ и отъ времени до времени цѣловалъ ее, но говорили они мало, лишь изрѣдка обмѣниваясь фразой. Имъ было довольно сознанія, что они вмѣстѣ, что они принадлежатъ другъ другу. Чего не договаривали уста, то говорили глаза. Потомъ, когда милордъ вернулся, семья кончила вечеръ бесѣдой вчетверомъ, передъ каминомъ. Прощаясь, Джэкъ принужденъ былъ удовольствоваться простымъ рукопожатіемъ, однако, все же онъ ушелъ счастливый. Холодный зимній вечеръ въ сонномъ Лондонѣ показался ему весеннимъ утромъ въ Аркадіи.

Потомъ, когда восторги его немного улеглись, онъ началъ не безъ тревоги подумывать о планахъ и надеждахъ, высказанныхъ въ послѣднемъ разговорѣ Уинголемъ. Это заставило его по серьезнѣе подумать о своемъ будущемъ. Праздная жизнь, возлѣ Эллы, казалось ему немыслимою; онъ хотѣлъ быть достойнымъ ея любви, а чтобы быть достойнымъ, нужно было приносить пользу. Быть можетъ, братъ его былъ правъ, говоря, что любовь повліяла на его политическія убѣжденія, но, во всякомъ случаѣ, политическія убѣжденія уже успѣли оказать свое вліяніе на его характеръ. Принять предложеніе Уинголя было невозможно; на этотъ счетъ у Джэка не было никакихъ колебаній. Онъ далъ себѣ слово быть честнымъ и приносить какую-нибудь пользу. Но послѣднее было труднѣе перваго. Какъ предложить Эллѣ дѣлить съ нимъ жизнь въ полудикой странѣ? Для него эта жизнь, о которой онъ такъ много думалъ, казалась самою полезною и благородною, какую онъ могъ себѣ представить. Покорять себѣ природу, превращать непроходимые, дѣвственные лѣса въ плодоносныя поля, быть однимъ изъ тѣхъ тружениковъ, которые создаютъ хлѣбъ для милліоновъ голодныхъ ртовъ, — какое дѣло могло быть благороднѣе и практичнѣе этого?.. Но все это было такъ, покуда онъ былъ одинъ: а какъ быть теперь, когда съ его жизнью связана жизнь такого нѣжнаго созданія, какъ Элла?

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ онъ принялъ окончательное рѣшеніе на этотъ счетъ, которое состояло въ томъ, чтобы посовѣтоваться съ самою Эллой и покориться ея приго-

вору. Покуда происходили въ немъ всѣ эти колебанія, «Патагонія» ушла безъ него, но приглашенный Джэкомъ агрономъ отправился на ней вмѣстѣ съ машинами, а Джэкъ, проводивъ его, рѣшился въ тотъ же день поговорить съ Эллой. Передъ тѣмъ онъ заѣхалъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ наткнулся на маіора Гэрда, у котораго былъ гнѣвный и грозный видъ.

— А! васъ-то мнѣ и нужно!—вскричалъ онъ.—Вы ничего не знаете? Ничего не слышали?

Джэка такъ долго преслѣдовала судьба, что у него тревожно забилось сердце отъ этихъ словъ.

— Ничего. А что случилось?

— Мерзѣйшая вещь. Пойдемте въ вашу комнату.

Когда они вошли туда, и Джэкъ заперъ за собою дверь, маіоръ досталъ изъ кармана номеръ «Дороги жизни» и ткнулъ пальцемъ въ блестящую импровизацію мистера Эмили.

— Прочтите,—сказалъ Гэрдъ.—Имѣйте въ виду, что эта газетишка принадлежитъ этому молодцу, Кимберли, котораго нужно преслѣдовать судомъ за этотъ пасквиль. Вотъ увидите, что онъ угодитъ въ тюрьму года на два.

Маіоръ кипятился и теребилъ свои усы, наблюдая за выраженіемъ лица Джэка, читавшаго статью. Лицо это выражало крайнее изумленіе, смѣшанное съ негодованіемъ.

## XXIV.

— Мерзавецъ!—вскричалъ Джэкъ, дочитавъ мастерское произведеніе Эмили.—Подлецъ!

Онъ скомкалъ газету въ кулакѣ, глядя въ лицо маіору.

— Успокойтесь,—сказалъ тотъ.—Не стоитъ такъ волноваться. Замѣтили вы странность? Всѣ дѣла, въ которыхъ онъ васъ обвиняетъ, были совершены этимъ Стрэсси или Брэсси,— какъ его? Вы помните его? Они взяли его біографію и взвалили ее на васъ. Вотъ и все!

— Ахъ, подлецы!—вскричалъ Джэкъ.

Понятно, что «этотъ молодецъ Кимбэрли», какъ его называлъ маіоръ, способенъ на всякую гнусность. Чего же ждать отъ человѣка безъ всякаго образованія, выскочившаго изъ низшихъ рядовъ толпы, провалившаго одного изъ этихъ джентльменовъ на парламентскихъ выборахъ и едва не укравшаго у другаго невѣсту? Однако, до этого ни маіоръ Гэрдъ, ни Джэкъ Клэръ не имѣли повода считать Кимберли способнымъ на подобное дѣло. Впрочемъ, клевета, взведенная на Джэка, была такъ не-

лѣпа, что довольно было одного дуновенія, чтобы смахнуть ее. Джэка возмущали, главнымъ образомъ, гнусные намеки на лэди Эллу. Этого онъ никому не могъ бы простить.

— Вамъ неизвѣстно, отчего милордъ порвалъ съ этимъ Кимберли?—спросилъ маіоръ, знавшій, въ качествѣ стараго друга, всѣ тайны молодаго человѣка.

— Нѣтъ, я не спрашивалъ его объ этомъ. Изъ его словъ я могъ только заключить, что онъ убѣдился въ томъ, что дочь его не можетъ быть счастлива съ этимъ человѣкомъ.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ уличилъ этого шута въ какой-нибудь мерзости, а потому и прогналъ,—предположилъ маіоръ.—Уиндголь бѣденъ, но честенъ. Меня удивило, какъ могъ онъ согласиться на подобный бракъ. Но въ томъ, что этотъ пасквиль напечатанъ въ отместку ему, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но вотъ что: этотъ дрянной выскочка не могъ написать его самъ; навѣрное, онъ обратился къ этому аспиду, Эмили, который сочиняетъ за него всѣ его парламентскія рѣчи.

Очевидно, что ни маіору, ни Джэку не было извѣстно близкое отношеніе мистера Эмили къ газетѣ «Дорога жизни». Это показываетъ, какъ ограничена бываетъ земная слава, даже при самомъ сильномъ раздуваніи ея.

— Объ оправданіи своемъ вамъ незачѣмъ заботиться,—продолжалъ маіоръ;—никому и въ голову не придетъ вѣрить подобнымъ сплетеніямъ лжи. Но необходимо наказать этого негодяя; безнаказаннымъ его нельзя оставлять. Что вы намѣрены дѣлать?

— Я и самъ не знаю,—сказалъ Джэкъ.—Нужно, я думаю, прежде всего повидаться съ Уиндголемъ... Однако, какъ это непріятно!.. Что, если эти мерзости дойдутъ до ушей лэди Эллы?

— Поѣзжайте сейчасъ же къ Уиндголю. Помнится, былъ такой же случай и съ «Розгой», и клевета въ тотъ же день была опровергнута. Я поѣду отъ вашего имени въ эту подлую редакцію и объявлю имъ, что вы намѣрены вчинить уголовный искъ. Вѣдь, я знаю эти дѣла: законъ обуздываетъ такихъ подлецовъ.

Маіоръ надѣлъ свое пенсне и, пожавъ руку Клэра, вышелъ изъ комнаты. Походка его имѣла въ себѣ въ эту минуту что-то особенно воинственное, и лицо выражало непреклонную рѣшимость.

Редакція газеты «Дорога жизни» находилась въ отдаленномъ концѣ Странда, и маіоръ не безъ труда нашелъ ее. Онъ вошелъ съ величественнымъ видомъ и спросилъ секретаря, писавшаго что-то за конторкой, можно-ли видѣть редактора.

— Позвольте узнать ваше имя, сэръ,—любезно отвѣтилъ секретарь.—Я сейчасъ посмотрю, дома-ли редакторъ.

Маіоръ протянулъ ему свою карточку, и секретарь тихими шагами подошелъ къ двери въ смежную комнату и скрылся за нею, притворивъ ее за собою. Эмили сидѣлъ за своею конторкой, на подвижномъ табуретѣ, и видъ его далеко не показывалъ его обычной самоувѣренности. Онъ еще находился подъ впечатлѣніемъ громовой вѣсти, принесенной ему Уэблингомъ, который только-что вышелъ отъ него. Эмили разсѣянно взялъ визитную карточку, но, взглянувъ на нее, подскочилъ на своемъ стулѣ.

— Скажите ему, что я очень занятъ. Попросите написать, что ему нужно,—сказалъ онъ съ растерянным видомъ.

Секретарь вернулся съ этимъ отвѣтомъ къ маіору.

— Передайте ему, что я желаю лично видѣть его безотлагательно,—настаивалъ маіоръ, все еще не имѣя ни малѣйшаго понятія о личности редактора.

Секретарь опять пошелъ въ кабинетъ.

— Не могу я принять его, не могу!—почти простоналъ Эмили. —Скажите, чтобы написалъ.

Нужно же было, чтобы именно маіоръ Гердъ явился къ Эмили въ такую минуту, когда тотъ, подъ вліяніемъ испытаннаго потрясенія, никакъ не могъ собрать своей твердости!

Терпѣливый секретарь, безъ возраженій, вернулся къ посѣтителю.

— Скажите редактору, что я не уйду отсюда, не повидавшись съ нимъ,—объявилъ маіоръ, возвысивъ голосъ.

Редакторъ, слышавшій этотъ голосъ, со стономъ запустилъ пальцы обѣихъ рукъ въ свои стоящіе щеткой волосы.

— Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень занятъ, сэръ,—вѣжливо представилъ секретарь.

— Дѣло, по которому я пришелъ, гораздо важнѣе всякаго его занятія,—возразилъ маіоръ.—Потрудитесь передать, что я не уйду безъ личныхъ объясненій.

Передавать это не было надобности: голосъ маіора гремѣлъ теперь на всю квартиру.

— Просите,—сказалъ Эмили упавшимъ голосомъ.

Маіоръ, вставивъ монокль, вошелъ съ самымъ воинственнымъ видомъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ Эмили на его табуретѣ. Секретарь вышелъ, притворивъ за собою дверь.

— А! Это вы!—вскричалъ маіоръ, и грозное выраженіе его

лица смѣнилось сардоническою улыбкой.—Такъ это вы редакторъ этой милой газеты?

— Смѣю спросить, чему я обязанъ?

Эмили сдѣлалъ слабую попытку принять свой холодно-дѣловой видъ.

Передъ нимъ, на конторкѣ, лежалъ тотъ самый номеръ «Дороги жизни», въ которомъ была напечатана знаменитая статья. Эмили только-что перечитывалъ ее, ища въ ней какой-нибудь прицѣпы, на основаніи которой можно было бы отрицать, что въ ней говорится объ Уиндголѣ, его дочери и Клэрѣ. Но нѣтъ, работа была чистая и отчетливая: намеки были такъ прозрачны, что отпираться не было возможности.

Увидѣвъ газету, маіоръ выбросилъ изъ глаза монокль и наклонился надъ листкомъ, почти коснувшись его носомъ. Убѣдившись, что это тотъ самый номеръ, онъ выпрямился, снова вставилъ монокль и, ударивъ по листку своею тростью, спросилъ:

— Эта подлая статья вашихъ рукъ дѣло, сэръ?

Десять отвѣтовъ одинъ другаго рѣзче мелькнули въ умѣ Эмили, но онъ удержался, вспомнивъ, что маіоръ—другъ Клэра. Ясно было, что этотъ визитъ служилъ вступленіемъ къ судебному преслѣдованію.

— Ваше дѣло, сэръ, эта подлая статья?—повторилъ маіоръ вторично и такъ громко стукнувъ палкой по газетѣ, что Эмили вздрогнулъ.

— Вы, конечно, понимаете, сэръ, что на вопросъ, предложенный въ такой формѣ и такимъ тономъ, нельзя отвѣчать,—сказалъ Эмили, силясь стать на высотѣ положенія.

— Вы писали эту гнусную статью? Говорите!—закричалъ маіоръ.

У Эмили не было недостатка въ своего рода мужествѣ, но такой маленькій человѣчекъ, какъ онъ, не могъ не сознавать себя физически безпомощнымъ передъ такимъ богатыремъ, какъ маіоръ Гэрдъ. Палка въ рукахъ его производила такія воинственныя эволюціи, что у Эмили бѣгали по спинѣ мурашки.

— О какой статьѣ вы говорите, сэръ?—спросилъ онъ мягко и невинно.

— Вотъ объ этой, сэръ, вотъ объ этой!—отвѣтилъ маіоръ, колотя палкой по конторкѣ.

Эмили взялъ газету и внимательно посмотрѣлъ на нее, хотя видѣть онъ ничего не могъ, потому что глаза его застилалъ туманъ.

— Мы не имѣемъ обыкновенія открывать имена авторовъ,— сказалъ онъ.—Впрочемъ, я сейчасъ узналъ, что авторъ этой статьи руководствовался не совсѣмъ точными свѣдѣніями и...

— Не совсѣмъ точными свѣдѣніями!—заоралъ маіоръ.—Да это ложь, отъ перваго слова до послѣдняго! Это гнусное, подлое сплетеніе лжи!

Маіоръ не скупился на сильные эпитеты, когда приходилъ въ раздраженіе, и его парламентскія рѣчи часто бывали уснащены ими.

— Я пришелъ къ вамъ, сэръ,—продолжалъ онъ,—по порученію моего друга, капитана Клэра, чтобы купить номеръ вашей гнусной газеты, въ которомъ помѣщена эта омерзительная статья, и предупредить васъ, что капитанъ Клэръ намѣренъ немедленно начать судебное преслѣдованіе, какъ противъ автора статьи, такъ и противъ издателя и редактора ея.

— Я признаю въ статьѣ полное извращеніе фактовъ,—сказалъ Эмили.—Въ ближайшемъ номерѣ будетъ напечатано опроверженіе и выражено сожалѣніе.

— Позвольте мнѣ номеръ газеты,—настаивалъ маіоръ.

— Опроверженіе будетъ самое полное,—добавилъ Эмили.

— Я не уполномоченъ принимать извиненій, и увѣренъ, что другъ мой не приметъ ихъ,—возразилъ маіоръ.—Мы доведемъ это скандальное дѣло до конца; будемъ настаивать на самомъ строгомъ примѣненіи закона.

Эмили пришелъ въ ужасъ.

— Могу васъ увѣрить, маіоръ, что это была ошибка, а не злой умыселъ,—убѣждалъ онъ.

— Не злой умыселъ?—повторилъ маіоръ съ холоднымъ негодованіемъ. Явная наглость этого утвержденія превратила его гнѣвъ въ холодное презрѣніе. — Посмотримъ, удастся-ли вамъ убѣдить судъ присяжныхъ въ томъ, что статья эта не была внушена мистеромъ Кимберли изъ непріязни къ капитану Клэру.

— Мистеромъ Кимберли!—вскрикнулъ Эмили.—Да онъ и не зналъ ничего объ этой статьѣ. Она была помѣщена совсѣмъ безъ его вѣдома.

Маіоръ вытаращилъ глаза, и редакторъ рѣшился продолжать свои сознанія. Онъ чувствовалъ, что въ виду отчаяннаго оборота, принятаго дѣломъ, единственнымъ спасеніемъ можетъ быть только прямодушіе.

— Статья написана мною, сэръ,—продолжалъ онъ,—и я глу-

боко сожалѣю, что положился на свои свѣдѣнія, не узнавъ лучше степени ихъ достовѣрности.

— Это и похоже на васъ,—замѣтилъ маіоръ.

— Свѣдѣнія свои,—продолжалъ Эмили, не обижаясь,—я получалъ изъ такого источника, который до сихъ поръ былъ постоянно вѣренъ; но на этотъ разъ, какъ оказывается, капитана Клэра смѣшали съ нѣкіимъ капитаномъ Стрэси, такъ что статья, о которой идетъ рѣчь, совершенно не можетъ относиться къ капитану Клэру.

— Очень пріятно слышать,—иронически вставилъ маіоръ.— Но мой визитъ сюда имѣетъ чисто формальный характеръ, и ничто не заставило бы меня продлить его, если бы я не встрѣтилъ здѣсь неожиданно стараго знакомаго, когда-то такъ хорошо зарекомендовавшаго себя въ моихъ глазахъ. Вы будете имѣть случай, сэръ, доказать свою невинность передъ судомъ, теперь же я желаю только купить послѣдній нумеръ вашей газеты.

Эмили нерѣшительно отворилъ передъ нимъ дверь и маіоръ вышелъ въ пріемную.

— Дайте этому джентльмену послѣдній нумеръ газеты,—обратился редакторъ къ секретарю.

Тотъ всталъ, чтобы исполнить требуемое, и маіоръ опустилъ руку въ карманъ за деньгами.

— О! Это лишнее!—сказалъ Эмили умилостивляющимъ тономъ.

Но маіоръ не тронулся этимъ и, доставъ шести-пенсовую монету, бросилъ ее на конторку, повернулся и ушелъ. Онъ былъ почти доволенъ, что авторомъ статьи оказался Эмили: это отвѣчала его представленію о немъ, какъ о воплощеніи низости.

Сорвавшійся карьеристъ вернулся въ свое редакторское святилище, сѣлъ за свою конторку, положилъ голову на руки и сталъ думать, какъ ему выпутаться изъ просака, въ который онъ попалъ. Онъ не могъ придумать другаго выхода, кромѣ полнаго раскаянія. Если оно и не смягчитъ истца, то, можетъ быть, смягчитъ судью. Передъ мысленнымъ взоромъ его уже рисовалась страшная картина: строгій судья, въ красной мантіи, подбитой горностаемъ, и въ парикѣ, провозглашаетъ: «къ тюремному заключенію!» Боже мой! Какое положеніе для порядочнаго человѣка!.. Эмили схватилъ перо и сталъ писать.

«Редактору... (онъ оставилъ пустое мѣсто).

«Сэръ, прибѣгаю къ вашему содѣйствію для опроверженія ложнаго и скандалезнаго извѣстія, которое я имѣлъ несчастіе раз-

пространить. Полагаясь на источникъ свѣдѣній, который до сихъ поръ всегда оказывался вѣрнымъ, я согласился напечатать, въ газетѣ «Дорога жизни», статью, сильно компрометирующую характеръ одного джентльмена, который, какъ я теперь убѣдился, совершенно чуждъ взводимыхъ на него обвиненій. Статья озаглавлена: «Эпизодъ изъ великосвѣтской жизни», и появилась девятаго числа этого мѣсяца. Я желаю выразить мое глубочайшее сожалѣніе объ этой ошибкѣ, и мое полнѣйшее убѣжденіе въ томъ, что свѣдѣнія, послужившія основаніемъ для этой статьи, совершенно ошибочны. Ошибка эта дала поводъ къ угрозѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Но не боязнь угрозы, а искреннее желаніе разсѣять недоразумѣніе, бросающее тѣнь на характеръ честнаго человѣка, побуждаетъ меня написать это письмо. Вашъ покорнѣйшій слуга, редакторъ газеты «Дорога жизни».

Эмили долго думалъ надъ этимъ письмомъ, прежде чѣмъ написалъ его. Кончивъ его и перечитавъ, онъ остался доволенъ имъ: письмо носило печать мужественнаго и чистосердечнаго раскаянія, которое должно было оказать свое дѣйствіе на страшнаго человѣка въ парикѣ и горностаевомъ плащѣ. Особенно дипломатично было упоминаніе объ угрозѣ судебнымъ преслѣдованіемъ, показывавшее, что авторъ не разсчитывалъ своихъ словъ, думая только о томъ, какъ бы снять нареканіе съ невинно-оговореннаго лица. Это придавало письму характеръ безъискусственности.

Эмили пришлось пожалѣть въ эту минуту, что онъ такъ громко трубилъ, о своемъ положеніи въ газетѣ «Дорога жизни»; при другихъ обстоятельствахъ, ему было бы легче прикрыться авторскою анонимностью.

— Перепишите это письмо въ нѣсколькихъ копіяхъ,—сказалъ онъ секретарю;—напишите ихъ на редакціонныхъ бланкахъ и немедленно разошлите во всѣ лондонскія газеты.

Секретарь, смѣясь въ душѣ, исполнилъ требованіе. Эмили никто не любилъ и всѣ знавшіе его были довольны, когда ему случалось получать щелчки.

Между тѣмъ, Джэкъ пріѣхалъ къ лорду Уиндголю, который проживалъ въ Голлоубэѣ, въ гостинницѣ, и сказалъ, войдя въ его кабинетъ:

— Я къ вамъ по непріятному дѣлу, милордъ. Не знаю, какъ и объяснить его. Читали вы эту статью, или слышали что-нибудь о ней?

Графъ взялъ листокъ довольно спокойно, но, пробѣжавъ строкъ

пять, началъ ерзать на своемъ стулѣ, словно его кололи булавками. Статья начиналась шпильками именно по адресу его милости; авторъ, такъ сказать, порхалъ вокругъ него, кривлянсь, какъ бѣсенокъ, и осыпая его своими лиллипутовыми стрѣлами. Статья была безспорно остроумна. Самъ Уинголь не могъ не сознавать, что на него напалъ художникъ въ пасквильномъ родѣ, а не заурядный строчила. Хуже всего было то, что при всемъ очевидномъ сходствѣ портрета, не было никакой прицѣпы, которая давала бы поводъ къ судебному преслѣдованію. Но по мѣрѣ того, какъ милордъ читалъ далѣе, лицо его свѣтлѣло, складки на лбу разглаживались и, кончивъ, онъ поднялъ глаза на своего собесѣдника съ совершенно довольнымъ видомъ.

— Что же, Клэръ? Это касается васъ, а не меня.

— Все же нужно было, чтобы вы видѣли это.

— Конечно,—согласился милордъ, стоически принимая свою долю пасквиля.—Такъ, значитъ, вы шулеръ и мошенникъ, а я—вмѣстилище всякихъ пакостей. Что же вы намѣрены предпринять въ отвѣтъ на этотъ пасквиль? Извѣстенъ-ли вамъ авторъ его? Великій Боже! Да это—«Дорога жизни»!—вскричалъ онъ, кинувъ взглядъ на заглавную страницу.

— Я не узналъ еще имени автора, но знаю имя издателя,—отвѣчалъ Джэкъ.

— Издателя,—механически повторилъ графъ.—Да кто же его не знаетъ?

— Я полагаю, что этого нельзя оставлять безъ наказанія. Мнѣ совѣтуютъ начать судебное преслѣдованіе.

— Это невозможно!—вскричалъ графъ. — Нѣтъ, Клэръ, это невозможно!

— Отчего же?—спросилъ Джэкъ.—Согласенъ, что это очень непріятно, но нельзя же оставлять такихъ вещей не наказанными. Вѣдь, это скандалъ.

— Присядьте,—перебилъ милордъ.—Я вижу, что нужно сказать все, иначе вы ничего не поймете. Вамъ извѣстно имя издателя?

— Извѣстно,— Больсоверъ Кимберли.

— Да, Больсоверъ Кимберли, мой лучшій другъ,—подтвердилъ милордъ,—и онъ такъ же неповиненъ въ этой гнусности, и такъ же не способенъ на нее, какъ и мы съ вами. Во всемъ, что касается до насъ, Кимберли поступалъ съ такимъ тактомъ, съ такою деликатностью, съ такимъ чуткимъ инстинктомъ чести и великодушія, которое выше всякихъ похвалъ.

Джэкъ слушалъ этотъ панегирикъ, широко раскрывъ глаза.

— Вамъ небезъизвѣстно,—продолжалъ милордъ, слегка краснѣя,—что мистеръ Кимберли просилъ руки моей старшей дочери и получилъ согласіе.

Джэкъ вспыхнулъ и наклонилъ голову.

— Какъ оказалось, Элла приняла это предложеніе, чтобы выручить меня изъ моихъ запутанныхъ денежныхъ обстоятельствъ. Когда я спрашивалъ ее, не жертвуетъ-ли она собою, она увѣряла, что нѣтъ, и что она не будетъ несчастлива въ этомъ супружествѣ. Но это былъ великодушный обманъ. Первый понялъ это Кимберли; онъ первый угадалъ, какъ она страдаетъ. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ и самымъ деликатнымъ образомъ далъ мнѣ понять, что онъ освобождаетъ Эллу отъ даннаго ему слова. Мало того: онъ открылъ мнѣ глаза на ея привязанность къ вамъ и... и предложилъ мнѣ такую денежную сдѣлку, которая позволила мнѣ послать за вами. Не скрою отъ васъ, что Кимберли могъ бы разорить меня, если бы захотѣлъ... Словомъ,—прибавилъ графъ, запинаясь,—это онъ расчистилъ для васъ дорогу.

Джэкъ былъ такъ пораженъ, что молчалъ нѣсколько минутъ, не находя, что сказать. Уиндголь, между тѣмъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Прибавлю еще одно,—сказалъ онъ, — въ доказательство того, что этотъ гнусный пасквиль не могъ явиться въ газетѣ съ вѣдома Кимберли. Предлагая свою руку Эллѣ, онъ руководился не желаніемъ породниться съ знатною фамиліей, какъ я самъ думалъ вначалѣ, а искреннимъ, глубокимъ чувствомъ. Онъ любилъ Эллу, Клэръ.

При этихъ словахъ Джэкъ всталъ и быстро подошелъ къ окну. Ему почувствовалось что-то оскорбительное для Эллы, какъ бы святотатство въ этой любви къ ней Кимберли. Впрочемъ, это была не мысль, а только чувство.

— Онъ такъ любилъ ее,—продолжалъ Уиндголь,—что потерявъ ее, заболѣлъ нервною горячкой. Онъ лежитъ теперь между жизнью и смертью, въ этой самой гостинницѣ, повторяя въ бреду имя Эллы. Я не могу вамъ выразить, какъ я былъ тронутъ, и какъ мнѣ жаль его. Я презиралъ его когда-то, а онъ стоитъ тысячи такихъ, какъ я.

Милордъ говорилъ искренно, хотя и щеголялъ немножко своимъ самоуничиженіемъ. Видъ Эллы, которая, казалось, разцвѣла въ своемъ счастьи, ея веселая улыбка, облегченіе, которое онъ чувствовалъ въ собственномъ сердцѣ, — все это, какъ онъ говорилъ себѣ, были дары Кимберли, и минутами они перевѣшивали въ

его глазахъ тѣ девяносто тысячъ фунтовъ, которыя спасли его отъ банкротства.

— Можно узнать, когда именно мистеръ Кимберли такъ великодушно ходатайствовалъ за меня?—спросилъ Джэкъ, продолжая глядѣть въ окно и не оборачивая головы.

— Въ первый разъ онъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ то утро, когда я встрѣтилъ васъ въ паркѣ,—помните?

«Въ тотъ самый день, когда я оскорбилъ его!» — подумалъ Джэкъ.

— Повидимому, онъ встрѣтился съ вами въ тотъ день, идя къ намъ,—прибавилъ милордъ съ чувствомъ нѣкоторой неловкости.

— Говорилъ онъ вамъ, что тогда между нами произошло? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Опасна его болѣзнь? спросилъ Клэръ послѣ довольно продолжительной паузы.

— Да, у него возвратъ болѣзни, и доктора находятъ теперь его положеніе болѣе опаснымъ, чѣмъ вначалѣ.

Наступила новая пауза.

— Вы видите теперь, Клэръ,—началъ опять милордъ,—что бѣдный Кимберли не можетъ быть причастенъ этому грязному дѣлу. Вы должны найти автора и потребовать отъ него полнаго опроверженія этого нелѣпаго пасквиля, хотя, прочитавъ его, всякій только засмѣется. Кстати, мнѣ сдается, какъ будто я слышалъ уже всю эту исторію, и героемъ ея былъ какой-то офицеръ, родомъ изъ Кумберлэнда. Это было, если не ошибаюсь, года два тому назадъ.

— Да,—отвѣчалъ Клэръ;—фамилія этого офицера—Стрэси. Съ тѣхъ поръ онъ скрылся. Кто-то говорилъ мнѣ, будто онъ служитъ маркеромъ въ Дублинѣ.

— И они приписали его подвиги вамъ? Пріятно, нечего сказать!

Джэкъ Клэръ пояснилъ, что другъ его, маіоръ Гэрдъ, уже отправился въ редакцію, чтобы узнать имя автора статьи, и пригрозить судебнымъ преслѣдованіемъ.

— Бога ради, избѣгайте только всего, что могло бы причинить непріятности бѣдному Кимберли,—сказалъ милордъ.—Быть можетъ, ему не суждено уже и узнать объ этой исторіи, но если узнаетъ, то она поразитъ его несравненно больнѣе, чѣмъ насъ съ вами.

*(Окончаніе будетъ).*

# ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Циркуляръ объ урядникахъ.—По поводу приложенной къ нему инструкціи.—Печальные факты изъ дѣятельности крестьянскаго банка. — Общія причины, породившія ихъ.—Кустари на Харьковской всероссійской выставкѣ.—Отдѣлъ сельско-хозяйственныхъ машинъ съ его «русскими фирмами».

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что введеніе института урядниковъ встрѣчено было всѣми классами нашего населенія не особенно сочувственно. Затѣмъ, дѣйствительно, въ печать начала проникать масса фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о далеко не безукоризненной дѣятельности этихъ низшихъ агентовъ полиціи. Такое отношеніе печати къ дѣятельности урядниковъ названо было другою частью ея тенденціознымъ, предвзятымъ. Какъ бы въ противовѣсъ этой «тенденціозной печати», въ нѣкоторыхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ были даже открыты особые отдѣлы, посвященные описанію болѣе или менѣе доблестныхъ подвиговъ урядниковъ. Но вотъ недавно изданный циркуляръ г. министра внутреннихъдѣлъ свидѣтельствуетъ, что, сообщая разныя свѣдѣнія, несовсѣмъ благопріятныя для добраго имени урядниковъ, печать была только безпристрастна, а не злокозненно тенденціозна.

«Свѣдѣнія, собранныя сенаторскими ревизіями 1880—1881 годовъ, и поступавшіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ разновременно отзывы многихъ губернаторовъ, а также различныхъ должностныхъ лицъ и мѣстныхъ дѣятелей въ различныхъ губерніяхъ, указываютъ, между тѣмъ,—заявляется въ циркулярѣ,—что въ настоящее время дѣятельность полицейскихъ урядниковъ не соотвѣтствуетъ ихъ первоначальному назначенію, не вполнѣ удовлетворяетъ общимъ потребностямъ охраненія порядка и безопасности и вызываетъ нерѣдко справедливыя нареканія со стороны мѣстнаго населенія».

Причину такой, не оправдавшей надеждъ, дѣятельности урядниковъ циркуляръ отчасти видитъ въ «весьма неудовлетворительномъ личномъ составѣ» ихъ, съ другой стороны—въ непомѣрно широкомъ кругѣ обязанностей и полномочій, въ строго неустановленномъ отношеніи этихъ полицейскихъ агентовъ къ представителямъ другихъ вѣдомствъ и, наконецъ, въ «крайне слабомъ», въ большинствѣ губерній, надзорѣ за ними.

Въ виду такихъ причинъ, и мѣры, направленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ улучшенію дѣятельности урядниковъ, распадаются—на изданіе точной инструкціи для нихъ, заботы о лучшемъ подборѣ людей для этихъ должностей, установленіи болѣе строгаго надзора за ними и подчиненіи ихъ, при разслѣдованіи общихъ уголовныхъ преступленій, чинамъ судебнаго вѣдомства.

Что касается самой инструкціи, то, при составленіи ея, министерство внутреннихъ дѣлъ руководствовалось отзывами различныхъ провинціальныхъ учрежденій, которыя считаютъ дѣятельность урядниковъ наименѣе удовлетворительною по наблюденію ихъ за общественнымъ благоустройствомъ и о нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій. Поэтому, инструкція значительно и ограничиваетъ полномочія урядниковъ въ этой области. Въ прежнее время, какъ извѣстно, урядникамъ дана была чуть-ли не распорядительная и карательная власть по наблюденію ихъ за выполненіемъ въ деревняхъ разныхъ санитарныхъ и строительныхъ правилъ, противопожарныхъ мѣръ и т. д., благодаря чему они не стѣснялись налагать свою тяжелую руку на весь обиходъ крестьянской жизни. По новой инструкціи, «въ случаяхъ, если урядниками будетъ замѣчено неисполненіе кѣмъ-либо мѣръ предосторожности противъ пожаровъ, предписанныхъ закономъ (мѣръ, конечно, а не пожаровъ, «предписанныхъ закономъ») или обязательными постановленіями земскихъ учрежденій,

> «урядники, не прибѣгая лично ни къ какимъ распоряженіямъ, доводятъ объ этомъ немедленно до свѣдѣнія волостнаго или сельскаго правленія». Точно такъ же, «если урядникъ лично или по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ обнаружитъ, что въ его участкѣ совершены нарушенія правилъ о торговлѣ питіями, о постройкахъ, о народномъ здравіи и правилъ о торговлѣ вообще, то онъ, не принимая никакихъ мѣръ, доноситъ объ обнаруженномъ имъ нарушеніи становому приставу».

Въ отношеніи преслѣдованія и предупрежденія преступленій, дѣятельность урядниковъ хотя и признана болѣе удовлетвори-

тельною, но и здѣсь циркуляръ нашелъ нужнымъ съузить полномочія ихъ; съ этою цѣлью роль урядниковъ ограничивается донесеніемъ о раскрытомъ преступленіи жандармскому управленію или судебному вѣдомству, смотря по роду преступленія, что они и обязаны сдѣлать не позже сутокъ. Затѣмъ урядники уже помогаютъ слѣдственной власти по ея порученію, сами же могутъ производить слѣдствія съ правомъ ареста виновныхъ и производства обыска лишь въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ, когда виновный человѣкъ пришлый, или слѣды преступленія до пріѣзда слѣдственной власти легко могутъ быть уничтожены. Наконецъ, нѣкоторыя группы преступленій, какъ-то: важнѣйшія государственныя, преступленія противъ вѣры, преступленія по должности и многія другія вовсе изъяты изъ компетенціи урядниковъ.

Главнымъ предметомъ дѣятельности урядниковъ съ болѣе широкими полномочіями является охраненіе въ селахъ и деревняхъ общественной тишины и спокойствія, а также наблюденіе за правильностью производства торговли, съ точки зрѣнія выполненія установленныхъ полицейскихъ правилъ. Но нужно замѣтить, что въ этой части инструкціи нѣкоторые пункты ея или страдаютъ большою неопредѣленностью или являются, вѣроятно, плодомъ простаго недосмотра составителей. Извѣстно, напр., что нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ должно было циркулярно разъяснить урядникамъ, что посѣдки и хороводы, на которые собирается обыкновенно сельская молодежь, «не суть противозаконныя собранія». Между тѣмъ и въ настоящей инструкціи мы находимъ одинъ пунктъ, который предписываетъ урядникамъ «не дозволять шумныхъ скопищъ народа». Но нельзя и на этотъ разъ не опасаться, что обыкновенныя сельскія сходки, отличающіяся всегда большимъ шумомъ, урядникъ можетъ признать за недозволенныя «шумныя скопища». Еще болѣе можетъ, вѣроятно,—смутить урядниковъ другой параграфъ, въ которомъ говорится, что—

> «урядники обязаны наблюдать, чтобы въ ихъ участкахъ не продавались и не распространялись книги, листки, картины и рисунки: 1) неодобренные цензурою и 2) безусловно всѣ произведенія рукописныя».

На основаніи этого параграфа, урядники естественно могутъ изъимать изъ обращенія всѣ книги, на которыхъ нѣтъ помѣтки «дозволено цензурою», хотя весьма значительная часть книгъ у насъ издается безъ такъ называемой «предварительной цензуры»,

а стало быть, и безъ помѣтки объ «одобреніи» [1]). Практика показала, что отсутствіе подобной помѣтки вводитъ въ смущеніе не только урядниковъ, набранныхъ изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ, но и болѣе образованныхъ полицейскихъ чиновъ. По словамъ г. Голышева—

> «эти провинціальные блюстители законовъ о печати выказывали такое непониманіе въ книжномъ дѣлѣ, что рѣшительно сами не знали, что они отбираютъ и что преслѣдуютъ. Если бы имъ случилось у офени встрѣтить книжку, выпущенную безъ предварительной цензуры, какъ заключающую въ себѣ болѣе 10 печатныхъ листовъ и не имѣющую словъ: «дозволено цензурою», то ее приняли бы за преступную находку, а торговца преслѣдовали бы строжайше за распространеніе безцензурныхъ изданій».

Г. Пругавинъ, въ своемъ изслѣдованіи «объ изданіи и распространеніи народныхъ книжекъ», также замѣчаетъ, что издатели книгъ этой категоріи опасаются выпускать ихъ безъ предварительной цензуры, именно въ виду недоразумѣній, къ которымъ можетъ повести отсутствіе на нихъ помѣтки о «дозволеніи». Поэтому, нельзя не пожалѣть, что въ инструкціи, данной урядникамъ, не разъяснено болѣе точно и подробно, какія именно книги нужно считать дозволенными къ обращенію. Кромѣ того, въ инструкціи говорится вообще о «распространеніи книгъ», за которымъ долженъ наблюдать урядникъ, а не только о продажѣ ихъ. Такимъ образомъ, и всякую книжку, выпущенную безъ предварительной цензуры и данную вами для прочтенія какому-нибудь сельскому жителю, урядникъ, на основаніи буквальнаго пониманія инструкціи, пожалуй, отберетъ и возбудитъ цѣлое дѣло о распространеніи вами неодобренныхъ цензурой книгъ.

Затѣмъ, немаловажное значеніе имѣетъ и приложенный къ инструкціи урядникамъ списокъ преступленій, подсудныхъ волостному суду. Дѣло въ томъ, что урядники обязаны доносить волостному старшинѣ о тѣхъ маловажныхъ преступленіяхъ, которыя подсудны волостному суду. Но до сихъ поръ, какъ извѣстно, компетенція волостнаго суда не была точно установлена, и отсутствіе подробныхъ разъясненій въ этомъ отношеніи вело къ весьма частымъ пререканіямъ между мировыми судьями и при-

---

[1]) Это еще болѣе относится къ газетамъ, ибо, напр., даже такія газеты, какъ «Свѣтъ», «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости», окажутся неодобренными цензурой, такъ какъ онѣ выходятъ безъ предварительной цензуры. Ред.

сутствіями по крестьянскимъ дѣламъ. Поэтому, указанный списокъ, какъ составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ совмѣстно съ министерствомъ юстиціи, вѣроятно, будетъ приниматься въ руководство не только урядниками, но и болѣе высшими, какъ судебными, такъ и административными учрежденіями, а также и самими волостными судами. Между тѣмъ, списокъ, приложенный къ инструкціи, составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи давно забытаго устава объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ и преступленіяхъ, подвѣдомственныхъ «сельскимъ расправамъ» того времени. Многіе пункты устава, конечно, или вовсе отмѣнены новымъ общимъ положеніемъ о крестьянахъ 1861 г., или даже стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ позднѣйшими законоположеніями.

Благодаря такого рода составленію списка, мы въ немъ, въ качествѣ преступленій, о которыхъ урядникъ долженъ доносить старшинѣ, находимъ, напримѣръ, самовольную сдачу крестьянами въ аренду своихъ надѣловъ. Между тѣмъ, въ положеніи о крестьянахъ нельзя найдти соотвѣтствующаго этому преступленію запрещенія. Напротивъ, мы видимъ, что сдача надѣловъ въ аренду въ настоящее время составляетъ между крестьянами общераспространенное явленіе, такъ что преслѣдованіе его должно произвести цѣлый хозяйственный переворотъ. Самый волостной судъ при разсмотрѣніи этого новаго вида преступленій поставленъ будетъ, вѣроятно, въ весьма затруднительное положеніе. Точно такъ же «списокъ» указываетъ, какъ на преступленіе, на «самовольный семейный раздѣлъ», который, дѣйствительно, подобно самовольной сдачѣ надѣловъ, преслѣдовался блаженной памяти сельскимъ уднымъ уставомъ 1843 г., по которому составленъ «списокъ». Но, какъ извѣстно, семейные раздѣлы вовсе не являются преступленіями съ точки зрѣнія положенія о крестьянахъ; затѣмъ, въ прошломъ году издано цѣлое узаконеніе о семейныхъ раздѣлахъ, также не признающее самовольный семейный раздѣлъ за преступленіе. По этому новому узаконенію, семейные раздѣлы самовольные, т.-е. не утвержденные сельскимъ сходомъ, лишь не признаются администраціей дѣйствительными; другими словами, при отбываніи воинской повинности, отвѣтственности за недоимки раздѣлившаяся самовольно семья по прежнему считается за одну. Наконецъ, въ этомъ же «спискѣ» мы натыкаемся на еще болѣе неожиданный параграфъ: въ «сельск. суд. уст.» имѣется статья, которая налагаетъ штрафъ за несправедливую жалобу противъ сельской расправы. Въ настоящее время никакой такой расправы

нѣтъ, а потому послѣднія слова и опущены, а проступкомъ названа вообще «несправедливая подача жалобъ». Нашъ судъ, какъ извѣстно, считаетъ за преступленіе только одинъ видъ «несправедливой подачи жалобы»—это такъ называемое «недобросовѣстное обвиненіе». Но, вопреки этому общему законоположенію, для сельскаго жителя какъ бы всякая оказавшаяся несправедливою жалоба должна вмѣняться въ преступленіе.

Конечно, всѣ эти погрѣшности, допущенныя составителями инструкціи, легко могутъ быть исправлены, и въ общемъ нельзя не порадоваться выразившемуся въ изданіи циркуляра и инструкціи стремленію министерства внутреннихъ дѣлъ ввести дѣятельность урядниковъ въ строго опредѣленныя рамки, при которыхъ они не могли бы злоупотреблять своею властью во вредъ населенію.

Гораздо менѣе министерство внутреннихъ дѣлъ могло сдѣлать въ отношеніи устраненія другой причины, обусловливавшей собою «нареканія со стороны мѣстнаго населенія», именно «весьма неудовлетворительнаго личнаго состава урядниковъ».

> Для улучшенія его циркуляръ рекомендуетъ губернаторамъ обращаться въ окружные штабы, которые могутъ доставлять ежегодно нужное число кандидатовъ изъ болѣе способныхъ унтеръ-офицеровъ, выходящихъ въ запасъ. Затѣмъ, подобнымъ образомъ намѣченные кандидаты должны будутъ собираться въ губернскій городъ, гдѣ имъ, подъ руководствомъ полицейскихъ чиновниковъ, дается нужная теоретическая подготовка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производится дѣйствительная оцѣнка ихъ способности къ службѣ.

Но и при такомъ осмотрительномъ выборѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, повидимому, слабо разсчитываетъ на безукоризненную дѣятельность урядниковъ, если она не будетъ подвергаться постоянному контролю съ весьма строгими взысканіями за всякіе проступки и преступленія по должности.

> «Засимъ слѣдуетъ имѣть въ виду,—говорится въ циркулярѣ,—что какъ бы удачно ни сложился личный составъ урядниковъ, за дѣятельностью ихъ долженъ быть учрежденъ неусыпный надзоръ».

Изъ приложеннаго же къ инструкціи списка преступленій по должности и установленныхъ за это наказаній видно, что урядники за многія изъ нихъ, вѣроятно, наиболѣе распространенныя, будутъ подвергаться высшимъ нормамъ наказаній, установленныхъ уголовнымъ кодексомъ.

Въ прежніе годы въ осенних№№ «Вѣстника финансовъ и промышленности» обыкновенно публиковались подробные отчеты объ общемъ характерѣ дѣятельности крестьянскаго банка. Въ настоящемъ году министерство финансовъ, повидимому, намѣрено отступить отъ этого прекраснаго правила. Между тѣмъ, въ печать проникаетъ все больше и больше извѣстій, говорящихъ не въ пользу успѣшной и, насколько желательно было бы, плодотворной дѣятельности этого учрежденія. Среди такихъ печальныхъ извѣстій, прежде всего, останавливаютъ на себѣ вниманіе объявленія, сдѣланныя многими отдѣленіями крестьянскаго банка о продающихся крестьянскихъ земляхъ, еще недавно пріобрѣтенныхъ съ помощью того же банка. Оказывается,

> «что крестьянскій банкъ поставленъ въ необходимость разомъ въ пяти губерніяхъ (Полтавской, Херсонской, Смоленской, Пензенской и Тамбовской) приступить къ продажѣ весьма значительнаго въ общемъ количества земли, купленной при содѣйствіи банка крестьянами, за невзносъ ими срочныхъ платежей».

О ходѣ дѣла въ отношеніи операцій крестьянскаго поземельнаго банка можно судить отчасти и по даннымъ, опубликованнымъ Полтавскою уѣздною земскою управой. Какъ видно изъ нихъ

> «къ концу 1886 г., т.-е. въ теченіи четырехъ-лѣтняго существованія крестьянскаго банка, въ Полтавскомъ уѣздѣ было пріобрѣтено съ его помощью 8,001 дес. земли. Но изъ этого количества отобрано у крестьянъ 800 дес. за невзносъ ими банку соотвѣтствующихъ платежей. Кромѣ того, къ концу 1886 г. обнаружилась поразительная несостоятельность заемщиковъ банка: изъ 50,945 руб. слѣдуемыхъ банку платежей не было уплачено 21,091 руб., т.-е. 40%. Такимъ образомъ, если вычесть 800 дес. и то количество купленной земли, которое не очищено платежами банку (т.-е. иначе—подлежитъ продажѣ, что, въ соотвѣтствіи 40%, составляетъ около 2,880 дес.),—количество пріобрѣтенной крестьянами, при посредствѣ банка, въ четыре года земли сокращается до 4,321 дес.».

Но и эта послѣдняя цифра собственно не выражаетъ собою размѣра увеличенія крестьянскаго землевладѣнія въ данномъ уѣздѣ. Дѣло въ томъ, что 2,429 дес. этой земли пріобрѣтено у крестьянъ же. Такимъ образомъ, крестьянское землевладѣніе увеличилось здѣсь только на 1,892 дес. Результатъ, какъ видите, не особенно блестящій.

Еще при самомъ учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка печать указывала на возможность подобныхъ печальныхъ явленій, причемъ особенно вреднымъ признавалось требованіе доплатъ отъ желающихъ купить землю и получить подъ нее ссуду изъ банка. Крестьяне, благодаря такому требованію, попадутъ въ лапы ростовщиковъ, справедливо замѣчали многіе, и исправное поступленіе взносовъ будетъ менѣе обезпечено, чѣмъ при полной ссудѣ. Справедливость этого замѣчанія подтверждаетъ теперь и практика. Такъ, въ докладѣ Херсонской губернской земской управы собранію, между прочимъ, говорится, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ—

> «доплата добывается или путемъ займа на весьма тяжкихъ условіяхъ, или, что̀ гораздо чаще, путемъ продажи скота и другаго имущества... Такимъ образомъ,—удостовѣряетъ губернская управа,—покупщики начинаютъ хозяйство на купленной землѣ значительно обезсиленные. Въ виду этого, понятно, что, вмѣсто искомаго облегченія, они впадаютъ еще въ бо̀льшую тяготу. Земля, пріобрѣтенная при указанныхъ условіяхъ, представляется непосильнымъ бременемъ; отказываясь отъ нея, покупщики-крестьяне окончательно раззоряются, теряютъ послѣднія средства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду на экономическое улучшеніе своего положенія. Имъ не остается уже ничего болѣе, какъ идти въ кабалу къ тѣмъ «благодѣтелямъ», которые оказывали имъ кредитъ на доплаты и другіе расходы для покупки земли,—кредитъ, конечно, на невыполнимо-тяжкихъ условіяхъ».

Какъ бы въ видѣ иллюстраціи, управа разсказываетъ своего рода «исторію одного товарищества», заключающуюся въ слѣдующемъ.

> «Товарищество изъ 28-ми домохозяевъ-крестьянъ этой губерніи купило при помощи банка, въ 1884 г., участокъ земли въ 360 десятинъ. Къ концу 1886 года изъ указаннаго количества покупщиковъ земля удержалась лишь у 12-ти человѣкъ, въ размѣрѣ 140 десятинъ, остальные же 16 домохозяевъ отказались отъ купленной земли, и ихъ доля, съ значительною притомъ еще надбавкою (всего 220 десятинъ, т.-е. около двухъ третей купленнаго количества земли), перешла въ руки четырехъ міроѣдовъ».

Началось дѣло и здѣсь съ необходимостью раздобыть денегъ на доплаты и хлопоты по покупкѣ. Указанное товарищество при самой покупкѣ, какъ поясняетъ докладъ управы,—

«принуждено было выдѣлить изъ купленной земли двумъ кулакамъ 120 десят. въ полную и вѣчную собственность. Вскорѣ послѣ совершенія купчей, въ томъ же 1884 году, 8 домохозяевъ просили товарищество уплатить причитающіеся на ихъ долю взносы, съ условіемъ, что, въ случаѣ несостоятельности, причитающаяся на ихъ долю земля должна перейти въ собственность товарищества. Товарищество заняло у третьяго уже по счету кулака необходимую сумму денегъ, отдѣливъ ему 30 дес. земли, опять-таки въ вѣчное владѣніе. Въ концѣ 1884 года еще 4 домохозяина оказались не въ состояніи платить проценты банку и по частнымъ займамъ; въ 1885 году 9 домохозяевъ отказались отъ приходившихся на ихъ долю 40 десятинъ земли и передали ее товариществу. Все тотъ же, третій по счету, кулакъ-міроѣдъ завладѣлъ этими 40 десятинами, внесши за товарищество 1,000 руб., т.-е. иначе—уплатилъ всего на всего за десятину по 25 руб., безъ всякихъ предварительныхъ расходовъ. При этомъ онъ взялъ съ крестьянъ обязательство, въ силу котораго они должны уплатить ему 4,000 руб., если бы пожелали отнять у него насильно захваченный имъ участокъ земли въ 40 десят. Въ 1886 году еще 9 крестьянъ принуждены были обратиться къ четвертому по счету кулаку и занять у него на двухъ-лѣтній срокъ 1,000 руб. для покрытія срочныхъ платежей. Хотя заемъ этотъ сдѣланъ подъ ручательствомъ товарищества, тѣмъ не менѣе, въ пользу заимодавца пришлось отдѣлить 30 десятинъ, разумѣется, въ вѣчное владѣніе».

Въ концѣ концовъ, всѣ обязательства по отношенію къ банку должны нести эти 12 человѣкъ товарищества съ 140 дес. земли, между тѣмъ, какъ 220 за безцѣнокъ пріобрѣтены ростовщиками, такъ что рано или поздно товарищеество окажется передъ банкомъ несостоятельнымъ и останется безъ земли, но съ весьма крупными обязательствами по частнымъ займамъ.

Но, кромѣ того, необходимость доплатъ устраняетъ значительную часть крестьянъ отъ участія въ покупкахъ земли, въ чемъ и кроется причина преобладанія среди покупщиковъ товариществъ надъ обществами. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ товарищества и представляютъ собою общества, за вычетомъ несостоятельныхъ членовъ. Послѣдніе, конечно, часто не только не могутъ дѣлать доплатъ, но и вовсе не могутъ воспользоваться купленною землей, за отсутствіемъ у нихъ хозяйственнаго

инвентаря; это такъ называемые безхозяйные, бездомовные, принужденные сдавать даже собственные надѣлы, и которые уже никакъ не могутъ думать о расширеніи своего землевладѣнія. Между тѣмъ, какъ позволяютъ заключать земско-статистическія данныя, подобные крестьяне составляютъ у насъ уже отъ 20 до 30% сельскаго населенія. Для нихъ возможность пріобрѣсти землю была бы только тогда полезна, когда они получили бы и помощь на обзаведеніе нужнымъ инвентаремъ. Но даже если мы обратимся къ группѣ крестьянъ, еще сохранившихъ свою хозяйственную состоятельность, то увидимъ, что многіе изъ нихъ только юридически участвуютъ въ покупкахъ земли, фактически же вовсе не пользуются ею, благодаря тому, что они не сдѣлали доплатъ. Вообще купленная земля распредѣляется обыкновенно покупщиками пропорціонально размѣрамъ сдѣланныхъ ими доплатъ. О такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи земли свидѣтельствуютъ еще отчеты г. Картавцева. Позднѣйшія наблюденія гг. Ворононова и Храповицкаго подтверждаютъ это явленіе.

> «Такъ, напримѣръ, въ Херсонской губерніи, товарищество, состоящее изъ 100 домохозяйствъ (Баштинское товарищество), пріобрѣло при посредствѣ банка 1,701 дес. земли. Но въ результатѣ раздѣла оказалось, что 31 домохозяинъ не получили ни пяди изъ купленной земли, 23 домохозяина прибрали къ рукамъ около двухъ третей всего купленнаго количества земли, въ томъ числѣ 15 домохозяевъ завладѣли ровно половиной пріобрѣтенной при помощи банка земли».

Остальные получили по нѣсколько десятинъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе имѣетъ какъ бы временный характеръ, пока болѣе состоятельные крестьяне, сдѣлавшіе и большія доплаты, не вознаградятъ себя за нихъ; но врядъ-ли они и потомъ легко согласятся отказаться отъ своихъ крупныхъ участковъ.

Всѣ эти печальныя явленія, конечно, нельзя ставить въ вину крестьянскому банку. По существу онъ—учрежденіе коммерческое и въ качествѣ таковаго можетъ только выдавать ссуды, гарантируя себя по возможности отъ убытковъ, продавать залоги неисправныхъ кліентовъ и т. д. Не совсѣмъ удачныя операціи его только свидѣтельствуютъ, что крестьянскому населенію трудно помочь, дѣйствуя лишь ни вполнѣ коммерческой почвѣ и избѣгая всякихъ убытковъ. Нужно помнить, что крестьянское населеніе, представляющее собою кліента этого банка, въ то же время является и податною силой государства; а податная способность населенія всегда пропорціональна его благосостоянію. Такимъ

образомъ, государству вовсе нѣтъ особенныхъ резоновъ останавливаться передъ убытками, съ которыми, однако, связано возвышеніе благосостоянія народа. Принявши за руководство подобный принципъ, прежде всего, вѣроятно, можно было бы понизить самый процентъ, взимаемый крестьянскимъ банкомъ за ссуды. Государственно-дворянскій банкъ находитъ же возможнымъ брать со своихъ кліентовъ 5½ проц. вмѣстѣ съ погашеніемъ, между тѣмъ, какъ крестьянскій банкъ взимаетъ отъ 7 до 8. Это пониженіе процентовъ по ссудѣ значительно облегчило бы положеніе крестьянъ, для которыхъ, въ особенности въ первое время послѣ покупки, взносъ банковскихъ платежей сопряженъ съ большими затрудненіями. Затѣмъ, представлялось бы необходимымъ уничтожить доплаты, которыя, какъ мы видѣли, въ значительной степени парализируютъ и возможные благіе результаты дѣятельности банка; сверхъ того, они часто, дѣйствительно, не только не дѣлаютъ исправный взносъ платежей болѣе обезпеченнымъ, но, заставляя крестьянъ дѣлать частные займы на очень тяжелыхъ условіяхъ, тѣмъ самымъ порождаютъ ихъ несостоятельность передъ банкомъ. Что же касается правила—немедленно отбирать у неисправныхъ покупщиковъ купленную ими землю, то его трудно признать раціональнымъ съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Прежде всего, оно раззоряетъ крестьянъ почти вполнѣ, а затѣмъ не спасаетъ и банкъ отъ убытковъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне покупаютъ обыкновенно такія земли, которыя имѣютъ для нихъ свою спеціальную цѣнность, но которыя совершенно не могутъ быть приспособлены для веденія особаго на нихъ хозяйства. Поэтому, при продажахъ ихъ съ аукціона за несостоятельностью крестьянъ, подобныя земли рѣдко находятъ покупщиковъ и остаются большею частью за банкомъ. Въ результатѣ банкъ при продажѣ ихъ или эксплоатаціи собственными средствами, можетъ понести большіе убытки, чѣмъ оставляя ихъ у прежнихъ владѣльцевъ съ отсрочкою платежей.

> «Лишняя отсрочка, замѣчаютъ по этому поводу «Русскія Вѣдомости»,—на одинъ—два года, даже при сохраненіи всѣхъ остальныхъ условій, тѣхъ же размѣровъ платежей и т. п.,—и покупщики крестьяне легко могутъ оправиться и сдѣлаться самыми исправными плательщиками, вмѣсто того, чтобы быть окончательно раззоренными продажей земли».

Но даже и возможность убытковъ не должна была бы очень смущать администрацію банка.

При этомъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что какія бы

измѣненія ни вносились въ его уставъ, банкъ можетъ быть только посредникомъ въ дѣлѣ обезпеченія крестьянъ землей, а не руководителемъ. Для полнаго же успѣха этого дѣла нужно создать еще и руководительство, которое у насъ теперь совершенно отсутствуетъ, если не считать слабыхъ попытокъ въ этомъ отношеніи земскихъ учрежденій, иногда, впрочемъ, все-таки дающихъ весьма благіе результаты.

---

Насколько умѣлое руководительство можетъ служить увеличенію крестьянскаго благосостоянія, объ этомъ отчасти можно судить по фактамъ, которые обнаружила Харьковская сельскохозяйственная выставка. Надо сказать, что на выставкѣ этой кустарный отдѣлъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, и посѣтители относятся къ нему съ большимъ интересомъ. Между тѣмъ, многія отрасли этого производства особенно разцвѣли и усовершенствовались, благодаря тому, что ими заинтересовались мѣстные интеллигентные люди, рѣшившіеся улучшить производство или въ видахъ собственной пользы, въ качествѣ скупщиковъ издѣлій, или изъ простаго желанія помочь кустарямъ. Вотъ, напр., витрина Руссо съ прекрасными бессарабскими коврами. По словамъ г. Руссо,—

> «въ Бессарабіи издавна существуетъ обычай ткать ковры и преимущественно для собственнаго употребленія. Обыкновенно въ каждой семьѣ дѣвушка обязательно къ свадьбѣ своей приготовляетъ побольше ковровъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она считается плохою невѣстой. Однако же, мѣстные обыкновенные ковры не отличаются ни красотой рисунковъ, ни чистотой и тонкостью отдѣлки».
>
> Въ виду этого, г. Руссо, желая усовершенствовать это производство, прежде всего, изучилъ его, научился самъ плести ковры, нанялъ себѣ въ помощь мастерицъ, выписалъ изъ Лондона, Вѣны, Парижа и др. городовъ разнообразныхъ художественныхъ рисунковъ, и началъ приготовлять ковры, стараясь, по возможности, улучшать достоинство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Хотя у г. Руссо и имѣется собственная большая мастерская, но онъ не преслѣдуетъ исключительно коммерческихъ цѣлей.

> Каждый разъ, какъ только его мастерица достаточно усовершенствуется въ издѣліи ковровъ, онъ снабжалъ ее матеріаломъ и деньгами и затѣмъ отпускалъ, чтобы она уже потомъ сама занималась ремесломъ самостоятельно и при

этомъ дѣлилась бы своимъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ съ другими.

Другая подобная же витрина принадлежитъ княгинѣ Урусовой, помѣщицѣ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда. По словамъ «Южнаго края» —

«живя въ деревнѣ, княгиня обратила вниманіе на разнообразныя ткани мѣстныхъ крестьянокъ, причемъ только въ исключительныхъ случаяхъ замѣчались ткани съ хорошими достоинствами, большею же частью это были грубыя и вообще недоброкачественныя матеріи, употребляемыя только лишь для домашняго обихода: изъ нихъ шьютъ рубахи мужскія и пр. Княгиня попыталась улучшить и расширить ткацкое ремесло, особенно къ этому ее побудилъ неурожай 1885 года, приведшій крестьянское хозяйство въ бѣдственное положеніе. Прежде всего, княгиня сама научилась ткать, подъ руководствомъ одной особенно искусной дѣвушки. Затѣмъ она стала дѣлать заказы, снабжая ткачихъ необходимымъ матеріаломъ и рисунками. Работы были выполнены, сверхъ всякаго ожиданія, отлично: рисунки были воспроизведены отчетливо и красиво, и вообще работа отличалась чистотой. Съ тѣхъ поръ дѣло развивается все больше и больше, такъ какъ ткачихъ стала привлекать отчасти хорошая заработная плата, а отчасти и новизна дѣла».

Третій экспонентъ, г. Рындинъ, представилъ также образцы тканей кустарей Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, производство которыхъ значительно усовершенствовано подъ его руководствомъ. Это по преимуществу скатерти, драпри, полотенца, которыя ткутся изъ пеньки съ шелками и гарусами. Г. Рындинъ раздаетъ кустарямъ матеріалы и покупаетъ у нихъ издѣлія, которыя сбываетъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Обороты его въ настоящее время простираются до 45,000 р. въ годъ. Далѣе, про гончарныя издѣлія, которыя производятся въ Ковенской губерніи, подъ руководствомъ г. Пузино, «Южный Край» замѣчаетъ, что они —

«превосходятъ всѣ остальныя по своему совершенству во всѣхъ отношеніяхъ; они настолько отлично исполнены, что рѣшительно напоминаютъ художественныя гѣпныя работы».

Впрочемъ, и многія издѣлія кустарей, работающихъ самостоятельно, отличаются значительною степенью совершенства и тонкостью работы, такъ что весьма охотно раскупаются посѣщающею выставку публикой. Особенно слѣдуетъ отмѣтить стремленія кустарей упростить устройство разныхъ земледѣльческихъ орудій

и машинъ, благодаря чему уменьшается самая стоимость ихъ. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе горны И. Д. Зубова, стоимостью отъ 20 до 30 р., между тѣмъ, какъ заграничные продаются по 40 и 50 р.

На выставку явилась еще кузнецъ-женщина, Татьяна Еременкова, имѣющая свою кузницу въ Харьковѣ. Около кустарнаго павильона устроена для нея кузница, гдѣ она на глазахъ публики и выдѣлываетъ скобки, подковы и проч.

Вмѣстѣ съ улучшеніемъ производства частная иниціатива иногда является очень полезною и въ отношеніи улучшенія организаціи сбыта. Такую помощь оказалъ кустарямъ своего района завѣдующій тульскимъ кустарнымъ отдѣломъ, г. Борисовъ, представившій также на выставку много издѣлій своихъ кліентовъ. Производя свои операціи подъ фирмой «Сбытъ», г. Борисовъ принимаетъ собственно на коммиссію издѣлія кустарей и затѣмъ продаетъ ихъ, удерживая въ свою пользу 10%.

«Сбытъ» началъ свои операціи въ маломъ размѣрѣ, такъ что въ первые годы обороты его не превышали двухъ—трехъ тысячъ въ годъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣло постепенно прививалось и прогрессивно расширялось, и въ послѣдній годъ обороты «Сбыта» простираются свыше 50 тысячъ, причемъ большинство тульскихъ издѣлій пользуется хорошею репутаціей. Въ послѣднее время тульскій «Сбытъ» кустарныхъ издѣлій даже завелъ торговыя сношенія съ заграницей, гдѣ тоже мало по малу завоевываетъ себѣ успѣхъ, такъ что, по словамъ г. Борисова, за короткое время было отправлено заграницу на нѣсколько тысячъ разныхъ издѣлій.

Нужно замѣтить, что при выставкѣ организована особая коммисія, задачей которой является изысканіе мѣръ для улучшенія быта кустарей Харьковской губ. Труды ея будутъ опубликованы и, вѣроятно, представятъ собою довольно интересный матеріалъ, который пріобщится къ имѣющимся уже «трудамъ» другихъ коммисій. Надо сказать, что вообще кустарямъ у насъ не особенно везетъ и если о нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ очень много говорятъ, то дѣлаютъ для нихъ очень мало.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить одного курьеза, касающагося отдѣла сельско-хозяйственныхъ машинъ на выставкѣ. Нѣкоторыя газеты радуются, что иныя машины иностранныхъ издѣлій вытѣсняются русскими. Но при пересчисленіи этихъ «русскихъ» фирмъ вы приходите въ немалое недоумѣніе: Гельферихъ Саде изъ Харькова, Липгартъ и К° изъ Москвы, Тренке

оттуда же, Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ изъ Варшавы, Менцель изъ Бѣлой Церкви, Генъ изъ Одессы и т. д. Въ работахъ этихъ переѣхавшихъ границу иностранцевъ врядъ-ли можно видѣть успѣхъ русскаго машиностроенія, и едва-ли русскіе хозяева не даромъ переплачиваютъ на хозяйственныхъ машинахъ огромныя суммы.

В. Б—чъ.

# ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ НЕУМѢЛОСТЬ.

(Новая повѣсть Эртеля, «Двѣ пары»).

**(Критическій этюдъ).**

Намъ не однажды приходилось говорить, что изъ всѣхъ нашихъ, такъ называемыхъ, молодыхъ художниковъ г. Эртель выдается не только художественнымъ талантомъ, но и тѣмъ серьезнымъ отношеніемъ къ задачамъ искусства, которое характеризуетъ нашихъ выдающихся писателей прошлаго поколѣнія: Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевскаго и т. п. Каждая вещь, выходившая до сихъ поръ изъ подъ его пера, какъ бы ни были велики ея детальные, архитектоническіе и стилистическіе промахи, давала намъ не только художественное наслажденіе, но и заставляла задуматься надъ жизнью. Новое же произведеніе г. Эртеля написано уже съ такою художественною законченностью, что о промахахъ архитектоники и художественныхъ пріемовъ почти не можетъ быть рѣчи. Кромѣ того, произведеніе настолько продумано и прочувствовано въ смыслѣ его основной, весьма важной и глубокой идеи, что даетъ полный матеріалъ для сужденія объ этой идеѣ на основаніи всесторонніхъ жизненныхъ образовъ, нарисованныхъ авторомъ, и, такимъ образомъ, все произведеніе можетъ быть поставлено рядомъ съ лучшими, выдающимися произведеніями нашей литературы.

Чтобы читатель лучше понялъ предъидущія строки, мы должны вернуться на минуту къ старому, еще не исчерпанному, вопросу—объ идеяхъ и тенденціяхъ въ произведеніяхъ искусства. Читатели, вѣроятно, уже прочли статью

г. Лисовскаго о трехъ типахъ современнаго романа, помѣщенную въ предъидущей книгѣ. Авторъ весьма точно подмѣтилъ три типа современныхъ беллетристическихъ произведеній и два изъ нихъ подвелъ подъ типы двухъ искусствъ—музыки и живописи, третій же типъ поставилъ отдѣльно, какъ уже чисто-художественный, поэтическій типъ. Чѣмъ же отличаются, по теоріи г. Лисовскаго, эти три типа? Романы живописнаго типа, образцомъ которыхъ онъ беретъ романы Зола, отличаются тѣмъ, что въ нихъ всѣ частности, всѣ малѣйшія черты подобраны такъ, чтобы исключительно служить одной основной идеѣ романа; наоборотъ, произведенія музыкальнаго типа пишутся, главнымъ образомъ, для одного выдающагося момента страсти или высокаго настроенія, и все остальное является какъ бы подготовленіемъ къ этому моменту, причемъ частности сами по себѣ являются, какъ и въ музыкѣ, эффектными самостоятельными морсо, въ которыхъ художникъ отдается всецѣло своему настроенію. Это—романы Гюго. И такъ, въ первомъ типѣ цѣлое господствуетъ надъ частью, во второмъ типѣ одинъ моментъ господствуетъ надъ цѣлымъ, и, кромѣ того, вообще частности господствуютъ надъ общею идеей. Третій типъ, высшимъ представителемъ котораго является Толстой, избѣгаетъ крайностей и перваго, и втораго типа; идея цѣлаго не господствуетъ надъ частями и не урѣзываетъ жизни; а это весьма важно, ибо жизнь, во всей ея полнотѣ, всегда шире идеи; какъ бы ни былъ геніаленъ художникъ, но онъ никогда не можетъ сказать о жизни, изображаемой имъ, того послѣдняго слова, которое будетъ сказано о ней современемъ, а быть можетъ, и никогда не будетъ сказано. Стало быть, если художникъ даетъ намъ романъ, строго построенный по его идеѣ, если всѣ факты, несогласные съ идеей, выброшены, какъ у Зола, мы будемъ имѣть только идею Зола въ образной формѣ, какъ имѣемъ ее въ картинѣ или скульптурѣ, гдѣ также не допускается ничего лишняго, ничего выходящаго за предѣлы идеи. Если же художникъ, наоборотъ, хотя и выражаетъ свою идею о жизни, но не урѣзываетъ жизни, давая ее во всей полнотѣ и широтѣ ея развѣтвленій, то на насъ, кромѣ его идеи, дѣйствуетъ еще и самая жизнь, въ которой есть еще много такого, что еще не охвачено никакою идеей, и является только въ видѣ предчувствія, волненія, на-

строенія и у самого великаго художника, и у его читателя. Такимъ образомъ, великіе истинные художники какъ бы поднимаютъ для насъ завѣсу будущаго, показываютъ въ предчувствіи, въ настроеніи—грядущія идеи о жизни, и тѣмъ значительно расширяютъ намъ горизонтъ, давая матеріалъ для самостоятельной мысли о жизни и ея явленіяхъ. Отъ произведеній же музыкальнаго типа, такія истинно-поэтическія произведенія отличаются тѣмъ, что тѣ и въ цѣломъ и въ частяхъ носятъ неизбѣжно лирическій характеръ, изобиліе пафоса, преувеличеній и раздуваній собственнаго чувства и настроенія, тогда какъ истинно-поэтическое творчество течетъ, какъ само море жизни, гдѣ чередуется и пафосъ, и идиллія, и счастье, и страданіе; кромѣ того, произведенія музыкальнаго типа подчинены одному высшему моменту, въ который и разрѣшается сумма всѣхъ подготовительныхъ лирическихъ моментовъ. Въ произведеніяхъ же истинно-поэтическихъ, такого момента, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ, а высочайшее настроеніе получается отъ созерцанія цѣлаго во всѣхъ его деталяхъ, но именно настроеніе, жизненное настроеніе, а не искусственно—пригнанное пониманіе одной только идеи автора.

Мы напомнили эту классификацію нашего почтеннаго сотоварища не даромъ; мы уже сказали, что она весьма точно классифицируетъ художественныя произведенія, но всмотрѣвшись внимательнѣе въ эту классификацію, мы замѣтимъ, что, удержавъ ея основный принципъ, мы можемъ ее расширить и обобщить настолько, что ея примѣненіе къ вопросамъ критики станетъ гораздо плодотворнѣе. Классификація г. Лисовскаго основана на сходствѣ или аналогіи, и, несомнѣнно, въ основаніи этого сходства лежитъ какая-нибудь психологическая причина. Авторомъ она не разработана, да и не въ ней главная суть, а въ томъ, что между этою классификаціей и требованіями жизни (или служеніемъ искусства жизни) у автора не проведено моста, такъ что, въ концѣ концовъ, читатель можетъ спросить: да какое мнѣ дѣло до того, по тому или иному типу написанъ романъ, лишь бы онъ производилъ на меня хорошее впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ, такая мысль можетъ придти читателю только потому, что опытъ г. Лисовскаго выполнилъ дѣло только на половину. Онъ не вывелъ изъ своей классификаціи тѣхъ соціальныхъ

послѣдствій, которыя современная критика непремѣнно должна имѣть въ виду, если желаетъ быть полною и всестороннею, ибо она уже не можетъ быть въ наше время только эстетическою критикой, а непремѣнно въ то же время и соціологическою, т.-е. опредѣляющею мѣсто и значеніе произведеній искусства въ жизни общества. Подъ этимъ, само собою, понимаются всѣ важнѣйшіе элементы соціальной жизни, и мораль въ томъ числѣ.

Какое же соціальное значеніе можетъ имѣть классификація г. Лисовскаго и чѣмъ ее слѣдуетъ дополнить, чтобы она получили такое значеніе?

Всмотритесь получше въ его классификацію и вы увидите, что тѣ романы, которые онъ относитъ къ живописному типу, суть ничто иное, какъ произведенія, до сихъ поръ носившія названіе произведеній тенденціозныхъ; романы, отнесенные имъ къ музыкальному типу, также относятся къ тенденціознымъ, но съ преобладаніемъ лиризма, чувства, страсти, тогда какъ романы живописнаго типа построены холодно и разсудочно,—что зависитъ отъ темперамента авторовъ. Наконецъ, романы, которые онъ называетъ истинно-поэтическими, прежде назывались «объективными», т.-е. безпристрастно, объективно рисующими жизнь, что не устраняло въ нихъ существованія одной основной идеи. Такимъ образомъ, работа г. Лисовскаго имѣетъ и свои заслуги, и свои недостатки. Недостатокъ работы въ томъ, что, не проведя моста между прежнею классификаціей, которая имѣла именно характеръ почти соціологическій, онъ отдалилъ критику отъ соціальныхъ задачъ, а заслуга его въ томъ, что, указавъ болѣе точные внѣшніе признаки трехъ типовъ, онъ даетъ возможность сдѣлать и болѣе точную классификацію соціологическую, ибо ея прежнія опредѣленія «тенденціознаго», «объективнаго» были весьма смутны и сбивчивы, чѣмъ и объясняются постоянные споры въ самой критикѣ изъ за этихъ опредѣленій.

Мы въ дальнѣйшей классификаціи нашей сохранимъ прежніе термины, лишь немного видоизмѣнивъ ихъ: то, что г. Лисовскій называетъ романами живописнаго типа, мы назовемъ тенденціозно-разсудочными; таковы романы Зола и значительная часть нашей тенденціозной беллетристики 60-хъ годовъ; то, что онъ называетъ ро-

манами музыкальнаго типа, мы назовемъ тенденціозно-лирическими; таковы романы Гюго, поэмы Некрасова и большинство тенденціозныхъ произведеній русскихъ, начала 70-хъ годовъ; наконецъ, то, что онъ называетъ истинно поэтическими произведеніями, мы назвали бы идейно-объективными, или художественно-идейными произведеніями, понимая подъ этими словами то, что здѣсь идея не навязывается художникомъ, а дается въ формѣ, вполнѣ вѣрной жизни, т.-е. объекту, а потому въ формѣ вполнѣ правдивой, художественной.

Но у насъ еще остается цѣлая куча романовъ, не подходящихъ подъ эту классификацію, а, между тѣмъ, читаемыхъ въ засосъ «почтеннѣйшею» публикой, что доказывается, напр., искомъ въ 12,000 рублей, предъявленнымъ на-дняхъ однимъ тряпичнымъ издателемъ къ тряпичному же романисту, получившему за одинъ романъ (это въ то время, какъ Достоевскій чуть съ голода не умиралъ!) 12,000 рублей. Если тряпичный издатель можетъ платить своему тряпичному романисту такой гонораръ, значитъ, такіе романы читаются, читаются больше Достоевскаго, Гончарова и пр. Этотъ четвертый типъ романовъ, совсѣмъ пропущенный авторомъ, вѣроятно, потому, что онъ не относитъ его, и весьма справедливо, къ области литературы, тѣмъ не менѣе, долженъ быть упомянутъ. Къ несчастію, одинаковое названіе «романъ» заставляетъ говорить и о немъ: если уже пошло дѣло на сравненія съ разнаго рода искусствами, то этотъ типъ романовъ слѣдовало бы отнести къ области такихъ искусствъ, какъ искусство поваровъ, модистокъ, гимнастовъ, наѣздниковъ цирка, клоуновъ и т. п., еще низшихъ формъ наживанія денегъ и перенесенія ихъ изъ одного кармана въ другой, ради мимолетнаго услажденія низшихъ органовъ чувствъ, а иногда и спиннаго мозга. Въ области этого четвертаго типа возможна бы была своего рода спеціальная классификація, напр., романы клоунскаго типа, романы типа кондитерскаго, кулинарнаго и куаферно-моднаго (послѣдній романъ г. Боборыкина), романы типа проститутокъ и пр., и пр. Но оставимъ и забудемъ это печальное и возмутительное явленіе соціальной праздности и убиванія драгоцѣннаго времени, это явленіе, аналогичное, съ морфиноманіей, пьянствомъ, гашишизмомъ и еще худшими пороками

патологическаго извращенія инстинктовъ и воображенія, и переходимъ къ тремъ типамъ идейнаго характера. Какое соціальное значеніе имѣетъ наше подраздѣленіе этихъ трехъ типовъ? Какой изъ этихъ трехъ типовъ имѣетъ высшее соціальное значеніе и какіе изъ нихъ имѣютъ значеніе низшее, именно въ соціальномъ отношеніи?

Изъ предъидущей классификаціи вы уже видѣли, что романъ можетъ быть идейнымъ (идейно-объективный или художественный романъ), но, однако, еще не тенденціознымъ. Можетъ быть онъ и идейнымъ, но тенденціознымъ (или разсудочнымъ, или лирическимъ); отсюда ясно, что въ художественномъ произведеніи тенденція и идея произведенія не вполнѣ одно и то же. Разница между ними такая: если произведеніе идейно, значитъ, что оно написано не для одного только развлеченія и удовольствія, но и проникнуто идеей, иногда совершенно ясною для самаго художника иногда же являющеюся только въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго настроенія. Поэтому, оно всегда задѣваетъ и нашу умственную (интеллектуальную) сторону и заставляетъ задумываться надъ своимъ настроеніемъ или своею идеей, которыя могутъ быть соціальныя, этическія, философскія, религіозныя, и т. д. Если произведеніе тенденціозно, оно также должно заключать въ себѣ опредѣленное настроеніе или идею; оно тоже возбуждаетъ въ насъ мысль, но только идея или настроеніе разработаны въ немъ односторонне. У художника есть стремленіе (тенденція) доказать намъ свою идею (тенденціозно-разсудочный типъ), подобравъ соотвѣтствующіе факты, освѣтивъ ихъ извѣстнымъ образомъ и устранивъ или ослабивъ всѣ другіе, противорѣчащіе его идеѣ. Или же (въ тенденціозно-лирическомъ типѣ) художникъ употребляетъ всѣ силы на то, чтобы мы прониклись ею эмоціей, т.-е. чувствованіемъ, настроеніемъ, негодованіемъ, ненавистью, или жалостью, поклоненіемъ, обожаніемъ чего-либо, напримѣръ, народа, или, наоборотъ, интеллигенціи, и т. п. И для этого опять-таки онъ подбираетъ соотвѣтствующіе факты, положенія, раздуваетъ ихъ, преувеличиваетъ, скрывая другія стороны жизни, способныя ослабить нашу эмоцію или настроеніе. Иными словами, тенденціозность въ искусствѣ есть частный случай — идейности; идейность есть понятіе болѣе общее, она можетъ быть и тенденціозна, и не тен-

денціозна. Если идейность тенденціозна, т.-е. идея проводится односторонне, пристрастно, то произведеніе будетъ тенденціозное. Идейное художественное произведеніе будетъ, наоборотъ, только тогда, когда идея проводится съ наивозможною полнотой всѣхъ условій жизни, относящихся къ этой идеѣ за или противъ, т.-е. съ разработкой и такихъ деталей, которыя могутъ иногда даже и противорѣчить ей; когда, однимъ словомъ, жизнь не подгоняется насильно къ идеѣ, путемъ урѣзыванія, скрыванія или затемнѣнія фактовъ, а показывается во всей своей полнотѣ, хотя и въ предѣлахъ этой идеи. когда художникъ, оттѣняя свою мысль и настроеніе,—и всѣмъ планомъ своего произведенія, и самымъ выборомъ явленій,—однако, не хочетъ, навязать намъ его насильно или искусственно, или подтасованно, а старается, наоборотъ, дать и все то, что можетъ дать намъ возможность мыслить самимъ о его идеѣ и жизни, относящейся къ ней, и pro, и contra, такъ что правда его идеи является для насъ уже выясняющеюся самою жизнью, во всей ея полнотѣ. Такимъ образомъ, можно сказать, повидимому, наоборотъ, что и въ этомъ случаѣ художникъ стремится и доказать, и заставить прочувствовать свою идею, но только избираетъ иной путь, путь наибольшей правды и безпристрастія, наибольшей жизненной полноты, т.-е. путь гораздо болѣе трудный, но за то и болѣе вѣсскій. Соціальное ихъ значеніе необходимо различить, во-первыхъ, въ силу уже одной справедливости къ художникамъ; въ самомъ дѣлѣ, одинъ родъ весьма легкій: подобралъ соотвѣтствующіе факты, усилилъ ихъ яркость, устранилъ все противорѣчащее, кое-что для усиленія эффекта самъ придумалъ—и произведеніе готово. Другой родъ, напротивъ, требуетъ огромной работы, вдумчивости, изученія жизни, изученія вопроса pro и contra, требуетъ, наконецъ, правды, вѣрности жизни, а стало быть, и большаго художественнаго таланта, наблюдательности, обобщающихъ силъ ума. Необходимо различить оба этихъ рода, во-вторыхъ, еще и по тому вліянію, какое они могутъ имѣть: вліяніе тенденціозныхъ произведеній можетъ быть очень сильно, можетъ убѣдить, можетъ потрясать, но оно мимолетно, ибо человѣкъ, встрѣтивъ факты, противорѣчащіе тенденціи. сейчасъ же начинаетъ въ ней сомнѣваться—и весь эффектъ пропалъ. Идейное же произведеніе втораго рода, на-

оборотъ, захватываетъ вполнѣ и мысль, и чувство; встрѣча съ противопожными фактами въ немъ уже предусмотрѣна, и приведена въ извѣстную систему и единство, т.-е. уже не опасна для идеи. Пояснимъ наглядными примѣрами. Художникъ хочетъ показать намъ, что въ крестьянской жизни много зла, и рисуетъ только это зло: бѣдность, пьянство, нищету, развратъ, драки, усиливая краски убійствами, грабежами, пожарами. Минутное впечатлѣніе можетъ получиться ужасное, какъ отъ кошмара. Но оно и пройдетъ такъ же скоро, какъ проходитъ кошмаръ, едва мы выйдемъ на воздухъ, увидимъ этотъ же народъ на работахъ, трезвымъ, помогающимъ другъ другу. Наше довѣріе къ художнику можетъ настолько быть подорвано, что ужь и вообще-то въ существованіи зла въ народной жизни мы, пожалуй, станемъ сомнѣваться. Но вотъ другой художникъ съ тою же идеей, проводитъ ее художественно, а не тенденціозно: онъ покажетъ намъ всѣ стороны жизни народа, покажетъ и хорошее, но покажетъ и дурное, и это дурное будетъ намъ тѣмъ больнѣе, а въ то же время, мы тѣмъ сильнѣе будемъ вѣрить художнику, что увидимъ его полную правдивость. Теперь возьмемъ обратную идею: два художника желаютъ провести идею, что народъ, это—перлъ, прелесть! Тенденціозный художникъ наберетъ и фактовъ, и явленій самыхъ поразительныхъ въ смыслѣ народной прелести, кое-что онъ присочинитъ и усилитъ; но, спрашивается, надолго-ли хватитъ впечатлѣнія, возбужденнаго такимъ одностороннимъ изображеніемъ? Поѣдетъ читатель въ деревню, и тысячи разочарованій постигнутъ его, и проклянетъ онъ и автора, и народъ, ибо авторъ до того прикрасилъ все въ народѣ, что читатель даже и не замѣчаетъ дѣйствительно хорошихъ чертъ народной жизни въ томъ видѣ, какъ онѣ являются реально, ибо въ дѣйствительности онѣ гораздо проще, мелче, а онъ ожидалъ чего-то грандіознаго. Вообразите, что вы ѣдете въ какую-нибудь мѣстность, и вамъ о ней наговорили, что это—Швейцарія и даже лучше! Всю дорогу вы ожидаете высокихъ горъ съ облаками наверху и пр., и пр. Ваше воображеніе такъ съ этимъ сродняется, что, когда вы очутитесь на мѣстѣ, вамъ все не нравится, ибо горы меньше, озера совсѣмъ не швейцарскія. Надо потомъ прожить много времени, чтобы оцѣнить прелесть этой мѣстности,

такъ усердно погубленной для вашего перваго впечатлѣнія тенденціознымъ хвалителемъ. Наоборотъ, художникъ не тенденціозный, а просто идейный, даетъ вамъ о народѣ, правду, т.-е. не утаитъ и дурнаго, но укажетъ и доброе; при этомъ онъ употребитъ всѣ силы своего ума и наблюдательности, чтобы понять самому и вамъ уяснить, чѣмъ обусловлено дурное, т.-е. у него войдетъ масса деталей, которыя вообще пояснятъ вамъ смыслъ жизни.

Вспомните, наконецъ, и то, что мы сказали ранѣе о широтѣ жизни, сравнительно съ неизбѣжною узостью всякой идеи, какъ бы велика она ни была. Спрашивается, неужели не нужно отличать два этихъ сорта идейности? И какъ же лучше отличить ихъ, какъ ни употребивъ для односторонняго изображенія жизни слово тенденція (отъ tendance—стремленіе, наклоненіе), а второй родъ назвавъ просто идейностью художественною, или объективной. Это необходимо еще, въ-третьихъ, и потому, что тенденціозное произведеніе (въ нашемъ смыслѣ) не можетъ быть, по самой сущности своей, высоко художественнымъ: художественность требуетъ прежде всего правды, а односторонность не есть правда.

Мы выше показали, что тенденціозное искусство имѣетъ свои преимущества въ сильномъ моментальномъ впечатлѣніи, но имѣетъ огромный недостатокъ въ способности этого впечатлѣнія быстро улетучиваться и даже, въ силу невольно зарождающагося недовѣрія къ автору, переходить въ обратную крайность. Кромѣ этой весьма важной опасности, самая неправда, лежащая въ основѣ тенденціозныхъ произведеній, опасна, какъ и всякая неправда, какую бы добрую цѣль ни преслѣдовалъ авторъ. Неправда всегда опасна тѣмъ, что подрываетъ вообще вѣру въ человѣка, въ его слова, а нѣтъ ничего ужаснѣе взаимнаго недовѣрія: оно могила для всякихъ человѣческихъ отношеній. Разъ мы не довѣряемъ никому, мы уже сами должны во всемъ убѣждаться, все провѣрять, тратить на это время, которое уже затрачено другими, и терять его для другаго дѣла. Вообразите, что мы бы перестали вѣрить человѣческому слову, и всѣ тѣ блага, которыя отъ него происходятъ, для насъ были бы потеряны. На чемъ основаны всѣ науки, какъ не на довѣріи къ слову? Кто изъ всѣхъ милліоновъ образованныхъ людей самъ объѣздилъ всѣ страны? Кто видѣлъ въ теле-

скопъ самъ звѣзды, луну, туманности? Кто самъ провѣрялъ всѣ явленія физики, химіи? Кто самъ перечиталъ документы исторіи? Если есть науки, если мы образованы, то только потому, что вѣримъ слову. То же и во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ вѣры въ слово нѣтъ ни общества, ни семьи, ни культуры. И вотъ почему всякое нарушеніе правды, особенно въ печати,—страшно опасно: подрывая вѣру въ печатное слово, оно убиваетъ и всѣ тѣ блага, которыя даетъ печать, знакомя насъ съ цѣлыми областями жизни, въ которую мы сами не можемъ проникнуть. Все это знаніе будетъ для насъ потеряно, если мы не будемъ вѣрить писателю, а такъ какъ одинъ тенденціозный писатель можетъ подорвать вѣру въ десятки самыхъ правдивыхъ, то и выходитъ, что онъ приноситъ меньше пользы, чѣмъ вреда.

Мнѣ кажется, что мы именно теперь незаслуженно переживаемъ плоды ошибокъ 60-хъ годовъ, когда тенденціозность, господствовавшая въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, подорвала значительно вѣру въ печатное слово. Теперь нѣтъ или очень мало художниковъ тенденціозныхъ, они остались скорѣе еще въ лагерѣ обскурантовъ, а, между тѣмъ, слова прогрессивныхъ художниковъ встрѣчаютъ мало вѣры, ибо значительная часть общества отождествляетъ ихъ съ прежнею тенденціозною литературой, подорвавшею вѣру въ себя, рисовавшею народъ то воплощеніемъ одного идіотства, горя и безобразія (Слѣпцовъ, Ник. Успенскій и пр.), то идеаломъ всякихъ совершенствъ (именъ называть не буду). При изложеніи содержанія повѣсти Эртеля мы еще встрѣтимся съ тѣми печальными послѣдствіями, какія происходили отъ этой тенденціозной литературы, такъ какъ г. Эртель прекрасно нарисовалъ эти послѣдствія въ лицѣ своихъ героевъ.

## III.

Вернемся теперь къ повѣсти г. Эртеля. Содержаніе ея не сложно. Въ Самарской губерніи живутъ на дачѣ (для леченія кумысомъ) двое молодыхъ супруговъ, Летятины, изъ Петербурга. У нихъ есть сосѣдъ, Сергѣй Петровичъ, молодой помѣщикъ. Марья Павловна Летятина полюбила его и ушла къ нему жить, бросивъ мужа, и, не безъ борьбы съ собою, бросивъ сына на руки мужа. Молодая чета по-

селяется въ деревнѣ, думая благодѣтельствовать крестьянамъ, но эти филантропическія попытки влекутъ за собою только недоразумѣнія и страданія, вслѣдствіе незнанія крестьянской жизни, а еще больше—вслѣдствіе невѣрнаго ея знанія, обязаннаго прежней тенденціозной литературѣ. Слѣдуетъ, конечно, разочарованіе и въ крестьянствѣ, и въ дѣятельности, и другъ въ другѣ. Утѣшаться ѣдутъ въ Москву, куда пріѣхалъ знаменитый оперный пѣвецъ. На этомъ дѣло кончается. Впереди, вѣроятно, полное опошленіе обоихъ. Какъ же это произошло и почему произошло? Это выяснится намъ изъ разбора выведенныхъ авторомъ типовъ.

Летятинъ мужъ, человѣкъ 60-хъ годовъ, но сохранившій, по его собственнымъ словамъ, отъ «увлеченій» этого періода только одно хорошее. Въ чемъ же состоитъ это хорошее? Въ поклоненіи естественнымъ наукамъ и даже не имъ самимъ, а ихъ приложеніямъ къ жизни, гигіенѣ, комфорту. Это лицо обрисовано г. Эртелемъ бѣгло, но, тѣмъ не менѣе, очень выразительно; конечно, онъ не характеризуетъ собою всѣхъ «обломковъ» 60-хъ годовъ, да этого и не желалъ авторъ. Но что значительное большинство нашей интеллигенціи, увлекавшееся нѣкогда идеями 60-хъ годовъ и зачитывавшееся знаменитымъ въ то время романомъ, успѣло поразительно растерять все общественное содержаніе тогдашнихъ идей, сохранивъ прочно только раціонально-эгоистическій складъ мысли и морали,—это несомнѣнный фактъ. И насколько этотъ реалистическій складъ былъ иногда сносенъ въ связи съ высокими общественными принципами, настолько онъ сталъ мизеренъ и противенъ, растерявши эти принципы, и отдавшись на службу личному эгоизму и комфорту. Въ этомъ видѣ мы и находимъ г. Летятина. Общественные вопросы онъ называетъ сантиментальностями, нервничаньемъ; съ его базаровской, реалистической точки зрѣнія, все несчастье отъ идеаловъ; онъ занимаетъ прекрасное мѣсто гдѣ-то въ банкѣ, совершенно обезпеченъ; чего ему волновать и тревожить себя? Къ его услугамъ наука съ своими новѣйшими изобрѣтеніями, и «умному человѣку», по его мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать только одно—умѣть воспользоваться и средствами своими, и научными изобрѣтеніями, чтобы устроить свою жизнь, насколько возможно, раціональнѣе,

т.-е. комфортабельнѣе, покойнѣе и пр. Такъ же онъ воспитываетъ и сына, такъ онъ совсѣмъ было настроилъ и жену.

Одно только забылъ г. Летятинъ, одно, но самое главное, въ чемъ и трезвый реализмъ мысли 60-хъ гг. былъ только случайнымъ аксессуаромъ, это — чтобы жизнь имѣла цѣли, высшія своей узенькой, личной, эгоистической жизни. Самъ Летятинъ, вѣроятно, и по натурѣ своей необладавшій общественными инстинктами, да еще и заморозившій себя реалистическою моралью эгоизма, не расширеннаго, какъ у его учителей, до своихъ соціальныхъ примѣненій,—вѣроятно и прожилъ бы отлично душевнымъ и нравственнымъ скопцомъ, но къ несчастью такихъ господъ (а въ этомъ-то и законъ жизни), они живутъ не одни и не на необитаемомъ островѣ. У него красивая, молодая жена, а той хочется жить, а жить съ оскопленною душой нельзя живому человѣку. Между тѣмъ, жить только въ предѣлахъ личнаго эгоизма безъ живыхъ интересовъ къ окружающему, безъ живаго участія къ живымъ дѣламъ въ остальномъ Божьемъ мірѣ — есть душевное и моральное скопчество. И вотъ, Марія Павловна Летятина еще въ Петербургѣ начинаетъ себя чувствовать очень скверно въ той научно-комфортабельной обстановкѣ, какую ей устроилъ реалистъ-мужъ. Но будемъ говорить словами автора.

Марья Павловна была странная женщина: въ противоположность мужу, она никогда не съумѣла сохранить равновѣсіе души. Вышла она за него по любви, между прочимъ, подогрѣтой и передовыми его взглядами; ей казалось въ то время высшимъ словомъ мудрости сложить свой житейскій обиходъ разумно, или раціонально, какъ тогда говорили. «Нейтральная комната» въ семьѣ восхищала ее; въ ней она видѣла выходъ изъ тѣхъ несчастій и неудобствъ брака, которыми переполнена была жизнь ея знакомыхъ. Ее восхищала мысль брака, болѣе похожаго на товарищество, нежели на бракъ. Кромѣ того, прежде чѣмъ обвѣнчаться, они долго и, какъ казалось имъ, совершенно серьезно обсуждали всевозможныя случайности будущихъ отношеній и рѣшили мирно и благоразумно разойтись, если будетъ въ томъ нужда. Женихъ великодушно говорилъ, что, конечно, онъ никого не полюбитъ, но если полюбитъ она, онъ дастъ ей совершенную свободу. Невѣста утверждала, что никогда, никогда не можетъ полюбить другого, но если полюбитъ онъ, она проситъ его, она даже тре-

буетъ, чтобы онъ отдался этой любви, какъ совершенно независимый человѣкъ.

Такъ, довольные другъ другомъ и гордые своею разумностью, они повѣнчались. И все вышло, какъ по писанному: комфортъ у нихъ съ самаго перваго дни былъ полнѣйшій: мужъ ее не стѣснялъ; семейная проза—кухня, дѣтская, гардеробъ,—все шло отлично. Ребенка она воспитывала по самымъ новымъ книжкамъ: его кормили по часамъ, по часамъ мыли, будили и клали спать, каждый день по два раза взвѣшивали, по термометру носили гулять, и ребенокъ вышелъ, хотя и не совсѣмъ здоровый, но все-таки остался живъ и въ установленные годы поступилъ въ частную гимназію.

И за всѣмъ тѣмъ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ Колѣ сравнялось шесть лѣтъ, и для него взяли англичанку, Марья Павловна, къ удивленію своему, ощутила, что въ ея жизни совершается что-то неладное. Это ее ужасно удивляло, потому что, разлагая по ниточкамъ всю свою жизнь, она видѣла въ ней одно только разумное, цѣлесообразное и раціональное. Тогда она вообразила, что ее тянетъ за границу, тянетъ посмотрѣть на ту «настоящую» жизнь, которая разрослась пышно и широко, которая и долгою, и чрезвычайно любопытною исторіей дошла до эпохи удивительнаго прогресса и удивительныхъ преуспѣяній. И дѣйствительно, заграничная поѣздка какъ будто оживила ее. Только подъѣзжая обратно къ станціи Вержболово, она спохватилась и съ тоской почувствовала, что все это не то, не то. Возвратившись на свою «раціональную» квартиру, на углу Сергіевской и Литейной, она испытала даже такой приливъ отвращенія к о в с е м у э т о м у, ко всей своей разумной жизни, къ фасаду дома, въ которомъ жила, къ теплой лѣстницѣ, къ удобной квартирѣ, что ей стало страшно. И больше всего ей стало страшно, когда она встрѣтила мужа и вдругъ вглядѣлась въ его черты, какъ въ чуждыя ей черты, и гдѣ-то въ глубинѣ души почувствовала, что между нею и мужемъ встало что-то новое, странное, прежде незнакомое ей—встала какая-то преграда. Впрочемъ, зима прошла сносно, потому что Марья Павловна воображала, будто вокругъ нея дѣйствительно все такъ прекрасно, любопытно и рѣдко, какъ о томъ говорили люди. И только къ веснѣ щемящее чувство недовольства собой и своею жизнью вновь обострилось и не стало давать ей покоя. Все на нее стало дѣйствовать странно и раздражительно съ этой весны; на все смотрѣла она сквозь призму вновь возникшихъ въ ней ощущеній; теплый вѣтеръ съ моря, теплый

лучъ, забѣгавшій къ ней въ комнату, теплыя бѣлыя ночи, плескъ Невы около ихъ дачи, звонкій и таинственный весенній воздухъ, въ которомъ отчетливо слышался голосъ запоздавшаго лодочника,—все въ ея воображеніи окрашивалось печалью и унынiемъ. Она изъ всѣхъ силъ старалась сначала исцѣлить, а потомъ забыть, лишь бы забыть эту, не дающую ей покоя, душевную боль. Когда начался сезонъ, она записалась въ нѣсколько филантропическихъ обществъ, усиленно стала посѣщать балы, театры, клубы, концерты, торговала на благотворительныхъ базарахъ, играла въ благотворительныхъ спектакляхъ, ѣздила къ бѣднымъ, пробовала увлекаться проповѣдями лорда Редстока и полковника Пашкова, принимала участіе въ спиритическихъ сеансахъ, устроила у себя «журъ-фиксы», гдѣ отъ времени до времени появлялись профессора, художники, писатели. И посреди всей этой внѣшней дѣятельности, всей этой суматохи впечатлѣній она ни на мигъ не забывала, что все это не то, что по ея пятамъ двигается что-то странное, страшное, безпощадное, что въ ея душѣ, прежде такой цѣлостной и здоровой, образовывается пустота. Мужъ съ улыбкой трезваго философа смотрѣлъ на странности Марьи Павловны. Кончилось тѣмъ, что мужъ позвалъ докторовъ, въ числѣ которыхъ былъ за сто рублей очень знаменитый докторъ, и тотчасъ же взялъ пяти мѣсячный отпускъ, какъ только доктора рѣшили, что Марьѣ Павловнѣ нужно пить кумысъ, и что встрѣтить раннюю весну ей необходимо въ деревнѣ.

Понятно, что «раціональному» реалисту, смотрѣвшему на человѣка, какъ машину, и не можетъ придти на умъ, что, кромѣ разстройства «машины», могутъ быть и другія причины тоски, болѣзни, скуки. Чрезвычайно замѣчательно то мѣсто въ романѣ, гдѣ этотъ господинъ пытается убѣдить жену, что она должна любить его по прежнему, потому что въ ихъ жизни ничто не измѣнилось, и была же она съ нимъ прежде во всемъ согласна. Онъ никакъ не можетъ понять, что, кромѣ м ы с л и, у человѣка есть другіе, не менѣе могучіе двигатели, идущіе впереди самой мысли, а именно—чувство; онъ самъ человѣкъ, способный разъ и навсегда замереть на одной идеѣ, въ немъ нѣтъ живыхъ инстинктовъ, которые бы требовали улучшенія, совершенствованія, движенія впередъ, создавая, изъ глубины взволнованнаго и неудовлетвореннаго сердца, идеалы лучшаго. Между такими людьми, какъ онъ и его жена съ ея чуткимъ сердцемъ, пониманіе невозможно! Какъ убѣдишь эту

машину, разсчитавшую ариѳметически, что въ жизни нѣтъ ничего, кромѣ простыхъ цѣлыхъ чиселъ, убѣдить, что въ ней есть и дроби, и неизвѣстныя величины, и пр. тонкости, совершенно недоступныя уму и сердцу этого, во всѣхъ отношеніяхъ «превосходнаго», образцоваго, но деревяннаго человѣка. Дѣйствительность наказала его, но не сильно, ибо, потерявъ жену, онъ прекрасно успокоилъ себя тою же ариѳметикой. Г. Эртель высказываетъ по этому поводу глубоко-продуманное сравненіе, превосходно подходящее ко всякой такой узенькой доктринѣ или теоріи, пытающейся уложить жизнь на прокустово ложе крохотной формулы. Онъ сравниваетъ Летятина съ человѣкомъ, дошедшимъ въ математикѣ до рѣшенія уравненій съ извѣстными величинами и который вообразилъ, что знаетъ всю математику и можетъ рѣшать уравненія съ неизвѣстными величинами помощью тѣхъ же извѣстныхъ. Вотъ такъ и Летятинъ: въ его время все объяснялось физіологіей, нервами, и вотъ этими-то извѣстными онъ хотѣлъ рѣшить и то неизвѣстное, что происходило съ его женой. Ему непонятно, что она задыхается въ его эгоистической раціональной жизни, что ей нужна работа, ея жизнь и свѣтъ. И вотъ достаточно, чтобы она встрѣтилась съ какимъ-то Сергѣемъ Петровичемъ, чтобы она бросилась ему на шею. И что такое Сергѣй Петровичъ? Отчего она полюбила его?

Мы часто винимъ женщинъ за ихъ легкомысліе, за легкость ихъ нравовъ; будучи всѣ отчасти Летятиными, хотя и безсознательными, т.-е. объясняя все только потребностями тѣла, мы никогда не задаемъ себѣ вопроса, удовлетворяемъ-ли мы «душевнымъ» потребностямъ нашихъ женщинъ? Марья Павловна была счастлива, пока ея трудъ и заботы требовались для маленькаго сына. Ея тревога началась, когда онъ вышелъ изъ круга ея дѣйствія. И что же у нея осталось? Чѣмъ жить живому, чуткому сердцу среди насъ, бездушныхъ и безсердечныхъ машинъ ежедневной сутолоки безсмысленной, безцѣльной, узко-эгоистической? Женщину при такихъ условіяхъ могъ бы сдержать только «долгъ», но... намъ-ли говорить ей о долгѣ? Далѣе все понятно само собою: въ Сергѣѣ Петровичѣ Марья Павловна увидѣла другую жизнь, живое дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, онъ что-то строилъ, надъ чѣмъ-то копошился, по крайней мѣрѣ, на словахъ; что-то собирался дѣлать, въ родѣ школы

въ своемъ имѣніи, и т. п. Онъ ей наговорилъ кучу хорошихъ словъ, рекомендовалъ прочесть Маркса, она думала, что выбѣгаетъ изъ подвала на яркій свѣтъ разумной, полезной, гражданской, честной жизни, и начала съ того, что выписала Маркса. На самомъ дѣлѣ, Сергѣй Петровичъ добрый, молодой малый, кое-что слыхавшій о новыхъ идеяхъ, въ томъ числѣ и о Марксѣ, и о всякихъ вопросахъ; но, какъ большинство нашихъ интеллигентовъ, онъ ни во что это глубоко не вдумался, ни съ чѣмъ основательно не познакомился, да и ничего такого ни дѣлать, ни проводить серьезно не намѣревался, а только «вѣрилъ», что все это очень «хорошо», и что необходимо что-то дѣлать для общества, для народа, и что онъ это все современемъ начнетъ дѣлать, скоро, очень скоро, вотъ на-дняхъ начнетъ, только получитъ такую-то ссуду, или окончитъ постройку молотильнаго сарая, или окончитъ читать такую-то книгу, и тогда... Такихъ людей тысячи, и, право, это еще лучшіе люди у насъ; они не враги живой жизни и ея потребностей, они способны на добрый и хорошій порывъ, а при удачныхъ условіяхъ даже и на хорошую общественную работу; подлости сознательной они не сдѣлаютъ; но, въ то же время, эти люди почему-то весьма рѣдко что-нибудь дѣлаютъ, и въ особенности рѣдко это дѣло ихъ долго увлекаетъ. Если, воспылавъ настроеніями своего времени, они и примутся устраивать школы, больницы, издавать народныя книжки, изучать бытъ крестьянъ, копошиться въ земствѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то, смотришь, не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, а особенно, если случится неудача,—и такой господинъ все броситъ, нахмурится, насупится, непремѣнно разочаруется, начнетъ бранить народъ, иногда бранитъ свои же бывшія идеи и «увлеченія», и кончитъ либо запоемъ, либо женитьбой на деревенской бабѣ и ея пирогахъ, какъ Обломовъ, или вдругъ исполнится практичностью, заполучитъ мѣсто въ банкѣ, или еще гдѣ-нибудь, и обращается въ Летятина, т.-е. въ совершенно узкоголоваго эгоиста, впрочемъ, на либеральной подкладкѣ.

Пока такой человѣкъ не сошелся съ женщиной или не женился, отъ него еще какъ будто можно чего-то ждать: онъ, по крайнѣй мѣрѣ, разговариваетъ о хорошихъ вещахъ. И разговариваетъ онъ искренне, самъ любуясь собою

и увлекаясь своими рѣчами, которыя должны задѣть сердце какой-нибудь прелестной дѣвы или дамы. Ему въ самомъ дѣлѣ кажется, что добейся онъ только любви этой дамы, и «объ руку съ ней» онъ перевернетъ всю вселенную. Это ему кажется потому, что самъ онъ давно хорошо говоритъ, а ничего не дѣлаетъ и ужъ разочаровался въ самомъ себѣ въ одиночку. Вотъ, въ видѣ самооправданія и является мысль, что это-де отъ того, что нѣтъ подруги жизни. Мысль эта является еще и потому, что вообще его тянетъ отъ бездѣлья и сытости къ бабамъ. И къ Марьѣ Павловнѣ его потянули сперва вовсе не разсчеты отыскать въ ней подругу жизни, а просто желаніе пріятнаго, лѣтняго романа, безъ всякой ясной мысли о послѣдствіяхъ. Въ этомъ отношеніи первый ночной разговоръ влюбленныхъ, это—своего рода шедѣвръ въ психологическомъ отношеніи.

Сергѣй Петровичъ и ухаживалъ за барыней, и влюбился въ нее вовсе не задумываясь: зачѣмъ, что изъ этого будетъ? И это вовсе не потому, что онъ злой или безнравственный, нѣтъ, а просто «такъ». Она же смотритъ на свое увлеченіе вполнѣ серьезно, какъ мы уже пояснили: для нея это—выходъ изъ подвала, для нея, дѣйствительно, жизнь съ реально-раціональною машиной не въ моготу. И вотъ, ночью она говоритъ съ возлюбленнымъ: такъ и такъ, молъ, какъ же теперь быть? А онъ свое: «можно, молъ, мужа уговорить еще остаться пожить здѣсь».

Едва-едва онъ догадался, что говоритъ страшную гадость, т.-е. учитъ ее надувать мужа и «развлекаться» амуромъ у мужа за спиной! Но разъ онъ объ этомъ догадался, онъ, какъ человѣкъ вовсе не безчестный, съ такимъ же жаромъ готовъ принять всю тяжесть послѣдствій этой любви, устроить разводъ, даже жениться. Тутъ, въ нашемъ интеллигентѣ встрѣчаются двѣ удивительныя крайности: либо на любовь къ женщинѣ смотрятъ съ легкостью невообразимою, либо вдругъ придаютъ ей такое огромное значеніе, что и жизнь, и все, что угодно, готовы принести ей въ жертву.

И вотъ, начинается главная суть повѣсти: Марья Павловна устроилась съ новымъ супругомъ. Прежде всего, ее покоробило то, что и новый супругъ началъ съ устройства всякихъ комфортовъ, съ выписки мебели и рояля изъ Пе-

тербурга, купальнаго шкафа отъ Санъ-Галли. Весьма интересенъ при этомъ разговоръ Сергѣя Петровича съ Марьей Павловной. Они катались, когда имъ встрѣтились возы со всею этою дорогою дрянью.

— Но для чего же, Serge?—тоскливо воскликнула Марья Павловна. Она припомнила, что ея жизнь съ Летятинымъ начиналась именно покупками отъ Санъ-Галли, Шредера и Лизере, и ей было очень непріятно это совпаденіе.

— Но, дорогая моя, повторяю тебѣ, у меня самая ужасная обстановка.

— Напротивъ, у тебя такъ просто, такъ мило.

— Зачѣмъ же обходиться безъ вещей, къ которымъ ты привыкла?

— Да, вѣдь, опротивилъ мнѣ весь этотъ несносный комфортъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого, Marie... Наконецъ, мнѣ было бы очень непріятно, если бы ты, моя прелесть (NB), моя несравненная красавица (sic), очутилась въ какой-то хижинѣ дяди Тома. Вокругъ тебя должно быть все хорошее, все изящное, все красивое!

— И даже купальный шкафъ?

— И даже шкафъ, потому что я хочу, чтобы ты всегда была свѣжая и здоровая (sic). Ты знаешь, я настолько не согласенъ съ Дмитріемъ Арсеньевичемъ (ея прежнимъ мужемъ), насколько онъ тяготѣетъ къ бюрократіи и къ этому противному культурному ритуалу... Конечно, это очень отсталыя и даже возмутительныя понятія, но разъ мы рѣшили приносить пользу деревнѣ, мы этимъ не отказываемся отъ благъ цивилизаціи.

Съ удивительною правдой и добрымъ, грустнымъ юморомъ идетъ далѣе описаніе жизни этой новой парочки. Сперва они счастливы. О «дѣлѣ» на нѣкоторое время, конечно, забыто; впрочемъ, небольшое «дѣло» само имъ навернулось. У Сергѣя Петровича есть работникъ—плотникъ Ѳедоръ, молодой парень, нанявшійся къ нему изъ Нижегородской губерніи. Какъ-то разъ, когда Сергѣй Петровичъ еще не сошелся съ Марьей Павловной, но уже былъ ею очарованъ, онъ ѣхалъ поздно вечеромъ съ дачи Летятиныхъ къ себѣ въ усадьбу; подъ впечатлѣніемъ своей любви и перваго поцѣлуя, онъ размякъ, а въ это время какъ разъ повстрѣчался ему этотъ самый Ѳедоръ, возвра-

щавшійся тоже со свиданья: полюбилась ему деревенская красавица, Лизутка, и онъ ей тоже. Сергѣй Петровичъ замѣтилъ, какъ они стояли за деревней, и очень ему захотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, раздѣлить свое чувство къ Марьѣ Павловнѣ. Посадилъ онъ Ѳедора къ себѣ на дрожки и пустился съ нимъ въ полу-интимныя изліянія. Впрочемъ, скоро спохватился, и даже заговорилъ строгимъ голосомъ о работахъ. Такъ вотъ теперь ему и Марьѣ Павловнѣ пришла блестящая идея «устроить счастье» Лизутки и Ѳедора.

Дѣло въ томъ, что эта женитьба встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ бытовыхъ условіяхъ крестьянской жизни. Ѳедоръ изъ другой губерніи, онъ своимъ заработкомъ содержитъ тамъ семью или, по крайней мѣрѣ, помогаетъ ей весьма значительно. Вопросъ, значитъ, чисто хозяйственный: старикъ-отецъ не согласится отдать сына за сотни верстъ, родители Лизутки, люди состоятельные, не отпустятъ дочь Богъ знаетъ куда. Интеллигентной парочкѣ, наоборотъ, видится тутъ только капризъ и деспотизмъ отцовскій. Это полное незнаніе народа, соединенное съ довольно наивнымъ желаніемъ устраивать деревенское счастье и поработать для деревни, нарисовано очень хорошо, хотя въ иныхъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ выступаетъ на сцену Сергѣй Петровичъ, есть нѣсколько утрировокъ, что нѣсколько вредитъ впечатлѣнію. Сергѣй Петровичъ является иногда ужъ черезчуръ большимъ дуракомъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ одной Марьѣ Павловнѣ, авторъ достигаетъ поразительной правды и художественной полноты. Мы не можемъ не выписать сцены, въ которой обрисовывается попытка Марьи Павловны «сблизиться съ народомъ», въ лицѣ Лизутки и ея подруги, Даши. Марья Павловна позвала ихъ къ себѣ въ гости.

— Что ты волнуешься, Магіе,—спрашивалъ Сергѣй Павловичъ,—и почему тебѣ пришла охота нарядиться сегодня въ русскій костюмъ?

— Гостей жду... Ты не угадываешь? Ахъ, какіе любопытные гости!

— Не понимаю.

Она взяла его подъ руку и провела въ маленькую комнату около своего будуара. Тамъ Сергѣй Петровичъ увидалъ большія

перемѣны: на зеркалѣ было повѣшено расшитое полотенце; вмѣсто унесенныхъ низкихъ креселъ, стояли бѣлыя скамейки изъ кухни; на столѣ, покрытомъ скатертью съ красными пѣтухами, лежали простые конфекты-леденцы, мятные пряники, помѣщался чайный приборъ, заимствованный у прислуги. Ковра тоже не было въ комнатѣ.

— Рѣшительно ничего не понимаю, — сказалъ Сергѣй Петровичъ.

— Жду къ себѣ знакомыхъ изъ деревни... хочу сближаться,— отвѣтила Марья Павловна, застѣнчиво и счастливо улыбаясь.

— Лизавету?—догадался Сергѣй Петровичъ.

— Да, и ея подругу Дашу.

Сергѣй Петровичъ засмѣялся, и т. д.

— Я для того и сама одѣлась, и здѣсь прибрала попроще, чтобы не сконфузить ихъ.

— Но о чемъ же ты будешь разговаривать съ ними? Вѣдь, это мучительно съ ними говорить! Понятія до того узки, языкъ до того бѣденъ, что просто словъ не найдешь съ ними.

— Поищу какъ-нибудь... Но, знаешь, какая прелесть эта Лиза! Мнѣ ужасно хотѣлось бы съ ней сойтись. Такая она естественная, такая простая.

— Попробуй, попрубуй,—снисходительно усмѣхаясь, сказалъ Сергѣй Петровичъ.—Я такъ думаю, что у ней обычныя качества деревенской дѣвки: невѣроятная жеманность и невѣроятная дикость.

— Но какъ же ты можешь такъ говорить о крестьянкѣ? Значитъ, по твоему, Некрасовъ сочинилъ свою Дарью, или Катерину въ «Коробейникахъ», или Матрену Тимоѳеевну въ «Кому на Руси жить хорошо»? И, наконецъ, какъ же ты такъ отзываешься о деревенскихъ людяхъ, когда самъ же всегда ратовалъ за деревню?

— О, милая моя народолюбка! Конечно, Некрасовъ далъ намъ перлы, конечно... Но оправа, оправа нужна! — и, любуясь ея взволнованнымъ лицомъ, онъ добавилъ: — Катерина — перлъ, а вотъ женушка моя—бриллiантъ въ золотой оправѣ... О, прелесть моя!—Онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ Марью Павловну и уже протянулъ было руки, чтобы обнять ее, но въ это время появилась горничная и доложила, что «пришли Лутошкинскія дѣвки».

— Просите, просите ихъ сюда,—торопливо сказала Марья Павловна.—Serge, пожалуйста, уйди, пожалуйста!—и она вытолкнула его за двери.

Дѣвки вошли, громко стуча новыми котами, шурша лощe-

нымъ ситцемъ своихъ рубахъ, блестя лакированными поясами и бусами,—вошли, пересмѣиваясь и подталкивая другъ друга, и въ замѣшательствѣ остановились у дверей.

— Здравствуйте, милыя мои гостьи! — бросилась къ нимъ, красная, какъ кумачъ, Марья Павловна, и, подумавъ мгновенно, что ей теперь дѣлать, обняла первую дѣвку, не разобравъ даже, Лизутка это, или Дарья, и поцѣловала ее куда-то въ верхнюю часть лица; съ другою дѣло обошлось благополучнѣе: она поцѣловала ее прямо въ губы.

— Ну, что, вы пришли? Вотъ и отлично. Я очень рада,— бормотала она, безъ нужды перестанавливая скамейки.—Садитесь, пожалуйста, Лиза, садитесь, Даша!

— Да мы постоимъ; ноги-то у насъ не наемныя,—сказала Дашка.

— Ахъ, какъ это можно! Развѣ гости стоятъ? Пожалуйста, пожалуйста!

— Иди, что-ль!—прошептала Лизутка, легонько подталкивая Дашку.

Та съ напускною развязаностью прошла къ скамейкѣ и рѣшительно сѣла на нее, манерно сложивъ руки на колѣнях. Лизутка помѣстилась рядомъ.

—. Дайте намъ самоваръ, скорѣй, пожалуйста! — закричала Марья Павловна, бросаясь къ дверямъ.—Вѣдь, вы, конечно, покушаете у меня чаю?... Вотъ, не угодно-ли конфектъ, печенья... Пожалуйста!

— Чего это вы заботитесь-то объ насъ? Такія-ль мы гости!

—. Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ вы это говорите?... Я ужасно рада и благодарна вамъ, что вы пришли.

— Мы вотъ загрязнимъ у васъ, ишь на насъ обряда-то какая...

— Залетѣли вороны въ высокія хоромы!—со смѣхомъ выговорила Лизутка.

— Кушайте, кушайте!—лепетала Марья Павловна, смущенная непріятнымъ для нея направленіемъ разговора, и, обращаясь къ Лизуткѣ, спросила: — Что, теперь легче вамъ? Деревенская страда уже кончается?

— Чего это? Чтой-то мнѣ, барыня, не въ домёкъ...

— Вы, я хочу сказать, теперь уже кончили свою работу?

— Какая же нонѣ работа? Нонѣ праздникъ.

— Мы по праздникамъ жиръ нагуливаемъ,—подхватила Даш-

ка.—Кабы не праздники, никакой бы лошади не хватило на нашу работу.

— Нѣтъ, я хочу сказать, жнитво уже кончилось у васъ?

— Кабыть скоро. Вотъ на вашей землѣ пшеницу кончили. Теперь на своей полоска осталась, да, говорилъ батюшка, овесъ поспѣваетъ, съ среды будемъ овесъ жать.

— Ужъ наше дѣло такое мужицкое,—вмѣшалась Дашка, протягивая руку къ пряникамъ,—перевернешься бьютъ и недоверпешься бьютъ.

— Какъ бьютъ?—въ недоумѣніи спросила Марья Павловна.

— А какъ же? Хлѣбъ не родится—тяжко, и урожаю Господь пошлетъ—тяжко. Нонѣ лѣтомъ-то смоталась совсѣмъ! Лизуткѣ-то что! Ейный отецъ татаръ еще нанимаетъ на жнитво, а у насъ все сами, все сами.

— Охъ, дѣвка, за то и хлопотъ съ этими татарами: вотъ на хлѣбъ-то они привередливы,—ну-ка испеки ему неудачливо: залопочетъ... Того гляди глотку перерветъ.

Принесли самоваръ, и хозяйка стала угощать своихъ гостей чаемъ. Но тутъ ей опять пришлось перенести много труднаго. Выпивая свои чашки, дѣвки каждый разъ опрокидывали ихъ и въ одинъ голосъ благодарили за угощеніе, — приходилось убѣждать и упрашивать безъ конца. Такимъ образомъ, все-таки онѣ выпили втроемъ почти весь самоваръ и очутились всѣ въ нотѣ: гостьи—отъ множества горячаго чая, хозяйка—отъ непрестаннаго волненія и отъ старанія, съ которымъ прілскивала въ своей головѣ подходящія слова для разговора. И, странное дѣло, Лизутка гораздо болѣе нравилась ей тамъ, въ полѣ, простоволосая, въ рубахѣ изъ грубаго холста, въ поддерганной юбкѣ, нежели здѣсь, покрытая шелковымъ платочкомъ ярко-зеленаго цвѣта, въ своей шумящей отъ каждаго движенія рубахѣ, подпоясанная лакированнымъ поясомъ и въ шерстяной малиновой юбкѣ. «Зачѣмъ она мнѣ стала «вы» говорить? — думала Марья Павловна въ промежуткахъ напряженнаго и медлительнаго разговора.— Вѣдь, какъ выходило у ней просто и мило это слово «ты»... И лицо было гораздо, гораздо умнѣе и симпатичнѣе!» Послѣ чаю она попросила ихъ спѣть что-нибудь; но съ пѣньемъ дѣло пошло еще труднѣе, чѣмъ съ чаепитіемъ: ужъ очень церемонились и робѣли дѣвки. Онѣ перешептывались, смѣялись, закрываясь платочками, мигали другъ другу, и, уже долго спустя, Дашка рѣшилась первая. Невѣроятно тонкимъ и пискливымъ голосомъ она затянула и такимъ же невѣроятно пискливымъ голосомъ подхва-

тила Лизутка. Марьѣ Павловнѣ даже стыдно стало отъ фальшивыхъ и смѣшныхъ для нея звуковъ пѣсни. То, что до сихъ поръ слышала она—и въ памятную для нея ночь провожанья Сергѣя Петровича, и въ другое время—глубоко ей нравилось и почти всегда хорошо волновало ея душу; но она никогда не слыхала деревенской пѣсни такъ близко... И, Боже мой, что это была за пѣсня! Ей попадались народныя пѣсни въ хрестоматіяхъ; кромѣ того, она восторгалась въ свое время пѣсней «Не шуми ты, мати зеленая дубровушка» въ пушкинской «Капитанской дочкѣ»; но у ней не подымалась рука записывать такую смѣшную и дикую чепуху, которую пѣли или, правильнѣе сказать, визжали дѣвки. Онѣ пѣли:

....Всѣмъ начальникамъ—Москва честь-хвала,
Да разоренная Москва до конца,—
Разорилъ Москву францецъ Паліёнъ,
Да Паліёнщикъ парень молодой, —
Нѣтъ заботушки за нимъ никакой...
Да только есть одна—Саша съ Машей,
Да бѣлалицаи и круглалицаи—
Лицо бѣло-набѣленое, щеки алы нарумянены...
Изъ конца въ конецъ всю Москву прошли,
Краше Саши своей никово-та не нашли!

Послѣ этой пѣсни Марья Павловна и упрашивать ихъ перестала: она была совершенно обезкуражена. На прощанье дѣвки разсыпались въ благодарностяхъ за угощенье.

— Къ намъ въ гости милости просимъ,—говорили онѣ, перебивая другъ друга,—ужъ мы такъ-то ради будемъ... Мы и то говоримъ промежъ себя: то-то барыня у насъ простая!... Что привѣтлива, что ласкова... Не токмо что гордиться, аль чваниться, никакого благородства въ ней нѣту...

— Какъ нѣтъ благородства?—вспыхнувъ, воскликнула Марья Павловна.

Но изъ дальнѣйшаго увидѣла, что дѣвки подъ «благородствомъ» разумѣютъ «барство», и успокоилась. То-есть она успокоилась въ значеніи этого одного слова, но все-то въ совокупности произвело на нее впечатлѣніе живѣйшей досады и тоски. Стыдясь показаться на глаза Сергѣю Петровичу и своей прислугѣ, она заперлась у себя и пластомъ пролежала до вечера. Ей досадно было на свою «глупость», на смѣшное и нелѣпое «сближеніе съ народомъ», досадно было на Лизутку, на Дарью за то, что онѣ были такъ безвкусно одѣты, выбрали такую ди-

кую пѣсню и спѣли ее такими дикими голосами, и больше всего за то, что ей было съ ними очень неловко и отяготительно. Вечеромъ, выйдя изъ своей комнаты и увидавъ въ маленькой комнатѣ около будуара все тѣ же скамейки изъ кухни, то же расшитое полотенце на зеркалѣ и на столѣ скатерть съ красными пѣтухами по угламъ, она ужасно разсердилась на прислугу и сдѣлала ей строжайшій выговоръ.

Во всей дальнѣйшей исторіи съ устраиваніемъ счастья Ѳедора и Лизы бѣдная Марья Павловна и Сергѣй Петровичъ вамъ и жалки, и милы, и досадно вамъ на нихъ; а въ тоже время комизмъ ихъ положенія, ихъ постоянныхъ попаданій въ просакъ, вѣетъ на васъ настоящею внутренней драмой, которую вы предчувствуете. Въ то время, какъ Ѳедоръ отчасти и самъ доволенъ, что женитьба его не клеится, потому что онъ отлично понимаетъ, что это дѣло неподходящее, — господамъ этого и въ голову не приходитъ. Для нихъ самихъ ихъ мимолетная любовь показалась такимъ большимъ дѣломъ, что изъ за нея разорвана прежняя семейная связь, покинутъ ребенокъ, какъ же они могутъ представить, что народъ умѣетъ лучше ихъ бороться съ чувствомъ, если оно «не подходитъ къ дѣлу». Любовь Ѳедора и Лизы является имъ въ свѣтѣ интеллигентныхъ романовъ, но только съ болѣе сильными страстями!

— Ахъ, Serge, за Ѳедора, дѣйствительно, страшно!—встревожилась Марья Павловна;—смотри, онъ ни слова не сказалъ, но видъ у него положительно трагическій. Я даже думаю, не присматривать-ли за нимъ. И пойди сейчасъ же, сейчасъ же пойди, посмотри, что съ нимъ...

Сергѣй Петровичъ поспѣшилъ выйдти, но скоро, возвратившись, сказалъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, что Ѳедоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, стругаетъ доски. Марья Павловна, однако, не успокоилась.

— О, это, вѣдь такія глубокія натуры, Serge! Помнишь, Бирюка у Тургенева, или этотъ... у Писемскаго? Тоже плотникъ!

Они рѣшаютъ помочь дѣлу во что бы то ни стало. Ранѣе Сергѣй Петровичъ писалъ письмо родителямъ Ѳедора, весьма краснорѣчивое, но, повидимому, забылъ о главномъ, о чемъ его просилъ Ѳедоръ написать,—что онъ заработокъ будетъ высылать семьѣ. На это письмо получился, конечно, отказъ, и вотъ благодѣтели деревни рѣшили по-

дарить Ѳедору, если онъ женится, 20 десятинъ превосходной земли, полагая, что ужъ противъ этого отецъ Ѳедора не устоитъ и согласится самъ переѣхать въ Самарскую губернію. Какъ они радуются, придумавъ эту новую комбинацію! Въ какомъ они восторгѣ и отъ себя самихъ и другъ отъ друга!

Марья Павловна рѣшила даже, что половину денегъ за землю она отдастъ Сергѣю Петровичу изъ своихъ, чтобы и ея доля матеріальной жертвы была въ этомъ дѣлѣ.

И растроганные до глубины души своимъ обоюднымъ великодушіемъ, они обнялись, любуясь другъ другомъ, и медленно цѣловались, забывая вспомнить о Ѳедорѣ и Лизуткѣ. Однако, вспомнили, и въ третій разъ послали за Ѳедоромъ. Онъ пришелъ на этотъ разъ сердитый и, съ непріятною грубостью въ голосѣ, спросилъ:

— Что вамъ, Сергѣй Петровичъ? Мнѣ недосугъ, надо косякъ прилаживать.

— Вотъ тебѣ барыня объявитъ,— сказалъ улыбающійся Сергѣй Петровичъ, лукаво посмотрѣвъ на Марью Павловну.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сергѣй Петровичъ скажетъ вамъ!—вскрикнула она и стремительно выбѣжала изъ комнаты.

Тогда Сергѣй Петровичъ, стараясь изгнать изъ тона своего голоса всякую горделивость своимъ поступкомъ, объяснилъ Ѳедору въ чемъ дѣло.

— И такъ, въ Ягодномъ, Ѳедоръ,—заключилъ онъ,—земля тамъ прекраеная, есть вода, лѣсокъ... Пусть ихъ переселяются. А Марья Павловна даритъ тебѣ эту землю. Я, собственно, хотѣлъ взять половинную цѣну—тридцать рублей; не правда-ли, что это очень дешево, Ѳедоръ?—и, притомъ, я еще хотѣлъ на пять лѣтъ разсрочить уплату... вѣдь, это, согласись, было бы очень хорошо, Ѳедоръ, для тебя и для твоего отца? Марья Павловна такъ добра, что даритъ тебѣ эту землю... А? какъ думаешь? Я думаю, это такъ прекрасно для тебя, что я, пожалуй, завтра же поѣду къ Ивану Петрову сватомъ... А? какъ думаешь?

— Это какъ же, Сергѣй Петровичъ, въ вѣчность, али какъ?— недоумѣвая, спросилъ Ѳедоръ.

— Ну да, да, въ самую полную вѣчность. Ты можешь ее заложить, передать по наслѣдству дѣтямъ. Однимъ словомъ, какъ хочешь. Въ полное твое распоряженіе.

Ѳедоръ подумалъ и сказалъ:

— На этомъ благодарны... Вѣчно будемъ Бога за васъ молить.

— Такъ какъ же, ѣхать сватомъ?

— Ужъ и не знаю... Значитъ теперь, чтобы старикъ переселялся сюда, въ Ягодное?

— Да, да, непремѣнно. Съ тѣмъ только и земля дается.

— Ужъ и не знаю...

— Да чего же ты не знаешь, чудакъ? Вѣдь, даровая земля, пойми ты это, съ водою, съ лѣсомъ... Чего же ты не знаешь?

— Господи, аль я ворогъ какой себѣ?... Я бы радостью радъ... вотъ родитель-то какъ вздумаетъ!

— Не дуракъ же онъ, твой родитель! Живете тамъ чортъ знаетъ на какихъ болотахъ и вдругъ—даровая земля, черноземъ!

— Это ужъ что говорить... вѣчно Бога молить за васъ и за барыню. Только вотъ пчелка у него тамъ, садишко...

— Ну, извини, Ѳедоръ, это чортъ знаетъ что такое! Пойми ты, что двадцать одна десятина чернозема!

— Какъ не понять... мы вамъ по гробъ жизни... А всежъ-таки письмо бы, Сергѣй Петровичъ, родителю...

— Отлично. Мы значитъ, будемъ съ тобой переписываться, по мѣсяцу отвѣта ждать, а Лизу тѣмъ временемъ и просватаютъ за другаго. Превосходно, Ѳедоръ!

Ѳедоръ тяжко вздохнулъ и покрутилъ головой.

— Такъ какъ же?—Сергѣй Петровичъ въ раздраженіи закурилъ папиросу и принялся большими шагами измѣрять комнату—Ну?—спросилъ онъ, останавливаясь и сердито взглядывая на молчаливаго Ѳедора.

— И ума не приложу, Сергѣй Петровичъ.

— Ты пойми, пожалуйста, вотъ какую вещь. Ну, теперь не позволяетъ тебѣ старикъ жениться—у него еще могутъ быть резоны; тѣмъ болѣе отпустить тебя въ зятья: ты одинъ работникъ, можешь не высылать денегъ и тому подобное. Но у него совершенно нѣтъ резоновъ отказываться отъ превосходной даровой земли... Ты скажи, такъ-ли я говорю?

— Это вѣрно, что онъ опасается.

— Если же онъ переселится, вѣдь, никакихъ не будетъ тогда опасеній? Ну скажи: никакихъ? Вѣдь, ты будешь съ нимъ жить, не такъ-ли?

— Ужели не съ нимъ!... Мы бы тутъ зажили вотъ какъ!.. И садикъ можно развесть, и пчелъ, и огородецъ бы завели... Только бы и заботы: Бога молить за васъ, да за барыню.

— Вотъ видишь-ли. Теперь, если мы будемъ снова писать ему объ этомъ, посуди самъ, онъ промедлитъ съ отвѣтомъ мѣсяцъ, вотъ тебѣ ужъ и сентябрь на дворѣ. А Иванъ Петровъ ждать, вѣдь, не станетъ!

— Чего ужъ ждать!—съ внезапнымъ оживленіемъ заговорилъ Ѳедоръ.—Кабы не это дѣло, онъ прямо бы за Мишаньку Арефьева ее просваталъ. Теперь узнаетъ—того гляди пропьетъ за Мишаньку.

— Можетъ, Лиза за него не пойдетъ, будетъ тебя дожидаться.

— Да, вѣдь, кто ее... Малаго тоже хаить не приходится.

— Чортъ знаетъ, какая у васъ такая любовь странная!... Ну, ты однако, подумай.

Опять написали письмо, но Ѳедоръ былъ, такъ соблазненъ землей (видно, это не то, что дѣвка), что рѣшилъ свататься еще до полученія отвѣта, если черезъ недѣлю отвѣта не будетъ. Авторъ такъ описываетъ его состояніе:

Ѳедоръ вышелъ отъ барина въ какомъ то туманѣ. Радость боролась въ немъ съ безпокойнымъ раздумьемъ. Онъ почти вслухъ убѣждалъ себя, что никакъ невозможно отказаться отъ даровой земли, что невидано и не слыхано отказываться отъ земли, и что отецъ непремѣнно согласится на переселеніе. Убѣждалъ себя почти вслухъ, потому что онъ чувствовалъ, что не совсѣмъ увѣренъ въ этомъ и ему нужно было заглушить свои сомнѣнія. И особенно тревожили его эти сомнѣнія, когда онъ вспоминалъ свое село на берегу рѣки, впадающей въ Волгу, избы, потонувшія въ садахъ, вырѣзные коньки на тесовыхъ кровляхъ, старую приходскую церковь, въ расщелинахъ которой зеленѣлъ мохъ, и широкое раздолье заливныхъ луговъ, куда онъ, бывало, ѣзжалъ въ ночное.

«Ахъ, врядъ ли согласится батюшка!...»—шепталъ, онъ ворочаясь ночью на своемъ тоненькомъ войлокѣ, и, долго спустя, прибавилъ:—«А, можетъ, Господь дастъ?...» И не было въ немъ полной радости, когда онъ останавливался на послѣдней мысли, и не было полной печали, когда останавливался на первой.

Черезъ семь дней отвѣта на письмо не получилось, и Сергѣй Петровичъ объявилъ Ѳедору, что ѣдетъ свататъ. Ѳедоръ согласился на это безъ особой рѣшимости; даже, какъ показалось Сергѣю Петровичу, съ необыкновенною вялостью и безучастіемъ. Но Сергѣй Петровичъ и Марья Павловна настолько были увлечены новою для нихъ процедурой сватовства и настолько были увѣрены, что «дѣлаютъ счастье» Ѳедора, что не обратили ника-

кого вниманія на его настроеніе, развѣ что немножечко подосадовали. Гораздо болѣе ихъ занималъ вопросъ, какъ ѣхать Сергѣю Петровичу: парадно-ли, или просто,—и послѣ долгихъ разговоровъ съ ссылками на «литературу предмета», Сергѣй Петровичъ поѣхалъ.

Поѣздка Сергѣя Петровича сватомъ, на тройкѣ, съ бубенчиками, это опять—верхъ искусства, поразительное соединеніе серьезнаго комизма съ щемящею душу грустью; дѣло въ томъ, что все время недоразумѣніе полное: Сергѣй Петровичъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ честь Ивану Петрову, являясь къ нему сватомъ, а давая 20 десятинъ земли очаровываетъ всѣхъ своимъ благодѣяніемъ, а на самомъ дѣлѣ, все время въ разговорѣ съ нимъ отца Лизы, а особенно ея матери, которая просто говоритъ ему дерзости, вы чувствуете, что старикъ-отецъ, хотя и соблазняется 20-ю десятинами, и хотя любовь къ землѣ подталкиваетъ его, какъ демонъ, дать свое согласіе, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ души онъ не доволенъ, злится на барина, взявшагося не за свое дѣло, не по обряду; тяжело ему и то, что и парня онъ не знаетъ, что, однимъ словомъ, въ жизнь мирной, честной семьи внесенъ разладъ, а главное «соблазнъ» этою землей, соблазнъ, заставляющій поступить не по своей волѣ, убѣжденію и совѣсти, а по какому-то точно бы подкупу.

Тѣмъ не менѣе, Иванъ Петровъ даетъ согласіе, а черезъ нѣсколько недѣль, въ усадьбу пріѣзжаетъ изъ Нижегородской губерніи сестра Ѳедора, вдова, съ двумя дѣтьми сиротами,—пріѣзжаетъ умолять Ѳедора не жениться на Лизѣ, такъ какъ старикъ ни за что не броситъ ни своей рѣки, ни своего садика, ни пчельника, а, между тѣмъ, безъ заработковъ Ѳедора семья должна обнищать, тѣмъ болѣе, что и эта сестра съ ребятами сидитъ на шеѣ у семьи, послѣ смерти мужа. Ея разсказъ, когда она приходитъ къ Марьѣ Павловнѣ, о томъ, какъ она много перенесла, какъ ея мужъ-пьяница при жизни своей тиранилъ ее, разсказъ о ея привязанности къ нему. не смотря на это тиранство, о его кротости и просвѣтлѣніи, когда онъ лежалъ больной передъ смертью, наконецъ, ея мольбы, обращенныя къ Марьѣ Павловнѣ, чтобы господа не соблазняли Ѳедора землей, не губили этимъ ея дѣтей, такъ какъ послѣ долгихъ лѣтъ страдальческой жизни съ мужемъ она только

было отдохнула, и теперь ей опять бѣда грозитъ,—все это до такой степени глубоко прочувствовано, что читатель понимаетъ, почему Марьи Павловна потрясена до истерики, читатель и самъ потрясенъ, онъ самъ глубоко, ясно чувствуетъ, когда эта вдова ползаетъ передъ Марьей Павловной на колѣняхъ, что добрые и душевные интеллигенты устроили, пожалуй, цѣлую трагедію, забавляясь отъ нечего дѣлать своей филантропіей. Во всякомъ случаѣ, Марья Павловна вполнѣ поняла, наконецъ, все дѣло, но Сергѣй Петровичъ, который въ это время былъ въ отъѣздѣ и узналъ всю исторію только отъ Марьи Павловны, оказался достаточно тупъ. Онъ до такой степени проникнутъ мыслью, что сдѣлалъ великое благодѣяніе, совершилъ невиданное геройство, намѣреваясь подарить эти 20 десятинъ, ему такъ тяжело отказаться отъ того, что онъ герой и благодѣтель, что онъ во всемъ обвиняетъ тупость крестьянъ:

— Каковы твои «перлы!»—говоритъ онъ Марьѣ Павловнѣ, точно онъ самъ ранѣе не восхищался вмѣстѣ съ нею мужиками.

Ѳедоръ продумалъ всю ночь, а на утро рѣшительно объявилъ, что отказывается и отъ земли, и отъ свадьбы: «Не такъ живи, какъ хочется»,—сказалъ онъ.

Но Сергѣй Петровичъ, что называется, уже вошелъ въ задоръ. Ужъ теперь въ немъ заговорило, очевидно, простое самолюбіе: «Какъ! Онъ сваталъ, и ничего не вышло!» и т. д.

Онъ во второй разъ ѣдетъ объясняться съ отцомъ Лизы, Иваномъ Петровымъ. Ему пришла новая «геніальная комбинація».

А въ это время, отецъ Лизутки уже просваталъ ее за сына своего стараго пріятеля и сосѣда, который и раньше дѣлалъ предложеніе, да баринъ помѣшалъ. Надо замѣтить, что пока длилось все это сватовство, ужъ про Лизу въ деревнѣ стали говорить неладно, ибо дѣло шло не по порядку, и, вслѣдствіе неизвѣстности о согласіи родителей Ѳедора, не дѣлалось никакихъ обычныхъ въ этомъ случаѣ оглашеній, вечеринокъ и пр. Это уже значительно скандализировало дѣвушку; когда же Ѳедоръ отказался жениться, скандалъ былъ такъ великъ, что Лиза могла навсегда остаться въ дѣвицахъ. Поэтому, понятна радость и родителей, да и самой Лизы, когда старый женихъ вновь

вернулся въ лицѣ своего отца, и вотъ тутъ-то «нелегкая», какъ говорится, опять нанесла барина-филантропа.

Но этой сцены я не могу не выписать.

— Я къ тебѣ, Иванъ, по дѣлу,—сказалъ онъ, усиливаясь преодолѣть смущеніе,—я бы желалъ переговорить съ тобой одинъ на одинъ.

— Садись, гость будешь, — сухо и не подымаясь съ мѣста сказалъ Иванъ Петровъ,—а что касающе дѣловъ—у насъ съ тобой кабыть никакихъ нѣту.

— Нѣтъ, у меня есть очень важное дѣло,—садясь на кончикъ скамейки и снова вскакивая, выговорилъ Сергѣй Петровичъ—но я просилъ бы тебя одного.

— Чтой-то баринъ, вавилоны разводишь?—съ недоумѣніемъ замѣтила Митревна.—Коли дѣло, такъ говори, а за бездѣльемъ пришелъ—нечего и время тянуть напрасно.

— Эхъ, кума,—вмѣшался Степанъ Арефьевъ, (отецъ новаго жениха)—какъ его отличишь... дѣло-то отъ бездѣлья. По мужицкому-то выходитъ—оно плевка хорошаго не стоитъ, а баринъ разберетъ, глядишь, и за дѣло ему покажется. Народъ, вѣдь, тонкій!

— Ты, кажется, вздумалъ мнѣ дерзости говорить?—вспыхнувъ, вскрикнулъ Сергѣй Петровичъ,—только я тебя, братецъ, и знать-то не хочу! Какъ ты смѣешь со мной такъ обращаться?

— Ну, это ты оставь, баринъ,—подымаясь, сказалъ Иванъ Петровъ,—коли говорить, такъ говори, а надъ кумомъ тебѣ поношаться не приходится.

— Пусть его, кумъ Иванъ!—добродушнѣйшимъ голосомъ проговорилъ Арефьевъ.—Ино, вѣдь, и пужало на огородѣ страшно... издали страшно, а поглядишь вблизи—та же рваная шуба. Пущай его!

— Ты, Иванъ, позволяешь оскорблять меня въ своемъ домѣ,—дрожащимъ отъ негодованія и стыда голосомъ сказалъ Сергѣй Петровичъ,—но это все равно, я не намѣренъ обращать вниманія на этого грубіяна. Я тебѣ дѣлаю послѣднее предложеніе. Ты, вѣроятно, слышалъ, что Ѳедоръ не можетъ жениться на твоей дочери...

— Не нуждаемся, не нуждаемся... Расшиби тебя родимецъ съ твоимъ сватовствомъ!—вдругъ неистовымъ голосомъ закричала Митревна, бросаясь съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ къ Сергѣю Петровичу. Степанъ Арефьевъ удержалъ ее.

— Но если ты согласишься выдать Лизу безъ всякихъ усло-

вій, то-есть отдать ее въ Нижегородскую губернію, я тебѣ, тебѣ лично, дарю землю,—торопливо докончилъ Сергѣй Петровичъ.

— Эй, кумъ, рой къ тебѣ прилетѣлъ—огребай!—закричалъ Арефьевъ.

И вдругъ Сергѣй Петровичъ къ своему неописанному ужасу, почувствовалъ что твердая рука Ивана просунулась подъ его руку, и что онъ, Сергѣй Петровичъ, направляется этою твердою, какъ шестъ, рукой прямехонько къ двери. Всякое сознаніе въ немъ потухло; пропали куда-то и бѣшенство, и стыдъ. Онъ видѣлъ въ странной близости отъ себя коривые пальцы Ивана, охватившіе его около локтя, видѣлъ рукавъ рубахи изъ грубаго холста и даже дегтярное пятно на рукавѣ, слышалъ, какъ вслѣдъ ему говорилъ кто-то: «Ступай-ка, баринъ, по добру, по здорову; въ чужія дѣла не вламывайся!»—но понимать это онъ рѣшительно не могъ. Только очутившись на улицѣ, онъ нѣсколько пришелъ въ себя и, прежде всего, съ испугомъ осмотрѣлся; къ счастью, улица была пуста; Никодимъ за нѣсколько дворовъ отъ Сергѣя Петровича проѣзжалъ не стоявшую на мѣстѣ лошадь.

— Никодимка!—заревѣлъ Сергѣй Петровичъ и, усѣвшись на дрожки, изо всей мочи передернулъ удилами лошадь.

Лошадь помчалась. Въ нѣсколько минутъ долетѣли они до хутора и когда остановились у подъѣзда, изо рта лошади вмѣстѣ съ пѣною падала кровь и она тяжело носила боками. Сергѣй Петровичъ бросилъ Никодиму возжи, не оглядываясь на него, взбѣжалъ на крыльцо и въ передней, столкнулся съ горничной.

— Чортъ, чортъ!—закричалъ онъ въ неописанной ярости,—суетесь все, мерзавцы!... Что?... Молчать! Вонъ!

Марья Павловна выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Serge, Serge!—вскрикнула она, съ испугомъ всматриваясь въ его изступленное лицо.

— Молчать!—не помня себя, крикнулъ на нее Сергѣй Петровичъ,—филантррропы!—и бѣгомъ бросился въ свой кабинетъ.

Марья Павловна побѣжала за нимъ, видѣла, какъ онъ упалъ на диванъ, побѣжала что есть силы назадъ за водой, и когда возвратилась, Сергѣй Петровичъ, вздрагивая ногами и невнятно мыча, катался по широкому дивану. Припадокъ необыкновенной ярости скоро прошелъ, однако; нѣсколько спустя, Сергѣй Петровичъ уже говорилъ разслабленнымъ голосомъ, какъ его оскорбили «эти каналья», какъ вывели подъ руки на улицу и какъ онъ ненавидитъ ихъ, этихъ идіотовъ, подлецовъ, холоповъ...

Марья Павловна печально слушала, не говоря ни слова.

Конечно, послѣ всего этого, новыхъ попытокъ «служить деревнѣ» не было. Наступила осень. Гулять нельзя. Тоска. Говорить не о чемъ. Разговоры больше шли о недостаткахъ кухарки, о томъ, что она не умѣетъ готовить «Бёфъ-Строгановъ»; это ворчалъ Сергѣй Петровичъ. Пріѣзжали сосѣди и даже пробовали винтить. Но уже это было явное безобразіе, конецъ концовъ. Была еще попытка читать Маркса, но на первыхъ же шагахъ у него, какъ извѣстно, встрѣчается діалектическій методъ изложенія. Марья Павловна попросила Serge'a объяснить, что такое гегелевская тріада, онъ что-то пробормоталъ насчетъ того, что это, молъ, въ родѣ вотъ трехъ періодовъ О. Конта. Такъ и бросили Маркса.

Надо полагать, не легко было на душѣ у Марьи Павловны. Ея кумиръ, очевидно, рекомендовалъ ей и Маркса-то по слухамъ. Она начинаетъ хворать. Исходъ нашелъ Сергѣй Петровичъ въ томъ, что, узнавъ изъ газетъ о пріѣздѣ въ Москву какой-то оперной знаменитости, предложилъ перебраться туда на зимніи сезонъ. Описанія переѣзда до желѣзно-дорожной станціи и потомъ въ вагонѣ,— думы Марьи Павловны, ея тоска,—сдѣланы глубоко и превосходно.

А въ то время, какъ неумѣлые интеллигенты бѣжали въ Москву, по словамъ автора, деревенскіе ребята собрались къ одной слѣпой старухѣ на краю деревни. Эта старуха славилась своими сказками. Авторъ приводитъ образецъ сказки, вопіющей по своей нелѣпости. Она же даетъ дѣтямъ отвѣты на ихъ вопросы, касающіеся міра и природы, сообщаетъ дикія нелѣпости объ ужахъ и змѣяхъ... И вотъ, передъ людьми было тутъ живое, настоящее дѣло! Но... о школѣ было забыто ими въ припадкахъ филантропической сантиментальности и они бѣжали отъ этихъ несчастныхъ дѣтей, тонущихъ во тьмѣ нелѣпыхъ разсказовъ... бѣжали, куда же? Слушать оперната пѣвца за сотни верстъ.

## III.

Теперь передъ вами всѣ существенныя части повѣсти. Изъ передачи содержанія и изъ отдѣльныхъ сценъ, выписанныхъ нами, вы можете судить, что она принадлежитъ къ

числу идейно-художественныхъ произведеній нашей классификаціи. Идея повѣсти, очевидно, та, что условія народной жизни настолько разнятся отъ условій жизни интеллигенціи, что создаютъ на каждомъ шагу печальныя недоразумѣнія съ ихъ стороны въ самыхъ простыхъ дѣлахъ и при самыхъ добрыхъ желаніяхъ интеллигентовъ. Но никакъ нельзя сказать, чтобы только одна эта идея и составляла всю суть повѣсти: нѣтъ, въ предѣлахъ этой идеи, авторъ даетъ столько жизненнаго матеріала, что онъ выдвигаетъ передъ вами цѣлый рядъ другихъ идей, отчасти связанныхъ съ первою идеей, отчасти болѣе широкихъ. И вопервыхъ, на этомъ, повидимому, небольшомъ уголкѣ жизни, вы успѣваете понять, въ чемъ лежитъ самый корень раздичій жизни интеллигенціи и жизни народа. Жизнь народа требуетъ личнаго труда, стоитъ въ зависимости отъ этого труда, а потому человѣкъ является болѣе способнымъ владѣть собою, обуздывать свои мимолетныя желанія и страсти въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сталкиваются съ болѣе глубокими интересами. Такъ, въ этомъ Ѳедорѣ, прежде всего, выясняется эта способность самоконтроля, въ виду семейной обязанности. Совсѣмъ обратное мы видимъ въ жизни интеллигенціи: здѣсь, наоборотъ, малѣйшее желаніе, вслѣдствіе полной обезпеченности и досуга, обращается въ страсть, заполняетъ собою всю душу, и люди не только не хотятъ, но и не могутъ боротся съ нимъ. Отъ этого все міросозерцаніе и всѣ его моральныя послѣдствія иныя. Міросозерцаніе интеллигента само собою клонится къ тому реализму Летятиныхъ, который, хотя и признаетъ въ мірѣ господство законовъ, и видитъ въ человѣкѣ только машину, но въ то же время считаетъ эту машину живущей только для себя и саму по себѣ. Собственно говоря, противорѣчіе самое дикое, ибо разъ человѣкъ—машина, то онъ самъ по себѣ ничто, а весь зависитъ отъ тѣхъ ремней и пружинъ, которые его двигаютъ; слѣдовательно, весь долженъ бы жить по командѣ окружающихъ. Однако, такое противорѣчіе уживается и, это потому, что экономическая независимость интеллигента отъ труда, его условій и природы, преувеличиваетъ въ его глазахъ его самостоятельность, его свободу отъ законовъ жизни и отъ другихъ людей. Только такіе факты,какой случился въ семейной жизни Летя-

тина, могли бы его образумить, но и тутъ онъ задумывается надъ нимъ недолго, ибо жизнь со своими хитроумными приспособленіями для всевозможныхъ чувственныхъ удовольствій, не даетъ ему глубоко задуматься или хорошенько прочувствовать свое положеніе. Иное дѣло—жизнь крестьянина. Она тоже не даетъ много задумываться надъ законами жизни и взаимною зависимостью отдѣльныхъ жизней, но она такъ больно бьетъ за каждое нарушеніе соціальнаго закона, взаимныя отношенія труда такъ наглядны, напримѣръ, зависимость жизни въ семьѣ Ѳедора отъ его труда и женитьбы такъ очевидна, что эгоистическое міросозерцаніе самою жизнью вытѣсняется изъ обихода. Законы жизни ежеминутно напоминаютъ о себѣ для всякаго, кто остается въ сферѣ трудовой жизни, а не выдѣлился, напримѣръ, въ группу міроѣдовъ и кулаковъ, представляющихъ уже жалкую пародію на интеллигентное міросозерцаніе, съ тою только разницей, что у высшей интеллигенціи недостатокъ очевидности повелительнаго закона жизни замѣняется теоретическимъ, головнымъ знаніемъ этого закона изъ исторіи, психологіи, соціальныхъ наукъ, литературы, а у кулака нѣтъ и этого. Вотъ это «головное» знаніе закона жизни, требующее, чтобы человѣкъ работалъ для другихъ, задѣло отчасти и Сергѣя Петровича. У Марьи Павловны этотъ законъ сказался прямо въ сердцѣ пустотой и ничтожествомъ жизни. выбитой изъ ея естественныхъ условій труда для другихъ. Такимъ образомъ, альтрюизмъ интеллигенціи и альтрюизмъ народа суть два явленія почти несоизмѣримыя, вытекающія изъ весьма различныхъ психическихъ мотивовъ, хотя коренящіяся въ одномъ и томъ же законѣ жизни. Крестьянинъ принуждается къ альтрюизму самою житейскою необходимостью, принявшею форму народныхъ обычаевъ, народной морали. У интеллигента онъ вызывается или головнымъ соображеніемъ, или сердечною тоской, скукой и пустотой неестественной жизни. Отъ этого мужикъ не рисуется своимъ подвигомъ и не думаетъ даже, что это подвигъ, интеллигентъ же носится съ каждымъ своимъ добрымъ чувствомъ, а ужъ тѣмъ болѣе съ каждымъ альтрюистическимъ намѣреніемъ и дѣйствіемъ, какъ съ писанною торбой, любуется и восхищается собою, требуетъ поклоненія, удивленія, любви, и, конечно, не видя ее,

напримѣръ, со стороны крестьянъ, возмущается и озлобляется. Почему же крестьяне не восхищаются такимъ альтрюизмомъ? Неужели они его не понимаютъ? Конечно, они его отлично понимаютъ, ибо понять чувства Сергѣя Петровича имъ довольно легко, по крайней мѣрѣ, эту тщеславную, самоуслаждающуюся сторону этихъ чувствъ. Но, въ то же время, крестьянинъ отлично видитъ, что вся эта филантропія вовсе не то, что его собственныя жертвы для другихъ: у него это просто дѣловые, необходимые поступки, у барина они не вызваны прямою необходимостью, кромѣ скуки и бездѣлья, обусловленныхъ его исключительнымъ внѣ-трудовымъ положеніемъ. Крестьянинъ не можетъ благоговѣть передъ этимъ, какъ не можемъ мы благоговѣть передъ человѣкомъ, который наставилъ бы у себя столько кушаній, что объѣлся, заболѣлъ и все же осталось, и вотъ онъ на другой день, чувствуя отвращеніе къ ѣдѣ, подѣлился съ кѣмъ-нибудь ея ничтожною частью, и за это считалъ бы себя благодѣтелемъ.

Но если мужикъ довольно хорошо понимаетъ интеллигента, хотя и не былъ въ его кожѣ, то, наоборотъ, интеллегенту почти невозможно понимать мужика, не побывавши въ его лямкѣ, какъ нельзя понять зубной боли или боли раненаго мѣста, или ощущеній роженицы, никогда не испытавъ этихъ физическихъ состояній или чего-нибудь подходящаго. Восполненіемъ этого непониманія можетъ служить литература, но только идейно-объективная литература, мы же такую литературу о народѣ собственно начали имѣть лишь въ послѣдніе годы. Прежняя литература о народѣ была тенденціозна, а о значеніи такой литературы мы уже говорили. Даже расхваливая народъ, она дѣлала ему вредъ тѣмъ, что порождала разочарованіе при реальномъ столкновеніи съ нимъ. Это и случилось съ нашими героями, воспитавшимися на «Запискахъ Охотника», Некрасовѣ и пр. Мы вовсе не хотимъ унижать этихъ вполнѣ великихъ писателей. Они сдѣлали великое дѣло—помогли освобожденію народа, возбудивъ къ нему временной энтузіазмъ общества. Мы уже сказали ранѣе, что тенденціозная литература имѣетъ то достоинство, что моментально она дѣйствуетъ сильнѣе идейно-объективной, но затѣмъ она влечетъ разочарованіе. Поэтому, она

весьма полезна въ моменты, когда требуется великій энтузіазмъ, когда же наступаетъ будничное дѣло—нужна вторая; она теперь и явилась постепенно на смѣну тенденціозной беллетристики. Теперь передъ нами остается послѣдній вопросъ: почему же интеллигенція не только является неумѣлою (это теперь уже понятно), но даже и неспособною серьезно приняться за дѣло, отдаться ему? Отчего, напр., Марія Павловна не отдалась сполна крестьянскимъ дѣтямъ, оставивъ ихъ безобразнымъ проповѣдямъ слѣпой старухи? Причина этого, кромѣ вышеизложенной, лежитъ, конечно, въ самой морали интеллигенціи, о которой тоже упоминалось. Возня съ ребятами требуетъ труда, упорства, не даетъ быстраго и привычнаго удовольствія интеллигентной среды, требуетъ отрѣшенія отъ жизни города, съ его операми, гостиными, кружкомъ симпатичныхъ знакомыхъ и пр. Тому, кто подготовляется въ альтрюизмъ одними теоретическими вѣяніями, у кого жизнь никогда не развивала привычки къ суровому труду и самопожертвованію, такой незамѣтный трудъ рѣдко можетъ замѣнить головокружительное убиваніе жизни въ городѣ. На это скорѣе способна Марья Павловна, почувствовавшая сердцемъ пустоту «той» жизни и бѣгущая отъ нея. Она, быть можетъ, еще и придетъ въ деревню и станетъ настоящею труженицей въ народѣ, какихъ теперь уже начинаетъ появляться не мало. И она, дѣйствительно, найдетъ счастье. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто въ нашемъ же журналѣ ознакомится съ «Дневникомъ сельской учительницы», дневникомъ не сочиненнымъ, а подлиннымъ. Каждый, кто прочтетъ этотъ дневникъ, пойметъ, что такія труженицы, отдавшіяся дѣлу по глубокому внутреннему, сердечному сознанію пустоты и ничтожества прежней жизни, получаютъ отъ своей работы высочайшее и самое чистое благо, котораго не способны ослабить ни матеріальныя лишенія, ни холодъ, ни голодъ, ни даже несправедливыя нареканія и гоненія.

**Л. Оболенскій.**

# НАУЧНЫЕ РЕФЕРАТЫ.

## Сколько питательнаго матеріала заключается въ пищѣ русскаго крестьянина.

Квасные патріоты, а въ послѣднее время, и люди горячо преданные народу, но, въ силу этого, ставшіе въ черезчуръ одностороннее враждебное отношеніе къ наукѣ, и потому выставляющіе идеальнымъ образцомъ все, что встрѣчаютъ въ жизни народа, должны крайне разочароваться. Въ жизни народа далеко не все такъ разумно, какъ имъ кажется. И прежде всего, по точнымъ и безпристрастнымъ изслѣдованіямъ науки оказывается, что питаніе народа, этотъ основной факторъ возстановленія силъ и для работы, и для продолженія потомства, и для умственной дѣятельности, и для нравственнаго развитія,—такъ вотъ этотъ-то величайшій факторъ у народа пришелъ въ совершенную негодность. Земскій врачъ г. Богдановъ [1]), опредѣляя весь годовой приходъ продуктовъ сельскаго хозяйства и скотоводства у 60 крестьянскихъ семей, дѣлаетъ интересную попытку изслѣдовать питаніе нашихъ крестьянъ. Пока свѣдѣнія собраны имъ только по Кирсановскому уѣзду, и, конечно, выводы г. Богданова не могутъ распространяться безусловно на всю Россію, но приблизительно условія крестьянской жизни вездѣ болѣе или менѣе однородны. Впрочемъ, желательно, чтобы и для другихъ мѣстъ было обращено вниманіе на эту основную сторону жизни народа. Желательно, чтобы наши газеты подняли этотъ вопросъ и дали ему наибольшее распространеніе, какъ среди врачей, могущихъ сдѣлать требуемыя изслѣдованія, такъ и въ высшихъ сферахъ, которыя могутъ воздѣйствовать на жизнь народа,—въ смыслѣ улучшающемъ опасное по-

[1]) Напечатано въ № 19 «Медицинскаго Обозрѣнія», перепечатано въ № 42 медицинской газеты «Врачъ», издаваемой однимъ изъ выдающихся нашихъ ученыхъ, профессоромъ А. Манассеиномъ.

ложеніе дѣла,—при посредствѣ духовенства, школьныхъ учителей, представителей сельской и уѣздной администраціи, а также, и это, вѣроятно, всего важнѣе, путемъ экономическихъ улучшеній народнаго хозяйства, о необходимости чего такъ много говорилось и говорится и въ литературѣ, и въ тѣхъ же высшихъ сферахъ. Вотъ факты.

«Исключая грудныхъ дѣтей, питавшихся на счетъ матерей, 60 семействъ, изслѣдованныхъ г. Богдановымъ, имѣли на лицо: 132 взрослыхъ мужчины, 162 женщины и 156 дѣтей отъ $1^1/_2$ до 15 лѣтъ. Чтобы имѣть величины для сравненія, г. Богдановъ, руководясь числами, опредѣленными Фойтомъ (Voit), Кёнигомъ (König) и др., вычислилъ среднее необходимое, т.-е. нормальное довольствіе для семьи изъ трехъ лицъ: работника, работницы и ребенка отъ $1^1/_2$ до 15 лѣтъ. Такое довольствіе должно состоять изъ 116 грам. бѣлка, 57 грам. жировъ, 447 грам. углеводовъ и 29 грам. солей. Опредѣляя затѣмъ въ годовомъ продовольствіи крестьянъ количество бѣлковъ, жировъ, углеводовъ и солей, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ и дѣйствительное среднее крестьянское довольствіе. Оказалось, что оно содержитъ только 95 грам. бѣлковъ, 36 грам. жировъ, 620 грам. углеводовъ и 57 грам. солей. Слѣдовательно, среднее довольствіе нашего крестьянина не только ниже средняго нормальнаго довольствія, но даже во многомъ уступаетъ карательной діэтѣ англійскихъ тюремъ. Если же въ полученныя числа внести еще поправку, состоящую въ томъ, что та форма пищи, въ какой принимаетъ крестьянинъ эти питательные матеріалы—плохо усвояетъ ихъ организму,—то дѣйствительное довольствіе крестьянъ понизится еще больше.

Читателямъ извѣстно, что изъ принятой пищи можно вычислить то количество энергіи, которое она можетъ развить (или освободить изъ себя) въ организмѣ, ибо энергія химическихъ вещей извѣстна съ полною точностью. Узнавъ же энергію, освобождаемую химическими веществами, мы узнаемъ и ту работу, которую можетъ выполнить эта энергія, ибо энергія именно и измѣряется работой, за единицу которой принимается поднятіе извѣстной тяжести, напримѣръ, пуда или килограмма, на опредѣленную высоту, напримѣръ на футъ (пудо-футъ) или метръ (килограммо-метръ). Этими единицами работы измѣряется затѣмъ всякая работа, какъ человѣческая, такъ работа животныхъ, машинъ, химическихъ процессовъ и проч. Такъ вотъ, зная питательныя вещества, которыя введены въ организмъ, и зная изъ

физіологіи, что силы (или энергія, т.-е. способность производить работу) въ организмѣ развиваются отъ окисленія этихъ веществъ въ организмѣ, легко вычислить ту энергію, которую освободитъ такое окисленіе, ибо количество энергіи, освобождаемой веществами при окисленіи, точнѣйшимъ образомъ опредѣлено химіей. Какую же энергію, а стало быть и работу способны освободить въ организмѣ тѣ вещества, которыя воспринимаетъ крестьянинъ? При этомъ надо замѣтить, что вычисленіе ведется на maximum, т.-е. предполагается, что вещества окислятся всѣ сполна, т.-е. что усвоеніе ихъ организмомъ идеально-совершенное. Оказывается, что даже при такомъ вычисленіи, нашъ крестьянинъ можетъ выполнить въ сутки только семьдесятъ восемь сотыхъ работы настоящаго работника или, что одно и то же, можетъ хорошо работать только въ теченіи 5½ часовъ. Если же, на самомъ дѣлѣ, работникъ бываетъ вынужденъ превратить въ работу гораздо большую сумму энергіи, то, само собою разумѣется, онъ почерпаетъ эту энергію уже изъ расходованія собственныхъ тканей организма, которыя, не пополняясь приходомъ, мало по малу должны привести организмъ къ полной несостоятельности. Неудивительно поэтому, что заболѣваемость среди крестьянъ Кирсановскаго уѣзда достигаетъ 120 проц., а смертность 40 и даже 49 проц. («Медиц. Обозр.» № 17. «Врачъ» № 42). Л.

---

## Два модныхъ яда: морфинъ и эфиръ.

Въ началѣ настоящаго года въ Парижѣ вышла книга, подъ заглавіемъ: Les maladies épidémiques de l'esprit. Sorcellerie, magnétisme, morphinisme, délire des grandeurs. Par le D-r. Paul Regnard, professeur de physiologie général à l'Institut national agronomique, etcet.

Эта книга, прекрасно изданная и составляющая объемистый томъ въ 429 страницъ, представляетъ собою рядъ публичныхъ популярныхъ лекцій, которыя были читаны докторомъ Реньяромъ въ Сорбоннѣ, въ періодъ времени отъ 5 марта 1881 по 10 апрѣля 1886 года. Книга читается съ большимъ интересомъ. Она освѣщаетъ собою темныя стороны человѣческаго духа на пространствѣ пяти вѣковъ и раздѣляется на слѣдующія 5 главъ: 1) Quinzième, seizième et dix-septième siècle: Les sorciéres. 2) Dix-huitième siècle: Les miracles de Saint-Médard. 3) Dix-huitième et dix-neuviéme siècle: Sommeil et somnambulisme. 4) Dix-neuvième siècle: Deux

poïsons à la mode: la morphine et l'éther. 5) Dix-neuvième siècle: Le délire des grandeurs.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, между прочимъ: «Я предпринялъ этотъ трудъ о душевныхъ общественныхъ болѣзняхъ по желанію почтеннаго декана парижскаго факультета А. Мильнъ-Эдвардса, который просилъ меня познакомить публику съ новѣйшими открытіями въ области нервной патологіи. Я знаю, что трудъ мой не полонъ: чтобы обладать полнотой, онъ долженъ бы заключать въ себѣ исторію всѣхъ народовъ. Но изъ массы душевныхъ эпидемическихъ болѣзней я выбралъ только характеристическія для каждой эпохи. О нѣкоторыхъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ (напримѣръ, алкоголизмъ), я умолчалъ вовсе».

Желая познакомить и русскую публику, хотя нѣсколько, съ этою интересною книгой, мы представляемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи четвертую главу ея. Содержаніе этой главы можетъ послужить предостереженіемъ для многихъ, которые могли бы подвергнуться гибельному увлеченію модными ядами,—увлеченію, которое рождается отъ желанія доставить себѣ пользу или удовольствіе.

—

Въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, въ водѣ, которую мы пьемъ, микроскопъ открываетъ милліарды непримиримыхъ враговъ человѣка. Ихъ узнаютъ въ такихъ болѣзняхъ, какъ холера, дифтеритъ, тифъ; эти и другія подобныя болѣзни производятъ настоящія опустошенія въ нашихъ рядахъ. Съ другой стороны, человѣческій геній изощряется въ изобрѣтеніи самыхъ разнообразныхъ средствъ къ истребленію своего рода. Для этого онъ предлагаетъ торпеды, митральезы, магазинныя ружья... Но и этого еще мало. Среди насъ, въ нашихъ семьяхъ, есть люди, которые преспокойно, ради собственнаго удовольствія, ради моды, отравляютъ себя. Это—морфиноманы, которые не разъ уже во Франціи фигурировали въ качествѣ уголовныхъ преступниковъ на скамьяхъ подсудимыхъ. Въ Англіи къ этому разряду нужно присоединить еще поклонниковъ эфира. Это тоже родъ алкоголиковъ,—усовершенствованные пьянчужки, такъ же какъ морфиноманы, составляютъ дальнѣйшее развитіе восточныхъ теріаковъ и китайскихъ любителей опіума.

Опій есть засохшій сокъ, получаемый надрѣзываніемъ незрѣлыхъ головокъ мака. Онъ содержитъ цѣлый рядъ алкалоидовъ,

или ядовъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительные въ медицинѣ суть: морфій, кодеинъ, тебаинъ, папаверинъ.

Правовѣрный турокъ ищетъ въ опіумѣ опьяненія, самозабвенія. Турокъ-либералъ съ большимъ удовольствіемъ находитъ то же въ шампанскомъ, въ бордо, въ водкѣ, которую не запретилъ даже Магометъ (потому что въ его время водки-то и не было).

Пріемъ опіума дѣлается въ 5—6 гранъ въ пилюляхъ, особенно послѣ обѣда, когда начинается пищевареніе. Послѣдствіе такого пріема—особенное возбужденіе умственныхъ и физическихъ силъ. Вялый восточный человѣкъ, принявши дозу опіума, оживляется, дѣлается бодрымъ, подвижнымъ, раздражительныхъ, бранчивымъ. Турки не ограничиваются тѣмъ, что сами принимаютъ опіумъ, они даютъ его даже своему коню, во время путешествія, чтобы ободрить его, придать ему силы послѣ утомленія.

Къ сожалѣнію, дозы опіума должны постепенно усиливаться, чтобы держать человѣка постоянно въ состояніи искуственнаго опьяненія и бодрости. Тогда наступаетъ второй періодъ опіофагіи—одуреніе, отупѣніе.

Дѣйствія опійнаго опьяненія весьма различны, смотря по возрасту и по субъекту. Молодые люди дѣлаются веселѣе и живѣе, чѣмъ обыкновенно; они начинаютъ пѣть и смѣяться. Люди военные вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, обнажаютъ сабли и готовы отразить всякое нападеніе. Люди болѣе пожилые впадаютъ въ состояніе сонливости и отупѣнія. Они видятъ, слышатъ, но неспособны двигаться.

Въ Стамбулѣ есть кабачки, спеціально назначенные для опіофаговъ изъ низшаго класса. Размѣстившись по голымъ лавкамъ, расположеннымъ около трехъ стѣнъ кабачка, они въ полусвѣтѣ предаются своимъ мрачнымъ занятіямъ. Тутъ видишь головы разныхъ типовъ, убранныя разноцвѣтными тюрбанами, съ глазами болѣе или менѣе закрытыми, смотря по степени опьяненія. Эти головы въ разныхъ позахъ: то откинуты назадъ, на стѣну, то на плечо сосѣда, то упадаютъ всею тяжестью на грудь, то мѣрно раскачиваются въ вертикальномъ или горизонтальномъ направленіи, то покоятся на рукахъ, опирающихся локтями въ колѣни, съ открытымъ, слюнящимся ртомъ. Гортанные звуки при всхрапываніи нарушаютъ спокойствіе этой мрачной картины живыхъ полумертвецовъ...

Но не вездѣ ѣдятъ опій: на дальнемъ Востокѣ, напр., въ Китаѣ, его курятъ. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ употребленіе опія было привиллегіей только мандариновъ; прочимъ

жителямъ поднебесной имперіи оно было запрещено. Но мало по малу употребленіе опія распространилось, и съ 1840 г. злоупотребленіе имъ достигло крайнихъ предѣловъ.

Этому содѣйствовала, главнымъ образомъ, Англія. Получая изъ своихъ индійскихъ владѣній огромное количество опія, изъ коммерческихъ разсчетовъ, она принудила Китай покупать у нея этотъ продуктъ. Торговля опіемъ приняла здѣсь огромные размѣры. Теперь англичане отправляютъ въ Китай ежегодно до 70 милліоновъ ящиковъ опія, стоимостью по крайней мѣрѣ въ 300 милліоновъ франковъ.

Опійное куреніе производитъ головокруженіе; тревоги душевныя и болѣзни тѣлесныя въ этомъ состояніи забываются, затѣмъ наступаетъ родъ буйнаго помѣшательства. Если такому субъекту удается выбѣжать изъ дома, онъ бросается на перваго встрѣчнаго и можетъ убить его.

Въ Китаѣ также есть особыя заведенія, гдѣ простой народъ предается куренію опія. Хозяева этихъ заведеній, въ предупрежденіе столкновеній, буйныхъ курителей связываютъ; въ другихъ мѣстахъ опійныхъ пьяницъ запираютъ хозяева заведеній въ помѣщеніе въ родѣ подваловъ или погребовъ. Тамъ они остаются безъ всякаго наблюденія, и могутъ кричать, бурлить, драться сколько угодно, не привлекая вниманія полиціи. Нерѣдко по утру въ этихъ притонахъ находили по нѣскольку труповъ.

Куритель опія, такъ же, какъ и ѣдокъ его, обыкновенно быстро увеличиваетъ пріемы этого яда. Черезъ 6—8 мѣсяцевъ онъ доходитъ уже трубокъ до 10 въ день. Всѣ средства его уходятъ на это развлеченіе; въ годъ онъ уже раззоренъ въ конецъ.

Кромѣ умственнаго отупѣнія, курильщикъ опія представляетъ собой особу съ характеристическими признаками полнаго худосочія. Аппетита у него нѣтъ, всѣ отправленія пріостановлены, цвѣтъ лица блѣдно-свинцовый, и тѣло до того исхудало, что представляетъ скелетъ, обтянутый кожей.

Распространенію такого зла китайское правительство старалось противодѣйствовать разными мѣрами. Сначала увеличенъ былъ налогъ на ввозъ опіума. Но это не повело ни къ чему, кромѣ того, что распространилась контрабандная продажа опія, обогатившая однихъ взяточниковъ-чиновниковъ... Потомъ въ Китаѣ прибѣгли къ смертнымъ казнямъ за употребленіе опія. Но эта мѣра, по своей жестокости, оказалась трудно примѣнимою. Китайскій императоръ вскорѣ убѣдился, что даже его жены курятъ опій... Пробовали потомъ мѣры нравственнаго убѣжденія.

Въ народѣ стали распространять картины, изображающія бѣдственное положеніе, до котораго доходитъ самъ и доводитъ свою семью человѣкъ, преданный страшному пороку—куренія опія; какъ изъ богача, здороваго и почтеннаго человѣка мало по малу онъ дѣлается нищимъ, больнымъ, презираемымъ существомъ; какъ онъ губитъ всю свою семью, или, что еще хуже, какъ, впадая въ буйное помѣшательство, онъ бьетъ, ломаетъ, уничтожаетъ все его окружающее.

Въ современной Европѣ братьями потребителей опія нужно считать морфиномановъ.

Между тѣми и другими разница почти та же, что между варварами и образованными. Тогда какъ житель Востока употребляетъ опіумъ почти въ томъ видѣ, какъ находитъ его въ природѣ, утонченный европеецъ ищетъ въ немъ того, что сильнѣе дѣйствуетъ, какъ отрава. Изъ дѣйствующихъ началъ опія морфій въ особенности служитъ средствомъ хронической отравы...

Какъ же возникаетъ морфиноманія? Двумя путями.

Самый обыкновенный—слѣдующій. Больному человѣку нужно прекратить тяжелое ощущеніе сильныхъ нервныхъ болей въ зубахъ, въ лицѣ, въ желудкѣ, или въ головѣ. Для прекращенія страданій, медицина рекомендуетъ дѣлать подъ кожу больнаго впрыскиваніе морфіемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ особенно чувствуется боль. Эффектъ получается поразительный. Боль мгновенно прекращается, но не на долго. Завтра она появляется снова, и паціентъ опять требуетъ того же лекарства. Послѣ завтра тоже, и т. д. Въ концѣ концевъ, получается привычка къ яду, потребность его.

Происходитъ удивительное явленіе: первоначальная болѣзнь, вызвавшая леченіе, давно уже изчезла, между тѣмъ, несчастный больной не можетъ отстать отъ морфія. Если онъ не приметъ его нѣсколько дней, то о морфіи напомнятъ ему такія боли, что онъ забываетъ все: только бы принять цѣлительное средство. Притомъ, дозы морфія увеличиваются, пока не достигнутъ громадныхъ размѣровъ.

Надобно сказать, что увлеченію морфіемъ содѣйствуетъ иногда снисходительность медиковъ. Сначала, когда нужно сдѣлать въ день одно впрыскиваніе, они дѣлаютъ эту легкую операцію сами; потомъ, когда требуется повторять то же самое въ день нѣсколько разъ, они поручаютъ дѣлать впрыскиваніе роднымъ или близкимъ людямъ. Тогда все потеряно. Больной требуетъ морфія, умоляетъ; онъ томится, страдаетъ, и вотъ, дозы учащаются и

увеличиваются. Наконецъ, пузырекъ съ морфіемъ и шприцъ въ одинъ прекрасный день попадаются въ руки самого больного. Тогда-то онъ, съ ненасытимостью страсти, начинаетъ накачивать себя обольстительнымъ ядомъ.

Вотъ одинъ способъ сдѣлаться морфиноманомъ. Онъ развивается изъ естественнаго стремленія больного организма устранить, успокоить, уничтожить тягостную боль. Но есть другой путь, ведущій къ тому же, изъ любви, такъ сказать, къ самой отравѣ (toxicomanie), къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя эта отрава доставляетъ вкушающимъ ее.

Морфиноманы послѣдняго рода не только съ увлеченіемъ сами предаются своему пороку,—они любятъ его пропагандировать среди окружающихъ, среди своихъ друзей, знакомыхъ. Они дѣйствуютъ, какъ ярые послѣдователи тайной секты, которая, чѣмъ болѣе ее осуждаетъ общественный здравый смыслъ, тѣмъ сильнѣе стремится вербовать какъ можно болѣе послѣдователей. Довольно живо представляетъ картину такой пропаганды д-ръ Реньяръ, заимствуя ее изъ жизни окружающаго его общества. Встрѣчаются два друга; одинъ начинаетъ жаловаться другому на томящія его неопредѣленныя боли, тоску, скуку; ничто его не развлекаетъ, ни свѣтскія удовольствія, ни театръ. Свѣтскій другъ, выслушивающій эти жалобы, постѣснится посовѣтовать своему другу утопить свое горе-тоску въ винѣ. Это была бы проповѣдь пьянства.

Но морфій, это, вѣдь, лекарство; посовѣтовать его, значитъ явиться благодѣтелемъ-исцѣлителемъ. Совѣтникъ, наконецъ, и самъ сознается, что вотъ и онъ испытывалъ огорченія и болѣзни, а какъ обратился къ этому средству, то увидалъ свѣтъ.

Морфій, какъ горе—и—болеутопляющее средство, распространяясь отъ одного къ другому, увлекъ множество людей, онъ сдѣлался моднымъ лекарствомъ. Вмѣсто того, чтобы принимать его, какъ лекарство, ртомъ, и притомъ испытывать горькій вкусъ и позывъ на тошноту, придуманы машинки, самыя разнообразныя, чтобы его впрыскивать подъ кожу. Фабриканты хирургическихъ инструментовъ въ Парижѣ потратили немало изобрѣтательности, чтобы усовершенствовать арсеналъ морфиномановъ такъ, чтобы снаряды для ихъ отравы были какъ можно ловчѣе въ примѣненіи, пріятнѣе для глаза и удобнѣе для постояннаго ношенія съ собой въ карманѣ. Инструментъ этотъ, обыкновенно, не великъ; онъ является то въ видѣ небольшой спринцовочки, то въ видѣ спичечницы, табачницы, портсигара,-игольника. Эти снаряды морфиноманы носятъ съ собой, время отъ времени дѣлаютъ подъ

кожу проколы и впрыскиванія, пока къ вечеру не истощится дневной запасъ. Свѣтская мода и роскошь сдѣлали изъ этихъ орудій отравы роскошныя, дорогія, серебряныя и золотыя вещицы для подарковъ, которыми обмѣниваются между собой морфиноманы.

Такимъ образомъ, морфиноманія не всегда есть результатъ болѣзни. Есть много людей, которые предаются этой страсти въ такомъ же порядкѣ, какъ, напр., иные курятъ, пьютъ, или занимаются музыкой. Страсть эта помогаетъ своимъ адептамъ убить время, прогнать скуку, пополнить пустоту жизни, и пр.

Кого больше въ рядахъ морфиномановъ, мужчинъ или женщинъ? По печатной статистикѣ—мужчинъ. На сто мужчинъ насчитывается 25 женщинъ *). Но пусть женщины не торжествуютъ. Всѣ практики увѣряютъ, что число женщинъ морфиноманокъ гораздо значительнѣе, но только онѣ скрытнѣе. Онѣ не прибѣгаютъ къ врачамъ и потому не попадаютъ въ статистику, но разъ онѣ отдаются этому пороку, то отдаются со всѣмъ увлеченіемъ.

Замѣчательно, что на сто морфиномановъ насчитываютъ болѣе 50 человѣкъ, прикосновенныхъ къ медицинскимъ занятіямъ, докторовъ, студентовъ, сидѣлокъ, сестеръ милосердія. Это явленіе достаточно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ лицамъ легко доступны инструменты для впрыскиванія морфія.

Процессъ самоотравленія морфіемъ совершается постепенно: первыя впрыскиванія производятъ боль, уколъ непріятенъ, часто бываетъ тошнота и рвота. Но потомъ довольно быстро пріобрѣтается привычка, непріятное дѣйствіе яда ослабляется, исчезаетъ. Тогда-то наступаетъ послѣ пріема родъ смутно-пріятнаго душевнаго состоянія; окружающая морфиномана дѣйствительность исчезаетъ и замѣняется состояніемъ пріятнаго бреда, или легкаго опьяненія.

Болѣзни физическія, неудовольствія и огорченія нравственныя забываются, исчезаютъ на время.

Къ сожалѣнію, нужно сказать о морфіи то же, что и объ опіи: чтобы постоянно достигать удовлетворительнаго результата, нужно усиливать дозу пріема: начинаютъ центиграммомъ въ день; потомъ вскорѣ эту дозу удвоиваютъ, утроиваетъ и т. д. Иначе дѣй-

*) Это, равно какъ и слѣдующія замѣчанія д-ра Реньяра на счетъ распространенности морфиноманіи, относится къ обществу французскому, преимущественно парижскому.

ствіе получается мимолетное. Къ концу нѣсколькихъ недѣль, самое большое черезъ 2—3 мѣсяца, морфиноманія устанавливается, избавиться отъ нея уже почти невозможно.

Потребность постоянныхъ ежеминутныхъ впрыскиваній, чтобы утомить мучительныя боли, заставляетъ несчастныхъ имѣть при себѣ постоянно пузырекъ съ морфіемъ и машинку для впрыскиванія. Во время прогулки, когда наступаетъ мучительная минута, одни удаляются для этой операціи въ какое-нибудь уединенное мѣстечко, другіе нанимаютъ карету.

Вотъ знатная дама. Въ самый разгаръ опернаго представленія она удаляется въ глубину ложи: ей нужно впрыскиваніемъ морфія устранить овладѣвшее ею тяжелое состояніе.

Вотъ государственный человѣкъ, министръ какой-нибудь великой европейской державы. Ему нужно отправиться въ засѣданіе или сказать рѣчь; чтобы пріободриться, онъ передъ этимъ прибѣгаетъ къ морфію.

Чтобы наглядно показать, до какого состоянія доводитъ морфиноманія, д-ръ Реньяръ разсказываетъ слѣдующій случай.

М. С., около 1869 г., страдалъ желудочными болями (gastralgie). Медикъ прописалъ ему нѣсколько впрыскиваній изъ морфія въ область желудка. У больнаго образовалась привычка къ морфію, и онъ, конечно, сталъ имъ злоупотреблять. Когда я съ нимъ познакомился,—говоритъ авторъ,—онъ уже дѣлалъ себѣ около 35 впрыскиваній въ день, въ 10 центиграммовъ солянокислаго морфія, а всего три грамма съ половиной. А десять центиграммовъ морфія составляютъ такую дозу яда, что если его принять непривычному человѣку заразъ, то онъ можетъ убить его. Три съ половиной грамма морфія были растворены въ 150 гр. воды, такъ что несчастный долженъ былъ ввести себѣ подъ кожу громадную массу воды. Отъ этого образовались подкожные желваки, величиной съ апельсинъ. Расходы, которые ежедневно долженъ былъ дѣлать больной по этому случаю, были такъ велики, что на нихъ ушло все его небольшое состояніе; жалованья его также недоставало. Аптекарская цѣна морфія была: за растворъ одного грамма около 2 франковъ.

Слѣдовательно, за то громадное количество яда, которое поглощалъ этотъ несчастный въ теченіи года (1½ килограмма), онъ долженъ былъ заплатить 3,000 франковъ. А всего на всего у него было жалованья 1,200 франковъ, больше ничего. Тогда онъ занялъ въ Hôtel de Dieu небольшую отдѣльную комнату. Чтобы поддержать себя, онъ бралъ у докторовъ и студентовъ работу,—

переписывать или корректировать что-нибудь. На столѣ его постоянно находился морфій и машинка для впрыскиванія. Какъ скоро онъ во время работы чувствовалъ приступъ болѣзни, онъ производилъ впрыскиваніе. Получалось облегченіе на нѣкоторое время, потомъ опять вспрыскиваніе. И такъ до смерти.

Подобное обращеніе съ собственнымъ тѣломъ должно приводить, конечно, морфиномана къ безусловной погибели. Эти люди тщательно скрываютъ язвы, покрывающія ихъ тѣло. Но стоитъ, напримѣръ, посмотрѣть на руку такого субъекта, уколы на ней такъ часты и близки одинъ къ другому, что сливаются въ одно. Отъ нихъ происходитъ воспаленіе клѣтчатки, потомъ образуются нарывы, отъ которыхъ на кожѣ остаются рубцы, а внутри затвердѣнія. Кожа такого существа похожа скорѣй на кожу пресмыкающагося, чѣмъ на человѣческую.

Случалось, что г. М. С. не такъ скоро изготовляли его лекарство—морфій. Нужно было видѣть тогда его состояніе. Глаза мутные, закрытые; онъ впадалъ въ состояніе отупѣнія, руки трясутся, не способенъ ни къ какой работѣ. Если онъ вставалъ, то не могъ идти прямо, спотыкался, шелъ какъ бы ощупью, падалъ на всякую мебель.

Въ другой разъ ожиданіе яда повергало М. С. въ состояніе совершенно противоположное. Онъ дѣлался рѣзвимъ, дерзкимъ, невыносимымъ.

Когда я,—говоритъ Реньяръ,—для опыта задерживалъ доставку морфія, несчастный иногда впадалъ въ галлюцинаціи, но не могъ заснуть; возбужденіе его было такъ сильно, что онъ постоянно бродилъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, но не останавливаясь.

Онъ говорилъ тогда, что чувствуетъ боли, похожія на электрическіе толчки, не чувствуетъ подъ собою ногъ, и какъ будто плаваетъ по воздуху. Малѣйшій шумъ приводилъ его въ трепетъ. Наконецъ, получается вожделѣнный пузырекъ съ морфіемъ: больной бросается на него съ жадностью; онъ напрягаетъ всѣ еще остающіеся у него физическія и умственныя силы, чтобы поскорѣй впрыснуть ядъ. Ему удается, и черезъ пять минутъ это — прежній любезный, веселый человѣкъ; онъ опять принимается за свое дѣло, какъ и прежде.

Но вотъ подобная же исторія другого больного.

Д-ръ L., врачъ въ госпиталѣ; онъ долго жилъ въ Вѣнѣ для занятій; тамъ онъ пріобрѣлъ пагубную привычку много курить и пить пиво. Этимъ онъ нажилъ себѣ острыя желудочныя боли. Чтобы ихъ устранить, онъ началъ дѣлать впрыскиванія морфія

въ область желудка. Такимъ образомъ, онъ нажилъ себѣ привычку къ морфію, который онъ себѣ впрыскивалъ передъ каждою ѣдой.

По внѣшности, его здоровье поправилось. Но чтобы поддерживать это мнимое здоровье, несчастный долженъ былъ постоянно увеличивать дозу яда. Черезъ годъ онъ дошелъ до пріема болѣе 10 центиграммовъ соляно-кислаго морфія въ день.

Тогда товарищи его замѣтили, что онъ страшно похудѣлъ, взглядъ у него былъ блуждающій; зрачки съужены, земляной цвѣтъ лица, мрачное настроеніе духа. По нѣскольку часовъ онъ иногда оставался, не произнося ни слова, въ отупѣломъ состояніи, съ погасшимъ взоромъ. Его тѣло оставалось въ такомъ же бездѣйствіи, какъ его душа; онъ лежалъ большую часть дня; аппетита не было; онъ чувствовалъ отвращеніе къ домашнимъ блюдамъ; онъ ѣлъ только салатъ, кислые фрукты и немного молока.

Когда спросили его жену, то узнали, что впрыскиванія морфіемъ сдѣлались какъ бы единственною цѣлью жизни этого несчастнаго доктора, что онъ постоянно, безъ мѣры и вѣса, производилъ себѣ впрыскиванія. Больной подтвердилъ это, но сознался, что ему теперь уже невозможно отстать отъ своей мономаніи.

Самое мучительное состояніе для него наступало, когда приближалось время впрыскиванія: мурашки по тѣлу, общая тягость и утомленіе, затрудненное дыханіе, пульсъ малый, но сильный, трепетаніе сердца, шумъ въ ушахъ. Если какое-нибудь обстоятельство мѣшало больному удовлетворить своей страсти, онъ впадалъ въ состояніе бѣшенства, гнѣвъ его не зналъ границъ; однажды онъ дошелъ до того, что побилъ жену и дѣтей.

Если же, напротивъ, впрыскиваніе удавалось безпрепятственно, сцена перемѣнялась: тотъ же докторъ дѣлался любезнымъ, веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ... но это... только на нѣсколько минутъ... Впрыскиваніе нужно было возобновлять, чтобы печальный припадокъ не повторился.

Однажды этотъ несчастный сдѣлалъ себѣ впрыскиваніе въ неумѣренныхъ размѣрахъ: онъ отравился и чуть было не умеръ. Одинъ изъ друзей сталъ его умолять бросить гнусную привычку. Докторъ клялся, что онъ уже давно не принималъ морфія, но онъ, конечно, обманывалъ, какъ всѣ морфиноманы. Въ этомъ не трудно было убѣдиться: въ ящикѣ его ночного столика было найдено нѣсколько спринцовокъ и 10 граммъ морфія. На упреки своего товарища онъ отвѣчалъ клятвами, что броситъ свою

пагубную привычку. Но спустя шесть дней, онъ снова сдѣлалъ себѣ неумѣренное впрыскиваніе, и палъ мертвый.

Таковы послѣдствія морфиноманіи. Она не только разстраиваетъ тѣло, она извращаетъ духовное существо человѣка, его сознаніе. Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, человѣкъ воспитанный, образованный, лжетъ, какъ школьникъ, застигнутый въ расплохъ, и бьетъ свою жену, какъ какой-нибудь пьянчужка.

Далѣе авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, до какой степени физическаго развитія и глубины нравственнаго паденія доходятъ морфиноманы. Чтобы добыть морфій, они часто дѣлаются ворами и убійцами.

Интересенъ разсказъ объ одной дамѣ. Это была молодая, замужняя женщина, до такой степени нервная, что не могла выносить малѣйшаго противорѣчія. Нѣсколько разъ ее должны были запирать. Въ 1879 г. ея невралгію пользовалъ медикъ при помощи соляно-кислаго морфія. Боли исчезли тотчасъ. Увлекшись открытіемъ такого врачебнаго средства, больная пустилась сама себя лечить морфійными впрыскиваніями.

Въ 6 мѣсяцевъ она дошла до 40 центиграммовъ въ сутки. Чтобы найти на это деньги, она продавала (конечно, тайно) книги изъ библіотеки мужа и домашнее серебро. Потомъ она нашла услужливаго аптекаря, который снабжалъ ее въ кредитъ. Съ 29 мая 1881 и по 27 октября 1882 г. онъ отпустилъ ей 3,475 порошковъ соляно-кислаго морфія въ 20 центиграммъ каждый, а всего до 70,000 подкожныхъ вспрыскиваній въ 1 центиграммъ. Наконецъ, кредиторъ потребовалъ уплаты, угрожая обо всемъ сказать мужу. Несчастная заняла 200 фр. Но гдѣ взять остальныя? Она отправилась въ магазинъ на воровство, но была поймана на мѣстѣ преступленія... Полную аналогію съ морфиноманами представляютъ собой эфироманы.

Послѣдніе являются на свѣтъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и первые: съ одной стороны, желаніе утишить мучительную боль, съ другой — найдти полуопьяняющее, полуодуряющее средство забыться «въ минуту жизни трудную».

При самомъ началѣ вдыханія эфира, на лицѣ и въ дыхательныхъ путяхъ чувствуется освѣженіе, потомъ взглядъ дѣлается нѣсколько мутнымъ, въ ушахъ появляется шумъ, далѣе—легкое головокруженіе, интеллектуальное оживленіе, даже пріятныя галлюцинаціи. Тутъ не нужно увеличивать дозы эфира, чтобы не перейти въ состояніе полнаго усыпленія, которое производятъ

хирурги. Эфироманы знаютъ это и употребляютъ умѣренныя дозы, чтобы продлить удовольствіе.

Послѣ вдыханія эфира, субъектъ возвращается въ прежнее состояніе: онъ чувствуетъ только тяжесть въ головѣ и нѣкоторую отупѣлость. Если же вдыханія продолжить, то можетъ наступить настоящій бредъ. Я часто видѣлъ, говоритъ авторъ, истерическихъ женщинъ, которымъ давали эфиръ, чтобы прекратить ихъ припадки. Послѣ вдыханій, онѣ иногда впадали въ состояніе веселаго, пріятнаго, смѣющагося опьяненія. Состояніе это такъ нравится, что послѣ, лица, испытывавшія его, ищутъ повторенія его тѣмъ же путемъ.

Морфиноманъ можетъ предаваться своему пороку въ величайшей тайнѣ: это невозможно для эфироманa, потому что эфиръ имѣетъ рѣзкій запахъ: достаточно нѣсколько капель, чтобы дать его почувствовать въ обширной залѣ. Это свойство эфира многихъ удерживаетъ отъ его употребленія. Лица же, наиболѣе ему преданныя, удаляются въ разныя уединенныя мѣста, чтобы предаться на свободѣ своимъ любимымъ вдыханіямъ. Въ Лондонѣ, гдѣ эфироманія распространена болѣе, чѣмъ въ Парижѣ, сторожа скверовъ и большихъ парковъ часто находятъ въ кустахъ пустые флаконы съ неизмѣнною этикеткой: сѣрный эфиръ. Въ Draperstown, имѣніи графа Лондондерри, есть настоящіе кабачки для эфира. Тамъ его мѣшаютъ съ алкоголемъ и 1 литръ продается за 3 франка. 14 граммовъ такой смѣси достаточно, чтобы погрузить потребителя въ глубокое опьяненіе.

Интересно, какъ распространилось употребленіе эѳира въ Англіи.

Въ 1847 г. Симпсонъ возъимѣлъ идею примѣнить эфиръ, какъ болеутоляющее средство при родахъ. Успѣхъ былъ необыкновенный. Тогда протестанскіе пасторы жестоко напали на него. Они объявили Симпсона безбожникомъ.

Молва о чудесномъ дѣйствіи эфира распространилась, и такимъ образомъ существованіе эфироманіи было обезпечено.

Кромѣ того, эфиръ сдѣлался тогда же предметомъ религіозной борьбы. Ирландское католическое духовенство открыло крестовый походъ противъ виски, и имѣло успѣхъ: паства оставила алкоголь, но она замѣнила его эфиромъ, который не былъ запрещенъ. Тогда нѣкоторые остряки говорили, что въ Ирландіи исповѣданіе можно узнать по запаху отъ пьянаго человѣка: если пахнетъ эфиромъ, то это католикъ; а если несетъ джиномъ, то англиканецъ.

Эфироманы входятъ въ разрядъ тѣхъ людей, которые не до-

вольствуются обыкновенными дозами алкоголя: они начинаютъ пить одеколонъ, эфиръ и, наконецъ, даже хлороформъ. Ихъ удѣлъ—delirium tremens [1]).

Затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ крайняго увлеченія эфиромъ, доходившаго до самоотравленія. Бывали примѣры, что нѣкоторые, ложась въ постель, накрывали себѣ лицо платкомъ, намоченнымъ въ эфирѣ; другіе не довольствовались тѣмъ, что наливали эѳиръ въ какой-нибудь сосудъ и держали надъ нимъ голову. И тѣхъ, и другихъ находили мертвыми при той обстановкѣ, которую они сами себѣ устроили.

И такъ, гибель во всѣхъ отношеніяхъ: умственная, нравственная и физическая отъ модныхъ ядовъ несомнѣнна.

Что же дѣлать? Какъ помочь злу? Лечить больныхъ? Конечно, если на то ѣсть ихъ добрая воля. Всего лучше было бы, конечно, имъ отказаться отъ отравы. Но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Кому неизвѣстно, съ какимъ трудомъ отстаетъ человѣкъ отъ пагубныхъ, но закоренѣлыхъ привычекъ. Больной даже легко поддается убѣжденіямъ; но у него уже нѣтъ воли. Какъ скоро смолкъ послѣдній звукъ убѣждающей рѣчи, какъ только затворилась дверь за ораторомъ, несчастный больной уже протянулъ руку къ обольстительному яду. Поэтому, едва-ли не самымъ дѣйствительнымъ врачующимъ средствомъ было бы удаленіе такихъ больныхъ изъ обыкновенной ихъ домашней и семейной обстановки въ другую, гдѣ слѣдили бы за каждымъ ихъ шагомъ, движеніемъ, гдѣ лишили бы ихъ яда или постепенно, или вдругъ, смотря по надобности.

Въ Америкѣ и въ Германіи уже открыты пріюты для такихъ больныхъ.

Къ числу средствъ, которыя могутъ ограничить распространеніе зла, относятся также: болѣе разборчивая и ограниченная выдача морфія и эфира изъ аптекъ, и возможно рѣдкіе случаи прописыванія ихъ медиками въ качествѣ болеутоляющихъ средствъ.

**А. И. Липовъ.**

---

[1]) Запойный бредъ (въ просторѣчіи, бѣлая горячка).

# НОВЫЯ КНИГИ.

**Объ абсолютныхъ единицахъ въ особенности магнитныхъ и электрическихъ.** Доктора физика О. Хвольсона. С.-Петербургъ. 1887.

Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ: Въ журналѣ «Электричество» за 1881 годъ была помѣщена моя статья подъ заглавіемъ «Объ абсолютныхъ единицахъ, въ особенности магнитныхъ и электрическихъ». Настоящая книга представляетъ результатъ полной переработки упомянутой статьи: почти всѣ параграфы болѣе или менѣе измѣнены...» Прочтя эти строки, всякій подумаетъ, что авторъ воспользовался всѣми данными, которыя могъ найти въ русской и иностранной литературѣ ко времени приготовленія своей книги къ печати; что онъ, въ виду того, что книга его предназначается для людей, незнакомыхъ съ абсолютными единицами (учащихся, студентовъ), отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ обработкѣ матеріала своей книги. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что авторъ, повидимому, мало обратилъ вниманія и на то, и на другое; въ данномъ случаѣ это обстоятельство тѣмъ болѣе непріятно, что авторомъ является докторъ физики, слѣдовательно, лицо, которое, казалось, должно было бы слѣдить за литературой. Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ.

На стр. 4 находимъ: «Вавилонскую единицу длины въ 352,34 миллиметра можно назвать вавилонскимъ локтемъ; $1^1/_2$ локтя составляли вавилонскій футъ»; отсюда надо заключить, что этотъ футъ=528,51 миллиметра. На страницѣ же 5 читаемъ: «вавилонскій футъ=352,34 миллиметра», а «вавилонскій локоть=528,51 миллиметра». Чему же вѣрить?

На стр. 6: «Олимпійскій футъ» (линейный) приравнивается $\sqrt[3]{\frac{3}{2}}$ вавилонскимъ кубическимъ (!) футамъ или 307,8 кубич. (!) дециметрамъ.

На стр. 18: «...дециметръ не опредѣляетъ еще величины грамма» —вмѣсто «сантиметръ...

На стр. 22: «Вѣсомъ тѣла называется давленіе, претерпѣваемое другимъ тѣломъ, на которое первое упирается». Такого опредѣленія вѣса не сдѣлаетъ и ученикъ 6 класса гимназіи.

На стр. 23: «граммъ равенъ столькимъ динамъ, сколько сантиметровъ содержится въ ускореніи g», вмѣсто: «C. G S. единицъ ускоренія содержится въ ускореніи g».

На стр. 25: «g=981 сантиметру», вмѣсто «g=981 сантиметру въ секунду—въ секунду». Мы указываемъ на неточность двухъ послѣднихъ цитатъ въ виду того, что книга автора должна служить руководствомъ, слѣдовательно, въ ней всѣ опредѣленіи должны быть вполнѣ точны, не должны сравниваться между собою неоднородныя величины.

На стр. 27: «1° Ц.=41,6 милліонамъ абсолютныхъ градусовъ тепла» вмѣсто «...температуры».

На стр. 36: «его (угла) единица измѣренія», вмѣсто: «измѣренія его единицы».

На стр. 43 написано: $\frac{V^3}{W} = V^2W^{-1}$ вмѣсто: $\frac{V^4}{W} = V^4W^{-1}$.

На стр. 56 написано: $\frac{d}{r}$ вмѣсто: $\frac{r}{d}$

На стр. 58: «пустота 0,94» вмѣсто 0,99.

На стр. 57: «резина, 2,55», вмѣсто «канифоль». Замѣтимъ здѣсь кстати, что заимствуя, повидимому (напримѣръ, на стр. 90 и 91 помѣщены таблицы, которыя, по словамъ Everett'a, составлены были Ayrton'омъ Perry спеціально для его книги, о которой мы упоминаемъ ниже), большую часть данныхъ изъ сочиненія Everett'a: «Units und Physical Constants», авторъ ни разу не упоминаетъ объ этой книгѣ. Мало того, авторъ, по всей вѣроятности, имѣлъ передъ собою 1-е изданіе книги Everett'a, вышедшаго въ 1879; а, между тѣмъ, въ 1886 вышло уже 2-е изданіе книги Everett'a, значительно дополненное и исправленное. Неимѣніемъ у автора второго изданія Everett'a и объясняется слѣдующее обстоятельство: единицу Сименса (83 стр.) онъ принимаетъ равной 0,946 ома (легальнаго), а даетъ тѣ удѣльныя сопротивленія (стр. 84), которыя были получены при принятіи для удѣльнаго сопротивленія ртути значенія 96146.

То же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно таблицы, находящейся на стр. 85. Не можемъ не обратить вниманія также и на то, что авторъ слово «annealed» переводитъ словомъ «прокаленный», вмѣсто «отожженный». И вообще, авторъ не очень стѣсняется иногда въ выраженіяхъ, напр., на стр. 66 читаемъ:

«За единицу, О, количества магнитизма примемъ то количество, которое на равное ему, находящееся на разстояніи единицы, производитъ (?) силу, равную единицѣ»; или на стр. 63: «О количествѣ магнитизма, сосредоточеннаго около (?) нѣкотораго мѣста; мы судимъ по величинѣ магнитной силы, исходящей (?) изъ этого мѣста».

На стр. 52: «теплота начнетъ переливаться», «электричество начнетъ переливаться».

На стр. 38: «сила, равная дину, придаетъ (?) тѣлу C. G. S. единицу импульса».

Такихъ мѣстъ можно было бы указать довольно много.

Въ заключеніе скажемъ еще о томъ, что авторъ, сѣтуя (29 стр.) на появленіе въ заграничномъ журналѣ статьи съ невѣрными выводами, не называетъ почему то этой статьи; онъ также не называетъ тѣхъ авторовъ (стр. 34), которые смѣшиваютъ символическое выраженіе измѣреній величины съ самой величиною, хотя и заблужденія иногда приносятъ пользу.

Указанныхъ нами промаховъ мы въ опечаткахъ не нашли.

**По дальнему Востоку**. Путевыя замѣтки и воспоминанія М. Г. Гребенщикова (271 стр.). Ц. 1 р.

Названіе книги вполнѣ оправдывается ея содержаніемъ. Это именно—бѣглыя путевыя замѣтки и воспоминанія, написанныя легко и читающіяся съ интересомъ. Книжечка заключаетъ семь главъ: На переселенческомъ пароходѣ.—Столица Южно-Уссурійскаго края.—Нѣсколько верстъ по Южно-Уссурійскому краю.—По заливу Петра Великаго.—Въ Японскомъ городѣ.—Сингапуръ.—Поѣздка въ Цейлонъ.

**Левъ Александровичъ Мей и его значеніе въ русской литературѣ.**—Критико-біографическій очеркъ В. Р. Зотова. Съ портретомъ и автографомъ Мея. Цѣна 30 к.

Судьба нашихъ поэтовъ удивительно своеобразна. Иногда кажется, что публика ихъ совсѣмъ забыла, но, вдругъ, по поводу какого нибудь юбилея, похоронъ, открытія памятника, или потери права частной собственности на изданія ихъ сочиненій, въ печати начинается о нихъ говоръ, публика ими заинтересовывается вновь, и забытыя произведенія переживаютъ десятки изданій въ одинъ годъ. Публика, это—женщина: для нея мода—все. Сочиненія Достоевскаго лежали на полкахъ книжныхъ магазиновъ, пока смерть великаго писателя и торжественные, небывалые похороны не сдѣлали того, что не могъ сдѣлать при жизни великій геній и трудъ. Слава Богу и за то: по крайней мѣрѣ, семьѣ

писателя пришлось пожать плоды его трудовъ. Но насколько было бы лучше, если бы публика съумѣла его оцѣнить при жизни и онъ не провелъ бы этой несчастной жизни въ тяжелыхъ думахъ о будущности семьи, что, вѣроятно, и отняло его у Россіи такъ рано, такъ преждевременно. За то у публики есть любимцы, которые еще при жизни могутъ за одинъ романъ получать по 12,000 рублей, какъ мы узнали по иску одного издателя мелкой газетки, — преимущественно наполняемой модами, да плохими картинками,—съ своего сотрудника лубочнаго романиста. Все это намъ невольно пришло въ голову по поводу почтенной книжечки г. Зотова, стремящейся напомнить публикѣ о весьма и весьма крупномъ, крайне симпатичномъ талантѣ, почти забытомъ. Въ этомъ, конечно, болѣе всего виновата наша русская критика: она часто раздуваетъ славу такихъ третьестепенныхъ талантиковъ, на которыхъ, безъ этого раздуванія, публика обратила бы самое малое вниманіе; и таже критика замалчиваетъ или дискредитируетъ въ глазахъ общества таланты высокой, могучей силы, каковъ былъ и талантъ Мея съ его поистиннѣ очаровательными произведеніями. Мы по крайней мѣрѣ, не знаемъ въ русской поэзіи *никого*, кто бы обладалъ такой силой поэтической *живописи*. Картины Востока, въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Слѣпорожденный», едва-ли имѣютъ что-либо подобное себѣ даже во всей европейской литературѣ: вы буквально видите, чувствуете, переживаете всѣмъ существомъ своимъ эти картины. Мнѣ кажется, живопись словомъ—была главной чертой таланта Мея: вездѣ, гдѣ онъ *рисовалъ* словомъ, мы имѣли передъ собою нѣчто небывалое. Возьмемъ для контраста съ жгучимъ описаніемъ Востока, описаніе холоднаго, мрачнаго озера въ стихотвореніе: «Русалка». Самые звуки тутъ дополняютъ живопись:

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное...

Мы вовсе не думаемъ сдѣлать въ этой краткой замѣткѣ оцѣнку произведеній Мея,—поэта въ высшей степени всесторонняго, что даже дало поводъ обвинять его въ отсутствіи опредѣленной индивидуальности;—желающихъ ознакомиться ближе съ поэтомъ, мы отсылаемъ къ книжечкѣ г. Зотова, прочтя которую, читатели захотятъ ознакомиться и съ произведеніями поэта, и не потеряютъ отъ этого, а переживутъ много высочайшихъ художественныхъ наслажденій, какихъ имъ, вѣроятно, давно не приходилось переживать при чтеніи цѣлой толпы современныхъ ноющихъ бряцателей на лирѣ.

**Что читать народу?** Т. I. (2-е изданіе). Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницамъ харьковской частной воскресной школы (52 печатныхъ листа). Цѣна 2 р.

Издатели этой книги не имѣютъ похвальнаго обыкновенія — высылать свое изданіе въ редакціи для отзыва, а потому мы не видѣли еще 2-го изданія этой книги, но, зная его по первому изданію, торопимся сообщить нашимъ читателямъ о выходѣ втораго изданія. Книга уже потому заслуживаетъ вниманія, что представляетъ солидный трудъ, составленный съ любовью къ дѣлу. Особенно интересны въ этомъ изданіи отзывы о книгахъ самихъ учащихся. Эту книгу надо отличать отъ слѣдующій шарлатанской поддѣлки:

**Каталогъ книгъ пригодныхъ для чтенія народу.** Москва. Типографія Левенсона. 1888 г.

Въ литературѣ все больше и больше входитъ въ употребленіе фальсификаціи. Теперь, вѣдь, поддѣлывается все: чай, масло, мыло, отчего же не поддѣлываютъ и книгъ. Какіе-то неизвѣстные гешефтмахеры, не выставившіе даже имени своего, ни съ того, ни съ сего позволяютъ себѣ выпустить каталогъ книгъ для чтенія народу. Они, изволите-ли видѣть, желаютъ «рекомендовать», какія книги лучше читать народу! Но кто же эти «они», которые рекомендуютъ? Не напоминаетъ-ли это вамъ извѣстный анекдотъ, какъ одинъ пріятель привелъ другаго въ незнакомый домъ и рекомендовалъ его, какъ превосходнаго человѣка, а когда его спросили,—да кто же самъ то онъ,—онъ отвѣтилъ: «Это все равно,—вѣдь, я сейчасъ уйду». Но этотъ чей-то пріятель былъ просто или глупъ, или нахалъ, а издатели «каталога», напечатаннаго въ типографіи какого-то Левенсона, имѣютъ въ виду, очевидно, гешефтецъ: они надѣются воспользоваться, повидимому, громкою извѣстностью книжки, названной выше, чтобы по незнанію читателей, сбыть свой товаръ за чужой. Книжечка-поддѣлка состоитъ изъ простаго перечисленія названій книгъ, и при томъ перечисленія невѣжественнаго, ибо анонимнымъ составителямъ неизвѣстны многія народныя книги, которыя заслуживали бы помѣщенія въ каталогѣ, но пропущены фальсификаторами.

**Л. Е. Оболенскій. Нравственное воспитаніе ребенка съ точки зрѣнія современной науки.** С.-Петербургъ, 1887 г. Цѣна 40 коп.

Небольшая брошюра, перепечатанная изъ «Педагогическаго приложенія для родителей и воспитателей» къ «Журналу для Дѣтей». Въ брошюрѣ сгруппированы и разобраны мнѣнія о

нравственности и нравственномъ воспитаніи дѣтей представителей современной научной или физіологической психологіи, и высказаны самостоятельныя воззрѣнія автора на этотъ предметъ.

**Джемсъ Сёлли. Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію.** Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Цѣна 1 р. 75 к.

Читатели знакомы съ этимъ сочиненіемъ извѣстнаго англійскаго психолога и мыслителя, такъ какъ оно въ теченіи года печаталось въ нашемъ журналѣ.

**Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи.** Часть I. Сущность и задача философіи исторіи. Часть II. Научныя основы теоріи прогресса. Цѣна за два тома 4 р. 25 к. (Изданіе 2-е, переработанное).

Этотъ обширный и капитальный трудъ нашего выдающагося ученаго не можетъ быть разсмотрѣнъ въ короткой библіографической замѣткѣ. Мы ему посвятимъ большую статью въ слѣдующемъ году. Пока же можемъ только рекомендовать его нашимъ читателямъ, которые найдутъ въ немъ полнѣйшій матеріалъ для сужденія о такихъ важнѣйшихъ вопросахъ современнаго міросозерцанія, какъ вопросъ о прогрессѣ и исторіи человѣчества, въ ея философскомъ значеніи. Первое изданіе книги было обременено черезъ чуръ обширнымъ богатствомъ выдающейся эрудиціи автора и потому читалось нѣсколько тяжело. Новое изданіе освобождено отъ этихъ затрудненій.

---

## КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ.

**Н. Минскій.** Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

**В. В. Тепловъ.** Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к.

Обѣ эти книги будутъ подробно разобраны въ слѣдующемъ нумерѣ «Русскаго Богатства».

---

## ПЕЧАТАЕТСЯ:

**Послѣднія поэмы** Л. Е. Оболенскаго. Варварушка.—Дѣвкина гора.—Воронъ (Эдгара Поэ).—Отступникъ.—Мюнцеръ (драматическая хроника изъ временъ крестьянской войны въ Германіи).—Рожденіе любви (мистерія). Книга будетъ заключать до 20 печатныхъ листовъ. О выходѣ будетъ своевременно объявлено.

## АНОНСЪ.

Считаемъ нужнымъ заявить, для предупрежденія лицъ, которыя могли бы столкнуться съ нами на переводѣ одного и того же сочиненія, что съ января 1888 г., въ «Русск. Бог.» будутъ печататься: 1) сочиненіе «Гипнотизмъ» проф. физіологіи въ Нанси, Б о н и (Beaunis), переводъ со втораго французскаго изданія П. В. Мокіевскаго. 2) Джоржа Ромэнса: «Умственныя способности животныхъ», перев. подъ ред. проф. Н. Холодковскаго. 3) Соч. Т. Р и б о, «Механизмъ вниманія», подъ ред. Л. Е. Оболенскаго.

---

## ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Въ № 9 (сентябрь), стр. 75, строка 13, напечатано: «на синюю бумагу» слѣдуетъ читать: «на желтую бумагу».

Въ № 10 (октябрь), стр. 161, строка 3-я, напечатано: «отражаетъ $^1/_5$ лучей солнца», слѣдуетъ: «отражаетъ 5% лучей солнца».

Въ № 11 (ноябрь), стр. 9, строка 2-я (снизу), напечатано: «налившіяся», слѣдуетъ: «наѣвшіяся»; стр. 106, строка 8 (снизу), напечатано: «полутьма», слѣдуетъ: «полумгла».

---

# ОБЪЯВЛЕНІЯ.


ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

## „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

въ 1887—1888 (третьемъ) году.

(Съ 1 ноября 1887 по 1 ноября 1888 года).

По слѣдующей программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ, охота. Сельско хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Сельско-хозяйственный фельетонъ,—г. Агриколы.

Годовые подписчики получатъ, немедленно по высылкѣ подписной суммы, безплатное приложеніе:

**АЛЬБОМЪ типовъ лошадей, скота, собакъ, куръ и яхтъ.**

Описаніе рисунковъ альбома будетъ помѣщено въ журналѣ въ теченіи года.

Полугодовые подписчики получатъ это приложеніе только по присылкѣ въ срокъ (до 1 мая) подписной платы за второе полугодіе.

NB. Альбомъ будетъ высылаемъ въ картонѣ, въ тщательной укупоркѣ, и только по полученіи на пересылку и упаковку 21 коп. деньгами или марками.

NB. Кромѣ того, въ теченіи года БУДУТЪ ПРИЛОЖЕНЫ БЕЗПЛАТНО: 1) различныя сельско-хозяйственныя сѣмяна; 2) главнѣйшіе типы породъ скота и лошадей, и 3) архитектурные проекты:

I. Раціональной свинарни, II. Русской печи съ вентиляціей. III. Птичника. IV. Зерносушилки. V. Деревяннаго дома-дачи. VI. Мельницы. VII. Молотильнаго сарая, и др.

Въ объявленіяхъ журнала будутъ печататься, по прежнему, таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

ЦѢНА: на годъ безъ перес. и дост. 5 р., съ дост. въ Спб. 6 р. 50 к., съ перес. иногороднимъ 6 р. За полгода: безъ дост. 3 р., съ доставкой въ Спб. 3 р. 50 к., съ перес. иногороднимъ 4 р. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. Иногородные адресуются: въ редакцію журнала «Сельскій Хозяинъ»

(Спб., Надеждинская, № 39), въ книжные магазины «Новаго Времени» (въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), въ контору объявленій Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи). ГОРОДСКІЕ ПОДПИСЧИКИ приглашаются въ главныя конторы редакціи: Надеждинская, № 39, и при книжномъ магазинѣ «Новаго «Времени». ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Сельскаго Хозяина» за 1887 г: (съ 1 ноября 1886 г.) со всѣми приложеніями стоятъ: безъ пересылки и дост. 5 р., а съ перес. или дост. 6 р. На хромолитографію 21 коп. Полныхъ экземпляровъ журнала за 1887 годъ ограниченное количество.

Въ нашихъ переплетахъ «Сельск. Хоз.» полезная наградная книга для земледѣльческихъ и сельскихъ училищъ.

---

Большая ежедневная политическая, ученая и литературная газета

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО ВЪ 1812 ГОДУ).

Вступивъ съ 1 числа октября 1887 года ВЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ, газета, съ этого юбилейнаго дня, вновь реформирована, значительно дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ (безъ повышенія подписной цѣны), и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, какъ изъ русской, такъ и иностранной жизни, можетъ замѣнить собою

**дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.**

При воскресныхъ нумерахъ разсылается приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, въ который войдутъ: историческіе и современные ПОВѢСТИ, РОМАНЫ, РАЗСКАЗЫ (оригинальные и переводные), ПОРТРЕТЫ современныхъ и историческихъ дѣятелей, РИСУНКИ бытовые, историческіе и современные, преимущественно изъ русской жизни, а также КАРРИКАТУРЫ.

Ежемѣсячно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются къ домашнему производству «МОДЫ и РУКОДѢЛЬЕ», съ приложеніемъ образцовъ вышивокъ, вязаній и другихъ дамскихъ рукодѣлій, а также и выпиловочныхъ работъ, при объясненіи производства работъ и указаніи матеріала.

Гг. подписчики, выславшіе сполна годовую подписную плату до 1 января, имѣютъ право получить на выборъ ОДНУ изъ ТРЕХЪ нижеозначенныхъ картинъ-олеографій, отпечатанныхъ въ

нѣсколько красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ.

1) **«Крещеніе кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** (издана въ виду наступающаго 900-лѣтія—15 іюля 1888 г.). Размѣръ карт. 1 арш. 2 вер., выс. 14 вершк.

2) **«Смерть Ивана Сусанина»** (изданіе второе, тождественное съ первымъ). Размѣръ картины 1 аршинъ, высота $^3/_4$ аршина.

3) **«Дѣвичникъ въ Малороссіи»** (съ картины профес. А. Маковскаго). Размѣръ картины: длина $1^1/_2$ аршина, высота 1 аршинъ.

Желающіе получить, кромѣ одной (безплатной) картины, остальныя ДВѢ благоволятъ выслать за каждую по 1 руб. и на доставку прибавить по 10 коп. за экз. (если требованіе трехъ картинъ будетъ одновременно).

**Подписная цѣна ежедневной газеты «Сынъ Отечества» съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями: безъ доставки и пересылки: на годъ 7 руб. на 6 мѣс. 3 р. 60 к.; съ доставкою и пересылкою: на годъ 8 руб. на 6 мѣс. 4 р. 50 коп.**

Желающіе получить картину-олеографію благоволятъ выслать 80 к. Безъ этой приплаты премія не высылается. Въ разсылкѣ олеографій соблюдается очередь поступленія требованій.

За редактора М. КУПЛЕТСКІЙ. Издатель С. ДОБРОДѢЕВЪ.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

---

1888. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1888.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

# „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(изданіе существуетъ съ 1835 года).

**52 нумера, выходящихъ еженедѣльно. Каждый нумеръ въ ДВА листа большого формата съ 7—8 больш. рисунк., изъ коихъ нѣкоторые печатаются въ два и три тона.**

**12 литературныхъ приложеній, выходящихъ ежемѣсячно отдѣльными книжками въ объемѣ въ 10 печатныхъ листовъ въ 8 долю.** Сюда войдутъ:

I) Оригинальные романы и повѣсти русскихъ писателей. Эти произведенія въ 1888 г. не будутъ дробиться, а появятся цѣлыми книжками.

II) Переводные романы и повѣсти. Произведенія иностранныхъ писателей будутъ помѣщаемы, по возможности, въ цѣломъ объемѣ въ одной книжкѣ.

III) Классическія произведенія одного изъ любимѣйшихъ европейскихъ писателей.

Изъ перечисленныхъ отдѣловъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ концѣ года у каждаго изъ гг. подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе» составится довольно цѣнная библіотека избранныхъ беллетристическихъ произведеній, въ нѣсколько томовъ, стоимостью не менѣе 10—12 рублей.

**12 нумеровъ «Новѣйшихъ парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно, въ первое воскресенье послѣ 1 числа. При нумерахъ модъ прилагаются особые листы.**

I. Выкройки (въ натуральную величину) съ новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, заслуживающихъ вниманія по своему изяществу и практичности. II. Выкройки, узоры и мѣтки для бѣлья (отъ простаго до изящнаго). III. Образцы изящныхъ рукодѣлій, какъ, наприм., вышивка шелкомъ, шерстью, шнурками, бисеромъ и проч. IV. Образцы и рисунки разнаго рода вязаній. V. Образцы выпиловочныхъ работъ и друг.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-коній съ картинъ лучшихъ художниковъ русской и иностранной школъ (печатается въ нѣсколько томовъ).**

**СТѢННОЙ КАБИНЕТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1888 годъ, изящно отпечатанный (на одну сторону). Разсылается при первомъ нумерѣ.**

**ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ за 1888 годъ—большая, эффектная и художественно-исполненная картина-олеографія въ 28 красокъ, изображающая написанный съ натуры русскій пейзажъ:**

## „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ"

(Размѣръ картины: длина—ПОЛТОРА арш., высота—ОДИНЪ арш.)

Художественная сторона журнала пользуется достаточною извѣстностью, что и свидѣтельствуютъ наши лучшіе органы періодической печати въ своихъ лестныхъ для нашего изданія отзывахъ (см. «Новое Время», «Новости», «Спб. Вѣд.», «Рус. Газ.», «Бирж. Вѣд.», «Пет. Лист.» и др.

Блестящій успѣхъ нашего журнала за послѣдніе года даетъ намъ возможность и въ наступающемъ году продолжать дальнѣйшее дѣло изданія съ постояннымъ улучшеніемъ и пополненіемъ, какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ отдѣловъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—съ пересылкою 8 р. Безъ доставки **6** р. **60** к. Заграницею **10** р.

Значительное повышеніе таможеннаго тарифа и новыя почтовыя правила, не допускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью, неизбѣжно вызываютъ увеличеніе въ платѣ за доставку преміи, а именно:

Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію съ доставкою цѣнною посылкою, задѣланною въ холстъ и накатанной на скалку, благоволятъ выслать на доставку рубль. Мелкія суммы (копѣйки) просятъ высылать почтовыми, а не гербовыми марками.

Безъ упомянутой приплаты премія высылаться не будетъ.

Премія уже изготовлена и выдается въ главной конторѣ городскимъ подписчикамъ тотчасъ при подпискѣ, а иногороднимъ высылается немедленно по очереди поступленія требованій.

За редактора—издатель С. ДОБРОДѢЕВЪ,

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

---

Открыта подписка на 1888 г. (VII годъ изданія).

НА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

# „РОДНИКЪ."

«РОДНИКЪ» въ 1888 году будетъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ минувшія 6 лѣтъ.

«РОДНИКЪ» выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца, книжками большого формата, со многими картинками.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учен. комит. при свят. синодѣ, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежден. Императрицы Маріи и мин. нар. просвѣщенія. Циркуляромъ по мин. нар. просв. (отъ 12 мая 1887 г., за № 7,289) предложенъ на случай выписки для библіотекъ низшихъ городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебн. заведеній, какъ журналъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ русской семьи и школы и служащій богатымъ источникомъ нравственнаго чтенія, проникнутаго духомъ религіи и преданности отечеству.

Годовые подписчики на «РОДНИКЪ» изданія 1888 года получатъ вмѣстѣ съ № 1

„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ",

составленный изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, со многими рисунками худ. М. Михайлова.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ вмѣстѣ съ «РОДНИКОМЪ» высылается ежемѣсячно педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ",

посвященный разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебн. пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

Условія подписки на 1888 годъ: «РОДНИКЪ» съ листкомъ «Воспитаніе и Обученіе» на годъ съ дост. и перес. 6 руб.; «РОДНИКЪ» безъ листка «Воспитаніе и Обученіе, на годъ, съ дост.

и перес. 5 руб.; «ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ» отдѣльно на годъ, съ дост. и перес. 2 р.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, уголъ Знаменской и Баскова пер., д. 14—24.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Фену и комп., въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», и въ »Русскомъ книжномъ магазинѣ»; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ «Сотрудникъ Школъ», Воздвиженка, д. Армандъ, и въ книжномъ магазинѣ «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту.

Подробная программа «Родника» и листка «Воспитаніе и Обученіе» съ каталогомъ изданій редакціи, высылается, по требованію безплатно.

Редакторъ-издательница Е. СЫСОЕВА.
Редакторъ АЛЕКСѢЙ АЛЬМЕДИНГЕНЪ.

---


Открыта подписка на 1888 годъ

# ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

**новый ежемѣсячный историко-литературный журналъ.**

Журналъ будетъ заключать въ себѣ: избранныя сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателей, критическіе этюды, историко-литературныя изслѣдованія и современную лѣтопись по литературѣ и поэзіи.

Назначеніе журнала — путемъ интереснаго и общедоступнаго чтенія содѣйствовать ознакомленію съ первоклассными писателями и распространенію историко-литературныхъ знаній.

Въ журналѣ будутъ участвовать: **Ѳ. Д. Батюшковъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Л. П. Бѣльскій, П. И. Вейнбергъ, А—ръ Н. Веселовскій, А—й Н. Веселовскій, Я. К. Гротъ, П. А. Ефремовъ, А. И. Кирпичниковъ, М. И. Кудряшевъ, Р. Ѳ. Ланге, В. И. Межовъ, О. Ѳ. Миллеръ, А. А. Рейнгольдъ, П. И. Стороженко, Н. Ѳ. Сумцевъ** и др.

**«ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ»** будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца книжками до 15-ти печатн. листовъ большого формата.

**Цѣна:** съ доставкой и пересылкой на годъ 8 руб., на полгода—5 руб. Отдѣльныя книжки по 1 руб.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., 38), въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

**Иногородные** благоволятъ обращаться: въ редакцію журнала **«ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ»**, С.-Петербургъ, Фурштадтская, д. 19, кв. 41.

Редакторъ-издатель **А. Чудиновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

на еженедѣльный

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ.**

# „ВОКРУГЪ СВѢТА"

(четвертый годъ изданія).

«Вокругъ Свѣта» выходитъ каждую недѣлю (50 №№ въ годъ) въ обыкновенномъ форматѣ иллюстрацій. Каждый № состоитъ изъ двухъ листовъ и заключаетъ въ себѣ 16 страницъ текста и отъ 6 до 8 рисунковъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Имѣя собственную типографію и хромотипію, редакція обращаетъ особенное вниманіе на изящную внѣшность журнала и безукоризненную печать. Содержаніе каждаго нумера состоитъ: изъ полныхъ захватывающаго интереса романовъ, изображающихъ путешествія и приключенія во всѣхъ странахъ свѣта, всегда иллюстрированныхъ превосходными гравюрами на деревѣ; изъ описаній выдающихся путешествій въ малоизвѣстныхъ странахъ съ рисунками первоклассныхъ художниковъ; изъ интересныхъ разсказовъ и повѣстей, рисующихъ бытъ народовъ различныхъ странъ, приключенія, большія охоты, кораблекрушенія и природу; изъ популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; изъ хроники выдающихся событій, описанія рисунковъ, научныхъ извѣстій, изобрѣтеній, открытій и изслѣдованій; изъ хроники путешествій и, наконецъ, смѣси, въ рубрику которой входитъ множество разнообразныхъ и интересныхъ извѣстій.

Кромѣ еженедѣльнаго журнала всѣ подписчики «Вокругъ Свѣта» безъ всякихъ приплатъ получаютъ еще каждый мѣсяцъ ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе, состоящее изъ небольшихъ книжекъ въ два печатныхъ листа съ 10—12 рисунками. Въ концѣ года эти приложенія составятъ большой томъ, заключающій въ себѣ полный иллюстрированный романъ. Въ 1888 году въ этомъ приложеніи будетъ печататься романъ Жюля Верна, со множествомъ рисунковъ. Такимъ образомъ, наши подписчики получатъ къ концу года, кромѣ двухъ томовъ журнала, и еще книгу, которая въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе трехъ рублей.

Подписная цѣна на журналъ «Вокругъ Свѣта» съ доставкою и пересылкой во всѣ города и ежемѣсячнымъ приложеніемъ:

4 р. въ г. съ перес.; 2 р. 50 к. въ полгода; 1 р, 50 к. въ 3 мѣс.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція «Вокругъ Свѣта», Арбатъ, д. Каринской.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 Г.

на еженедѣльный художественный юмористическій журналъ съ каррикатурами

# „СВЕРЧОКЪ“

(третій годъ изданія).

Журналъ «Сверчокъ» существуетъ уже третій годъ. Такъ же, какъ журналъ «Вокругъ Свѣта» имѣетъ оригинальную физіономію среди иллюстрацій, «Сверчокъ» занимаетъ обособленное мѣсто среди нашей юмористической прессы. Всѣ рисунки, которые несомнѣнно составляютъ центръ тяжести всякаго сатирическаго журнала, исполняются для «Сверчка» новымъ способомъ, еще не употреблявшимся въ Россіи. Этотъ способъ даетъ намъ возможность обходиться безъ литографской передачи, воспроизводя оригиналъ, данный намъ художникомъ, такъ, какъ онъ есть, не обезображивая его грубымъ переводомъ. Довѣривъ завѣдываніе художественною частью журнала людямъ, воспитаннымъ на хорошихъ образцахъ искусства, мы достигли того, что каждый нумеръ «Сверчка» носитъ благородное cachet вкуса и изящества. Такое же вниманіе обращено и на текстъ, и читатель встрѣтитъ въ «Сверчкѣ» настолько же бойкое перо, какъ и карандашъ.

Въ числѣ художниковъ «Сверчокъ» имѣетъ своими сотрудниками: Н. А. Богданова, Л. Порфирьева, Лебедева, Левитана, Чехова, Чичагова. Портреты извѣстныхъ русскихъ дѣятелей исполняются для «Сверчка» въ Парижѣ извѣстнымъ каррикатуристомъ Люкомъ.

«Сверчокъ», будучи самымъ дешевымъ отъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи, даетъ 50 №№ въ годъ, полныхъ рисунковъ каррикатуръ и бойкаго текста. Каждый нумеръ состоитъ изъ тетради въ одинъ печатный листъ и заключаетъ въ себѣ 10 колоннъ юмористическаго текста, состоящаго изъ хроники событій недѣли, разсказовъ, очерковъ, сценокъ, анекдотовъ, пародій, шутокъ, стихотвореній, остротъ и т. д., изъ 10 до 12 раскрашенныхъ и черныхъ каррикатуръ, исполненныхъ всѣми способами, какіе даетъ намъ состояніе современнаго графическаго искусства.

Подписная цѣна на «Сверчокъ» съ доставкою и пересылкою во всѣ города:

3 р. въ г. съ перес.; 2 р. въ полгода; 1 р. за 3 мѣсяца.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція «Сверчка», Арбатъ, д. Каринской.

торая въ общеобязательной формѣ указываетъ на содерженіе нравственно добраго поступка.

Этотъ выводъ подтверждается при ближайшемъ изслѣдованіи формулы Канта. Что принципъ, который предполагаетъ не только одно дѣятельное «я», но и множество подобнымъ образомъ дѣйствующихъ существъ, не можетъ быть чисто апріорнымъ, это очевидно. Совсѣмъ иное дѣло формы воспріятія и категоріи (формы понятій); тутъ предполагается, что они будутъ имѣть дѣло только съ матеріаломъ ощущеній, который понимается просто, какъ возбужденіе нашего «я». Понятіе же множественности нравственныхъ личностей, наоборотъ, есть, очевидно, внѣшній опытъ, вошедшій въ сознаніе сравнительно гораздо позднѣе; до того же момента, когда возникнетъ этотъ опытъ, нравственный законъ долженъ оставаться совершенно въ скрытомъ состояніи. Но если мы даже допустимъ, что это возможно, то никоимъ образомъ, съ наступленіемъ упомянутаго опыта, этотъ опытъ тотчасъ не будетъ вкладываться въ форму нравственнаго закона, на подобіе того, какъ воспринятыя ощущенія входятъ немедленно въ форму пространства, или воспріятія, существующія во времени, входятъ въ понятіе субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ нравственный законъ предписываетъ поступать такъ, какъ бы это требовалось всеобщимъ законодательствомъ, то этимъ самымъ онъ ставитъ вопросъ, на который нужно отвѣтить прежде, нежели мы приложимъ его къ какому-нибудь опытному содержанію. Какого свойства поведеніе приличествуетъ всеобщему законодательству? Кантъ говоритъ, что это—само собою понятно: я не могу желать, напримѣръ, лжи, какъ всеобщаго закона, потому что мнѣ въ такомъ случаѣ отплатятъ тою же монетой и также не будутъ вѣрить, или мы не должны признавать безсердечія за всеобщій принципъ, потому что иначе каждый долженъ отказаться отъ надежды на желаемую имъ помощь [1]). Если, такимъ образомъ, эти отвѣты суть результаты простаго размышленія (Reflexion), тогда, очевидно, нравственный законъ не есть формальный принципъ, который непосредственно и apriori можетъ быть примѣненъ къ эмпирическому содержанію поступковъ; но—или это примѣненіе предполагаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эмпирическое размышленіе о всеобщемъ согласіи и сочувствіи относительно даннаго образа дѣйствія, или результатъ подобнаго размышленія долженъ по меньшей мѣрѣ инстинктивно пронизывать сознаніе.

[1]) Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, S. 48.

Въ послѣднемъ случаѣ приходятъ къ принятію моральнаго влеченія, которое, однако, имѣло бы признакъ, противоположный всякимъ другимъ влеченіямъ, а именно, оно сопровождалось бы сопротивленіемъ своимъ собственнымъ проявленіямъ. Самъ Кантъ, несомнѣнно, склоняется на сторону перваго допущенія, вѣроятно, потому, что оно менѣе противорѣчиво. Однако, при такомъ размышленіи, предшествующемъ примѣненію нравственнаго закона, благо и страданіе собственнаго «я» всегда неизбѣжно принималось бы масштабомъ предполагаемаго всеобщаго законодательства.

Такимъ образомъ, приведенные выше выводы Канта принадлежатъ въ частностяхъ къ эгоистическому утилитаризму. Но въ обобщеніяхъ этихъ частностей, Кантъ не только оставляетъ въ сторонѣ эгоистическую мотивировку, но утверждаетъ даже, что не стремленіе къ личной пользѣ, а чистое уваженіе къ нравственному закону опредѣляетъ сообразный съ обязанностью поступокъ. Основанія, разсмотрѣнныя въ подробностяхъ, ясно показываютъ, что, какъ только размышленіе о конечной цѣли нравственныхъ поступковъ выходитъ изъ точки зрѣнія индивидуума, то эгоистическій утилитаризмъ составляетъ почти неизбѣжное слѣдствіе. Такъ какъ собственныя этическія потребности Канта шли въ разрѣзъ съ этимъ слѣдствіемъ, то онъ думалъ его избѣжать тѣмъ, что понималъ нравственный законъ настолько абстрактно, что утилитаризмъ скрывался у него за идеей «всеобщаго законодательства», и безстрастное повиновеніе этой идеѣ, дѣйствительно, мало склонной къ произведенію аффектовъ, было для него желанною помощью къ тому, чтобы дать выраженіе своему отвращенію передъ всякаго рода эвдемонизмомъ, а также своему стремленію къ полному отдѣленію нравственнаго отъ чувственнаго.

Такимъ образомъ, Кантъ занимаетъ исключительное среднее положеніе между свѣтскимъ и теологическимъ утилитаризмомъ своего времени. Къ первому принадлежатъ преимущественно его отдѣльные выводы относительно примѣненія нравственнаго закона. Къ послѣднему склоняетъ та противоположность, которую онъ положилъ между требованіемъ долга (Pflichtgebot) и естественною наклонностью, а также трансцендентный эвдемонизмъ (соображеніе о сверхчувственномъ высшемъ благѣ), который связанъ съ этою противоположностью. Наоборотъ, одному Канту принадлежитъ признаніе формальной апріорности категорическаго императива, которая находитъ себѣ опору въ его собственной теоріи познанія. Но такъ какъ эта формальная апріорность есть въ то же время и трансцендентная, указывающая на нашу сверх-

чувственную природу, какъ на свой источникъ, то она опирается и на теологическую утилитарную мораль, которая приписываетъ нравственному закону также трансцендентную природу, только съ тѣмъ различіемъ, что даетъ ему въ то же время опредѣленное содержаніе и выводитъ его прямо изъ божественной заповѣди. Это дополненіе дано въ кантовской философіи религіи, гдѣ Кантъ признаетъ за нами право относить нравственный законъ къ божественной заповѣди. Только причинное отношеніе между нравственнымъ закономъ и Идеей Бога у него въ нѣкоторомъ смыслѣ обратно. Мы не потому должны считать нравственный законъ безусловно обязательнымъ, что онъ данъ Богомъ, но потому должны признавать его божественнымъ закономъ, который даетъ намъ самимъ ручательство въ истинности вѣры въ Бога, что мы находимъ его въ себѣ, какъ безусловно обязательный [1]). Этому отношенію Канта къ теологической утилитарной морали его времени соотвѣтствуютъ также его религіозно-философскія стремленія найти родство между его собственною этикой и опредѣленными ученіями церкви, какъ, напримѣръ, съ догматомъ о наслѣдственности грѣха, оправданія черезъ вѣру, спасенія черезъ Христа, однимъ словомъ, этическія истолкованія церковныхъ догматовъ, въ которыхъ возродились вновь подобныя же стремленія Лейбница, только въ еще болѣе раціонализированной, разсудочной формѣ [2]).

Не смотря на свои слабыя стороны, этика Канта имѣла огромное вліяніе. Это вліяніе, прежде всего, обязано строгости понятія о долгѣ, энергическому устраненію эвдемоническаго и утилитарнаго мотивовъ. Чѣмъ большее распространеніе пріобрѣтали эти мотивы въ англійской, французской и, наконецъ, въ нѣмецкой философіи просвѣщенія, тѣмъ больше всѣ, кто не былъ согласенъ съ внѣшнею обыденною моралью, съ ея основанными на эгоистическихъ разсчетахъ или, въ лучшемъ смыслѣ, на мірской мудрости соображеніями, должны были чувствовать влеченіе къ строгости и серьезности этическихъ основоположеній Канта. Въ строгости кантовскаго понятія о долгѣ еще разъ ожилъ аскетическій духъ христіанской этики. Но и Кантъ не могъ дать этому воззрѣнію свободной отъ противорѣчій философской обосновки. Его обоснованія скорѣе впадаютъ отчасти въ свѣтскій, отчасти въ теологическій утилитаризмъ, и противъ воли пользуются

[1]) Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft, S. 69.
[2]) Тамъ же, 2 и 3 Stück., S. 65, 109 ff.

тѣми же самыми вспомогательными средствами, какими пользовались направленія, исключавшіяся ими [1]).

### b) Фихте.

Послѣдовавшій за Кантомъ нѣмецкій идеализмъ уклонился отъ него особенно въ томъ, что старался примирить существовавшую у Канта и столь важную для этики противоположность между понятіями феноменальнаго и умопостигаемаго. Этимъ сглаживалась пропасть между чувственнымъ и нравственнымъ,

---

[1]) Хотя Вундтъ понимаетъ Канта лучше многихъ другихъ его толкователей, извѣстныхъ намъ, но, намъ кажется, и онъ не вполнѣ справедливъ къ нему. Онъ упускаетъ изъ вида одно весьма важное мѣсто въ его критикѣ практическаго разума, гдѣ Кантъ самъ предвидѣлъ возраженіе, дѣлаемое ему Вундтомъ, о томъ, что его нравственный законъ, въ концѣ концовъ, обосновывается на соображеніяхъ блага, занимая средину между свѣтскимъ и христіанскимъ утилитаріанизмомъ (обѣщаніемъ высшаго блага). Не хотятъ замѣтить, что Кантъ вовсе не отрицалъ **счастья**, онъ даже считалъ его **элементомъ** высшаго блага, но только не тождественнымъ съ нравственностью: такъ, онъ говоритъ, на стр. 127 (2-го отд. о діалектикѣ чистаго разума въ опредѣленіи понятія о высшемъ благѣ): «счастіе и нравственность суть два специфически совершенно различныхъ элемента высшаго блага». Почему онъ счастье не считаетъ возможнымъ положить въ основу нравственнаго закона, великолѣпно объяснено имъ въ замѣчаніи II, къ 3-й теоремѣ первой книги аналитики чистаго практическаго разума (стр. 10 и 11), гдѣ онъ говоритъ, что нравственный законъ долженъ представлять всеобщую обязательность и какъ бы объективность, тогда какъ понятія о счастьи у каждаго свои, и если бы въ основу нравственнаго закона поставить счастье, то всеобщности этого закона не было бы. Вообще, разъ въ основу морали ставятся личныя влеченія, то люди окажутся сходящимися въ нихъ въ родѣ того, какъ два короля, сражающихся между собою, сходятся въ желаніи обладать одною и тою же крѣпостью. Единство желаній ведетъ тутъ не къ единству дѣйствій, а, наоборотъ къ враждѣ и борьбѣ. И такъ, счастье есть элементъ высшаго блага какъ и нравственность, «быть счастливымъ. — говоритъ Кантъ на стр. 10 того же 2-го примѣчанія—это необходимая потребность каждаго разумнаго, но конечнаго существа, и потому **неизбѣжное** основаніе, опредѣляющее его способность желанія». Но оно не можетъ служить основой закона морали, потому, что въ основѣ счастья лежитъ субъективное чувствованіе удовольствія и неудовольстія, «но съ измѣненіемъ этого ощущенія - и субъективно необходимый законъ (какъ законъ природы) становится объективно случайнымъ принципомъ, который можетъ быть и долженъ быть различнымъ въ различныхъ субъектахъ, слѣдовательно, никогда не можетъ быть закономъ». На стр. 106 «Основ. къ мет. нравовъ», онъ говоритъ, что разумъ можетъ возбудить чувство удовольствія или наслажденія въ исполненіи долга, а на стр. 10 «Аналитики практическаго разума» поясняетъ, что весь вопросъ въ томъ, что опредѣляетъ волю—чистый разумъ или склонности чувственнаго существованія.

*Ред.*

такъ какъ и то, и другое старались представить ступенями внутренняго необходимаго развитія. Какъ, по ученію Фихте, субъектъ и объектъ составляютъ моменты развитія одного и того же абсолютнаго «я», такъ чувственный и нравственный міръ, т.-е. царство знанія и практической дѣятельности, составляютъ одинъ кругъ дѣятельностей того «я», въ которомъ каждый членъ съ необходимостью вытекаетъ изъ предшествующаго. Послѣдній слѣдъ платоновской противоположности отражается здѣсь, конечно, въ томъ, что теоретическое «я» чувствуетъ себя какъ страдательное, а практическое—въ качествѣ дѣятельнаго «я». Но эта противоположность устраняется тѣмъ, что познающее «я» должно имѣть границу, которая, въ концѣ концовъ, является ему какъ дѣйствующій объектъ, и создается его собственною дѣятельностью, между тѣмъ, какъ существованіе нравственности покоится на томъ, что дѣятельность «я» уже переходитъ границу, за которою она и преслѣдуетъ свои цѣли, и въ безконечной отдаленности которыхъ, прежде всего, видна ея автономія*). Поэтому, для Фихте всякій нравственный поступокъ есть стремленіе къ идеалу. Идеалъ есть назначеніе человѣка, къ которому всегда нужно стремиться, хотя оно никогда не можетъ быть достигнуто вполнѣ; отсюда моральный законъ Фихте гласитъ: «выполняй всегда твое назначеніе!» **). Такимъ образомъ, къ указанному примиренію эмпирическаго съ умопостигаемымъ, чувственнаго съ нравственнымъ присоединяется, въ качествѣ новаго момента, мысль о развитіи. Какъ бы ни былъ различенъ теоретическій исходный пунктъ, въ этомъ случаѣ все-таки здѣсь лежитъ въ извѣстномъ смыслѣ поворотъ къ лейбницевскому перфекціонизму.

Въ указанную формулу Фихте могли бы вложить зерно своихъ этическихъ воззрѣній и Лейбницъ, и Вольфъ. Въ сравненіи съ Кантомъ,—отчасти введеніе идеи развитія, отчасти устраненіе противоположности между чувственнымъ и умопостигаемымъ представляютъ несомнѣнный прогрессъ. Совершенно неоправдывающая себя мысль о борьбѣ между безсодержательнымъ формаль-

---

*) Необходимо пояснить, что Фихте, какъ идеалистъ, производитъ все изъ «я», такъ что границы для теоретической или познавательной дѣятельности «я» создаются самимъ же «я», и представляются ему въ видѣ объективнаго міра, или объекта дѣйствующаго на «я». Т.-е. нашему «я» кажется, что на него дѣйствуетъ объективный міръ и ограничиваетъ его дѣятельность. А нравственность есть стремленіе побѣдить это самоограниченіе. Р е д.

**) System der Sittenlehre von 1798, Werke, Bd. 4, S. 18 ff,

нымъ принципомъ и эмпирически опредѣленными чувственными наклонностями и влеченіями, благодаря этому, устраняется. Борьба остается, но она превращается въ борьбу между однородными противниками, такъ какъ сводится къ противоположности между нравственнымъ и чувственнымъ влеченіемъ; слѣдовательно, и нравственное стремленіе понимается, какъ влеченіе, что можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если и здѣсь существеннымъ условіемъ представляется зависимость отъ чувственности, или, какъ выражается Фихте, «границы», которую дѣятельность «я» противопоставляетъ себѣ [1]). Только въ томъ, что нравственное влеченіе понимается въ то же время какъ чистое, какъ желаніе освободиться отъ всякой чувственной границы, и въ томъ, что въ концѣ концовъ, чувственное сливается со зломъ, отражаются здѣсь Платонъ и Кантъ.

Но та ненависть къ природѣ, которая наполняетъ философію Платона, принимаетъ значительно новую форму съ точки зрѣнія этого идеализма. Внѣшній міръ, который теоретически онъ понимаетъ, какъ творческую дѣятельность «я«, ограничивающую самаго себя, практически имѣетъ значеніе только средства къ его дѣятельности, матеріала для его творчества. Природа не есть сама по себѣ цѣль, но «вещи суть то, что мы изъ нихъ дѣлаемъ». Нравственная задача для стремленія «я» заключается, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы объектъ всецѣло сдѣлать служебнымъ субъекту: разумъ стремится реализировать себя (воплотить себя въ вещахъ), причемъ онъ вноситъ въ естественный міръ осуществленіе нравственнаго міропорядка. Это осуществленіе является въ постепенномъ слѣдованіи моментовъ развитія; послѣдній изъ этихъ моментовъ лежитъ въ безконечности, и каждому изъ этихъ моментовъ придается опредѣленное этическое значеніе.

Такъ, прежде всего, «я» находитъ себя какъ самесознающую индивидуальность, но индивидуальность (или единичная лич-

---

[1]) Изъ вышеприведеннаго примѣчанія для читателей ясно, что самая чувственность или конечность отдѣльныхъ «я» должна пониматься, какъ созданная самимъ же «я» (всеобщимъ, абсолютнымъ) въ процессѣ своего развитія. Все вытекаетъ изъ «я». Объектъ не могъ быть прежде «я», говоритъ Фихте, хотя «я», чтобы сознать себя (какъ «я»), должно было противопоставить себѣ «не я» (т.-е. объектъ). Необходимо добавить, что для нашего реально мыслящаго вѣка трудно мыслить отвлеченными понятіями и кто хочетъ понять мышленіе Фихте, долженъ вчитаться въ него, войти въ кругъ его мысли. Ред.

ность) возможна только въ томъ случаѣ, когда она составляетъ одно изъ многихъ разумныхъ существъ. Такъ какъ каждое изъ нихъ должно приписать себѣ одинаково свободную дѣятельность, то отношеніе отдѣльнаго существа къ цѣлой совокупности ихъ становится правовымъ отношеніемъ. Замѣчательно то во взглядѣ Фихте,—первоначально встрѣчающемся еще въ индивидуалистическихъ правовыхъ воззрѣніяхъ прошлаго столѣтія,—что его выводъ понятія о правѣ предполагаетъ только одну свободу отдѣльнаго лица, такъ что здѣсь государство является учрежденіемъ, имѣющимъ своею цѣлью только свободу индивидуума. Такъ какъ каждый имѣетъ одинаковыя притязанія на эту свободу, то онъ желаетъ найти для этого соотвѣтственныя правила, которыя устраняли бы неравенство. При всемъ томъ, послѣдовательные выводы изъ основной мысли Фихте уже въ его первомъ трудѣ по философіи права выводятъ его за эти предѣлы: такъ какъ существуетъ только одинъ разумъ, который допускаетъ возникновеніе множества индивидуумовъ, то и въ государствѣ и еще больше во всемъ человѣчествѣ разумъ также одинъ. Совершенно такой смыслъ мы находимъ въ его позднѣйшихъ политическихъ проектахъ (Vorschläge), которые сильно напоминаютъ идеалъ государства платоновской республики [1]).

Какъ границы, которыми Фихте въ своемъ «замкнутомъ промышленномъ и торговомъ государствѣ» («geschlossenen Handelsstaat») хотѣлъ [2]) оградить извнѣ единичное государственное существо, составляютъ рѣдкій контрастъ съ человѣчнымъ идеаломъ нравственности, который у него постепенно пробивается сквозь субъективизмъ, такъ и для первичной тенденціи философа характеристично то, что въ изложеніи его «нравственнаго ученія» вовсе нѣтъ мѣста государству. За то все здѣсь еще болѣе проникнуто тѣмъ исключительно интеллектуальнымъ пониманіемъ нравственнаго и тѣмъ подчиненіемъ единичной воли единому и чистому разуму, которыя напоминаютъ Спинозу. Въ противоположность естественному влеченію, приходящему къ наслажденію, выставляется чистое удовлетвореніе самимъ собою, какъ слѣдствіе нравственнаго влеченія. Стало быть, наслажденіе есть слѣдствіе ограниченности природы, отъ которой нравственное влеченіе стремится освободиться. Всѣ естественныя

[1]) Grundlage des Naturrechts (1796), Werke, III, Стр 203. Staatslehre von 1813, IV, Стр. 431 ff.

[2]) Der geschlossene Handelsstaat, 1800, Werke, III, Стр. 399.

влеченія, даже состраданіе, такимъ образомъ, сами по себѣ не нравственны и только терпимы, такъ какъ человѣкъ всегда остается ограниченнымъ существомъ. Но и въ качествѣ таковаго онъ достигаетъ высшей, возможной для него, ступени, когда поступаетъ только ради долга, и не наслаждается своимъ поступкомъ, а холодно одобряетъ его. «То, что такимъ образомъ образомъ одобряется въ поведеніи, называется справедливымъ, а то, что такимъ образомъ одобряется въ познаніяхъ называется истиннымъ [1]).

Спиноза, Кантъ и интеллектуализмъ сливаются здѣсь во едино. Но если кто спросилъ бы, что такое право, то на это отвѣтъ гласитъ: то, что ты въ твоей совѣсти непосредственно познаешь, какъ долгъ: категорическій императивъ, въ которомъ формулировка нравственнаго закона освобождена отъ опредѣленнаго содержанія. Къ этому только нужно еще прибавить, что такъ какъ міръ есть матеріалъ для осуществленія нашего долга, то разумъ и воля, составляющія въ этой системѣ одно и то же, говорятъ намъ, что мы должны стремиться сдѣлать его видимымъ образцомъ нравственнаго. Въ этомъ стремленіи проявляется наше творчество, и мы сами составляемъ часть того цѣлаго, которое мы называемъ нравственнымъ міропорядкомъ, и которое у Фихте отождествляется съ Богомъ.

Фихте все болѣе и болѣе въ своихъ позднѣйшихъ изложеніяхъ выводилъ на первый планъ это общее и отодвигалъ назадъ конечную волю, пока, наконецъ, у него-дѣйствительный міръ не превратился въ реализированіе сверхъ—дѣйствительнаго (Ueberwirklichen), въ которомъ все болѣе и болѣе уничтожались границы множественности и временности (Zeitlichkeit), и который въ отдѣльныхъ личностяхъ проявляется какъ любовь къ человѣчеству. Принципъ нравственнаго закона теперь ужь есть созерцаніе Бога, и оно же является въ то же время конечною цѣлью и осуществленіемъ этого нравственнаго закона [2]).

Такимъ образомъ, во взглядахъ этого мыслителя происходятъ одновременно двѣ метаморфозы, метафизическая и этическая. Его идеализмъ, вначалѣ съ сильнымъ субъективнымъ отпечаткомъ, принимаетъ пантеистическую и въ въ то же время религіозную форму; его моральный принципъ, первоначально индивидуалистическій, поставляющій цѣлое общество на служеніе цѣлямъ отдѣль-

---

[1]) System der Sittenlehre, Стр. 167.

[2]) Die Thatsachen des Bewustseins, 1813, Werke, II, стр. 625 ff.

ной личности, заставляетъ индивидуума все болѣе и болѣе исчезать въ общемъ развитіи разума. Эти превращенія совершаются такъ постепенно и непрерывно, что Фихте не безъ нѣкотораго права могъ утверждать, что его философія постоянно остается одинаковою. Но и здѣсь въ измѣненіяхъ воззрѣній отдѣльнаго философа отражаются и болѣе всеобщія духовныя теченія. Фихте обозначаетъ для этики переходъ отъ индивидуализма и субъективизма прошедшаго столѣтія къ болѣе универсальнымъ воззрѣніямъ на жизнь, которыя въ то же время придаютъ болѣе высокое значеніе объективнымъ проявленіямъ нравственнаго въ правѣ, государствѣ и исторіи. Въ этомъ смыслѣ начатый Фихте трудъ довелъ до конца Гегель.

### с. Гегель.

Не смотря на то, что Гегель усвоилъ себѣ сдѣланныя Фихте теоретическія предположенія о діалектическомъ развитіи всякаго понятія и всякой отражающейся въ понятіяхъ реальности, онъ совершенно устраняетъ заимствованную его предшественникомъ у Канта противоположность (Zwiespalt) между областью чувственнаго и нравственнаго или, по крайней мѣрѣ, настолько, что самъ не пользуется, для указанной мысли о діалектическомъ развитіи, противопоставленіемъ другъ другу моментовъ природы и духа.

Но такъ какъ природа и духъ и различныя ступени духовной жизни понимаются, какъ моменты единаго логическаго развитія, передъ которымъ стушевывается понятіе Фихте о границахъ и его противоположность между страдательнымъ и дѣятельнымъ «я», то вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и различіе между этическимъ и теоретическимъ. Оба сливаются въ общемъ понятіи разумнаго. Нравственный міръ есть лишь болѣе высокая форма проявленія міроваго духа, чѣмъ міръ естественный. Какъ тотъ міръ такъ и другой представляютъ собой логически опредѣленную цѣпь (Gefüge) воплощеній идеи (begrifflicher Gestaltungen). Та противоположность между долженствованіемъ и бытіемъ, въ какую Кантъ поставилъ отношеніе между нравственнымъ и естественнымъ закономъ, здѣсь исчезаетъ. «То, что разумно, то—дѣйствительно, и что дѣйствительно—то разумно» [1]). Этимъ возстановляется точка зрѣнія этики Спинозы, взятая въ ея чистомъ видѣ. Однако, въ двухъ отношеніяхъ новѣйшій Спинозизмъ суще-

[1]) Rechtsphiloso hie, Vorrede, стр. 17. Werke, Bd. стр.

ственно удалнется отъ первоначальнаго. Во-первыхъ, этика самаго Спинозы, соотвѣтственно всему направленію его времени, была индивидуальною. Въ чемъ заключается благо отдѣльнаго человѣка—въ этомъ состоитъ у него этическій вопросъ. У Гегеля, напротивъ, тѣ формы нравственной жизни, которыя относятся къ отдѣльнымъ нравственнымъ личностямъ, составляютъ право, насколько оно является правомъ отдѣльнаго лица въ отношеніи къ другому лицу или обществу, а тѣ низшія формы, когда собственно нравственность проявляется только въ строѣ общей человѣчной жизни,—въ семьѣ, въ гражданскомъ обществѣ, наконецъ, въ нравственномъ духѣ міровой исторіи—суть субъективная моральность [1]). Въ качествѣ источника нравственности Гегель выставляетъ поэтому не субъективную, но объективную волю, то-есть то безличное господство общаго міроваго разума, носителемъ и выполнителемъ котораго онъ считаетъ волю отдѣльнаго человѣка. Поэтому, и право, и моральность, хотя они относятся къ отдѣльнымъ личностямъ, имѣютъ у него свой источникъ не въ личности, но являются нѣкоторымъ образомъ лишь отраженіемъ на единичной волѣ упомянутой объективной воли, господствующей въ человѣческомъ обществѣ. Въ этомъ общемъ понятіи о нравственномъ развивается въ болѣе широкой формѣ основная мысль платоновскаго ученія о государствѣ—что благо достигается только въ государствѣ, и притомъ не какъ благо отдѣльнаго человѣка, а какъ благо, само становящееся объективнымъ въ политическомъ обществѣ. Второе важное отличіе по отношенію къ Спинозѣ заключается въ выставленномъ Гегелемъ моментѣ развитія. Философія Гегеля есть тоже эволюціонизмъ, но въ другомъ совершенно смыслѣ, нежели у Вольфа или у Фихте. У Гегеля трактуется не объ усовершенствованіи нравственнаго субъекта; процессъ развитія совершается у него всецѣло въ области объективнаго знанія, всеобщаго міроваго разума. Побудительною причиной развитія является уже не субъективная свобода воли, а логическая необходимость имманентная разуму. Это міровозрѣніе также подчинено идеѣ необходимости, какъ и міровоззрѣніе Спинозы, однако, понятіе послѣдняго о неподвижной неизмѣнной субстанціи разрѣшается у Гегеля въ развитіе абсолютнаго разума.

Въ этическомъ отношеніи центръ тяжести философіи Гегеля

---

[1]) Rechtsphilosophie стр. 312. Encyklopädie der philos. Wissenschaften, III, стр. 376, Werke, Bd. 7, Abth. 2.

несомнѣнно лежитъ въ устраненіи обычной субъективистической точки зрѣнія этики, отъ которой осталась одна только тѣнь въ отношеніи права и морали къ единичнымъ личностямъ. Эта мораль здѣсь уже не индивидуальна: индивидуумы только ея носители и выполнители; сама она во всѣхъ своихъ формахъ представляетъ міровую волю, объективированіе абсолютнаго разума, развитіе божества въ человѣчествѣ и его исторіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это пониманіе болѣе возвышенное, нежели обычная субъективистическая мораль; извѣстно также, что оно обращаетъ вниманіе на промахи послѣдней. Субъективистическая мораль признаетъ прямо за достовѣрное, что семья, государство и общество существуютъ только для отдѣльныхъ лицъ. Она знаетъ мораль только въ формѣ отдѣльныхъ нравственныхъ личностей. Но это предположеніе подвергается сомнѣнію, и очевидно, что нравственное обсужденіе личности должно быть совершенно иное, коль скоро утверждаютъ, что государство, общество, исторія суть не только средства для осуществленія цѣлей отдѣльныхъ лицъ, а и сами цѣли, что и для нихъ существуетъ самостоятельная мораль, по отношенію къ которой отдѣльныя личности являются лишь служебными вспомогательными средствами.

Возбужденіе этого вопроса, который со временъ Платона почти совершенно замолкъ, должно быть поставлено въ особую заслугу послѣкантовскому идеализму и въ особенности Гегелю; эта заслуга заставляетъ до извѣстной степени даже забывать нѣкоторыя его слабыя стороны, какъ, напримѣръ, презрительное отношеніе къ отдѣльнымъ наукамъ и безполезный формализмъ его діалектическаго метода. Но другое дѣло, конечно, не черезчуръ-ли далеко хватаетъ это воззрѣніе, когда у него индивидуальная сторона нравственности совершенно исчезаетъ, и когда онъ заставляетъ мораль со всѣми ея специфическими признаками совершаться сполна въ развитіи всеобщаго разума. Этого вопроса мы еще коснемся Спиноза, все міровоззрѣніе котораго основано на религіозныхъ потребностяхъ, съумѣлъ удержать за нравственнымъ его мѣсто когда слилъ его съ субъективнымъ религіознымъ погруженіемъ въ идею абсолютнаго. Вслѣдствіе этого, понятіе нравственности было у него вполнѣ внутреннимъ. У Гегеля же, прямо наоборотъ, нравственное совпадаетъ съ объективно историческимъ развитіемъ абсолютнаго. Но насколько въ этомъ заключается извѣстнаго рода прогрессъ въ міровоззрѣніи сравнительно съ воззрѣніемъ Спинозы, настолько этическая задача сдвинута здѣсь съ своего мѣста гораздо болѣе, чѣмъ у Спинозы. Она до такой степени всецѣло пе-

реходитъ въ историческую и фактическую, что различная этическая цѣнность разныхъ элементовъ дѣйствительной жизни совершенно исчезаетъ. Какъ самъ Гегель смотрѣлъ на отдѣльныхъ лицъ, какъ на носителей общаго міроваго разума, такъ и объ его системѣ и именно объ ея точкѣ зрѣнія, легшей въ основаніе дальнѣйшаго развитія этики, можно сказать, по меньшей мѣрѣ, что она была носительницей широко распространенныхъ идей его времени. Ничто такъ не подтверждаетъ этого, какъ тотъ фактъ, что рядъ современныхъ мыслителей, уклоняющихся отъ Гегеля въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, видѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ нравственности проявленіе общаго міроваго разума и отсюда также придавалъ наибольшее значеніе формамъ нравственной жизни въ государствѣ и обществѣ.

### d) Переходныя направленія между универсализмомъ и индивидуализмомъ.

Среди этихъ стремленій, ближайшаго вниманія заслуживаютъ особенно тѣ, которыя, въ противоположность слишкомъ односторонне предпочтенію общихъ и объективныхъ формъ гегелевской системы, стараются отвести надлежащее мѣсто единичной личности въ цѣломъ нравственной жизни. Среди мыслителей этого направленія особенно достойны замѣчанія Шлейермахеръ и Краузе по глубинѣ и энергіи своихъ этическихъ воззрѣній.

По своей діалектической формѣ нравственное ученіе Шлейермахера ближе всего сходится съ теоретическою этикой Фихте и Гегеля. Но какъ онъ уже въ своей «Діалектикѣ» старается примирить идеалистическое міровоззрѣніе съ реалистическимъ, противопоставляя формамъ понятій и ихъ соединеніямъ въ нашей мысли соотвѣтствующія имъ реальныя формы и соединенія предметовъ и полагая процессъ познанія въ совпаденіи одного съ другимъ [1]), такъ точно и въ этической области онъ выходитъ изъ противопоставленія разума и природы. Сообразно съ этимъ, указывая предметомъ этики дѣйствіе разума на природу, онъ даетъ этикѣ самый широкій объемъ [2]). Въ единеніи природы и разума заключается у него понятіе добра. Поэтому, благъ столько, сколько внѣшнихъ формъ дѣйствія разума,

[1]) Dialektik, herausgeg. von Jonas, стр. 106 ff.

[2]) Grundriss der philosophischen Ethik, herausgeg. von Twesten, Einleitung, II и III.

а изъ совокупности ихъ всѣхъ составляется понятіе высшаго блага [1]). Сила разума надъ природой есть добродѣтель; законъ, по которому дѣйствуетъ эта сила, есть обязанность [2]). Не надо забывать согласія этого воззрѣнія съ Фихте; но природа здѣсь уже не составляетъ границы, отъ которой нравственная воля стремится освободиться совершенно; она представляется реальною силой, которая, при возникновеніи нравственнаго, такъ же необходима для дѣятельности разума, какъ матерія для формы. Еще болѣе это значеніе естественнаго для нравственнаго освѣщается тѣмъ, что Шлейермахеръ считаетъ процессъ природы ступенями къ нравственной дѣятельности. Въ механизмѣ и химизмѣ, въ растительномъ и животномъ царствахъ должно уже начинаться то внутреннее возсоединеніе (Ineinsbildung) разума и природы, которое потомъ достигаетъ высшей своей ступени въ образованіи человѣка. Здѣсь повторяется гегелевская попытка объясненія нравственнаго въ общемъ процессѣ развитія, обнимающемъ, въ концѣ концовъ, природу и духъ; но она повторяется въ формѣ, измѣненной противопоставленіемъ разума и природы. Дѣйствіе разума, которое на низшихъ ступеняхъ обнаруживается какъ влеченіе, на высшихъ какъ воля, Шлейермахеръ раздѣляетъ далѣе сообразно своему принципу діалектическаго двухчленнаго дѣленія (Zweigliederung) на организирующее и символизирующее. Организирующее стремится дѣйствовать на природу, какъ таковую, чтобы въ естественномъ порядкѣ осуществить законъ разума. Символизирующее пользуется природой, чтобы пріобрѣсти черезъ нее внѣшніе, чувственные символы своей дѣятельности. Къ области организирующей дѣятельности принадлежатъ отсюда договоръ и собственность, къ области символизирующей—языкъ, какъ средство для выраженія мысли и искусство, какъ средство выраженія чувствованій. Этимъ четыремъ областямъ дѣятельности разума соотвѣтствуютъ, въ концѣ концовъ, четыре этическихъ организаціи: государство, общественный союзъ, школа и церковь. Съ ними въ извѣстное отношеніе Шлейермахеръ ставитъ и четыре своихъ кардинальныхъ добродѣтели; таковы: благоразуміе (Besonnenheit), постоянство (Beharrlichkeit), мудрость и любовь [3]). Рядомъ съ ними стоятъ четыре обя-

[1]) Philos. Ethik, стр. 38 ff. Grundlinien einer Kritik der bisherigen Sittenlehre, стр. 231.

[2]) Philos. Ethik, стр. 179, 207.

[3]) Тамъ же стр. 179—206.

занности: правовая обязанность, обязанность призванія, обязанность любви и долгъ совѣсти, общее содержаніе которыхъ опредѣляется формулировкой нравственныхъ заповѣдей [1]).

Въ этихъ выраженіяхъ, содержаніе нравственныхъ поступковъ опредѣлено насколько возможно полно, чѣмъ они и отличаются отъ формулы Канта. Общій характеръ воззрѣній сходенъ съ нравственнымъ ученіемъ Фихте. Однако, въ двухъ отношеніяхъ Шлейермахеръ идетъ дальше своего предшественника. Во-первыхъ, у него субъектъ, на котораго направлена нравственная заповѣдь, не является неопредѣленнымъ, общимъ или вездѣ одинаковымъ, а есть конкретная единичная личность, съ ея индивидуально опредѣленными склонностями и силами и съ приспособленнымъ къ нимъ специфическимъ нравственнымъ призваніемъ. Нравственное у него универсально настолько, насколько человѣческая природа одинакова; оно индивидуально, какъ скоро возбуждается вопросъ, частью объ особенныхъ его свойствахъ, частью о томъ мѣстѣ, какое занимаетъ отдѣльный человѣкъ въ общественномъ организмѣ. Нигдѣ такъ не проявляется практически этическая способность этого человѣка, какъ въ этомъ оттѣненіи необходимости индивидуализированія нравственнаго, вмѣстѣ съ которымъ онъ вноситъ въ этическую теорію моментъ, на который до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія. Но онъ весьма далекъ отъ того, чтобы этическое понимать только индивидуально, какъ это еще сдѣлали Кантъ и Фихте въ своихъ начальныхъ трудахъ. Гораздо больше значеніе специфически нравственнаго направленія личности лежитъ у него въ томъ, что она занимаетъ въ цѣлой совокупности нравственныхъ формъ (Bildungen) опредѣленное, свойственное лишь ей, мѣсто, и потому онъ оттѣняетъ, какъ никто до него не оттѣнялъ, этическое значеніе призванія. Онъ согласенъ съ Гегелемъ въ томъ, что вся совокупность нравственной культуры, которая осуществляется въ обществѣ, государствѣ и человѣчествѣ, имѣетъ высшую цѣну, нежели отдѣльная личность; но онъ не могъ допустить, чтобы личность совершенно затерялась въ цѣломъ, а старается выставить ея цѣнность, какъ для себя, такъ и для цѣлаго.

Глубину этическихъ мыслей Шлейермахера можно было бы, пожалуй, показать яснѣе, если бы его теорія не была затемнѣна

---

[1]) Тамъ же стр. 214—226.

его діалектическимъ предразсудкомъ и связаннымъ съ этимъ неразумнымъ смѣшеніемъ съ натурфилософіей. Но въ этомъ случаѣ все это время стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ Шеллинговской философіи тождества. Ему подчиняется также мыслитель, который (какъ бы ни были различны ихъ взгляды) въ общемъ направленіи своей этики ближе всего соприкасается съ Шлейермахеромъ, т.-е. Карлъ Хр. Краузе.

У Краузе не только его теоретическіе взгляды (которыхъ мы не раздѣляемъ) дѣлаютъ его философію мало понятною для насъ, но еще болѣе отталкиваетъ читателя странная терминологія, которую онъ изобрѣлъ для себя, такъ что значительную долю невниманія, которымъ долгое время пользовалась философія этого человѣка, нужно приписать этому внѣшнему обстоятельству [1]). Его методическія разсужденія приходится пропустить, такъ какъ изъ нихъ нѣтъ ни одного которое бы теперь мы могли назвать этимъ именемъ. У него господствуетъ идея Шеллинговскаго «умственнаго созерцанія», эта современная форма новоплатоническаго экстаза, которая позволяетъ ему, между прочимъ, считать мечтанія Сведенборга за философскія откровенія, такъ что въ своей философіи права онъ даже, подобно ему, занимается человѣчествомъ, живущимъ внѣ земли, т.-е. человѣчествомъ другихъ міровыхъ тѣлъ и цѣлой вселенной [2]). Если мы отбросимъ всѣ эти фантазіи, то останется все-таки богатство болѣе глубокихъ и важныхъ мыслей, которыя не должны быть вполнѣ забываемы и въ этикѣ. Самъ Краузе называетъ свою философію «панентеизмомъ». Этимъ онъ хотѣлъ показать, что онъ принимаетъ самую тѣсную связь между Богомъ, міромъ и отдѣльными людьми, причемъ, однако, у него не исчезаетъ, какъ въ пантеизмѣ, Богъ въ мірѣ, а отдѣльный человѣкъ въ единствѣ и того, и другого. Это напоминаетъ новоплатоновскія представленія, и во всякомъ случаѣ этому философу, такъ же, какъ и кому-либо изъ его предшественниковъ, мало посчастливилось довести мысли древней эманаціи до понятной ясности. Хотя не слѣдуетъ забывать, что

---

[1]) Въ этомъ отношеніи принадлежитъ именно ученикамъ Краузе по философіи права та заслуга, что они въ удобномъ для чтенія изложеніи распространили его идеи. Vgl. Röder, Grundzüge des Natrrechts und der Rechtsphilosophie (sic?), 2 Aufl. Leipzig und Heidelberg 1863. Ahrens, Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staates, 6. Aufl., 2 Bd. Wien 1870—71.

[2]) Lebenlehr und Philosophie der Geschichte, herausgeg. von Leonhardi, 1843, стр. 155. System der Rechtsphilosophie, herausgeg. von Röder, 1874, стр. 73, 463 ff. System der Sittenlehre, I, 1810, стр. 397.

всѣ его этическія воззрѣнія проникнуты этою мыслью. Когда изначальная воля божества дѣйствуетъ въ волѣ (или черезъ волю) человѣка, — является добро. Поэтому, добро есть всеобщій законъ, и онъ долженъ быть предметомъ желанія самъ по себѣ [1]). Зло же возникаетъ вслѣдствіе ограниченности отдѣльнаго существа, а потому въ общей связи цѣлаго оно исчезаетъ, какъ разрѣшенный диссонансъ; мало того, философъ—оптимистъ убѣжденъ, что уже въ дѣйствительной жизни, вслѣдствіе успѣховъ воспитанія и образованія, науки и искусства, зло будетъ становиться все рѣже и рѣже и все болѣе будетъ считаться просто болѣзненнымъ явленіемъ [2]).

Нѣтъ нужды доказывать, что эти мысли никоимъ образомъ не новы. Однако, до нѣкоторой степени новымъ является здѣсь примѣненіе ихъ къ совокупной жизни человѣчества, проявляющейся въ правѣ, государствѣ и исторіи. Всякое право, по Краузе, исходитъ отъ Бога, отъ котораго исходитъ и разчлененіе общества до отдѣльныхъ личностей, и историческая жизнь человѣчества. Въ органическомъ строеніи общества болѣе обширное и охватывающее имѣетъ высшее значеніе, а отсюда—и высшее право, нежели болѣе ограниченное. Такимъ образомъ, цѣлому человѣчеству подчинено отдѣльное государство, послѣднему—его частные члены, которымъ, въ концѣ концовъ, подчиняются отдѣльныя личности. Но право вообще обнимаетъ у Краузе не только внѣшнія, но и внутреннія жизненныя условія: оно должно дать возможность каждому полно раскрыть въ жизни свои духовныя свойства (особенности) и быть вѣрнымъ, такимъ образомъ, призванію, которое отведено ему въ органическомъ цѣломъ всего человѣчества [3]). Даже по отношенію къ преступнику примѣнять ограниченіе свободы дозволительно всегда лишь какъ средство, но никогда какъ цѣль, въ силу этого исконнаго права личности. На него нужно смотрѣть, какъ на несовершеннолѣтняго, котораго нужно направить къ его призванію, насколько можно, путемъ воспитанія и разъясненія дѣйствительныхъ правъ какъ его, такъ и другихъ [4]). Какъ отдѣльный человѣкъ переходитъ къ государству, а государство въ организмъ человѣчества, такъ, въ концѣ концовъ, въ исторической жизни человѣчества повторяются жиз-

[1]) System der Sittenlehre, I, стр. 279 ff.

[2]) Тамъ же стр. 350 ff.

[3]) System der Sittenlehre, стр. 414.

[4]) Rechtsphilosophie, стр. 310; Lebenlehre und Philosophie der Geschichte стр. 307 ff.

ненные періоды отдѣльнаго человѣка, время зарожденія, роста и зрѣлости, по истеченіи которыхъ, повидимому, должны повторяться тѣ же эволюціи, но болѣе высшей ступени, и такъ въ безконечность [1]).

Руководящій мотивъ этихъ выводовъ заключается, несомнѣнно, въ стремленіи одинаково удовлетворить этическому во всѣхъ его видахъ: въ видѣ нравственной единичной личности, какъ и осуществленіямъ нравственной идеи въ правѣ, государствѣ и обществѣ, и въ этомъ «членостроеніи» (Gliedbau) нравственнаго дать каждой области свойственное ей по отношенію къ цѣлому мѣсто. Въ этомъ стремленіи Краузе совершенно сходится съ Шлейермахеромъ. Но какъ далеко отстаетъ онъ отъ него въ обоснованіи своихъ этическихъ мыслей! Правда, и этика Шлейермахера, къ своей невыгодѣ, лежитъ на фундаментѣ теоретической натурфилософіи, но болѣе частные выводы имѣютъ видъ достаточно независимый отъ этого основанія. У Краузе же метафизика, этика, эстетика, ученіе о правѣ и государствѣ слились въ одну мистическую теософію. Добро и красота становятся непосредственнымъ созерцаніемъ Бога, всѣ объективныя проявленія нравственнаго превращаются въ «переживаніе Бога въ конечномъ». Мало того, что все у этого мыслителя разсматривается «Sub specie aeternitatis», онъ и не думаетъ ни разу задать вопросъ: что же, поэтому, можетъ заключаться въ отдѣльномъ человѣкѣ, помимо его отношенія къ вѣчному? Что такое доброе и прекрасное? Какъ возникаютъ право и государство въ своей эмпирической дѣйствительности, этого мы не знаемъ, мы должны уяснить себѣ участіе верховной воли въ отдѣльныхъ воляхъ или переживаніе Бога въ исторіи. Однако, тотъ моментъ, который у Шлейермахера оставался на заднемъ планѣ, въ этой философіи значительно выступаетъ впередъ. Это углубленіе въ задачу о б ъ е к т и в н о й нравственности въ правѣ, въ государствѣ и въ исторіи, свидѣтельствуетъ о настоящемъ историческомъ смыслѣ, не смотря на нѣкоторыя фантастическія мечтанія. Здѣсь Краузе соприкасается съ Гегелемъ. Но отъ послѣдняго отдѣляетъ его болѣе высокая оцѣнка нравственной отдѣльной личности, благодаря которой и его понятіе права становится существенно инымъ. Особенно вслѣдствіе этого въ его философію вошло энергическое оттѣненіе того (стоящаго въ полной противоположности со старыми теоріями права) основоположенія, что право есть органическое цѣлое

[1]) System der Sittenlehre, стр. 441.

всѣхъ, зависящихъ отъ человѣческой свободы, жизненныхъ явленій. Этой мысли Краузе обезпечено почетное мѣсто въ исторіи новѣйшей этики, хотя изъ ближайшихъ ея выводовъ только немногое должно быть признано прочнымъ.

Если у упомянутыхъ мыслителей господствуетъ стремленіе, обезпечить за отдѣльнымъ человѣкомъ его значеніе въ цѣлой совокупности нравственной жизни, то, наоборотъ, въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ стремленіемъ, а также съ принятіемъ нравственности, существующей объективно, въ государствѣ и исторіи, стоитъ послѣдній представитель умозрительнаго идеализма, Шопенгауеръ. Отдѣльная личность, по его теоріи ничтожна и мимолетна, остается постоянно только родъ, для цѣлей котораго трудится и приноситъ себя въ жертву отдѣльный человѣкъ, не сознавая этого, мало того, обманывая себя мечтой объ увеличеніи собственнаго счастія. Но и жизнь рода представляется ему колебаніемъ между смертью и рожденіемъ, гдѣ ничего нѣтъ постояннаго, кромѣ страданія и обмана отдѣльнаго лица. Государство, по его мнѣнію, есть принудительное учрежденіе, которое держитъ въ границахъ эгоистическія влеченія и пользуется для этого, въ качествѣ самаго дѣйствительнаго средства, страхомъ наказанія; исторія есть комедія глупцовъ, въ которой каждый актеръ думаетъ обмануть другаго и, въ концѣ концовъ, обманываетъ самого себя. Только искусство доставляетъ мимолетное счастіе, когда возвышается до чистаго, безкорыстнаго созерцанія идей. Единственное прочное удовлетвореніе, однако, вытекаетъ изъ отрицанія воли, изъ отказа отъ всякаго стремленія и болѣе всего изъ отказа отъ жизни. Но общая характеристическая черта этическаго міровоззрѣнія послѣдователей Канта выступаетъ и у этого мыслителя, когда онъ не находитъ никакого другаго источника для моральнаго влеченія, кромѣ той общей міровой воли, въ которой уничтожается всякое различіе индивидуумовъ. Моральный принципъ Шопенгауера, состраданіе [1]), кажется са-

[1]) По Шопенгауэру, всѣ мы суть проявленія одной общей, слѣпой міровой воли; наша индивидуальность есть лишь явленіе, т.-е. нѣчто кажущееся, представляющееся намъ, какъ и вообще міръ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его познаемъ. Единственное, что можно признать въ немъ дѣйствительно существующимъ, это—воля, ибо мы ее знаемъ въ себѣ непосредственно, помимо чувственнаго опыта, хотя и она все же является намъ подъ формами обманчивыми, въ видѣ желаній, влеченій, и пр. Эта-то воля, дѣйствующая въ каждомъ изъ насъ и во всѣхъ вмѣстѣ, хотя и кажущаяся намъ отдѣльною въ каждой личности, но на самомъ дѣлѣ единая, какъ сила или матеріа, она-то и заставляетъ насъ сочувствовать или сострадать другимъ, ибо

мому ему недоступнымъ для эмпирическаго выведенія. Это, какъ онъ выражается, таинство, которое заключается только въ Ἓν καὶ πᾶν, въ той истинѣ, что «я» познаетъ себя въ другомъ и потому чувствуетъ его страданіе, какъ свое собственное.

Какъ въ этомъ отвращающемся отъ міра, мыслителѣ почти противъ собственной его воли проложило себѣ путь универсальное направленіе новѣйшей этики, такъ не менѣе вѣскимъ показателемъ теченій его времени служитъ и то, что даже сами тѣ системы философіи морали, развитіе которыхъ совершилось на почвѣ болѣе древняго эмпиризма и въ борьбѣ со всякой метафизикой, даже и они являются въ нѣкоторой степени родственными воззрѣніямъ Гегеля, Шлейермахера и Краузе, именно благодаря своей соціальной и универсальной тенденціи. Этотъ симптомъ тѣмъ важнѣе, что взаимное вліяніе этихъ обоихъ духовныхъ движеній едва-ли могло имѣть мѣсто. По крайней мѣрѣ, самое важное изъ области этого развитія новѣйшей реалистической этики, а именно развитіе англійской нравственной философіи стоитъ внѣ всякаго отношенія къ стремленіямъ нѣмецкой философіи.

### 4) Новѣйшая реалистическая этика.

Къ реалистической этикѣ мы причисляемъ всѣ тѣ направленія, которыя стремятся добыть этическіе принципы изъ дѣйствительныхъ (реальныхъ) отношеній нравственной жизни. Пусть при этомъ такіе принципы имѣютъ идеальный характеръ настолько, что будетъ признано, что они никогда не достигаютъ въ опытной дѣйствительности полнаго осуществленія, адекватнаго той формѣ, въ какой они даны въ теоріи. Тѣмъ не менѣе, если только они въ то же время выведены не изъ идеала, т. е. не изъ положеній, которыя невозможно констатировать въ дѣйствительности, то ихъ возможно съ теоретической точки зрѣнія причислять къ реалистическому направленію. Такъ какъ реалистическая этика выходитъ изъ реальныхъ нравственныхъ явленій опыта, то она ближе всего примыкаетъ къ прошедшему развитію эмпирической моральной философіи, къ которой она стоитъ въ такомъ же отношеніи, какъ новѣйшія воззрѣнія умозрительнаго идеализма къ старой метафизикѣ. Благодаря этому опытному основанію, она можетъ быть разсматриваема просто, какъ продолженіе этическаго эмпиризма. Въ то время, однако, какъ древній

въ этомъ состраданіи мы безсознательно чувствуемъ единство нашей общей субстанціи, воли. Ред.

эмпиризмъ почти всецѣло вдался въ изслѣдованіе мотивовъ нравственнаго и отодвинулъ, сравнительно, на задній планъ соображеніе о цѣляхъ его, эти цѣли составляютъ для новѣйшей реалистической этики предметъ преимущественнаго вниманія. При этомъ современный реализмъ до извѣстной степени удаляется по необходимости отъ почвы опыта, такъ какъ эти цѣли по большей части оказываются втихомолку такими, которыя лежатъ въ будущемъ и еще должны быть реализированы; мало того, часто онѣ оказываются прямо идеальными, никогда вполнѣ не достижимыми. Но и въ отношеніи къ этимъ цѣлямъ реалистическая этика все-таки остается реалистическою, такъ какъ она разсматриваетъ ихъ—какъ принадлежность чувственнаго міра, а не въ качествѣ трансцендентныхъ, какъ это дѣлаетъ идеализмъ, или въ качествѣ части единой сверхчувственной міровой цѣли.

### а) Практическая философія Гербарта [1]).

Что точка зрѣнія, которую въ этомъ отношеніи принимаетъ новѣйшая реалистическая этика, въ противоположность своей эмпирической предшественницѣ, является шагомъ впередъ,—это ясно, какъ день, изъ того, что прежній реализмъ находился во враждебномъ противорѣчіи со всякаго рода метафизикой, тогда какъ для болѣе новаго реализма это враждебное отношеніе уже не составляетъ необходимости. Краснорѣчивымъ свидѣтелемъ такого отношенія является самый выдающійся представитель, котораго реалистическая этика въ Германіи выставила въ началѣ этого столѣтія, Гербартъ. Конечно, и у него проявляется стремленіе, по крайней мѣрѣ, сдѣлать этику независимою отъ метафизическихъ предположеній. Онъ намѣренно оттѣняетъ то, что его этика находится внѣ всякой связи съ его метафизикой; можно слѣдовать первой, не знакомясь съ послѣднею и наоборотъ; вообще ему желательно, чтобы установили прочныя этическія убѣжденія,

[1]) Гербарта можно считать настоящимъ, но независимымъ отъ О. Конта, позитивистомъ (род. 1776 г. умеръ 1841 г.). Онъ учитъ напримѣръ, что философія должна лишь уяснить понятія, лежащія въ основѣ разныхъ наукъ. А такъ какъ эти основныя понятія могутъ стоять и въ противорѣчіи другъ съ другомъ, то философіи принадлежитъ работа ихъ исправленія, т.-е. приведеніе къ единству. Въ своемъ ученіи о познаніи онъ глубже О. Конта, ибо, подобно Канту, признаетъ, кромѣ матеріала, даваемаго опытомъ, формы, сообщаемыя опыту нашею познавательною способностью, т.-е. онъ не реалистъ въ наивномъ смыслѣ, а ближе стоитъ къ современному критическому реализму. Недостатки науки его времени, конечно, снабдили его многими идеями, которыя кажутся странными въ наше время, напримѣръ, его ученіе о реальномъ. Рец.

прежде чѣмъ обратятся къ метафизикѣ. Поэтому, въ энциклопедическомъ изложеніи своей системы онъ предпосылаетъ практическую философію теоретической. Правда, его метафизика также реалистическая, мало того, онъ самъ называетъ себя представителемъ реализма, имѣя именно въ виду свои метафизическіе взгляды. Однако, его метафизика реалистична совершенно въ иномъ смыслѣ, нежели этика; она реалистична по своей цѣли, а не по своимъ основнымъ положеніямъ. Эти положенія вытекаютъ не изъ дѣйствительности, а изъ идеальныхъ требованій; но цѣль ея такова, чтобы только реальныя событія сдѣлать понятными, и всякое вторженіе въ область трансцендентнаго, напримѣръ, понятія о Богѣ, здѣсь рѣшительно отклоняется. Этика Гербарта, напротивъ того, реалистична въ своихъ основныхъ положеніяхъ, а не въ своей цѣли. Ея положенія вытекаютъ изъ эмпирическихъ отношеній воли; въ качествѣ же нравственной цѣли понимается осуществленіе извѣстныхъ идей, которыя выводятся изъ вышесказанныхъ отношеній воли,—осуществленіе, которое никогда не можетъ исполниться совершенно ненарушимо въ опытной дѣйствительности.

Такъ какъ по Гербарту удовольствія отъ отношеній всеобщаго характера суть эстетическія, то этику онъ подчиняетъ эстетикѣ. Поэтому, его этика имѣетъ нѣкоторое сходство съ этикой Шёфтсбёри. Однако, у Гербарта совершенно самостоятельна, во первыхъ, опредѣленная классификація отношеній воли, выступающихъ въ качествѣ объектовъ одобренія, во вторыхъ, выводъ нравственныхъ идей изъ этихъ отношеній, и наконецъ, выводъ нравственной системы изъ этихъ идей [1]). Онъ различаетъ именно пять отношеній воли, пять идей и пять системъ. Такимъ образомъ: 1) качественному отношенію воли къ себѣ самой соотвѣтствуетъ идея внутренней свободы, послѣдняя же въ приложеніи ко множеству имѣющихъ волю существъ является системой одушевленнаго общества (beseelten Gesellschaft); 2) количественному отношенію воли къ себѣ самой соотвѣтствуетъ идея совершенства (Vollkommenheit), а послѣдняя въ примѣненіи къ одушевленному обществу является культуръ-системой, которая проявляется въ стремленіи къ возможно большему усовершенствованію всѣхъ отдѣльныхъ силъ; 3) представляемому отношенію собственной воли къ чужой соотвѣтствуетъ идея благоже-

[1]) Сравни: Allgemeine praktische Philosophie. Werke Bd. 8, und Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie, Absch. III, Werke, Bd. 1.

ланія и послѣдней—система управленія, въ которой преслѣдуется возможно большее благо всѣхъ; 4) дѣятельному отношенію двухъ воль къ одному объекту, составляющему предметъ желанія обѣихъ, соотвѣтствуетъ идея права, а праву, какъ системѣ,—правовое общество, рѣшающей споръ; наконецъ, 5) отношенію воли къ дѣйствительно совершонному поступку соотвѣтствуетъ идея возмездія, а послѣдней—система вознагражденія.

Непосредственная связь этики съ философіей права, къ которой Гербартъ стремится въ упомянутыхъ выводахъ, создала нѣкоторыхъ приверженцевъ его практической философіи и въ юридическихъ кружкахъ 1). Но слабая сторона этой этики заключается въ ея формализмѣ, которымъ вообще страдаетъ эстетика Гербарта. Собственно въ эстетикѣ это, быть можетъ, не въ такой сильной степени чувствительно, какъ въ этикѣ. Отношенія формы въ произведеніяхъ искусствъ суть опредѣляющіе факторы красоты (совмѣстно съ другими ея факторами), хотя часто факторы второстепеннаго достоинства, (т.-е., говоря проще, отношенія формъ нравятся сами по себѣ). Но формальныя отношенія воли сами по себѣ вовсе не составляютъ предметовъ нравственнаго одобренія или порицанія; здѣсь въ предѣлахъ одного и того же отношенія возможна какъ одобрительная оцѣнка, такъ и неодобрительная, и даже совершенно неимѣющее никакого значенія. Отношенія воли, такимъ образомъ, представляютъ собою вообще лишь наиболѣе общія формы волевой дѣятельности, которыя не имѣютъ совершенно никакого отношенія къ этическому содержанію этой дѣятельности. Такимъ образомъ, и Гербарту часто бываетъ необходимо придавать своимъ отношеніямъ воли дальнѣйшія этическія качества (предикаты), напр., доброе, похвальное и т. д., которыя должны устранить ту неопредѣленность, которая не можетъ быть уменьшена со стороны самихъ отношеній воли.

На вопросъ объ основѣ обязательнаго характера этическихъ нормъ этика Гербарта даетъ, стало быть, столь же малый отвѣтъ, какъ ея формальное опредѣленіе эстетическаго дѣлаетъ малопонятнымъ вліяніе прекраснаго на духъ человѣка. Человѣкъ, котораго строитъ Гербартъ, есть машина, холодно взвѣшивающая представленія; если его представленія приходятъ въ равновѣсіе,—онъ даетъ свое согласіе, если нѣтъ,—онъ несогласенъ.

1) Ср. ebs. Geyer. Philosophische Einleitung in die Rechtswissenschaft, in Holtzendorff's Encyclopädie d. Rechtswissensch. Syct. Theil 4 Aufl Leipzig 1882.

Что съ этимъ отношеніемъ представляемаго и желаемаго свя. зано все человѣческое счастье и несчастье, человѣкъ даже и не предчувствовалъ бы, если бы не зналъ объ этомъ совершенно другимъ путемъ .Этотъ неудовлетворительный характеръ ученія Гербарта, въ его цѣломъ, не исключаетъ вонечно, того, что въ частностяхъ его этика содержитъ много свѣтлыхъ и глубокомысленныхъ замѣчаній. Тщательное формальное подраздѣленіе различныхъ областей нравственной жизни остается не затемненною заслугой; между тѣмъ, какъ обращеніе къ опредѣленнымъ отношеніямъ воли остается натянутымъ или, по меньшей мѣрѣ, одностороннимъ.

Кромѣ того, эта философія совпадаетъ въ одномъ пунктѣ съ идеалистическою этикой того времени, и это совпаденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что здѣсь Гербартъ становится въ прямое противорѣчіе съ своею собственною метафизикой. Его метафизика индивидуалистична; она болѣе индивидуалистична, чѣмъ ея предшественница, метафизика Лейбница, съ ея ученіемъ о монадахъ. Въ ученіи о монадахъ универсальная гармонія монадъ образуетъ связь взаимной зависимости, выставляющей вновь для единичнаго бытія предѣлы въ самыхъ важныхъ отношеніяхъ. У Гербарта же эта гармонія одностороння. Единичное существо обнаруживаетъ для себя существованіе чего-либо другаго только черезъ треніе (сопротивленіе), которое оно отъ него испытываетъ, и кажется страннымъ, что самосохраненіе противъ этого тренія, которое есть основная причина всѣхъ нашихъ представленій и чувствъ, не даетъ и этикѣ Гербарта исключительно индивидуальнаго направленія. И это у Гербарта не случайно: онъ принимаетъ въ одушевленномъ обществѣ общую волю, которой подвластны всѣ отдѣльныя лица, и которую надо понимать не какъ дѣйствительную душу общества, а въ смыслѣ идеальной души, проявленія которой въ единицахъ надо понимать совершенно аналогично съ отдѣльною душой, причемъ къ этой общественной идеальной душѣ отдѣльныя души относятся такъ, какъ въ отдѣльной душѣ единичныя представленія относятся къ своему объединенному цѣлому въ единомъ сознаніи. Если устранить ту особую окраску, какую придаетъ этимъ мыслямъ метафизическій и этическій реализмъ философа, то эти мысли окажутся не особенно далекими отъ идей Гегеля, который тоже видѣлъ повсюду въ обществѣ, государствѣ и исторіи, въ единичныхъ воляхъ только носителей и воплотителей общей воли. Но если мыслитель совпадаетъ въ столь важномъ пунктѣ съ направленіями и мнѣ-

ніями столь отличными отъ остальныхъ его взглядовъ, то очевидно, что тутъ мы имѣемъ важное доказательство того, до какой степени было въ то время общимъ духомъ эпохи стремленіе устранить индивидуалистическую тенденцію въ этикѣ, стремленіе, которому не могъ противиться отдѣльный мыслитель.

h) Бэнтамъ и соціальный утилитаризмъ.

Если эта мысль нуждалась бы въ еще большемъ подтвержденіи, то его можно было бы получить въ томъ фактѣ, что совершенно подобныя же уклоненія, только въ формѣ болѣе умѣренной, т.-е. уклоненія, стремящіяся сохранить идеальныя потребности въ извѣстныхъ предѣлахъ, происходили въ новой англійской этикѣ. Здѣсь развитіе ученія коренится въ эмпиризмѣ и утилитаризмѣ школы Локка; кромѣ того, оно совпадаетъ съ прежнею шотландскою философіей Юма и Адама Смита, и поэтому даетъ извѣстное значеніе моменту чувства, хотя преобладающимъ остается все-таки локковская точка зрѣнія—размышленіе (рефлексіонная этика). Въ одномъ только отношеніи оно идетъ отдѣльно отъ этихъ мыслителей, а именно въ томъ, что полагаетъ особенное значеніе въ общемъ благѣ. Въ этомъ стремленіи оно имѣетъ корни въ первомъ основателѣ англійской философіи морали, въ Бэконѣ, но въ то же время оно разрываетъ связь съ прежнимъ эмпиризмомъ, по меньшей мѣрѣ въ своемъ пониманіи цѣли «нравственнаго»,а именно, оно разсматриваетъ эту цѣль, до извѣстной степени, какъ идеальную, которая осуществится еще въ будущемъ. Въ силу этого помѣщенія цѣлей въ будущемъ, совершится мало по малу именно въ послѣднихъ фактахъ развитія англійскаго утилитаризма, переходъ къ эволюціонной этикѣ, которая представляетъ нѣкоторое родство съ стремленіями прежней нѣмецкой философіи просвѣщенія, и особенно съ стремленіями новѣйшаго нѣмецкаго идеализма. Отъ этихъ послѣднихъ она отличается не только вполнѣ эмпирическимъ содержаніемъ мотивовъ нравственнаго, но и реалистическимъ пониманіемъ цѣли. Въ то время какъ подъ обществомъ они не представляютъ себѣ ничего инаго, кромѣ суммы индивидуумовъ, у нихъ и понятіе общественнаго блага сводится на благосостояніе всѣхъ отдѣльныхъ лицъ или большинства ихъ Такимъ образомъ, универсализмъ заключаетъ всегда индивидуалистическое основаніе.

Піонеромъ этого развитія является Іеремія Бэнтамъ. Какъ нѣкогда у Бэкона, такъ теперь у Бэнтама преобладающее зна-

ченіе имѣетъ политическая и юридическая точка зрѣнія. При этомъ онъ прямо выходитъ изъ того предположенія, что этика должна основываться на томъ же общемъ принципѣ, какъ и законодательство, и вслѣдствіе этого у него общее благо само собою выступаетъ на первый планъ этическихъ интересовъ. Но между тѣмъ, какъ Бэконъ не достаточно опредѣлилъ это понятіе общаго блага, Бэнтамъ опредѣляетъ его, какъ «возможно большее благо возможно большаго числа», или, какъ онъ еще короче это выражаетъ, какъ «максимацію счастья». Въ «возможно большемъ благѣ возможно большаго числа» лежитъ, однако, неопредѣленность. Не говоря уже о томъ, что вслѣдствіе этого, очевидно, величина общаго благополучія ставится въ зависимость отъ условій существованія, которыя сами по себѣ подлежатъ колебаніямъ,— кромѣ того, возникаетъ вообще вопросъ, что̀ имѣетъ большее значеніе при опредѣленіи максимальнаго блага: интенсивность-ли удовольствія, или его экстенсивное распространеніе и, слѣдовательно, лучше-ли, чтобы меньшее число индивидуумовъ наслаждалось самымъ высшимъ благополучіемъ, или, наоборотъ, чтобы большее число людей испытывало умѣренное благополучіе.

Бэнтамъ старается разрѣшить эту задачу тѣмъ, что прежде всего подвергаетъ подробному изслѣдованію главныя формы удовольствія и неудовольствія, начиная съ простыхъ чувственныхъ удовольствій и кончая болѣе развитыми удовольствіями, которыя имѣютъ отношеніе къ другимъ людямъ и къ жизни въ обществѣ. Это изслѣдованіе показываетъ, что удовольствіе отъ богатства настолько занимаетъ центральное положеніе, насколько оно даетъ средство, чтобы имѣть возможность вообще наслаждаться прочими формами удовольствія, каковы: чувственное наслажденіе, независимость, сила, благожеланіе и т. п. И законодательство, вслѣдствіе этого, не смотря на то, что оно должно, прежде всего, сдѣлать возможнымъ сохраненіе жизни отдѣльныхъ лицъ, на ряду съ безопасностью и равенствомъ гражданъ способствуетъ, прежде всего, ихъ благосостоянію. Въ силу того важнаго положенія, какое получаетъ благосостояніе въ системѣ благъ, когда оно не столько само является благомъ, сколько составляетъ средство для пріобрѣтенія всѣхъ прочихъ благъ, этотъ вопросъ объ отношеніи другъ къ другу интенсивности и экстенсивности блага сводится на другой: тогда-ли общее благо бываетъ бо́льшимъ, когда немногіе получаютъ наибольшее благосостояніе, или тогда, когда многіе пользуются умѣреннымъ благосостояніемъ. Бэнтамъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ изслѣдованіемъ, которое чрезвычайно напоминаетъ

«mensura sortis» Дан. Бернулли. Послѣдній, имѣя, прежде всего, въ виду лотереи, замѣтилъ, что увеличеніе удовольствія, которое получается отъ извѣстнаго выигрыша, обратно пропорціонально существовавшему раньше имуществу. Бэнтамъ дѣлаетъ болѣе общій, хотя и менѣе опредѣленный выводъ, что каждой величинѣ богатства соотвѣтствуетъ извѣстная величина блага, и что, слѣдовательно, изъ двухъ индивидуумовъ съ неодинаковымъ имуществомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, болѣе богатый во всякомъ случаѣ и болѣе счастливъ; но избытокъ счастья богатаго не такъ великъ, какъ его избытокъ въ богатствѣ. Поэтому, чѣмъ болѣе имущественное положеніе гражданъ какого-либо общества приближается къ равенству, тѣмъ больше сумма счастья. Это слѣдствіе повело бы прямо къ коммунизму, если бы Бэнтамъ не нашелъ простого, но мало удовлетворительнаго, исхода. Государство должно обезпечивать не только благосостояніе и равенство, но въ особенности безопасность гражданъ; безопасность же есть высшее благо, такъ какъ, если ему что-либо угрожаетъ, то и всѣ другія блага также находятся въ опасности. Но ничто, по мнѣнію Бэнтама, такъ не противорѣчитъ принципу безопасности, какъ колебаніе частной собственности. Такимъ образомъ, Бэнтамъ приходитъ къ замѣчательному, имъ самимъ, конечно, не высказанному, слѣдствію, что «максимація счастья», которую требуетъ его моральный принципъ, никогда не можетъ быть достигнута, ибо наивозможно-равное раздѣленіе имущества, которое было бы въ этомъ случаѣ необходимымъ условіемъ, не можетъ быть установлено вслѣдствіе связанной съ нимъ политической опасности.

Хотя Бэнтамъ и не думаетъ о томъ, чтобы счастіе приравнять къ чувственному удовольствію въ смыслѣ гедонизма, но его воззрѣнія съ этой стороны выдаются въ нѣкоторой степени важнымъ положеніемъ, которое онъ отводитъ матеріальному имуществу. Какъ бы онъ ни оттѣнялъ то, что богатство есть средство, при помощи котораго мы можемъ пріобрѣсти не только чувственныя, но и духовныя наслажденія, все-таки нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія не стоятъ въ такой безусловной зависимости отъ него, какъ первыя. Но эта-то односторонняя точка зрѣнія, что внѣшнія блага суть средство къ полученію внутреннихъ, и даетъ его мыслямъ утилитаристическое направленіе. Полезное желательно не само по себѣ, а по тѣмъ объектамъ, которые оно даетъ. Въ этомъ смыслѣ полезно, прежде всего, богатство, ибо оно не само по себѣ благо, но является лишь средствомъ къ по-

лученію другихъ благъ. Въ такомъ же смыслѣ и другія радости, входящія въ составъ человѣческаго блага, могутъ, взаимно благопріятствуя, вести за собою другія, какъ, напр., способности, дружба, сила, благожеланіе и т. д. При этомъ, конечно, всегда останется открытымъ вопросъ, каковъ же, въ концѣ концовъ, тотъ этическій субъектъ, для пользы котораго направлены всѣ эти блага, и который уже самъ не есть болѣе средство для дальнѣйшихъ цѣлей? Отвѣтъ можетъ быть только таковъ: носителемъ всѣхъ тѣхъ благъ является человѣкъ, но такъ какъ его счастіе заключается только въ этихъ полезныхъ благахъ, то отвѣтъ этотъ вращается въ кругу, ставя цѣлью то, что прежде мыслилось только какъ средство. Можно было бы искать выхода въ томъ, что послѣднимъ субъектомъ цѣли нравственнаго служитъ не отдѣльный человѣкъ, а цѣлая совокупность людей, которой служитъ каждый отдѣльный человѣкъ. Но это рѣшительно противорѣчило-бы тому предположенію Бэнтама, по которому, общее благо составляется лишь изъ суммы благополучія (Wohlseins) отдѣльныхъ людей. Кромѣ того, это положеніе само по себѣ вызываетъ еще болѣе сильное сомнѣніе именно вопросъ: въ силу чего отдѣльный человѣкъ долженъ стремиться къ этой максимаціи счастья, и почему она должна стать для него благомъ? Вѣдь, этотъ экстенсивный (распространенный на многихъ) максимумъ счастія, въ концѣ концовъ, является только мнимою величиной. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ни для кого не составляетъ добра, никто не становится отъ этого счастливымъ, развѣ только тотъ, кто создаетъ себѣ напрасный трудъ, желая этимъ путемъ увеличить сумму и своего единичнаго счастья. Но, вѣдь, отдѣльный человѣкъ, который захотѣлъ бы отказаться отъ собственной выгоды ради такой сомнительной суммы счастія, поступалъ бы вовсе не благородно, а просто глупо (absurd). Можно себѣ представить, что кто-нибудь приноситъ себя въ жертву за другаго; можно думать, что кто-нибудь отдаетъ благо и жизнь ради какой-нибудь идеальной цѣли, ради отечества, свободы, вѣры, науки. Но никогда не было и не будетъ того, чтобы кто-нибудь отказался отъ чего-либо ради того, чтобы увеличилась сумма счастія, которая есть въ мірѣ. Какъ скоро дѣло идетъ о такомъ расчетѣ, каждый выберетъ ту ближе всего лежащую къ нему дорогу къ «максимаціи счастія», на которой онъ увеличитъ свое собственное счастіе [1]).

---

[1]) Поясним эту мысль Вундта, которая выражена у него нѣсколько тя-

Соотвѣтственно этой сомнительной природѣ основной цѣли, выставленной Бэнтамомъ, ему не удалось также найти достаточнаго психологическаго мотива для стремленія къ ней. Его выводы стоятъ въ этомъ случаѣ въ серединѣ между эмоціональною и интеллектуальною этикой его предшественника. Удовольствіе и неудовольствіе являются у него, какъ свидѣтельствуетъ принципъ максимаціи счастія, не только цѣлью, но и мотивами нравственнаго поступка. «Они одни опредѣляютъ какъ то, что мы будемъ дѣлать, такъ и то, что мы должны дѣлать». Но въ качествѣ мотивовъ они выступаютъ теперь, какъ слуги разуму, который указываетъ намъ правильный путь, какъ посредствомъ нашей собственной дѣятельности и при помощи цѣлесообразнаго законодательства, не только можно увеличить наше собственное счастіе, но и счастіе нашихъ ближнихъ. Разумъ при этомъ руководится отчасти психическимъ вліяніемъ, когда мы на себѣ самихъ испытываемъ—что полезно и что вредно, отчасти же политическимъ вліяніемъ, когда уже существующее законодательство указываетъ намъ настоящій путь; къ этому присоединяется еще общественная и религіозная санкція, въ формѣ общественнаго мнѣнія и религіозной нравственной заповѣди.

Въ этихъ различныхъ санкціяхъ принципа полезности у Бэнтама, въ сущности, повторяются соотвѣтственныя различенія Локка, только съ тѣмъ исключеніемъ, что Бэнтамъ еще рѣшительнѣе предпочитаетъ естественный нравственный законъ, находимый каждымъ въ собственномъ разумѣ. Между тѣмъ, какъ Локкъ указываетъ еще исключительное положеніе, по меньшей мѣрѣ, для религіозной заповѣди, у Бэнтама всѣ указанныя санкціи имѣютъ свой источникъ въ разумномъ размышленіи. Такимъ образомъ, и у него интеллектуальные мотивы являются господствующими. Въ этомъ смыслѣ изслѣдуя мотивы безкорыстной дѣятельности, онъ приписываетъ значеніе не только благожеланію,

---

жело: онъ хочетъ сказать, что если общее благо, какъ его и понималъ Бэнтамъ, есть лишь мое же личное благо, т.-е. сумма единичныхъ благъ, то, стало быть, и всякій, работающій для общаго блага, работаетъ на самомъ дѣлѣ для себя, ибо общаго блага, по Бэнтаму—нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же я буду создавать себѣ лишнюю работу—увеличивать общее благо, чтобы потомъ изъ него получить себѣ малую долю, когда я тѣ же усилія могу прямо направить на личное благо. Зачѣмъ я пойду такимъ окольнымъ путемъ къ какой-то сомнительной суммѣ, изъ которой и мнѣ достанется сомнительная часть, когда я прямо могу работать на себя. Таково внутреннее противорѣчіе эгоистической этики. Ред.

но и стремленію къ доброй славѣ, и потребности удовольствій и согласія съ предписаніями религіи; поэтому же онъ рѣшаетъ вмѣстѣ съ Локкомъ и Гоббсомъ также вопросъ о томъ, почему мы можемъ общее благо предпочитать собственному: первоначально-де эгоизмъ представляетъ единственный мотивъ, заправляющій человѣкомъ, но размышленіе скоро научаетъ его, что полезно передъ міромъ к а з а т ь с я безкорыстнымъ. А такъ какъ простое притворство ведетъ за собой опасность обличенія въ лицемѣріи, то, въ концѣ концовъ, оказывается полезнымъ—быть дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ раньше только казался.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое возникновеніе дѣйствительной добродѣтели изъ кажущейся, до извѣстной степени, можетъ встрѣчаться. Но чтобы этотъ путь установить—какъ общую норму развитія, это противорѣчило бы самому себѣ. На почвѣ дѣйствительности можетъ быть обманъ, но изъ простаго обмана не можетъ произойдти никакая дѣйствительность. Этотъ выводъ безкорыстнаго поступка напоминаетъ въ нѣкоторой степени излюбленный также въ XVIII столѣтіи выводъ религіи изъ обмана жрецовъ, и выросшія на этой почвѣ теоріи Мандевилля и Гельвеція. Косвенно, упомянутый выше ошибочный выводъ показываетъ, что изъ положеній самого Бэнтама объяснимы только эгоистическія, но не безкорыстные поступки. Но въ то же время длинная цѣпь разумныхъ размышленій, которыя должны вести къ тому, чтобы содѣйствіе общему благу являлось полезнымъ для собственныхъ интересовъ, и даже то содѣйствіе, которое совершается безъ эгоистическаго разсчета, считать самымъ полезнымъ,—показываетъ, какъ велико участіе, которое здѣсь признается за размышленіемъ. Въ этомъ отношеніи характеристично то, что естественное отношеніе между мотивами и цѣлями нравственности въ утилитарной морали Бэнтама совершенно извращается. Естественнымъ мы называемъ такое отношеніе, когда мотивами нравственнаго поступка становятся чувствованія, а цѣлями его какое-нибудь упорядоченіе, которое, какъ съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлой совокупности людей, оправдывается передъ трибуной разумнаго размышленія. У Бэнтама, наоборотъ, мотивы нравственнаго покоятся на разумномъ размышленіи, цѣли же полагаются исключительно въ области чувства, въ ощущеніи удовольствія и неудовольствія у отдѣльнаго человѣка.

Выдающимся послѣдователемъ Бэнтама является Д ж о н ъ С т ю а р т ъ М и л л ь, который почти во всѣхъ пунктахъ идетъ по его слѣдамъ. Насколько онъ уступаетъ Бэнтаму въ оригиналь-

ности и часто въ основательности, настолько превосходитъ его въ формѣ изложенія. Поэтому, благодаря Миллю, какъ въ Англіи, такъ и внѣ ея, почти впервые становится популярнымъ ученіе Бэнтама. Дальнѣйшее развитіе утилитаризма предпринято имъ, главнымъ образомъ, въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, онъ рельефнѣе Бэнтама выставляетъ различное достоинство различныхъ формъ удовольствія и въ томъ числѣ достоинство духовнаго наслажденія выставляетъ, какъ значительно перевѣшивающее другія. Соотвѣтственно этому чрезмѣрное значеніе внѣшняго богатства отступаетъ назадъ; Милль не примыкаетъ также и къ заключительнымъ выводамъ Бэнтама, вытекающимъ изъ равенства благъ. Вслѣдствіе этого, конечно, его этика встрѣчается съ новою трудностью, которую онъ съ своей точки зрѣнія можетъ разрѣшить только весьма неудовлетворительно. Возникаетъ именно вопросъ, чѣмъ различается благо этически цѣнное отъ добра, не имѣющаго этической цѣнности. Милль не знаетъ никакого другого отвѣта на это, кромѣ ссылки на большинство голосовъ. То изъ двухъ благъ, которое для всѣхъ людей составляетъ предметъ преимущественнаго стремленія, является, въ дѣйствительности, преимущественнымъ. «Общественное мнѣніе», которое впервые вводится Локкомъ, какъ форма санкціи нравственнаго закона, обращается Миллемъ прямо въ рѣшающій факторъ его. Но, что рѣшеніе большинства голосовъ дѣйствительно склоняется въ пользу предпочитаемыхъ Миллемъ духовныхъ благъ, этого онъ не доказалъ, и можно даже сомнѣваться въ справедливости этого предположенія. Это должно бы случиться, если бы голоса не считать, а взвѣшивать. Но что же взять въ такомъ случаѣ масштабомъ этого взвѣшиванья, какъ не самый результатъ того же голосованія?

Второй пунктъ, въ которомъ Милль улучшаетъ ученіе Бэнтама, касается отношенія мотива и цѣли нравственнаго. Благодаря тому, что Милль расположилъ блага по разнымъ степенямъ ихъ достоинства, у него для цѣли неизбѣжна разумная предусмотрительность, хотя онъ, вопреки интуитивнымъ системамъ морали, напираетъ на относительное право каждой формы удовольствія, даже и чувственной, а потому не считаетъ совершеннымъ ни одно счастіе, которое смущается какою-нибудь примѣсью неудовольствія. Напротивъ, въ сферѣ мотивовъ онъ старается уяснить значеніе чувствъ, причемъ принимаетъ соціальныя чувства, которыя заставляютъ насъ инстинктивно дѣлать справедливое, не требуя каждый разъ размышленія о причинахъ и

слѣдствіяхъ поступка. Однако, чувство, по Миллю, не только не идетъ впередъ результатовъ размышленія, но оно само вытекаетъ изъ прошедшаго размышленія, будетъ-ли это наше собственное, или другихъ людей, дѣйствующихъ на насъ примѣромъ и ученіемъ. Мы привыкаемъ, такимъ образомъ, дѣлать полезное, иногда не предвидя пользы, хотя полезное дѣйствіе будетъ совершеннѣе, если и предусмотрительность соединится съ инстинктомъ. Въ этомъ смыслѣ Милль старается доказать, что и всѣ другія интуитивныя и теологическія системы морали безсознательно имѣютъ въ своей основѣ принципъ пользы, такъ какъ всякое практическое нравственное ученіе въ конечномъ выводѣ необходимо приводитъ всегда къ этому принципу, допускался-ли онъ въ качествѣ мотива, или нѣтъ. Это допущеніе того, что мы можемъ дѣйствовать по цѣлесообразнымъ мотивамъ, не сознавая, однако, цѣли ихъ, очевидно, имѣетъ не малыя затрудненія, если вмѣстѣ съ Миллемъ предположить, что въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи этотъ соотвѣтствующій цѣли мотивъ и его развѣтвленія должны каждый разъ вновь развиваться до инстинктивнаго мотива чувства. Напротивъ, трудность значительно уменьшится, если принять связную цѣпь индивидуумовъ, благодаря которой пріобрѣтеніе прежнихъ родовъ переходитъ къ потомкамъ, въ готовой-ли формѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ зародышѣ.

Такимъ образомъ, утилитаризмъ приводитъ къ эволюціонизму, и притомъ субъективному эволюціонизму, насколько нравственное развитіе мыслится здѣсь совершающимся въ сознаніи индивидуумовъ. Субъективный эволюціонизмъ составляетъ противоположность съ возникшимъ въ первой половинѣ этого столѣтія на метафизической основѣ объективнымъ эволюціонизмомъ, въ которомъ развитіе нравственности совпадаетъ съ поступательными шагами духовнаго развитія во всеобщемъ. Главнѣйшимъ представителемъ упомянутаго субъективнаго эволюціонизма въ новѣйшей англійской этикѣ является Гербертъ Спенсеръ.

### c) Вліяніе ученія о развитіи на утилитаристическую этику.

Вся философская система Герберта Спенсера построена на основныхъ идеяхъ ученія о развитіи. Спенсеръ, какъ онъ самъ выставляетъ на видъ, понялъ и высказалъ эту мысль раньше, нежели появились труды Дарвина, проложившіе дорогу этому ученію. Тѣмъ не менѣе, работы Дарвина не остались безъ

вліянія на развитіе системы, и особенно это можно сказать объ этикѣ, т. е., именно о той части системы, которою Спенсеръ занялся напослѣдокъ и которую онъ до сихъ поръ затрогивалъ только въ бѣглыхъ очеркахъ.

Этическія воззрѣнія Спенсера совершенно подчиняются понятію Дарвина о приспособленіи и наслѣдственности. Сообразно съ принципомъ приспособленія, нравственное у него совпадаетъ съ полезнымъ, а послѣднее съ пригоднымъ для существующихъ условій человѣческой жизни. Такъ какъ эти условія жизни перемѣнчивы, то по Миллю, и нравственныя представленія постоянно видоизмѣняются, и объ абсолютномъ, имѣющемъ значеніе для всѣхъ временъ, нравственномъ законѣ не можетъ быть и рѣчи, хотя нельзя отрицать и того, что есть поступки, которые во всѣ времена признаются вредными, и такіе, которые во всѣ времена признаются полезными, подобно тому, какъ и физическая организація на ея различныхъ ступеняхъ развитія представляетъ въ отношеніи къ извѣстнымъ самымъ общимъ условіямъ жизни сходное отношеніе.

Принципъ приспособленія приводитъ, такимъ образомъ, Спенсера къ утилитаристическому релятивизму (относительности), который ясно проглядываетъ и у другихъ приверженцевъ утилитаристическаго направленія до него. Только относительное достоинство нравственнаго понятія Спенсеръ оттѣняетъ особенно энергично, и потому у него яснѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, выступаютъ двѣ слабыя стороны утилитаристическаго направленія. Первая заключается въ томъ, что не указывается специфическаго значенія нравственнаго въ противоположность другимъ формамъ полезнаго, которымъ наше сознаніе не приписываетъ никакой этической цѣны. Уже животнымъ, по понятію Спенсера, должна быть приписана моральность, поскольку они вообще предпочитаютъ, что имъ полезно, и избѣгаютъ того, что имъ вредно, и у людей каждое отвращеніе отъ внѣшней опасности, побуждаемое инстинктомъ или самою обычною житейскою мудростью, является нравственнымъ поступкомъ.

Вслѣдствіе этого, понятіе нравственнаго получило такое необычайное расширеніе, что заключило въ себѣ почти всѣ нормальныя жизненныя явленія, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, при которыхъ вообще воля играетъ роль. Правда, Спенсеръ сознается, что вообще полезнѣе и потому нравственнѣе предпочесть выгодѣ мгновенной, хотя бы она на первый взглядъ казалась большею, выгоду выступающую позднѣе, но болѣе постоянную. Но онъ

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY